

М. Вермионтов

Собрание сочинений // Государственное издательство Художественной литературы, 1957
FB2: jurgennt, MMVI, version 1.0
UUID: JSP20060906-0F15-4F17-93E5-E874FA7F7C34
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Юрьевич Лермонтов

Стихотворения

Содержание

Том I0005
Стихотворения (1828-1836)0005
Стихотворения (1837-1841)0378
Стихотворения разных лет0512
Приложения0519
Том II0552
Поэмы0552
Юнкерские стихи1288

Стихотворения

Том I

Стихотворения (1828-1836)

1828
Осень

*Листья в поле пожелтели,[1]
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникши ели
Зелень мрачную хранят.*

*Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.*

*Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.*

Заблуждение Купидона

Однажды женщины Эрота ото-
драли;[2]
Досадой раздражен, упрямое ди-
тя,
Напрягши грозный лук и за обиду
мстя,
Не смея к женщинам, к нам
ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднейшей,
стремит.
Ваш подлый род один! — безум-
ный говорит.
С тех пор-то женщина любви не
знает!..
И точно как рабов считает нас
она...
Так в наказаниях всегда почти бы-
вает:
Которые смирней, на тех падет
вина!..

Цевница

На склоне гор, близ вод, прохо-
жий, зрел ли ты
Беседку тайную, где грустные

мечты
Сидят задумавшись? Над ними
свод акаций:
Там некогда стоял алтарь и муз
и граций,
И куст прелестных роз, взлелеян-
ных весной;
Там некогда, кругом черемухи
млечной
Струя свой аромат, шумя, с при-
брежной ивой
Шутил подчас зефир и резвый и
игривый.
Там некогда моя последняя любо-
во
Питала сердце мне и волновала
кровь!..
Сокрылось все теперь: так поут-
ру туманы
От солнечных лучей редуют средь
поляны.
Исчезло все теперь; но ты оста-
лось мне,
Утеха страждущих, спасенье в
тишине,
О милое, души святое воспомина-
нье!
Тебе ж, о мирный кров, тех дней,

*когда страданье
Не ведало меня, я сохранил залог,
Который умертвить не может
грозный рок,
Мое веселие, уж взятое гробницей,
И ржавый предков меч с задумчи-
вой цевницей!*

Поэт

Державцов. «Вульфертский портрет»

*Когда Рафаэль вдохновенный[3]
Пречистой девы лик священный*

Живую кистью окончал, —
Своим искусством восхищенный
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой
Он забывал огонь небесный.

Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет, и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! Души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Все тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит
Первоначальны впечатленья.

1829
К П...ну

Забудь, любезный П<етерссо>н,[4]
Мои минувшие сужденья;
Нет! недостойн бедный свет пре-

зренья,
Хоть наша жизнь минута сновиденья,
Хоть наша смерть струны порванной звон.
Мой ум его теперь ценить иначе
станет.
Навряд ли кто-нибудь из нас
страну узрит,
Где дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.
Зачем же все в сем мире бросить,
Зачем и счастья не найти:
Есть розы, друг, и на земном пути!
Их время злобное не все покосит!..
Пусть добродетель в прах падет,
Пусть будут все мольбы творцу
бесплодны,
Навеки гений пусть умрет, —
Везде утехи есть толпе просто-
народной;
Но тот, на ком лежит уныния
печать,
Кто, юный, потерял лета златые,
Того не могут услаждать
Ни дружба, ни любовь, ни песни

боевые!..

К Д...ну

*Я пробежал страны России,[5]
Как бедный стражник меж лю-
дей,
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю, —
И больше им не доверяюсь!..*

Посвящение Н. Н.

*Вот, друг, плоды моей небрежной
музы![6]
Оттенок чувств тебе несу я в
дар.
Хоть ты презрел священной
дружбы узы,*

Хоть ты души моей отринул
жар...
Я знаю все: ты ветрен, безрассу-
ден,
И ложный друг уж в сеть тебя за-
влек;
Но вспоминай, что путь ко сча-
стью труден
От той страны, где царствует
порок!..
Готов на все для твоего спасенья!
Я так клялся и к гибели летел;
Но ты молчал и, полный подозре-
нья,
Словам моим поверить не хо-
тел...
Но час придет, своим печальным
взором
Ты все прочтешь в немой душе
моей;
Тогда — беги, не трать пустых
речей, —
Ты осужден последним пригово-
ром!..

Пир

*Приди ко мне, любезный друг,[7]
Под сень черемух и акаций,
Чтоб разделить святой досуг
В объятьях мира, муз и граций:
Не мясо тучного тельца,
Не фрукты Греции счастливой
Увидишь ты; не мед, не пиво
Блеснут в стакане пришлеца;
Но за столом любимца Феба
Пирует дружба и она;
А снесь — кусок прекрасный хлеба
И рюмка красного вина.*

Веселый час

(Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы)

*Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне*

И чаши осушайте,
Любви в безумном сне
Как прежде утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте!..
Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличный стол,
И шаткий <О> старинный;
И музыкой ослиной
Скрыпит повсюду пол.
В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню кого придется,
Хвалю кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удастся!
Иль если крыса, в ночь,
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь — и тут!..
Послыша глас тревоги,
Она — давай бог ноги!..

*Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смешу — и тем сытей
Всегда почти бываю.
Тогда я припеваю
«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.
Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час!..»*

К друзьям

*Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.
Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.
Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит..
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.*

Роман

Коварной жизнью недовольный, [8]
Обманут низкой клеветой,
Летел изгнанник самовольный
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, — сказал он, —
друзи?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?
Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Загладят в памяти моей:
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?
Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции скалах,
И в граде Рима многолюдном
Все будешь ты в моих очах!»
В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал!

Портреты

Лермонтов в вицмундире лейб-гвардии Гусарского полка.

1834. Художник Ф. О. Будкин

Он не красив, он не высок;[9]
Но взор горит, любовь сулит;
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать стра-
стей.
Власы из нем, как смоль, черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они:
Лютют без слов язык богов!..

И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной!
Не любит он и славы дым:
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще: вновь
Клянет он мир, где вечно сир,
Коварность, зависть и любовь!..
Все продлял он как лживый сон,
Как призрак дымных мечты.
Холодный ум, средь мрачных дум,
Не тронут слезы красоты.
Везде один, природы сын,
Не знал он друга меж людей:
Так жертву средь сухих степей
Мчит бури ток сухой листок.
Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен.
Любезен, горд, сердит порой.

Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет.
А щечки — полненькие сливы,

Так говорит докучный свет.
Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник бога и людей;
Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение — злодей!..
Все в мире суета, он мнит, или
отрава,
Возвышенной души предмет
стремленья слава.
Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоки питает, —
Не знает он тайны природы.
Открытен всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.
Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..

К гению

Когда во тьме ночей мой, не смы-
каясь, взор[10]
Без цели бродит вокруг, прошедших
дней укор
Когда зовет меня невольно к вспо-
минанью:
Какому тяжкому я предаюсь
мечтанью!..
О, сколько вдруг толпой теснит-
ся в грудь мою
И теней и любви свидетелей!..
Люблю!
Твержу, забывшись, им. Но, пол-
ный весь тоскою,
Неверной девы лик мелькает пре-
до мною...
Так, счастье ведал я, и сладкий
миг исчез,
Как гаснет блеск звезды падучей
среди небес!
Но я тебя молю, мой неизменный
Гений:
Дай раз еще любить! дай жаром
вдохновений
Согреться миг один, последний, и
тогда
Пускай остынет пыл сердечный
навсегда.

Но прежде там, где вы, души моей
царицы,
Промчится звук моей задумчивой
цевницы!

Молю тебя, молю, хранитель
мой святой,
Над яблоней мой тирс и с лирой
золотой

Повесь и начерти: здесь жили
вдохновенья!

Певец знавал любви живые упое-
нья...

...И я приду сюда и не узнаю вас,
О струны звонкие! ...

.....

Но ты забыла, друг! когда порой
ночной

Мы на балконе там сидели. Как
немой,

Смотрел я на тебя с обычной пе-
чалью.

Не помнишь ты тот миг, как я,
под длинной шалью

Сокрывши голову, на грудь твою
склонял —

И был ответом вздох, твою я ру-
ку жал —

И был ответом взгляд и страст-

ный и стыдливый!
И месяц был один свидетель мол-
чаливый
Последних и невинных радостей
моих!..
Их пламень на груди моей давно
затих!..
Но, милая, зачем, как год прошел
разлуки,
Как я почти забыл и радости и
муки,
Желаешь ты опять привлечь ме-
ня к себе?..
Забудь любовь мою! покорна будь
судьбе!
Кляни мой взор, кляни моих вос-
торгов сладость!..
Забудь!.. пускай другой твою укра-
сит младость!..
Ты ж, чистый житель тех неиз-
меримых стран,
Где стелется эфир, как вечный
океан,
И совесть чистая с беспечностью
драгою,
Хранители души, останьтесь ввек
со мною!
И будет мне луны любезен том-

ный свет,
Как смутный памятник прошед-
ших, милых лет!..

Покаяние Дева

— Я пришла, святой отец,
Исповедать грех сердечный,
Горесть, роковой конец
Счастья жизни скоротечной!..

Поп

— Если дух твой изнемог,
И в сердечном покаянье
Излиешь свои страданья:
Грех простит великий бог!..

Дева

— Нет, не в той я здесь надежде,
Чтобы сбросить тягость бед:
Все прошло, что было прежде, —
Где ж найти уплывших лет?
Не хочу я пред небесным
О спасенье слезы лить
Иль спокойствием чудесным
Душу грешную омыть;
Я спешу перед тобою

Исповедать жизнь мою,
Чтоб не умертвить с собою
Все, что в жизни я люблю!
Слушай, тверже будь... скрепися,
Знай, что есть удар судьбы;
Но над мною не молился:
Не достойна я мольбы.
Я не знала, что такое
Счастье юных, нежных дней;
Я не знала о покое,
О невинности детей:
Пылкой страсти возделенью
Я была посвящена,
И геенскому мученью
Предала меня она!..
Но Любви тайна сладость
Укрывалася от глаз;
Вслед за ней бежала младость,
Как бежит за часом час.
Вскоре бедствие узнала
И ничтожество свое:
Я любовью торговала
И не ведала ее.
Исповедать грех сердечный
Я пришла, святой отец!
Счастья жизни скоротечной
Вечный роковой конец.

Поп

— Если таешь ты в страданье,
Если дух твой изнемог,
Но не молишь в покаянье:
Не простит великий бог!..

Письмо

Свеча горит! дрожащею рукою
[11]
Я окончал заветные черты,
Болезнь и парка мчались надо
мною,
И много в грудь теснилось — и
ты
Напрасно чашу мне несла здоро-
вья,
(Так чудилось) с веселием в глазах,
Напрасно стала здесь у изголовья,
И поцелуй любви горел в устах.
Прости навек! — Но вот одно же-
ланье:
Приди ко мне, приди в последний
раз.
Чтоб усладить предсмертное
страданье,
Чтоб потушить огонь сомкну-
тых глаз,

Чтоб сжать мою хладеющую руку...

Далеко ты! не слышишь голос мой!

Не при тебе узнаю смерти муку!
Не при тебе оставлю мир земной!
Когда ж письмо в очах твоих печальных

Откроется... прочтешь его... тогда,

Быть может, я, при песнях погребальных,

Сойду в мой дом подземный навсегда!..

Но ты не плачь: мы ближе друг от друга,

Мой дух всегда готов к тебе летать

Или в часы беспечного досуга
Сокрыты прелести твои лобзать...

Настанет ночь; приедешь из соборанья

И к ложу тайному придешь одна;
Посмотришь в зеркало, и жар дыханья

Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнет огонь на девственные ла-

ниты,
К груди молодой прильнет без-
вестный дух,
И над головой мелькнет призрак
забытый,
И звук влетит в твой удивленный
слух.

Узнай в тот миг, что это я из
гроба
На мрачное свиданье прилетел:
Так, душная земли немой утроба
Не всех теней презрительный
удел!..

Когда ж в санях, в блистатель-
ном катанье,
Проедешь ты на паре вороных;
И за тобой в любви живом стра-
данье
Стоит гусар безмолвен, мрачен,
тих;
И по груди обоих вас промчится
Невольный хлад, и сердце заки-
пит,
И ты вздохнешь, гусара взор за-
тмится,
Он черный ус рукою закрутит;
Услышишь звук военного метал-
ла,

Увидишь бледный цвет его чела:
То тень моя безумная предстала
И мертвый взор на путь ваш наве-
ла!..

Ах! много, много я сказать же-
лаю;

Но медленно слабеет жизни дух.
Я чувствую, что к смерти под-
ступаю,

И — падает перо из слабых рук...
Прости!.. Я бегал за лучами сла-
вы,

Несчастливо, но пламенно любил,
Все изменило мне, везде отравы,
Лишь лиры звук мне неизменен
был!..

Война

Зажглась, друзья мои, война;[12]
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!
Простите, шумные пиры,
Хвалы достойные напевы,
И Вакха милые дары,
Святая Русь и красны девы!

*Забуду я тебя, любовь,
Сует и юности отравы,
И полечу, свободный, вновь
Ловить венок небренной славы!*

Русская мелодия

1

*В уме своем я создал мир иной[13]
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им назва-
нья;
Вдруг зимних бурь раздался гроз-
ный вой,
И рушилось неверное созданье!..*

2

*Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный и свободный!..*

3

*Он громкий звук внезапно разда-
ет,
В честь девы милой сердцу и пре-
красной —*

*И звук внезапно струны оборвет,
И слышится начало песни! — но
напрасно! —
Никто конца ее не допоеет!..*

Песня

*Светлый призрак дней минувших,
Для чего ты
Пробудил страстей уснувших
И заботы?
Ты питаешь сладострастья
Скоротечность!
Но где взять бывшее счастье
И беспечность?..
Где вы, дружески обеты
И отвага?
Поглотились бездной Леты
Эти блага!..
Щеки бледностью, хоть молод,
Уж покрылись;
В сердце ненависть и холод
Водворились!*

К...

Не привлекай меня красотой! [14]
Мой дух погас и состарелся.
Ах! много лет как взгляд другой
В уме моем напечатлелся!..
Я для него забыл весь мир,
Для сей минуты незабвенной;
Но я теперь, как нищий, сир,
рожу один, как отчужденный!
Так путник в темноте ночной,
Когда узрит огонь блудящий,
Бежит за ним... схватил рукой...
И — пропасть под ногой скольз-
ящей!..

Романс

Невинный нежною душою, [15]
Не зная в юности страстей
прилив,
Ты можешь, друг, сказать, с ка-
кой-то простотою:
Я был счастлив!..

Кто, слишком рано насладив-
шись,
Живет, в душе негодование скрыв,

*Тот может, друг, еще сказать,
забывшись:
Я был счастлив!..*

*Но я в сей жизни скоротечной
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосер-
дечно:
Я был счастлив!*

Три ведьмы

(Из «Макбета» Ф. Шиллера)[16]

Первая

*Попался мне один рыбак:
Чинил он весел, сети!
Как будто в рубище, бедняк,
Имел златые горы!
И с песнью день и ночи мрак
Встречал беспечный мой рыбак.
Я ж поклялась ему давно,
Что все сердит меня одно...
Однажды рыбу он ловил,
И клад ему попался;
Клад блеском очи ослепил,
Яд черный в нем скрывался;*

*Он взял его к себе на двор:
И песен не было с тех пор!*

Другие две

*Он взял врага к себе на двор:
И песен не было с тех пор!*

Первая

*И вот где он, там пир горой,
Толпа увеселений —
И прочь, как с крыльями, покой
Быстрей умчался тени.
Не знал безумец молодой,
Что деньги ведьмы — прах пу-
стой!*

Вторая и третья

*Не знал, глупец, средь тех минут,
Что наши деньги в ад ведут!..*

Первая

*Но бедность скоро вновь бежит,
Друзья исчезли ложны;
Он прибегал, чтоб скрыть свой
стыд,
К врагу людей, безбожный!
И на дороге уж большой
Творил убийство и разбой...*

Я ныне близ реки иду
Свободною минутой:
Там он сидел на берегу,
Терзаясь мукой лютой!..
Он говорил: «Мне жизнь пуста!
Вы отращений полны,
Блаженства, злата!.. вы мечта!..
И забелели волны.

К Нине

(Из Шиллера)[17]

Ах! сокрылась в мрак ненастный
Счастья прошлого мечта!..
По одной звезде прекрасной
Млею, бедный сирота.
Но как блеск звезды моей,
Ложно счастье прежних дней.
Пусть навек с златым мечта-
ньем,
Пусть тебе глаза закрыть,
Сохраню тебя страданьем:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! ты любишь свет:
И любви моей как нет!
Может ли любви страданье,

Нина! некогда пройти?
Бури света волнованье
Чувств горячих унести?
Иль умрет небесный жар,
Как земли ничтожный дар?..

К Н. Н.

Ты не хотел! но скоро волю рока
[18]
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека,
Но ты тогда совсем мой взор пой-
мешь;
Но он тебе, как меч, как яд, опа-
сен;
Захочешь ты проступку вновь по-
мочь;
Нет, поздно, друг, твой будет
труд напрасен:
Обратно взор тебя отгонит
прочь!..
Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во
сне;
Никто со мной делить не будет

скуку;
Таких друзей не надо больше мне;
Ты хладен был, когда я зрел несча-
стье
Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе
ты,
И не пробудится в душе моей уча-
стье!..

Наполеон

Где бьет волна о брег высокой,[19]
Где дикий памятник небрежно по-
ложен,
В сырой земле и в яме неглубокой
—
Там спит герой, друзья! — Напо-
леон!..
Вещают так: и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн при-
брежных стон!..

Но вот полночь свинцовый свой
покров
По сводам неба распустила,

*И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребри-
ла.*

*Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробуж-
дать,
Он арфу взял, запел, ударил в
струны...*

*«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук
мечей
Гремел, носился глас его священ-
ный?
Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолюбие, и кровь, и гул воен-
ный;
А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его
хранить!*

*Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражал-*

ся?
И скипетром стальным короны
разбивал?
Зачем шутил граждан спокойных
кровью,
Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принуж-
денный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов — но... воин
дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стена-
ми...
Бежал!.. и скрыл за дальними мо-
рями
Следы печальные твоих высоких
дум.

.....

Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас:
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир ве-
сенний,

Безвестный гость, дубравный со-
ловей,
Порою издает томительные зву-
ки,
В них слышны: слава прежних
дней,
И голос нег, и голос муки!..
Когда уже едва свет дневный от-
ражен
Кристалльною играющей волною
И гаснет день: усталую стопую
Идет рыбак берегов на тихий
склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый
истлевает,
Не перестав простую песню
петь...»

.....

Вдруг!.. ветерок... луна за тучи за-
бежала...
Умолк певец. Струится в жилах
хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему
предстала:
«Умолкни, о певец! — спеши отсю-

да прочь, —
С хвалой иль язвою упрека:
Мне все равно; в могиле вечно
ночь.
Там нет ни почестей, ни счастья,
ни рока!
Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие по-
томки:
Я презрю песнопенья громки;
Я выше и похвал, и славы, и лю-
дей!..»

Пан

(В древнем роде)[20]

Люблю, друзья, когда за речкой
гаснет день,
Укрывшись лесов в таинственную
сень,
Или под ветвями пустынные ря-
бины,
Смотреть на синие, туманные
равнины.
Тогда приходит Пан с толпою
пастухов;
И пляшут вокруг меня на бархате

лугов.

Но чаще бог овец ко мне в уедине-
нье

Является, ведя святое вдохнове-
нье:

Главу рогатую ласкает легкий
хмель,

В одной руке его стакан, в другой
свирель!

Он учит петь меня; и я в тиши
дубравы

Играю и пою, не зная жажды сла-
вы.

Жалобы турка

(Письмо. К другу, иностранцу)[21]

Ты знал ли дикий край, под зной-
ными лучами,

Где рощи и луга поблекшие цве-
тут?

Где хитрость и беспечность злобе
дань несут?

Где сердце жителей волнуемо
страстями?

И где являются порой

Умы и хладные и твердые, как ка-

мень?
Но мощь их давится безвремен-
ной тоской,
И рано гаснет в них добра спокой-
ный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает
для людей,
Там за утехами несется укориз-
на,
Там стонет человек от рабства
и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

Р. С.
Ах! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? — Все мы челове-
ки!..

К Н. ***

Не играй моей тоской,[22]
И холодной и немой.
Для меня бывает время:
Как о прошлом вспомню я,

Сердце (бог тому судья)
Жмет неведомое бремя!..
Я хладею и горю,
Сам с собою говорю;
Внемлю смертному напеву;
Я гляжу на бег реки,
На удар моей руки,
На поверженную деву!
Я ищу в ее глазах,
В изменившихся чертах,
Искру муки, угрызенья;
Но напрасно! злобный рок
Начертать сего не мог,
Чтоб мое покоить мщенье!

Черкешенка

Врубель. *Восточная сюита*

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —

*Взор деви сердце приковал;
И мысль невольно улетает
Бродить средь милых, дальних
скал...*

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид:
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

Ответ

Кто муки знал когда-нибудь
И чьи к любви закрылись вежды,
Того от страха и надежды
Вторично не забьется грудь.
Он любит мрак уединенья.
Он больше незнаком с слезой,
Пред ним исчезли упоенья
Мечты бесплодной и пустой.
Он чувств лишен: так пень лес-
ной,
Постигнут молнией, догорает,
Погас — и скрылся жизни сок,
Он мертвых ветвей не питает, —
На нем печать оставил рок.

Два сокола

Степь, синяя, расстилась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов.
И, трянувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
«Ах, я свет возненавидел
И безжалостных людей».
«Что ж ты видел там худого?»
«Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милого,
Для детей тиран отец.
Девы мукой слез правдивых
Веселятся как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!»
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена,
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.

Гордость, верь ты мне, прекрас-
ной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

Грузинская песня

Жила грузинка молодая,[23]
В гареме душном увядая;
Случилось раз:
Из черных глаз
Алмаз любви, печали сын,
Скатился:
Ах, ею старый армянин
Гордился!..
Вокруг нее кристалл, рубины;
Но как не плакать от кручины
У старика?
Его рука Ласкает деву всякий
день:
И что же? —
Скрываются красы как тень.
О боже!..
Он опасается измены.
Его высоки, крепки стены;
Но все любовь

Презрела.
Вновь
Румянец на щеках живой
Явился.
И перл между ресниц порой
Не бился...
Но армянин открыл коварность,
Измену и неблагодарность
Как перенесть!
Досада, месть,
Впервые вас он только сам
Изведал!
И труп преступницы волнам
Он предал.

Мой демон

Врубель. Голова демона

Собранье зол его стихия.[24]
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетев-
ших,
Стоит его недвижимый трон;
На нем, средь ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.

*Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моления отвергает,
Он равнодушно видит кровь
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.*

Жена Севера

*Покрота таинств легкой сеткой,
Меж скал полуночной страны*

*Она являлася нередко
В года волшебной старины.
И Финна дикие сыны
Ей храмины сооружали,*

Как грозной дочери богов,
И скальды северных лесов
Ей вдохновенье посвящали.
Кто зрел ее, тот умирал.
И слух в угрюмой полуночи
Бродил, что будто как металл
Язвили голубые очи.
И только скальды лишь могли
Смотреть на деву издали.
Они платили песнопеньем
За пламенный восторга час;
И пробужден немым виденьем
Был строен их невнятный глас!..

К другу

Взлелеянный на лоне вдохновенья,
[25]
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пусто-
го сна.
Не буду я счастливым близ пре-
красной;
Но ты меня не спрашивай напрас-
но:

Ты, друг, узнать не должен, кто
она.
Навек мы с ней разлучены судь-
бою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою,
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшия дубравы
Не кается еще в своих грехах:
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож крова-
вый!..
Стремится медленно толпа лю-
дей,
До гроба самого от самой колы-
бели,
Игралищем и рока и страстей,
К одной, святой, неизъяснимой це-
ли.
И я к высокому в порыве дум жи-
вых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставляю их...

Элегия

О! Если б дни мои текли
Па лоне сладостном покоя и за-
бвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмиря мое воображе-
нье,
Мной игры младости любимы
быть могли,
Тогда б я был с весельем неразлу-
чен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни по-
хвал.
Но для меня весь мир и пуст и
скучен,
Любовь невинная не льстит душе
моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живут хоть колкостью
своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от
страданий,
От преждевременных страстей!..
Глядися чаще в зеркала,
Любуйся милыми очами,
И света шумная хвала
С моими скромными стихами

*Тебе покажутся ясней...
Когда же вздох самодовольный
Из груди вырвется невольно,
Когда в молодой душе своей
Самолюбивые волненья
Не будешь в силах утаить:
Мою любовь, мои мученья
Ты оправдаешь, может быть!..*

К ***

*Мы снова встретились с тобой...
Но как мы оба изменились!..
Года унылой чередой
От нас невидимо сокрылись.
Ищу в глазах твоих огня.
Ищу в душе своей волненья.
Ах! как тебя, так и меня
Убило жизни тяготенье!..*

Монолог

*Поверь, ничтожество есть благо
в здешнем свете.[26]
К чему глубокие познания, жажда
славы,*

*Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не мо-
жем?*

*Мы, дети севера, как здешние рас-
тенья,*

*Цветем недолго, быстро увяда-
ем...*

*Как солнце зимнее на сером небо-
склоне,*

*Так пасмурна жизнь наша. Так
недолго*

Ее однообразное течение...

И душно кажется на родине,

*И сердцу тяжело, и душа тоску-
ет...*

*Не зная ни любви, ни дружбы
сладкой,*

*Средь бурь пустых томится
юность наша,*

И быстро злобы яд ее мрачит,

*И нам горька остылой жизни ча-
ша;*

И уж ничто души не веселит.

Встреча

(Из Шиллера)[27]

Она одна меж дев своих стояла,
Еще я зрю ее перед собой;
Как солнце вешнее, она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя неволью замирала;
Я издали смотрел на милый рой;
Но вдруг, как бы летучие перуны,
Мои персты ударились о струны.
Что я почувствовал в сей миг чудесный
И что я пел, напрасно вновь пою.
Я звук нашел дотоле неизвестный,
Я мыслей чистую излил струю.
Душе от чувств высоких стало тесно,
И вмиг она расторгла цепь свою,
В ней вспыхнули забытые виденья,
И страсти юные, и вдохновенья.

Баллада

Над морем красавица дева сидит
[28]

И, к другу ласкаясь, так говорит:

«Достань ожерелье, спустился на
дно;
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне лю-
бовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается
вдруг.

Из бездны перловые брызги ле-
тят,
И волны теснятся, и мчатся на-
зад,

И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухва-
тил,
В руке ожерелье, но мрачен как

был.

Он верить боится усталым но-
гам,
И влажные кудри бегут по пле-
чам...

«Скажи, не люблю иль люблю я
тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не
щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало
оно. —

Возьми!» — и печальный он взор
устремил
На то, что дороже он жизни лю-
бил.

Ответ был: «О милый, о юноша
мой!

*Достань, если любишь, коралл до-
рогой».*

*С душой безнадежной молодой уда-
лец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл,
иль конец.*

*Из бездны перловые брызги ле-
тят,
И волны теснятся, и мчатся на-
зад,*

*И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.*

Перчатка

(Из Шиллера)[29]

*Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне;
Кругом на высоком балконе*

Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают.
Скрыпучую дверь отворяют,
И лев выходит степной
Тяжелой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясет желтой гривой
И, всех обзрев,
Ложится лев.

И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьет хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не сводит...
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится:
И невольно ложится

Он рядом с ним.

Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четюю.

И к рыцарю вдруг своему обра-
тись,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытать я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый
час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бе-
жит,
И дерзко в круг он вступает,
На перчатку меж диких зверей он
глядит
И смелой рукой подымает.

И зрители в робком вокруг ожиданье...

И зрители в робком вокруг ожи-
данье,
Трепеща, на юношу смотрят в
молчанье.
Но вот он перчатку приносит на-
зад.
Отвсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
Педального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досады жестокой пылая в ог-
не,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно
мне!» —
И гордую тотчас покинут.

Дитя в люльке

(Из Шиллера)

Счастлив ребенок! и в люльке про-
сторно ему: но дай время
Сделаться мужем, и тесен пока-
жется мир.

*Делись со мною тем, что знаешь,
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне черт душа твоя!..*

Молитва

*Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могиль-
ный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.
Но угаси сей чудный пламень,*

*Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращаюсь.*

1830
Кавказ

Лермонтов. Крестовая гора

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
[31]
О южные горы, отторгнут от
вас,
Чтоб вечно их помнить, там на-*

до быть раз:
Как сладкую песню отчизны мо-
ей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать по-
терял.
Но мнилось, что в розовый вечера
час
Та степь повторяла мне памят-
ный глас.
За это люблю я вершины тех
скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия
гор,
Пять лет пронеслось: все тоскую
по вас.
Там видел я пару божественных
глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот
взор:
Люблю я Кавказ!..

*Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь с чувством я глубо-
ким
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых,
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнанье дальнем он погас —
И что ж? Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..*

Опасение

*Страшишься любви: она пройдет,
Она мечтой твой ум встрево-
жит,
Тоска по ней тебя убьет,
Ничто воскреснуть не поможет.*

*Краса, любимая тобой,
Тебе отдаст, положим, руку...
Года мелькнут... летун седой
Укажет вечную разлуку...*

*И беден, жалок будешь ты,
Глядящий с кресел иль подушки
На безобразные черты
Твоей докучливой старушки,*

*Коль мысли о былых летах
В твой ум закрадутся порою
И вспомнишь, как на сих щеках
Играло жизнью молодою...*

*Без друга лучше дни влачить
И к смерти радостней клонить-
ся,
Чем два удара выносить
И сердцем о двоих крушиться!..*

Стансы

*Люблю, когда, борясь с душою,
Краснеет девица моя:
Так перед вихрем и грозой
Красна вечерняя заря.*

*Люблю и вздох, что ночью лунной
В лесу из уст ее скользит:
Звук тихий арфы златострунной
Так с хладным ветром говорит.*

*Но слаще встретить средь моле-
нья
Ее слезу очам моим:
Так, зря спасителя мученья,
Невинный плакал херувим.*

Н. Ф. И...вой

Наталья Федоровна Иванова-Обрескова

*Любил с начала жизни я[32]
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;*

*Счастливыцы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.*

*Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты*

С людьми и с буйными страстями;

*Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный.
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослепленный.*

*Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,*

*К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.*

*Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...*

*И в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.*

Ты помнишь ли, как мы с тобою...

*Ты помнишь ли, как мы с тобою
[33]*

*Прощались поздною порою?
Вечерний выстрел загредел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали,
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.*

*Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю.
И между тем как чередой
Глушит волнами их седыми,
Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...*

Весна

Когда весной разбитый лед[34]
Рекой взволнованной идет,
Когда среди лугов местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля, —
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей;
Гляжу, природа молодеет,
Не молодеет лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.

Ночь. I

Я зрел so сне, что будто умер я;
[35]
Душа, не слыша на себе оков
Телесных, рассмотреть могла б
яснее
Весь мир — но было ей не до того;
Боязненное чувство занимало
Ее; я мчался без дорог; пред мною
Не серое, не голубое небо

(И мнилось, не небо было то,
А тусклое, бездушное простран-
ство)
Виднелось; и ничто вокруг меня
Различных теней кинуть не мог-
ло,
Которые по нем мелькали;
И два противных диких звуков,
Два отголоска целья природы,
Боролись — и ни один из них
Не мог назваться побежденным.
Страх
Припомнить жизни гнусные дея-
нья
Иль о добре свершенном возгор-
диться
Мешал мне мыслить; и летел, ле-
тел я
Далеко без желанья и цели —
И встретился мне светозарный
ангел;
И так, сверкнувши взором, мне
сказал:
«Сын праха — ты грешил — и на-
казанье
Должно тебя постигнуть, как
других:
Спустишь на землю — где твой

труп

Зарыт; ступай и там живи, и жди,

Пока придет спаситель — и молись...

Молись — страдай... и выстрадай прощенье...»

И снова я увидел край земной;
Досадой вид его меня наполнил,
И боль душевных ран, на краткий миг

Лишь заглушенная боязнью, с новой силой

Огнем отчаянья возобновилась;
И (странно мне), когда увидел ту,
Которую любил так сильно прежде,

Я чувствовал один холодный трепет

Досады горькой — и толпа друзей
Ликующих меня не удержала,
С презрением на кубки я взглянул,
Где грех с вином кипел, — воспоминанье

В меня впилося когтями, — я вздохнул,

Так глубоко, как только может мертвый —

И полетел к своей могиле. Ах!
Как беден тот, кто видит, нако-
нец,
Свое ничтожество и в чьих глазах
Все, для чего трудился долго
он, —
На воздух разлетелось...
И я сошел в темницу, узкий гроб,
Где гнил мой труп, — и там
остался я;
Здесь кость была уже видна —
здесь мясо
Кусками синее висело — жилы
там
Я примечал с засохшею в них кро-
вью...
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И поедали жадно свою пищу;
Червяк то выползал из впадин
глаз,
То вновь скрывался в безобразный
череп,
И каждое его движение
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на ги-
бель друга,
Так долго жившего с моей душою,

Последнего, единственного друга,
Делившего ее земные муки, —
И я помочь ему желал — но
тщетно —

Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем — и черви умножа-
лись;

Они дрались за пищу остальную
И смрадную сырую кожу грызли,
Остались кости — и они исчезли;
В гробу был прах... и больше ниче-
го...

Одною полон мрачною заботой,
Я припадал на бранные останки,
Стараясь их дыханием согреть...
О, сколько б я тогда отдал зем-
ных

Блаженств, чтоб хоть одну — од-
ну минуту

Почувствовать в них теплоту.

Напрасно,

Они остались хладны — хлад-
ны — как презренье!

Тогда я бросил дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех
людей, —

И мне блеснула мысль: (творенье
ада)

Что, если время совершит свой
круг
И погрузится в вечность невоз-
вратно,
И ничего меня не успокоит,
И не придут сюда простить ме-
ня?..
И я хотел изречь хулы на небо —
Хотел сказать: ...
Но голос замер мой — и я
проснулся.

Разлука

Я виноват перед тобою, [36]
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою
Я о прощенье умолял,
Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты;
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.
Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей
И счастьем жертвовать напрас-
но
Холодной гордости твоей?..

*Свершилось! Вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой...
Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.
Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране
Не принесло тебе страданье
При сожаленье обо мне...*

Ночь. II

*Погаснул день! — и тьма ночная
своды
Небесные как саваном покрыла.
Кой-где во тьме вертелись и
мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась на-
ша;
На ней, спокойствием объятой
тихим,
Уснуло все — и я один лишь не
спал.
Один я не спал... страшным полу-
светом,
Меж радостью и горестью среди-
ной,*

Мое теснилось сердце — и желал
я

Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..
Вот с запада Скелет неизмери-
мый

По мрачным сводам начал подни-
маться

И звезды заслонил собою...

И целые миры пред ним уничто-
жались,

И все трещало под его шагами, —
Ничтожество за ними остава-
лось —

И вот приблизился к земному ша-
ру

Гигант всесильный — все на ней
уснуло,

Ничто встревожиться не мысли-
ло — единый,

Единый смертный видел, что не
дай бог

Созданию живому видеть...

И вот он поднял костяные руки —
И в каждой он держал по челове-
ку,

Дрожащему — и мне они знакомы

были —
И кинул взор на них я — и запла-
кал!..
И странный голос вдруг раздался:
«Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал, — я здесь: я
смерть!..
Мое владычество безбрежно!..
Вот двое. Ты их знаешь — ты лю-
бил их...
Один из них погибнет. — Позво-
ляю
Определить неизбежимый жре-
бий...
И ты умрешь, и в вечности погиб-
нешь —
И их нигде, нигде вторично не уви-
дишь —
Знай, как исчезнет время, так и
люди,
Его рождение — только бог лишь
вечен...
Решись, несчастный!..»

Тут невольный трепет

По мне мгновенно начал разли-
ваться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться из
груди;
И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул: «Оба!
оба!..
Я верю: нет свиданья — нет раз-
луки!..
Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилось их наказание.
Ах! — и меня возьми, земного чер-
вя —
И землю раздроби, гнездо развра-
та,
Безумства и печали!..
Все, все берет она у нас обманом
И не дарит нам ничего — кроме
рожденья!..
Проклятье этому подарку!..
Мы без него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бедной жиз-
ни,
Где нет надежд — и всюду спасе-
нья.
Да гибнут же друзья мои, да гиб-
нут!..

Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»
И видел я как руки костяные
Моих друзей сдавили — их не ста-
ло —
Не стало даже призраков и те-
ней...
Туманом облачился образ смер-
ти,
И — так пошел на север. Долго,
долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на творца роптал, страшась
молиться!..

Незабудка

(Сказка)[37]

В старинны годы люди были
Совсем не то, что в наши дни;
(Коль в мире есть любовь) любили
Чистосердечнее они.
О древней верности, конечно,
Слыхали как-нибудь и вы,
Но как сказания молвы
Все дело перепортят вечно,
То я вам точный образец

Хочу представить наконец,
У влаги ручейка холодной,
Под тенью липовых ветвей,
Не опасаясь злых очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидел с любезною своею...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою,
Беседа мирная текла.

«Друг, не клянися мне напрасно, —
Сказала дева, — верю я;
Ясна, чиста любовь твоя,
Как эта звонкая струя,
Как этот свод над нами ясный;
Но как она в тебе сильна,
Еще не знаю. Посмотри-ка,
Там рдеет пышная гвоздика,
Но нет: гвоздика не нужна;
Подальше, как ты унылый,
Чуть виден голубой цветок...
Сорви же мне его, мой милый:
Он для любви не так далек!»
Вскочил мой рыцарь, восхищен-
ный
Ее душевной простотой;

Через ручей прыгнув, стрелой
Летит он цветик драгоценный
Сорвать поспешною рукой...
Уж близко цель его стремленья,
Как вдруг под ним (ужасный вид)
Земля неверная дрожит,
Он вязнет, нет ему спасенья!..
Взор кинув, полный весь огня,
Своей красавице безгласной:
«Прости, не забудь меня!» —
Воскликнул юноша несчастный;
И мигом пагубный цветок
Схватил рукою безнадежной
И сердца пылкого в залог
Его он кинул деве нежной.

Цветок печальный с этих пор
Любови дорог; сердце бьется,
Когда его приметит взор.
Он незабудкою зовется;
В местах сырых, вблизи болот,
Как бы страшась прикосновенья,
Он ищет там уединенья,
И цветом неба он цветет,
Где смерти нет и нет забвенья...

Вот повести конец моей;
Судите: былль иль небылица.
А виновата ли девица
— Сказала, верно, совесть ей!

Совет

Если, друг, тебе сгрустнется,
Ты не дуйся, не сердись:
Все с годами пронесется —
Улыбнись и разгрустись.
Дев измены молодые
И неверный путь честей,
И мгновенья скуки злые
Стоят ли тоски твоей?
Не ищи страстей тяжелых;
И покуда бог дает,
Нектар пей часов веселых;
А печаль сама придет.
И, людей не презирая,
Не берись учить других;
Лучшим быть не вображая,
Скоро ты полюбишь их.
Сердце глупое творенье,
Но и с сердцем можно жить,
И безумное волненье
Можно также укротить...

*Беден, кто, судьбы в ненастье
Все надежды испытав,
Наконец находит счастье,
Чувство счастья потеряв.*

Одиночество

*Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы:
Никто не хочет грусть делить.*

*Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;*

*И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старую мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлит над
землей?*

Никто о том не покрутится,

*И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...*

В альбом

1

*Нет! — я не требую вниманья[38]
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных
лет
От жизни краткой, но мятеж-
ной
Какой-нибудь остался след.*

2

*Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца — памятник моги-
лы!..*

Гроза

Ревет гроза, дымятся тучи
Над темной бездною морской,
И хлещут пеною кипучей,
Толпяся, волны меж собой.
Вкруг скал огнистой лентой
вьется
Печальной молнии змея,
Стихий тревожный рой мятется
—
И здесь стою недвижим я.

Стою — ужель тому ужасно
Стремленье всех надземных сил,
Кто в жизни чувствовал напрасно
И жизньию обманут был?
Вокруг кого, сей яд сердечный,
Вились сужденья клеветы,
Как вкруг скалы остроконечной
Губитель-пламень, вьешься ты?

О нет! — летай, огонь воздушный,
Свистите, ветры, над головой;
Я здесь, холодный, равнодушный,

И трепет не знаком со мной.

*Гроза шумит в морях с конца в
конец,*

*Корабль летит по воле бурных
вод,*

*Один на нем спокоен лишь пловец,
Чело печать глубоких дум несет,
Угасший взор на тучи устремлен*
—

*Не ведают, ни кто, ни что здесь
он!..*

*Конечно, он жила между людей
И знает жизнь от сердца своего;
Крик ужаса, моления, скрип сна-
стей*

Не трогают молчания его.

Звезда

*Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя все-
гда;*

*Твой слабый луч, сражаясь с тем-
нотой,*

Несет мечты душе моей больной;

Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...
Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу;
И хоть нельзя — смотреть его
хочу...

Еврейская мелодия

Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях и серебря-
ный прах
От нее, рассыпаясь, бежит.

Но поймать ты не льстись и ло-
вить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет
на ней —
Отойди ж, — и заблещет она.

Светлой радости так беспокой-
ный призрак

*Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить — он шутя убежит
от тебя!
Ты обманут — он вновь пред то-
бой.*

Вечер после дождя

*Гляжу в окно: уж гаснет небо-
склон.
Прощальный луч на вышине ко-
лонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых
очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных
трав...
Один меж них заметил я цве-
ток,
Как будто перл, покинувший во-
сток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:*

*Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных
очей,
Но помнит все о красоте своей.*

Наполеон

(Дума)

*В неверный час, меж днем и тем-
нотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений тайн
и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей об-
раз там,
На берегу, склонивши взор к вол-
нам,
Стоит вблизи нагбенного кре-
ста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышен-
ным челом
И две руки, сложенные крестом.*

Пред ним лепечут волны и бегут,

И вновь приходят, и о скалы
бьют;
Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалека.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брез-
жит день;
Там Франция! — там край ее род-
ной
И славы след, быть может скры-
тый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни...
О! для чего так кончились они!..

Прости, о слава! обманувший
друг.
Опасный ты, но чудный, мощный
звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в
морях,
Где сгнил его и червем съеден
прах,
Где он страдал, покинут от дру-
зей,
Презрев судьбу с гордыней преж-

них дней,
Где стаивал он на берегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав крестом.

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящийся слабый
ум,
Хоть чужд страстей, все полон
прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце про-
никал
И тайные желанья узнавал,
Он тот же все; и той же шляпой
он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но — посмотри — уж день блес-
нул в струях.
Призрака нет, все пусто на ска-
лах.

Нередко внемлет житель сих бре-
гов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,

*И блещет молния, и гром гре-
мит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальну тень, стоящую меж
скал.
Один пловец, как ни был страх ве-
лик,
Мог различить недвижный смуг-
лый лик,
Под шляпою, с нахмуренным че-
лом,
И две руки, сложенные крестом.*

Эпитафия Наполеона

*Да тень твою никто не порицает,
Муж рока! ты с людьми, что над
тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь
тот низвергнуть мог:
Великое ж ничто не изменяет.*

К глупой красавице

*Тобой пленяться издали[39]
Мое все зрение готово,*

Но слышать боже сохрани
Мне от тебя одно хоть слово.
Иль смех, иль страх в душе моей
Заменит сладкое мечтанье,
И глупый смысл твоих речей
Оледенит очарованье...

Так смерть красна издалека;
Пускай она летит стрелою.
За ней я следую пока,
Лишь только б не она за мною.
За ней я всюду полечу
И наслажуся в созерцанье,
Но сам привлечь ее вниманье
Ни за полмира не хочу.

Очи Н. Н.

Нет смерти здесь; и сердце вто-
рит нет;
Для смерти слишком весел этот
свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и мо-
гил...
Хоть все возьмет могильная дос-

ка,
Их пожалеет смерти злой рука;
Их луч с небес, и, как в родных кра-
ях,
Они блеснут звездами в небесах!

Кавказу

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстен,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

Утро на Кавказе

Светает — вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ноч-
ной;

*Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит од-
на.*

*Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись
меж туч,*

*И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск, и светит там и
там:*

*Так девушки, купаясь в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют
взор:*

*Но как бежать, коль близок ми-
лый вор!..*

Крест на скале

(M-lle Souchkoff)[40]

*В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному
орлу,
Но крест деревянный чернеет над
ней,
Гниет он и гнется от бурь и до-
ждей.*

*И много уж лет протекло без следов
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить облака.*

*О, если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия,
И с бурею братом назвался бы я!*

Лермонтов. Развалины близ села Караагач в
Кахетии

Прости, мой друг!..

Прости, мой друг!.. как призрак я
лечу
В далекий край: печали я ищу;
Хочу грустить, но лишь не пред
тобой.
Ты можешь жить, не слыша го-
лос мой;
Из всех блаженств, отнятых у
меня,
Осталось мне одно: видать тебя,
Тот взор, что небо жалостью за-
жгло.
Все кончено! — ни бледное чело,
Ни пасмурный и недовольный
взгляд
Ничем, ничем его не омрачат!..
Меня забыть прекрасной нет
труда, —
И я тебя забуду навсегда;
Я мучусь, если мысль ко мне при-
дет,
Что и тебя несчастна уьет,
Что некогда с ланит и с уст меч-

та
Как дым слетит, завянет красо-
та,
Забьется сердце медленней — сви-
нец
Тоски на нем — и что всему ко-
нец!..
Однако ж я желал бы увидеть
Твой хладный труп, чтобы себе
сказать:
«Чего еще! желанья отняты,
Бедняк — теперь совсем, совсем
оставлен ты!»

Челнок

Воет ветер и свистит пред недалъ-
ной грозой;
По морю, на темный восток,
Озаряемый молнией, кидаем вол-
ной,
Несется неверный челнок.
Два гребца в нем сидят с беспо-
койным челом,
И что-то у ног их под белым хол-
стом.
И вихорь сильней по волнам про-

бежал,
И сорван летучий покров.
Под ним человек неподвижно ле-
жал,
И бледный, как жертва гробов,
Взор мрачен и дик, как сражения
дым,
Как тучи на небе иль волны под
ним.
В чалме он богатой, с обритой
главой,
И цепь на руках и ногах,
И рана близ сердца, и ток кровя-
ной
Не держит опасности страх;
Он смерть равнодушнее спутни-
ков ждет,
Хотя его прежде она уведет.
Так с смертью вечно: чем ближе
она,
Тем менее жалко нам свет;
Две могилы не так нам страшны,
как одна,
Потому что надежды здесь нет.
И если б не ждал я счастливого
дня,
Давно не дышала бы грудь у ме-
ня!..

Отрывок

На жизнь надеяться страшась
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.

Для тайных дум я пренебрег
И путь любви и славы путь,
Все, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных.

Останусь я в кругу людей,
Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

Две жизни в нас до гроба есть.
Есть грозный дух: он чужд уму:
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Все, все подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь как скорпион.
Ему поверил я — и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный
цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать
лет.

И скоро старость приведет

Меня к могиле — я взгляну
На жизнь-на весь ничтожный
плод —
И о прошедшем вспомяну:
Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может,
смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поньне в словаре моем:
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгинем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторо-
нам,

*Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существом.*

*Не будут проклинять они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..*

*К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. — А мы
Увидим этот рай земли,
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целью одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.*

Оставленная пустынь предо мной...

1

*Оставленная пустынь предо мной
[41]*

Белеется вечернею порой.
Последний луч на ней еще горит;
Но колокол растреснувший мол-
чит.
Его (бывало) заунывный глас
Звал братьев к всенощне в сей мир-
ный час!
Зеленый мох, растущий над ок-
ном,
Заржавленные ставни — и кругом
Высокая полынь — все, все без
слов
Нам говорит о таинствах гробов.
.....
Таков старик, под грузом тяжких
лет
Еще хранящий жизни первый
цвет;
Хотя он свеж, на нем печать мо-
гил
Тех юношей, которых пережил.

2

Пред мной готическое зданье
Стоит, как тень былых годов;
При нем теснится чувствованье
К нам в грудь того, чему нет
слов,

Что выше теплого участка,
Святей любви, спокойней счастья.

Быть может, через много лет
Сия священная обитель
Оставит только мрачный след,
И любопытный посетитель
В развалинах людей искать
Напрасно станет, чтоб узнать,

Где образ божеской могилы
Между золотых колонн стоял,
Где теплились паникадилы,
Где лик отшельников звучал
И где пред богом изливали
Свои грехи, свои печали.

И там (как знать) найдет про-
шлец
Пергамент пыльный. Он увидит,
Как сердце любит по конец
И бесконечно ненавидит,
Как ни вериги, ни клобук
Не облегчают наших мук.

Он тех людей узрит гробницы,
Их эпитафии пройдет,
Времен тогдашних небылицы
За речи истинны почтет,
Не мысля, что в сем месте сгни-
ли
Сердца, которые любили!..

К...

«Простите мне, что я решился к
вам
Писать. Перо в руке — могила
Передо мной. Но что ж? все пусто
там.
Все прах, что некогда она манила
К себе. Вокруг меня толпа род-
ных,
Слезами жалости покрыты лица.
И я пишу — пишу — но не для них.
Любви моей не холодит гробница.
Любви — но вы не знали мук моих.
Я чувствую, что это труд ни-
чтожный:
Не усладит последних он минут.
Но так и быть — пишу — пока
возможно —

Сей труд души моей любимый
труд!
Прими письмо мое. Твой взор уви-
дит,
Что я не мог стеснить души сво-
ей
К молчанью — так ужасна
власть страстей!
Тебя письмо страдальца не оби-
дит...
Я в жизни — много — много испы-
тал,
Ошибся в дружбе — о! храни моих
мучений
Слова — прости — и больше нет
волнений,
Прости, мой друг», — и подписал:
«Евгений».

Ночь. III

Темно. Все спит. Лишь только
жук ночной, [42]
Жужжа, в долине пролетит по-
рой;
Из-под травы блистает червячок,
От наших дум, от наших бурь да-

лек.

Высоких лип стал пасмурней на-
вес,

Когда луна взошла среди небес...

Нет, в первый раз прелестна так
она!

Он здесь. Стоит. Как мрамор, у
окна.

Тень от него чернеет по стене.

Недвижный взор поднят, но не к
луне;

Он полон всем, чем только яд
страстей

Ужасен был и мил сердцам людей.

Свеча горит, забыта на столе,

И блеск ее с лучом луны в стекле

Мешается, играет, как любви

Огонь живой с презрением в кро-
ви!

Кто ж он? кто ж он, сей наруши-
тель сна?

Чем эта грудь мятежная полна?

О, если б вы умели угадать

В его очах, что хочет он скры-
вать!

О, если б мог единый бедный друг

Хотя смягчить души его недуг!

Farewell [43]

(Из Байрона)[44]

*Прости! коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там
И даже улетит за них!
Что пользы плакать и вздыхать,
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..
Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь
И эти думы вечный яд, —
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь,
— Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь,
— Лишь чувствую — прости! —
прости!*

Элегия

*Дробись, дробись, волна ночная,
[45]
И пеной орошай берега в туманной
мгле.*

Я здесь стою близ моря на скале,
Стою, задумчивость питая,
Один, покинув свет, и чуждый для
людей,
И никому тоски поверить не же-
лая.
Вблизи меня палатки рыбаков;
Меж них блестит огонь госте-
приимный,
Семья беспечная сидит вокруг
огонька
И, внемля повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой сто-
лицы,
Веселий пагубных невозвратимый
рой.
И что ж? — слеза бежит с ресни-
цы,
И сожаление мою тревожит
грудь,
Года погибшие являются всечас-
но;
И этот взор, задумчивый и ясный
—
Твержу, твержу душе: забудь.
Он все передо мной: я все твержу

напрасно!..
О, если б я в сем месте был рожден,
Где не живет среди людей коварность:
Как много бы я был судьбою одожен —
Теперь у ней нет прав на благодарность! —
Как жалок тот, чья младость принесла
Морщину лишнюю для старого чела
И, отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал, как я, — чтоб
чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал — и с страшной
пустотой,
Как я, оставил брег земли своей
родной
Для добровольного изгнанья!

Эпитафия

Простосердечный сын свободы,
[46]

*Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.*

*Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои,*

*И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.*

Scutes [47]

*Когда бы мог весь свет узнать,
Что жизнь с надеждами, мечта-
ми
Не что иное — как тетрадь
С давно известными стихами.*

Гроб Оссиана

Герб рода Лермонтов

*Под занавесою тумана,[48]
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.*

*Летит к ней дух мой усыпленный,
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..*

Посвящение

*Прими, прими мой грустный
труд[49]
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал — не придут
Вновь эти слезы — вечно им*

Не освежать моих очей.
Когда катилися они,
Я думал, думал все об ней.
Жалел и ждал другие дни!

Уж нет ее, и слез уж нет —
И нет надежд — передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!

Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?

Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.

Одним высоким увлечен,
Он только жертвует любви:
Принести тебе лишь может он

Любимые труды свои.

Кладбище

Вчера до самой ночи просидел[50]
Я на кладбище, все смотрел,
смотрел
Вокруг себя; полстертые слова
Я разбирал. Невольно голова
Наполнилась мечтами; — вновь
очей
Я не был в силах оторвать с кам-
ней.
Один ушел уж в землю, и на нем
Все стерлося; Там крест к кресту
челом
Нагнулся, будто любит, будто
сон
Земных страстей узнал в сем ме-
сте он...
Вкруг тихо, сладко все, как мысль
о ней;
Краснеючи, волнуется пырей
На солнце вечера. Над головой
Жужжа, со днем прощаются иг-
рой
Толпящиеся мошки, как народ

Существо с душой, уставших от работ!..

Стократ велик, кто создал мир!
велик!..

Сих мелких тварей надмогильный
крик

Творца не больше ль славит ино-
гда,

Чем в пепел обращенные стада?

Чем человек, сей царь над общим
злом,

С коварным сердцем, с ложным
языком?..

Посвящение

Тебе я некогда вверял

Души взволнованной мечты;

Я беден был — ты это знал —

И бедняка не кинул ты.

Ты примирил меня с судьбой,

С мятежной властью страстей;

Тобой, единственно тобой,

Я стал, чем был с давнишних
дней.

И муза по моей мольбе

Сошла опять с святой горы.

*Но верь, принадлежат тебе
Ее венок, ее дары!..*

1830. Майя. 16 число

*Боюсь не смерти я. О нет!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтоб труд мой вдохновен-
ный
Когда-нибудь увидел свет;
Хочу — и снова затрудненье!
Зачем? что пользы будет мне?
Мое свершится разрушенье
В чужой, неведомой стране.
Я не хочу бродить меж вами
По разрушению! — Творец.
На то ли я звучал струнами,
На то ли создан был певец?
На то ли вдохновенье, страсти
Меня к могиле привели?
И нет в душе довольно власти —
Люблю мучения земли.
И этот образ, он за мною
В могилу силится бежать,
Туда, где обещал мне дать
Ты место к вечному покою.
Но чувствую: покоя нет,*

*И там, и там его не будет;
Тех длинных, тех жестоких лет
Страдалец, вечно не забудет!..*

Гость

*Как прошлец иноплеменный
В облаках луна скользит.
Колокольчик отдаленный
То замолкнет, то звенит.
«Что за гость в ночи морозной?»
Мужу говорит жена,
Сидя рядом, в вечер поздний
Возле тусклого окна...
Вот кибитка подъезжает...
На высокое крыльцо
Из кибитки вылезает
Незнакомое лицо.
И слуга вошел с свечою,
Бедный вслед за ним монах:
Ныне позднею порою
Запутался он в лесах.
И ему ночлег дается —
Что ж стоишь, отшельник, ты?
Свечки луч печально льется
На печальные черты.
Чудным взор огнем светился,*

Он хозяйку вдруг узнал,
Он дрожит — и вот забылся
И к ногам ее упал.
Муж ушел тогда. О! Прежде
Жил чернец лишь для нее,
Обманулся он в надежде,
Погубил он с нею все.
Но промчалось исступленье;
Путник в комнате своей,
Чтоб рыданья и мученье
Схоронить от глаз людей.
По рыдания звучали
Вплоть до белья зари,
Наконец и замолчали.
Поутру к нему вошли:
На полу од посинелый,
Как замученный, лежал;
И бесчувственное тело
Плащ печальный покрывал!..

К***

Не думай, чтоб я был достоин со-
жаленья,[51]
Хотя теперь слова мои печаль-
ны, — нет,
Нет! все мои жестокие мученья

—
Одно предчувствие гораздо боль-
ших бед.

Я молод; но кипят на сердце зву-
ки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же му-
ки, —
О, если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я
душой,
Любил закат в горах, пенящиеся
воды
И бурь земных и бурь небесных
вой.

Как он, ищу спокойствия напрас-
но,
Гоним повсюду мыслью одной.
Гляжу назад — прошедшее ужас-
но;
Гляжу вперед — там нет души

родной!

Дереву

Давно ли с зеленью радушной[52]
Передо мной стояло ты
И я коре твоей послушной
Вверял любимые мечты;
Лишь год назад, два талисмана
Светилися в тени твоей,
И ниже замысла обмана
Не скрылося в душе детей!..

Детей! — о! да, я был ребенок! —
Промчался легкой страсти сон;
Дремоты флер был слишком то-
нок —
В единый миг прорвался он.
И деревцо с моей любовью
Погибло, чтобы вновь не цвести;
Я жизнь его купил бы кровью, —
Но как переменить, что есть?

Ужели также вдохновенье
Умрет невозвратно с ним?

*Иль шуму светского волненья
Бороться с сердцем молодым?
Нет, нет, — мой дух бессмертен
силой,
Мой гений веки пролетит
И эти ветви над могилой
Певца-страдальца освятит.*

Предсказание

*Настанет год, России черный год,
[53]
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю
любовь,
И пища многих будет смерть и
кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мерт-
вых тел
Начнет бродить среди печальных
сел,
Чтобы платком из хижин вызы-
вать,
И станет глад сей бедный край
терзать;*

*И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач,
твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в
нем,
Как плащ его с возвышенным че-
лом.*

Все тихо — полная луна...

*Все тихо — полная луна
Блестит меж ветел над прудом,
И возле берега волна
С холодным резвится лучом.
Никто, никто, никто не усладил
В изгнанье сем тоски мятежной!
Любить? — три раза я любил,
Любил три раза безнадежно.*

1830 год. Июля 15-го

(Москва)

Зачем семьи родной безвестный
круг

Я покидал? Все сердце грело там,
Все было мне наставник или друг,
Все верило младенческим меч-
там.

Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю, к облакам!
Готов лобзать уста друзей был я,
Не посмотрев, не скрыта ль в них
змея.

Но в общество иное я вступил,
Узнал людей и дружеский обман,
Стал подозрителен и погубил
Беспечности душевной талисман.
Чтобы никто теперь не говорил:
Он будет друг мне! — боль ста-
ринных ран
Из груди извлечет не речь, но
стон;
И не привет, упрек услышит он.

Ах! я любил, когда я был счаст-
лив,
Когда лишь от любви мог слезы

лить.

*Но, эту грудь страданьем напоив,
Скажите мне, возможно ли лю-
бить?*

*Страшусь, в объятья деву заклю-
чив,*

Живую душу ядом отравить

И показать, что сердце у меня

*Есть жертвенник, сгоревший от
огня.*

*Но лучше я, чем для людей ка-
жусь,*

*Они в лице не могут чувств про-
честь;*

*И что молва кричит о мне... бо-
юсь!*

*Когда б я знал, не мог бы пере-
нести.*

*Противу них во мне горит, кля-
нусь,*

Не злоба, не презрение, не месть.

Но... для чего старались они

Так отравить ребяческие дни?

Согбенный лук, порвавши тетиву,

Гремит — но вновь не будет
прям, как был,
Чтоб цепь их сбросить, я, подняв
главу,
Последнее усилие свершил;
Что ж. — Ныне жалкий, груст-
ный я живу
Без дружбы, без надежд, без дум,
без сил,
Бледней, чем луч бесчувственной
луны,
Когда в окно скользит он вдоль
стены.

Булевар

С минуту лишь с бульвара прибе-
жав,[54]
Я взял перо — и, право, очень рад,
Что плод над ним моих привыч-
ных прав
Узнает вновь бульварный маске-
рад;
Сатиров я, для помощи при-
звав, —
Подговорю, — и все пойдет на лад.
Ругай людей, но лишь ругай ост-

ро;
Не то — ...ко всем чертям твое
перо!..

Приди же из подземного огня,
Чертенок мой, взъерошенный
остряк,
И попугаем сядь вблизи меня.
«Дурак» скажу — и ты кричи «ду-
рак».
Не устоит бульварная семья —
Хоть морщи лоб, хотя сожми ку-
лак,
Невинная красотка в сорок лет —
Пятнадцати тебе все нет как
нет!

И ты, мой старец с рыжим пари-
ком,
Ты, депутат столетий и могил,
Дрожащий весь и схожий с жереб-
цом,
Как кровь ему из всех пускают
жил,
Ты здесь бредешь и смотришь сен-
тябрем,

Хоть там княжна лепечет: «Как
он мил!»
А для того и силится хвалить,
Чтоб свой порок в Ч**** изви-
нить!..

Подальше на креслах там другой;
Едва сидит согбенный сын земли;
Он как знаток глядит в лорнет
двойной;
Власы его в серебряной пыли.
Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти
могли.
Но я клянусь (пусть кончив — бу-
ду прах),
Она тонка, когда в его ногах.

И что ж? — он прав, он прав, дру-
зья мои.
Глупец, кто жил, чтоб на диете
быть;
Умен, кто отдал дни свои любви;
И этот муж копил: чтобы лю-
бить.
Замен души он находил в крови.

Но тот блажен, кто может го-
ворить,
Что он вкушал до капли мед зем-
ной,
Что он любил и телом и душой!..

И я любил! — опять к своим
страстям!
Брось, брось свои безумные меч-
ты!
Пора склонить внимание на дам,
На этих кандидатов красоты,
На их наряд — как описать все
вам?
В наряде их нет милой простоты:
Все так высоко, так взгроможде-
но,
Как бурю на них нанесено.

Приметна спесь в их пошлой бол-
товне,
Уста всегда сказать готовы: нет.
И холодны они, как при луне
Нам кажется прабабушки порт-
рет;
Когда гляжу, то, право, жалко

мне,
Что вкус такой имеет модный
свет.
Ведь думают тенетом лент, ки-
сей,
Как зайчиков, поймать моих дру-
зей.

Сидел я раз случайно под окном,
И вдруг головка вышла из окна,
Незавита и в чепчике простом —
Но как божественна была она.
Уста и взор — стыжусь! в уме мо-
ем
Головка та ничем не изгнана;
Как некий сон младенческих но-
чей
Или как песня матери моей.

И сколько лет уже прошло с тех
пор!..
О, верьте мне, красавицы Москвы,
Блистательный ваш головной
убор
Вскружить не в силах нашей голо-
вы.

Все платья, шляпы, букли ваши
вздор.
Такой же вздор, какой твердите
вы,
Когда идете здесь толпой комет,
А маменьки бегут за вами вслед.

Но для чего кометами я вас
Назвал, глупец тупейший то пой-
мет
И сам Башуцкой объяснит тот-
час.
Комета за собою хвост влечет;
И это всеми признано у нас,
Хотя — что в нем, никто не раз-
берет:
За вами ж хвост оставленных
мужьев,
Вздохателей и бедных женихов!

О женихи! о бедный Мосолов;
Как не вздохнуть, когда тебя най-
ду,
Педантика, из рода петушков,
Средь юных дев как будто бы в ча-
ду;

*Хотя и держишься размеру слов,
Но ты согласен на свою беду,
Что лучше все не думав говорить,
Чем глупо думать и глупей судить.*

*Он чванится, что точно русский он;
Но если бы таков был весь народ,
То я бы из Руси пустился вон.
И то сказать, чудесный патриот;
Лишь своему языку обучен,
Он этим край родной не выдает:
А то б узнали всей земли концы,
Что есть у нас подобные глупцы.*

Песнь барда

I

*Я долго был в чужой стране,
Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
К ним возвратиться наконец.
Пришел — с гусями за спиной —
Былую песню заиграл...
Напрасно! — князь земли родной
Приказу ханскому внимал...*

II

*В пустыни, где являлся враг,
Понес я старую главу,
И попирал мой каждый шаг
Окровавленную траву.
Сходились к брошенным костям
Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
Число убитых, чем живых.*

III

*Кто мог бы песню спеть одну?
Отчаянным движеньем рук
Задев дрожащую струну,
Случалось, исторгал я звук;
Но умирал так скоро он!
И если б слышал сын цепей,
То гибнущей свободы стон
Не тронул бы его ушей.*

IV

*Вдруг кто-то у меня спросил:
«Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
О ком бренчу, о ком пою?»
Пронзила эта речь меня —
Надежд пропал последний рой;*

*На землю гусли бросил я
И молча раздавил ногой.*

10 июля. (1830)

*Опять вы, гордые, восстали[55]
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности крова-
вой
Явилось, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.*

К Су<шковой>

*Вблизи тебя до этих пор[56]
Я не слышал в груди огня.
Встречал ли твой прелестный
взор —
Не билось сердце у меня.*

*И что ж? — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать;*

*Нет, нет, он не предвестник мук;
Я не люблю — зачем скрывать!*

*Однако же хоть день, хоть час
Еще желал бы здесь пробыть,
Чтоб блеском этих чудных глаз
Души тревоги усмирить.*

Евдокия Петровна Сушкова-Ростопчина

Благодарю!

*Благодарю!.. вчера мое признанье
[57]
И стих мой ты без смеха приня-
ла;
Хоть ты страстей моих не поня-*

ла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

В другом краю ты некогда пленя-
ла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказа-
ла:
Благодарю!

Я б не желал умножить в цвете
жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо
слов
Язвительной, жестокой укориз-
ны:
Благодарю!

О, пусть холодность мне твой
взор укажет,
Пусть он убьет надежды и меч-
ты

*И все, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь ска-
жет:
Благодарю!*

Нищий

*У врат обители святой[58]
Стоял просящий подаянья,
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.*

*Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.*

*Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!*

К...

Не говори: я трус, глупец!..
О! если так меня терзало
Сей жизни мрачное начало,
Какой же должен быть конец?.

Чума в Саратове

Чума явилась в наш предел;[59]
Хоть страхом сердце стеснено,
Из миллиона мертвых тел
Мне будет дорого одно.
Его земле не отдадут,
И крест его не осенит;
И пламень, где его сожгут,
Навек мне сердце охладит.
Никто не прикоснется к ней,
Чтоб облегчить последний миг;
Уста, волшебницы очей,
Не приманят к себе других;
Лобзая их, я б был счастлив,
Когда б в себя яд смерти впил,
Затем что, сладость их испив,
Я деvu некогда забыл.
Плачь! плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет —
И будет мрак в земном краю;

*По крайней мере есть один,
Который все с ней потерял;
Без дум, без чувств среди долин
Он тень следов ее искал!..*

30 июля. — (Париж). 1830 года

*Ты мог быть лучшим королем,
[60]*

*Ты не хотел. — Ты полагал
Народ унижить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.*

*И загорелся страшный бой;
И знамя вольности, как дух,
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан,*

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет,
Когда появятся весы
И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..

Глупец! что будешь ты в тот
день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призрак, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! он виноват!

Стансы

I

Взгляни, как мой спокоен взор,[61]
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз

*Рвალась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.*

II

*Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный
глас:
Я не могу любить другой.*

III

*Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты
Служить не могут снова нам —
То чем же их заменишь ты?..
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть, и в небесах?..*

Чума

(Отрывок)[62]

Два человека в этот страшный
год,
Когда всех занимала смерть одна,
Хранили чувство дружбы. Жизнь
их, род,
Незнания хранила тишина.
Толпами гиб отчаянный народ,
Вкруг них валялись трупы — и
страна
Веселья — стала гроб — и в эти
дни
Без страха обнимались они!..
Один был юн годами и душой,
Имел блистающий и быстрый
взор,
Играла кровь в щеках его порой,
В движениях и в мыслях он был
скор
И мужествен с лица. Но он с тос-
кой
И ужасом глядел на гладный мор,
Молился, плакал он и день и ночь,
Отталкивал и сон и пищу прочь!
Другой узнал, казалось, жизни
зло;
И разорвал свои надежды сам.
Высокое и бледное чело
Являло наблюдательным очам,

Что сердце много мук перенесло
И было прежде отдано стра-
стям.

Но, несмотря на мрачный сей
удел,
И он как бы невольно жить хо-
тел.

Безмолвствуя, на друга он взирал,
И в жилах останавливалась
кровь;

Он вздрагивал, садился. Он вста-
вал,

Ходил, бледнел и вдруг садился
вновь,

Ломал в безумье руки — но мол-
чал.

Он подавлял в груди своей любовь
И сердца беспокойный вещий глас,
Что скоро бьет неизбежимый
час!

И час пробил! его нежнейший друг
Стал медленно слабеть. Хоть го-
ворить

Не мог уж юноша, его недуг

Не отнимал еще надежду жить;

Казалось, судорожным движеньем
рук

Старался он кончину удалить.

Но вот утих... взор ясный поднял
он,
Закрыв — хотя б один последний
стон!
Как сумасшедший, руки сжав кре-
стом,
Стоял его товарищ. Он хотел
Смеяться... и с открытым ртом
Остался — взгляд его оцепенел.
Пришли к ним люди: зацепив
крючком
Холодный труп, к высокой груди
тел
Они без сожаленья повлекли,
И подложили бревен, и зажгли...

Нередко люди и бранили...

Нередко люди и бранили
И мучили меня за то,
Что часто им прощал я то,
Чего б они мне не простили.
И начал рок меня томить.
Карал безвинно и за дело —
От сердца чувство отлетело,
И я не мог ему простить.
Я снова меж людей явился

*С холодным, сумрачным челом;
Но взгляд, куда б ни обратился,
Встречался с радостным лицом!*

Романс

*В те дни, когда уж нет надежд,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо наших везд,
И легче на груди страданье.*

Отрывок

*Приметив юной девы грудь,
Судьбой случайной, как-нибудь,
Иль взор, исполненный огнем,
Недвижно сердце было в нем,
Как сокол, на скале морской
Сидящий позднею порой,
Хоть недалеко и блещят
(Седой пустыни вод наряд)
Ветрила бедных челноков,
Движенье дальних облаков
Следит его прилежный глаз.
И так проходит скучный час!
Он знает: эти челноки,*

Что гонят мимо ветерки,
Не для него сюда плывут,
Они блеснут, они пройдут!..

Баллада

(Из Байрона)[63]

Берегись! берегись! над бургос-
ским путем
Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке
ночном,
Панихиду о прошлых годах.
Когда мавр пришел в наш роди-
мый дол,
Оскверняячи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех
чернецов;
Одного только выгнать не мог.
Для добра или зла (я слыхал не
один,
И не мне бы о том говорить),
Когда возвратился тех мест гос-
подин,
Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по зам-

ку блуждал
Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный
рассказ,
Который страшусь повторять.
Рождался ли сын, он рыдал в ти-
шине,
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной
луне
Бродил и взад и вперед.

Ночь

Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит:
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.

Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,

Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.

Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех
пор
Я все любил — я все страдал.
Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призрак;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты...
О боже! вот что, наконец,
Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне
кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?

К***

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищею станет кровь
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей;

Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощанье я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если, если наконец,

*Моя лишь грудь поражена,
То, верно, прежде знал творец,
Что ты страдать не рождена.*

Передо мной лежит листок

*Передо мной лежит листок,
Совсем ничтожный для других,
Но в нем сковал случайно рок
Толпу надежд и дум моих.
Исписан он твоей рукой,
И я вчера его украл,
И для добычи дорогой
Готов страдать — как уж стра-
дал!*

Свершилось! Полно ожидать...

*Свершилось! Полно ожидать
Последней встречи и прощанья!
Разлуки час и час страданья
Придут — зачем их отклонять!
Ах, я не знал, когда глядел
На чудные глаза прекрасной,
Что час прощанья, час ужасный,
Ко мне внезапно подлетел.*

Свершилось! Голосом бесценным
Мне больше сердца не питать,
Запрусь в углу уединенном
И буду плакать... вспоминать!
Итак, прощай! Впервые этот звук
[64]

Тревожит так жестоко грудь
мою.

Прощай! — шесть букв приносят
столько мук!

Уносят все, что я теперь люблю!
Я встречу взор ее прекрасных глаз
И, может быть, как знать... в по-
следний раз!

Новгород

Сыны снегов, сыны славян, [65]
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели на-
роды
Все то, к чему теперь ваш дух ле-
тит.

Глупой красавице

*Амур спросил меня однажды,[66]
Хочу ль испить его вина —
Я не имел в то время жажды,
Но выпил кубок весь до дна.
Теперь желал бы я напрасно
Смочить горящие уста,
Затем что чаша влаги страст-
ной,
Как голова твоя — пуста.*

Могила бойца

(Дума)[67]

I

*Он спит последним сном давно,
Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
Зеленый дерн кругом.*

II

*Седые кудри старика
Смешались с землей;
Они взвевались по плечам*

За чашей пировой.

III

*Они белы, как пена волн,
Бьющихся у скал;
Уста, любимицы бесед,
Впервые хлад сковал.*

IV

*И бледны щеки мертвеца,
Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он
Один средь их рядов.*

V

*Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.*

VI

*На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?*

VII

*Хотя певец земли родной
Не раз уж пел об нем,
Но песнь — все песнь; а жизнь —
все жизнь!
Он спит последним сном.*

Смерть

*Закат горит огнистой полосой,
[68]
Любуюсь им безмолвно под ок-
ном,
Быть может, завтра он забле-
щет надо мною,
Безжизненным, холодным мерт-
вецом;
Одна лишь дума в сердце опусте-
лом,
То мысль об ней. О, далеко она;
И над моим недвижимым, блед-
ным телом
Не упадет слеза ее одна.
Ни друг, ни брат прощальными
устами
Не поцелуют здесь моих ланит;
И сожаленью чуждыми руками
В сырую землю буду я зарыт.*

Мой дух утонет в бездне бесконечной!..

Но ты! О, пожалей о мне, краса моя!

*Никто не мог тебя любить, как я,
Так пламенно и так чистосердечно.*

Черны очи

*Много звезд у летней ночи;[69]
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час.*

*Кто ни спросит, звезды ночи
Лишь о райском счастье говорят;
В ваших звездах, черны очи,
Я нашел для сердца рай и ад.*

*Очи юга, черны очи,
В вас любви прочел я приговор,
Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор!*

Когда твой друг с пророческой
тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Но знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;

Он был рожден для мирных вдох-
новений,
Для славы, для надежд; но меж
людей
Он не годился — и враждебный ге-
ний
Его душе не наложил цепей;
И не слышал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;

И близок час... и жизнь его пото-
нет
В забвенье, без следа, как звук пу-
стой;
Никто слезы прощальной не уро-

нит,
Чтоб смыть упрек, оправданный
толпой,
И лишь волна полночная просто-
нет
Над сердцем, где хранился образ
твой!

1831
1831-го января

*Редуют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют — и я пою за ними
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, —
Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки;
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит все печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.*

Послушай! вспомни обо мне...

*Послушай! вспомни обо мне,[70]
Когда, законом осужденный,
В чужой я буду стороне —
Изгнанник мрачный и презрен-
ный.
И будешь ты когда-нибудь
Один, в бессонный час полночи,
Сидеть с свечой... и тайно грудь
Вздохнет — и вдруг заплачут очи;*

*И молвишь ты: когда-то он,
Здесь, в это самое мгновенье,
Сидел тоскою удручен
И ждал судьбы своей решенье!*

1831-го июня 11 дня

1

*Моя душа, я помню, с детских
лет[71]
Чудесного искала. Я любил
Все оболщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь*

жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омра-
чен.

2

Как часто силой мысли в крат-
кий час
Я жил века и жизнью иной
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною меч-
той,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль
любви,
Не походили на существ земных.
О нет! все было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяс-
нить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобра-
зить
Желание блаженства. Пыл стра-
стей

Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-
нибудь
Хоть тень их перелить в другую
грудь.

4

Известность, слава, что они? — а
есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву все при-
нести,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! — неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и, живой,
Я смерти отдал все, что дар зем-
ной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный
свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни

вновь;
С моим названьем станут повто-
рять
Твое: на что им мертвых разлу-
чать?

6

К погибшим люди справедливы;
сын
Боготворит, что проклинал
отец.
Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему ко-
нец;
Немного долголетней человек
Цветка; в сравненье с вечностью
их век
Равно ничтожен. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою долж-
на.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода,
Синея, гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслю иной

Я не был занят, и пустынный
шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я
мог
Забыть, что незабвенно! женский
взор!
Причину стольких слез, безумств,
тревог!
Другой владеет ею с давних пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, — и небеса молю
О новых муках; но в груди моей
Все жив печальный призрак преж-
них дней.

9

Никто не дорожит мной на зем-
ле,
И сам себе я в тягость, как дру-
гим;
Тоска блуждает на моем челе.
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне
должна?

Зачем ей знать, что в нем заключено?

Огонь иль сумрак там — ей все равно.

10

*Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он, вырываясь, обращает в прах
Все, что ни встретит. С дивной
быстротой*

*Блеснет, и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? Они исчезнут без следов.*

11

*Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком
краю*

*Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос
мой*

*Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, — по-
рок,
И вижу, я слабей любить не мог.*

12

*Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье
сна.*

*Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! —
любить
Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.*

13

*И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран
Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.*

14

*И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;*

Но с корнем не исторгнет никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце может страсть
Иметь неограниченную власть.

15

Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.

*Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешитя летун
Под синевой, и облако степей
Свободней как-то мчитя и светлей.*

17

*И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.*

18

*Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится
день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом все горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят,*

И странные верхи в лучах горят.

19

*И сердце полно, полно прежних лет,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти все та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.*

20

*Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч*

*Вершины скал; ничто не вредно
им.
Кто близ небес, тот не сражен
земным.*

21

*Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит
пыль;
И где кругом, как зорко ни смот-
ри,
Встречает взгляд березы две иль
три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.*

22

*Так жизнь скучна, когда боренья
нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цве-
те лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каж-
дый день
Бессмертным сделать бы желал,*

как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдохнуть.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту
грудь.
Но что ж? Мне жизнь все как-то
коротка
И все боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! жажда бытия
Во мне сильнее страданий роко-
вых,
Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время — леденеет быстрый
ум;
Есть сумерки души, когда пред-
мет
Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть
страшна,
Находишь корень мук в себе са-

*мом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.*

25

*Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский
язык:*

*Они таких не ведают тревог,
В одном вес чисто, а в другом все
зло.*

*Лишь в человеке встретиться
могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.*

26

*Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей
быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко берегу возвратиться не сильна.*

27

Когда гонима бурей роковой
Шипит и мчится с пеною своей,
Она все помнит тот залив род-
ной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять при-
дет
В другой залив, но там уж не най-
дет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибреж-
ных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой ко-
нец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь тво-
рец;
Но равнодушный мир не должен
знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: создание есть од-

но,
Способное любить — хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мненьем, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем, и молвой,
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль

*Его встревожит, он посмотрит
вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.*

32

*И мой курган! — любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость
есть
Во всем, что не сбылось, — есть
красоты
В таких картинах; только пере-
нести
Их на бумагу трудно: мысль силь-
на,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!*

Романс к И...

*Когда я унесу в чужбину[72]
Под небо южной стороны
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой, —*

*Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?*

*О, будь!.. о! вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе радость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнанья:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страданья,
Где мир их очернить не мог.*

Завещание

(Из Гете)[73]

1

*Есть место: близ тропы глухой,
В лесу пустынном, средь поляны
Где вьются вечером туманы,
Осеребренные луной...
Мой друг! ты знаешь ту поляну;
Там труп мой хладный ты зарой,
Когда дышать я перестану!*

2

Могиле той не откажи
Ни в чем, последуя закону;
Поставь над нею крест из клену
И дикий камень положи;
Когда гроза тот лес встревожит,
Мой крест прохольца привлечет;
И добрый человек, быть может,
На диком камне отдохнет.

Сижу я в комнате старинной...

Сижу я в комнате старинной[74]
Один с товарищем моим,
Фонарь горит, и тенью длинной
Пол омрачен. Как легкий дым,
Туман окрестность одевает,
И хладный ветер по листьям
Высоких лип перебегаёт.
Я у окна. Опасно нам
Заснуть. А как узнать? быть мо-
жет.
Приход неожиданный нас встрево-
жит!
Готов мой верный пистолет,
В стволе свинец, на полке порох.
У двери слушаю... чу! — шорох
В развалинах... и крик! — но нет!

То мышь летучая промчалась,
То птица ночи испугалась!
На темной синеве небес
Луна меж тучками ныряет.
Спокоен я. Душа пылает
Отвагой: ни мертвец, ни бес,
Ничто меня не испугает.
Ничто... волшебный талисман
Я на груди ношу с тоскою;
Хоть не твоей любовью лап,
Он освящен твоей рукою!

К ***

Всевышний произнес свой приговор,
[75]
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно все оценит.
Он знает, и ему лишь можно
знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно все, что мог от-
дать.
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,

И мне польстив любовью сперва,
Ты изменила — бог с тобою!
О нет! я б не решился прокля-
нуть!

Все для меня в тебе святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.

Я помню, сорвал я обманом раз
Цветок, хранивший яд страда-
нья, —

С невинных уст твоих в прощаль-
ный час

Непринужденное лобзание;
Я знал: то не любовь — и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд, и мук, и
слез

Веселый миг тебе дорожке!
Будь счастлива несчастием мо-
им

И, услышав, что я страдаю,
Ты не томишь раскаяньем пу-
стым.

Прости! — вот все, что я же-
лаю...

Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:

Ведь жизнь смеется же над нами!

Желание

Зачем я не птица, не ворон степной, [76]

*Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?*

*На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных
горах,
Их забвенный покоится прах.*

*На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;*

*И арфы шотландской струну бы
задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробуж-
ден,
Как раздался, так смолкнул бы
он.*

*Но тщетны мечты, бесполезны
мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны
моей
Расстилаются волны морей.*

*Последний потомок отважных
бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний
душой...
О! зачем я не ворон степной?..*

К деве небесной

Когда бы встретил я в раю

На третьем небе образ твой,
Он душу бы пленил мою
Своей небесной красотой;
И я б в тот миг (не утаю)
Забыл о радости земной.
Спокоен твой лазурный взор,
Как воспоминание об нем;
Как дальный отзыв дальных гор,
Твой голос нравится во всем;
И твой привет и твой укор,
Все полно, дышит божеством.
Не для земли ты создана,
И я могу ль тебя любить?
Другая женщина должна
Надежды юноши манить;
Ты превосходней, чем она,
Но так мила не можешь быть!

Св. Елена

Почтим приветом остров одино-
кой, [77]
Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
Воспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя моги-
ла!

Вот мщение за муки стольких
дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в
ней.

Изгнанник мрачный, жертва ве-
роломства
И рока прихоти слепой,
Погиб как жил — без предков и
потомства —
Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случай-
ной,
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Все в нем было
тайной,
День возвышенья — и паденья час!

К другу В. Ш.

«До лучших дней!» — перед проща-
ньем,[78]
Пожав мне руку, ты сказал;
И долго эти дни я ждал,
Но был обманут ожиданьем!..

*Мой милый! не придут они,
В грядущем счастья так мало!..
Я помню радостные дни,
Но все, что помню, то пропало.*

*Былое бесполезно нам.
Таков маяк, порой ночью
Над бурной бездною морскою
Манящий к верным берегам,*

*Когда на лодке, одинокий,
Несется трепетный пловец
И видит — берег недалекий
И ближе видит свой конец.*

*Нет! обольстить мечтой напрас-
ной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходит сон прекрасный,
Уж просыпается оно!*

Блистая, пробегают облака...

Блистая, пробегают облака[79]

*По голубому небу. Холм крутой
Осенним солнцем озарен. Река
Бежит внизу по камням с быст-
ротой.*

*И на холме пришелец молодой,
Завернут в плащ, недвижимо си-
дит*

*Под старую березой. Он молчит,
Но грудь его подымлетя порой;
Но бледный лик меняет часто
цвет;*

*Чего он ищет здесь? — спокой-
ствия? — о нет!*

Он смотрит вдаль: тут лес пест-
реет, там
Поля и степи, там встречает
взгляд
Опять дубраву или по кустам
Рассеянные сосны. Мир, как сад,
Цветет — надев могильный свой
наряд:
Поблекнувшие листья: жалок
мир!
В нем каждый средь толпы за-
быт и сир;
И люди все к ничтожеству спе-
шат, —
Но, хоть природа презирает их,
Любимцы есть у ней, как у царей
других.

И тот, на ком лежит ее печать,
Пускай не ропщет на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смел ска-
зать,
Что у груди своей она змею
Согрела. «О! когда б одно люблю
Из уст прекрасной мог подслу-
шать я,

*Тогда бы люди, даже жизнь моя
В однообразном северном краю,
Все б в новый блеск оделось!» —
Так мечтал
Беспечный... но просить он неба не
желал!*

Атаман

1

*Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удальцов
Собирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
Вдоль по Волге широкой
На лодке плывут;
И веслами дружными плещут,
И песни поют.*

2

*Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит;
Хоть его лихая семья,
Как волны, шумна — он молчит;
И краса молодая,
Как саван бледна,
Перед ним стоит на коленях.
И молвит она:*

3

*«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой,
Ты поверил злой клеветнице;
Любим мною не был другой.
Мне жребий неволи
Судьбинушкой дан;
Не губи, не губи мою душу
Лихой атаман».*

4

*«Горе девице лукавой, —
Атаман ей, нахмурясь, в от-
вет, —
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нет;
От глаз моих трудно
Проступок укрыть,
Все знаю!.. и вновь не могу я,
Девица, любить!..*

5

*Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран...
Прости же! — лекарство то:
месть!
На что же я здесь атаман?*

*И заплачу ль, как плачет
Любовник другой?..
И смягчишь ли меня ты, девица,
Своею слезой?»*

6

*Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.
Средь пожаров ограбленных
стран
Ты забудешь ли пламенный взор!..
Остался ль ты хладен
И тверд, как в бою,
Когда бросили в пенные волны
Красотку твою?*

7

*Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?..
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать он их любит
С дружиной своей
Слезами вдовиц беззащитных
И кровью детей!*

Исповедь

*Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал,
Что мог монах не лицемерить
И жить, как клятвой обещал;
Что поцелуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближних малые ошибки
Они прощают иногда,
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворен,
Что добродетель не названье
И жизнь поболее, чем сон!..*

*Но вере теплой опыт хладный
Противуречит каждый миг,
И ум, как прежде безотрадный,
Желанной цели не достиг;
И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших — по святых видений,
И тени чувств, каких уж нет;
Его ничто не испугает,
И то, что было б яд другим,
Его живет, его питает
Огнем язвительным своим.*

Надежда

*Есть птичка рая у меня,
На кипарисе молодом
Она сидит во время дня,
Но петь никак не станет днем;
Лазурь небес — ее спина,
Головка пурпур, на крылах
Пыль золотистая видна, —
Как отблеск утра в облаках.
И только что земля уснет,
Одета мглой в ночной тиши,
Она на ветке уж поет
Так сладко, сладко для души,
Что поневоле тягость мук
Забудешь, внемя песни той,
И сердцу каждый тихий звук
Как гость приятен дорогой;
И часто в бурю я слыхал
Тот звук, который так люблю;
И я всегда надеждой звал
Певицу мирную мою!*

Видение

Я видел юношу: он был верхом[80]

На серой борзой лошади — и
мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы.
Вечер
Погас уж на багряном небоскло-
не,
И месяц в облаках блистал и в
волнах;
Но юный всадник не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной; жарко
Пылали смуглые его ланиты,
И черный взор искал чего-то все
В туманном отдаленье — темно,
смутно
Являлося минувшее ему —
Призрак остерегающий, который
Пугает сердце страшным пред-
сказаньем.
Но верил он — одной своей любви.
Он мчится. Звучный топот по по-
лям
Разносит ветер; вот идет прохо-
жий;
Он путника остановил, и этот
Ему дорогу молча указал
И скрылся, удалялся в дубраве.
И всадник примечает огонек,
Трепещущий на берегу против-

ном,
И различил окно и дом, но мост
Изломан... и несется быстро
Клязьма.

Как воротиться, не прижав к
устам

Пленительную руку, не слыхав
Волшебный голос тот, хотя б
укор

Произнесли ее уста? о! нет! —
Он вздрогнул, натянул бразды,
толкнул

Коня — и шумные плеснули воды,
И с пеною раздвинулись они;
Плывет могучий конь — и бли-
же — ближе.

И вот уж он на берегу другом
И на гору летит. И на крыльцо
Соскакивает гоноша — и входит
В старинные покои... нет ее!

Он проникает в длинный коридор,
Трепещет... нет нигде... Ее сестра
Идет к нему навстречу. О! когда б
Я мог изобразить его страданье!
Как мрамор бледный и безглас-
ный, он

Стоял... Века ужасных мук равны
Такой минуте. Долго он стоял,

Вдруг стон тяжелый вырвался из
груди,
Как будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Он вышел мрачно,
твердо,
Прыгнул в седло и поскакал
стремглав,
Как будто бы гналося вслед за
ним
Раскаянье... И долго он скакал,
До самого рассвета, без дороги,
Без всяких опасений — наконец
Он был терпеть не в силах... и за-
плакал:
Есть вредная роса, которой капли
На листьях оставляют пятна —
так
Отчаянья свинцовая слеза,
Из сердца вырвавшись насильно,
может
Скатиться, — но очей не осве-
жит!
К чему мне приписать виденье
это?
Ужели сон так близок может
быть
К существенности хладной? Нет!
Не может сон оставить след в

душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть и что
имеет
Влияние на сердце и судьбу.

Мой сон переменялся невзначай...

*Мой сон переменялся невзначай:
Я видел комнату; в окно светил
Весенний, теплый день; и у окна
Сидела дева, нежная лицом,
С очами полными душой и жизнью;
И рядом с ней сидел в молчанье
мне
Знакомый юноша; и оба, оба
Старались довольными казаться,
Однако же на их устах улыбка,
Едва родившись, томно умирала;
И юноша спокойный, мнилось,
был,
Затем что лучше он умел таить
И побеждать страданье. Взоры
девы
Блуждали по листам открытой*

книги,
Но буквы все сливались под ни-
ми...
И сердце сильно билось — без при-
чины, —
И юноша смотрел не на нее,
Хотя об ней лишь мыслил он в
разлуке,
Хотя лишь ею дорожил он больше
Своей непобедимой гордой чести;
На голубое небо он смотрел,
Следил серебристых облаков от-
рывки
И, с сжатою душой, не смел
вздохнуть,
Не смел пошевелиться, чтобы
этим
Не прекратить молчанья; так бо-
ялся
Он услышать ответ холодный или
Не получить ответа на моленья.
Безумный! ты не знал, что был
любим,
И ты о том проведаль лишь то-
гда,
Как потерял ее любовь навеки;
И удалось привлечь другому ле-
стью

*Все, все желанья девы легковер-
ной!*

Чаша жизни

1

*Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;*

2

*Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И все, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;*

3

*Тогда мы видим, что пуста
Была золотая чаша,
Что в ней напиток был — мечта,
И что она — не наша!*

К Л...

(Подражание Байрону)[81]

1

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Все будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!

2

Принадлежишь другому ты,
Забывт певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В безвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!

3

И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,

*Все сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!*

К Н.И...

*Я не достоин, может быть, [82]
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.
В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может*

Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном сострада-
нье
Вновь обвиняемой не быть!

Воля

Моя мать — злая кручина,[83]
Отцом же была мне — судьбина;
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться!

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,

Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —
Березы да сосны.
Несусь ли я на коне —
Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой —
Небо светит мне луной;
Мои братья, в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир — необъятное!

Сентября 28

Опять, опять я видел взор твой
милый, [84]
Я говорил с тобой. И мне былое,
взятое могилой,
Напомнил голос твой. К чему? —

другой лобзает эти очи
И руку жмет твою. Другому го-
лос твой во мраке ночи
Твердит: люблю! люблю!
Откройся мне: ужели непритвор-
ны
Лобзания твои? Они правам су-
пружества покорны,
Но не правам любви;
Он для тебя не создан; ты роди-
лась
Для пламенных страстей.
Отдав ему себя, ты не спросилась
У совести своей.
Он чувствовал ли трепет потаен-
ный
В присутствии твоём;
Умел ли презирать он мир пре-
зренный,
Чтоб мыслить об одном;
Встречал ли он с молчаньем и
слезами
Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал го-
дами
Мгновениям с тобой?
Нет! я уверен, твоего блажен-
ства

*Не может сделать тот,
Кто красоты наружной совершен-
ства
Одни в тебе найдет.
Так! ты его не любишь... тайной
властью
Прикована ты вновь
К душе печальной, незнакомой
счастью,
Но нежной, как любовь.*

Зови надежду сновиденьем...

*Зови надежду сновиденьем,[85]
Неправду — истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!
Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего;
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.*

Прекрасны вы, поля земли родной...

Лермонтов. Конь

Прекрасны вы, поля земли родной,

[86]

Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее наро-
ды!..

Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пе-
леной,

И так она свежа, и так родня с
душой,
Как будто создана лишь для сво-
боды...

Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий, серебри-
стый
И для страны порочной слишком
чистый

*Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряд-
да
И позабытый прах, но мне, но мне
бесценный.*

Метель шумит, и снег валит...

*Метель шумит, и снег валит,
Но сквозь шум ветра дальний
звон,
Порой прорвавшись, гудит;
То отголосок похорон.
То звук могилы над землей,
Умершим весть, живым укор,
Цветок поблекший гробовой,
Который не пленяет взор.
Пугает сердце этот звук,
И возвещает он для нас
Конец земных недолгих мук,
Но чаще новых первый час...*

Песня

Ликуйте, друзья, ставьте чаши

вверх дном,
Пейте! На пиру этой жизни, как
здесь на моем,
Не робейте.
Как чаши, не бойтесь все ставить
вверх дном.
Что стоит уж вверх дном, то не
может мешать
Плутам! Я советую детям своим
повторять
(Даже с прутом):
Что стоит уж вверх дном, то не
может мешать.
Я люблю очень дно доставать на
пирах
В чаше! И даже в других больше
нежных местах
У П...е. На дне лишь есть жемчуг в
морских глубинах!

Небо и звезды

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и поду-
мать:

Звезды, вы ясны, как счастье мое!

*Чем ты несчастлив,
Скажут мне люди?
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек!..*

*Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрас-
ным,
Только их место занять бы же-
лал.*

СЧАСТЛИВЫЙ МИГ

*Не робей, краса младая,
Хоть со мной наедине;
Стыд ненужный отгоняя,
Подойди — дай руку мне.
Не тепла твоя светлица,
Не мягка постель твоя,
Но к устам твоим, девица,*

Я прильну — согреюсь я.
От нескромного невежды
Занавесь окно платком;
Ну — скидай свои одежды,
Не упрямясь, мы вдвоем;
На пирах за полной чашей,
Я клянусь, не расскажу
О взаимной страсти нашей;
Так скорее ж... я дрожу.
О! как полны, как прекрасны
Груды жаркие твои,
Как румяны, сладострастны
Пред мгновением любви;
Вот и маленькая ножка,
Вот и круглый гибкий стан,
Под сорочкой лишь немножко
Прячешь ты свой талисман;
Перед тем, чтобы лишиться
Непорочности своей,
Так невинна ты, что мнится,
Я, любя тебя, — злодей.
Взор, склоненный на колена,
Будто молит пощадить;
Но ужасным, друг мой Лена,
Миг один не может быть.
Полон сладким ожиданьем,
Я лишь взор питаю свой;
Ты сама, горя желаньем,

*Призовешь меня рукой;
И тогда душа забудет
Все, что в муку ей дано,
И от счастья нас разбудит
Истощение одно.*

Когда б в покорности незнания...

1

*Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свер-
шиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.*

2

*Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где все земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне*

*Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел неж-
ный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.*

Кто видел Кремль в час утра золотой...

*Кто видел Кремль в час утра зо-
лотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой про-
стой,
Как царь, белеет башня-великан?..*

Я видел тень блаженства...

*Я видел тень блаженства: но
вполне,[87]
Свободно от людей и от земли,
Не суждено им насладиться мне.
Быть может, манит только из-
дали
Оно надежду; получив, — как
знать? —
Быть может, я б его стал прези-*

рать

И увидал бы, что ни слез, ни мук
Не стоит счастье, ложное как
звук.

Кто скажет мне, что звук ее ре-
чей

Не отголосок рая? что душа
Не смотрит из живых очей,
Когда на них смотрю я, чуть ды-
ша?

Что для мученья моего она,
Как ангел казни, богом создана?
Нет! чистый ангел не виновен в
том,

Что есть пятно тоски в уме мо-
ем;

И с каждым годом шире то пят-
но;

И скоро все поглотит, и тогда
Узнаю я спокойствие, оно,
Наверно, много причинит вреда
Моим мечтам и пламень чувств
убьет,

Зато без бурь напрасных приве-

дет

*К уничтоженью; но до этих дней
Я волен — даже — если раб стра-
стей!*

*Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной — и все, что чуждо
ей,
То чуждо мне; я родину люблю
И больше многих: средь ее полей
Есть место, где я горесть начал
знать,
Есть место, где я буду отдыхать,
Когда мой прах, смешавшись с
землей,
Навеки прежний вид оставит
свой.*

*О мой отец! где ты? где мне най-
ти
Твой гордый дух, бродящий в небе-
сах?
В твой мир ведут столь разные
пути,
Что избирать мешает тайный
страх.*

*Есть рай небесный! — звезды гово-
рят;
Но где же? вот вопрос — и в нем-
то яд;
Он сделал то, что в женском
сердце я
Хотел сыскать отраду бытия.*

О, не скрывай! ты плакала об нем...

*О, не скрывай! ты плакала об нем
—
И я его люблю; он заслужил
Твою слезу, и если б был врагом
Моим, то я б с тех пор его любил.
И я бы мог быть счастлив; но за-
чем
Искать условий счастья в былом!
Нет! я доволен должен быть и
тем,
Что зрел, как ты жалела о дру-
гом!*

К*

Ты слишком для невинности ми-

ла,[88]

И слишком ты любезна, чтоб любить!

Полмиру дать ты счастье б могла,

Но счастливой самой тебе не быть;

Блаженство нам не посылает рок
Вдвойне. Видала ль быстрый ты
поток?

Брега его цветут, тогда как дно
Всегда глубоко, хладно и темно!

Кто в утро зимнее...

Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег и красная заря
На степь седую с трепетом гля-
дит,

Внимал колоколам монастыря;
В борьбе с порывным ветром
этот звон

Далеко им по небу унесен, —
И путникам он нравился не раз,
Как весть кончины иль бес-
смертья глас.

*И этот звон люблю я! — Он цветок
Могильного кургана, мавзолей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастья людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный властелин,
Он возвещает миру все, но сам —
Сам чужд всему, земле и небесам.*

Ангел

*По небу полуночи ангел летел, [89]
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.*

*Он пел о блаженстве безгрешных
духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

Он душу младую в объятиях нес

*Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.*

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Стансы.

К Д***

1

*Я не могу ни произнести, [90]
Ни написать твое название:
Для сердца тайное страданье
В его знакомых звуках есть;
Суди ж, как тяжело это слово
Мне услышать в устах другого.*

2

*Какое право им дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смею,
Ужели им позволено?
Как я, ужель они искали
Свой рай в тебе одной? — едва ли!*

3

*Ни перед кем я не склонял
Еще послушного колена;
То гордости была б измена:
А ей лишь робкий изменял;
И не поникну я главою,
Хотя б то было пред судьбою!*

4

*Но если ты перед людьми
Прикажешь мне унижить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Все клятвы, кроме клятв любви
Пускай им скажут, дорогая,
Что это сделал для тебя я!*

5

*Улыбку я твою видал,
Она мне сердце восхищала,
И ей, так думал я сначала.
Подобной нет — но я не знал,
Что очи, полные слезами,
Равны красою с небесами.*

6

*Я видел их! и был вполне
Счастлив — пока слеза катилась,*

*В ней искра божества хранилась,
Она принадлежала мне.
Так! все прекрасное, святое,
В тебе — мне больше чем родное.*

7

*Когда б миры у наших ног
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастьем не мог,
Ему страшны молвы сужденья,
Оно цветок уединенья.*

8

*Ты помнишь вечер и луну,
Когда в беседке одинокой
Сидел я с думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Как мне мила тех дней беспеч-
ность!
За вечер тот я б не взял вечность.*

9

*Так за ничтожный талисман,
От гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчуг, золото,
И все богатства чуждых стран:
Закону строгому послушный,*

Он их отвергнет равнодушно!

Ужасная судьба отца и сына...

Ужасная судьба отца и сына[91]
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника
иметь
На родине с названьем граждани-
на!
Но ты свершил свой подвиг, мой
отец,
Постигнут ты желанною кончи-
ной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен
был конец
Того, кто был всех мук твоих при-
чиной!
Но ты простишь мне! Я ль вино-
вен в том,
Что люди угасить в душе моей
хотели
Огонь божественный, от самой
колыбели
Горевший в ней, оправданный
творцом?
Однако ж тщетны были их жела-

нья:

Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страдания!

Не мне судить, виновен ты иль нет;

Ты светом осужден? Но что такое свет?

Толпа людей, то злых, то благосклонных,

Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.

Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей,

Ты счастливей меня, перед тобой
Как море жизни — вечность роковая

Неизмеримою открылась глубиной.

Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне

О днях, потерянных в тревоге и слезах?

О сумрачных, но вместе милых днях,

Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О, если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

Пусть я кого-нибудь люблю...

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу — как неба властелин —
В прекрасном мире — но один.

К другу

Забудь опять
Свои надежды;
Об них вздыхать
Судьба невежды;
Она дитя:
Не верь на слово;
Она шутя
Полюбит снова;
Все, что блестит,
Ее пленяет;
Все, что грустит,
Ее пугает;
Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно;
Но чужд для них
Прошлец свободный;
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

Пора уснуть последним сном...

*Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем,
И ненавидя и любя.*

Из Паткуля

*Напрасна врагов ядовитая злоба,
[92]
Рассудят нас бог и преданья лю-
дей;
Хоть розны судьбою, мы боремся
оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пускай я погибну... близ сумрака
гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает все выше и вы-
ше
И вьется, как дым над железною
крышей!*

Я не для ангелов и рая...

*Я не для ангелов и рая[93]
Всесильным богом сотворен;*

Но для чего живу, страдая,
Про это больше знает он.
Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный стран-
ник,
Для мира и небес чужой;
Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.

Портрет

Лермонтов. 1838. Художник А. И. Клюндер

Взгляни на этот лик; искусством
он
Небрежно на холсте изображен,
Как отголосок мысли неземной,
Не вовсе мертвый, не совсем жи-
вой;
Холодный взор не видит, но гля-
дит
И всякого, не нравясь, удивит;
В устах нет слов, но быть они
должны:
Для слов уста такие рождены;

*Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, — и бледное чело
Лишь потому не страшно для
очей,
Что нам известно: не гроза стра-
стей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца*

нет.

*О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных — пред картиною
моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела.*

Настанет день...

*Настанет день — и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный
Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред тобою,
Я твердо жду тот час;
Что смерть? — лишь ты не изменишь душою
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
Любви не охладят,
Где не отнимет счастья из шутки,
Как здесь, у брата брат.*

Когда же весть кровавая при-
мчится
О гибели моей,
И как победе станут веселиться
Толпы других людей;
Тогда... молю! — единою слезою
Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тос-
кою
Искал в твоих очах...
Блаженства юных лет и сожален-
ья;
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным уко-
ром
И речью клеветы
Обиженную тень, — не жди поща-
ды;
Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг от-
рады
Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю бес-
печность,

*Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как
вечность,
А все не будешь жить.*

К Д.

*Будь со мною, как прежде бывала;
[94]*

*О, скажи мне хоть слово одно;
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно;*

*Если искра надежды хранится
В моем сердце — она оживет;
Если может слеза появиться
В очах — то она упадет.*

*Есть слова объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой;*

О, поверь мне, холодное слово

*Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!*

Песня

*Желтый лист о стебель бьется
Перед бурей:
Сердце бедное трепещет
Пред несчастьем.*

*Что за важность, если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко, далеко,
Пожалеет ли об нем
Ветка сирая;*

*Зачем грустить молодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
Пожалеет ли об нем
Красна девица?*

К Нэере

Скажи, для чего перед нами
Ты в кудри вплетаешь цветы?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной, как ты?
Зачем приводить нам на память,
Что могут ланиты твои
Увянуть, что взор твой забудет
Восторги надежд и любви?
Дивлюсь я тебе: равнодушно,
Беспечно ты смотришь вперед;
Смеешься над временем, будто
Нэеру оно обойдет.
Ужель ты безумным весельем
Прогнать только хочешь порой
Грядущего тени? ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лет протекут: ни лобза-
ньем,
Ни сладкой улыбкою глаз
К себе на душистое ложе
Опять не заманишь ты нас.
О, лучше умри поскорее,
Чтоб юный красавец сказал:
«Кто был этой девы милее?
Кто раньше ее умирал?»

Отрывок

Три ночи я провел без сна — в тоске,[95]

В молитве, на коленях, — степь и небо

Мне были храмом, алтарем курган;

И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,

То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю,
мертвецы

Вскочили б, загремев одеждой
бранной!

О боже! как? — одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех ночей?

Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных
детей

Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насильно

Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в мщенье обратила все,
Что в нем похоже было на лю-

бовь;
Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик — и этого довольно;
Мой час настал — час славы иль
стыда;
Бессмертен иль забыт я навсегда.

Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятия приняла,
В лесу холодном в грозный час ме-
тели
Я сладость пил с ее волшебных
уст,
Но для моих желаний мир был
пуст,
Они себе предмета в нем не зрели;
На звезды устремлял я часто
взор
И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них ро-
дился;
Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;

*И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть на-
прасной
И бесполезной для страны род-
ной;
Но, как надежда, чистой и пре-
красной,
Как вольность, сильной и святой.*

Баллада

*В избушке позднюю порою[96]
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосой
На небе зарево горит...
И, люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...*

*«Не плачь, не плачь! иль сердцем
чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!*

Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум — и в двери входит во-
ин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он, —
Свершилось! торжествуй, прокля-
тый!..
Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертью бойца.

*Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..»*

Силуэт

*Есть у меня твой силуэт,
Мне мил его печальный цвет;
Висит он на груди моей,
И мрачен он, как сердце в ней
В глазах нет жизни и огня,
Зато он вечно близ меня;
Он тень твоя, но я люблю,
Как тень блаженства, тень твою.*

Как дух отчаянья и зла...

*Как дух отчаянья и зла,
Мою ты душу обняла;
О! для чего тебе нельзя
Ее совсем взять у меня?*

*Моя душа твой вечный храм:
Как божество, твой образ там;
Не от небес, лишь от него
Я жду спасенья своего.*

Я не люблю тебя...

*Я не люблю тебя; страстей[97]
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Все жив, хотя бессилен он;
Другим предавшись мечтам,
Я все забыть его не мог;
Так храм оставленный — все
храм,
Кумир поверженный — все бог!*

Стансы

*Мгновенно пробежав умом[98]
Всю цепь того, что прежде бы-
ло, —
Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило,
Как настоящее, оно
Страстями бурными облито*

*И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забы-
тый.*

*Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.
Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула
И, бывши все мне на земле,
Как все земное, обманула.*

1830 — 1831

Звезда

*Вверху одна[99]
Горит звезда;
Мой ум она
Манит всегда;
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет!
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор.*

Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда,
Он был далек.
Усталых вежд
Я не смыкал,
Я без надежд
К нему взирал!

Раскаянье

К чему мятежное роптанье,
Укор владеющей судьбе?
Она была добра к тебе,
Ты создал сам свое страданье.
Бессмысленный, ты обладал
Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом не зараженной,
И этот клад ты потерял.
Огонь любви первоначальной
Ты в ней решился зародить
И далее не мог любить,
Достигнув цели сей печальной.
Ты презрел все; между людей
Стоишь, как дуб в стране пустынной,
И тихий плач любви невинной

Не мог потрясть души твоей.
Не дважды бог дает нам радость,
Взаимной страстью веселя;
Без утешения, томя,
Пройдет и жизнь твоя, как младость.
Ее лобзанье встретишь ты
В устах обманщицы прекрасной;
И будут пред тобой всечасно
Предмета первого черты.
О, вымоли ее прощенье,
Пади, пади к ее ногам,
Не то ты приготовишь сам
Свой ад, отвергнув примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежним чувствам нет возврата,
Ты вечно первую утрату
Не будешь в силах заменить.

Венеция

Врубель. Венеция

Поверхностью морей отражена,
[100]
Богатая Венеция почила,
Сырой туман дымился, и луна

*Высокие твердыни серебрила.
Чуть виден бег далекого ветрила,
Студеная вечерняя волна
Едва шумит под веслами гондолы
И повторяет звуки баркаролы.*

Мне чудится, что это ночи стон,
Как мы, своим покоем недоволь-
ной,
Но снова песнь! и вновь гитары
звон!
О, бойтесь, мужья, сей песни воль-
ной.
Советую, хотя мне это больно,
Не выпускать красавиц ваших
жен;
Но если вы в сей миг неверны са-
ми,
Тогда, друзья! да будет мир меж
вами!
И мир с тобой, прекрасный Чичиз-
бей,
И мир с тобой, лукавая Мелина.
Неситесь по прихоти морей,
Любовь нередко бережет пучина;
Хоть и над морем царствует
судьбина,
Гонитель вечный счастливых лю-
дей,
Но талисман пустынного лобза-
нья
Уводит сердца темные мечта-
нья.
Рука с рукой, свободу дав очам,

Сидят в ладье и шепчут меж со-
бою;
Она вверяет месячным лучам
Младую грудь с пленительной ру-
кою,
Укрытые досель под епанчою,
Чтоб юношу сильнее прижать к
устам;
Меж тем вдали то грустный, то
веселый
Раздался звук обычной баркаро-
лы:
Как в дальнем море ветерок,
Свободен вечно мой челнок;
Как речки быстрое русло,
Не устает мое весло.
Гондола по воде скользит,
А время по любви летит;
Опять сровняется вода,
Страсть не воскреснет никогда.

Я видел раз ее в веселом вихре бала...

*Я видел раз ее в веселом вихре ба-
ла;[101]
Казалось, мне она понравиться
желала;*

Очей приветливость, движений
быстрота,
Природный блеск ланит и груди
полнота —
Все, все наполнило б мне ум оча-
рованьем,
Когда б совсем иным, бессмыслен-
ным желаньем
Я не был угнетен; когда бы предо
мною
Не пролетала тень с насмешкою
пустой,
Когда б я только мог забыть чер-
ты другие,
Лицо бесцветное и взоры ледя-
ные!..

Подражание Байрону

Не смейся, друг, над жертвою
страстей, [102]
Венец терновый я сужден вла-
чить;
Не быть ей вечно у груди моей,
И что ж, я не могу другой лю-
бить.
Как цепь гремит за узником, за

мною
Так мысль о будущем, и нет иной.
Я вижу длинный ряд тяжелых
лет,
А там людьми презренный гроб,
он ждет,
И до него надежды нет, и нет
За ним того, что ожидает тот,
Кто жил одной любовью, погубил
Все в жизни для нее, а все любил.
И вынести мог сей взор ледяный я
И мог тогда ей тем же отве-
чать.
Увижу на руках ее дитя
И стану я при ней его ласкать,
И в каждой ласке мать узнает
вновь,
Что время не могло унести лю-
бовь!..

К Дурнову

Довольно любил я, чтоб вечно гру-
стить,
Для счастья же мало любил,
Но полно, что пользы мне душу
открыть,

Зачем я не то, что я был?
В вечернее время, в час первого
сна,
Как блещет туман средь долин.
На месте, где прежде бывала она,
Брожу беспокоен, один.
Тогда ты глаза и лицо примечай,
Движенья спеши понимать,
И если тебе удалось... то ступай!
Я больше не мог бы сказать.
Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых
дней;
Но не проснется звонкая струна
Под белоснежною рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою
любовь,
Уж будет спать, чтоб не
проснуться вновь.
На темной скале над шумящим
Днепром
Растет деревцо молодое;
Деревцо мое ветер ни ночью, ни
днем
Не может оставить в покое;
И, лист обрывая, ломает и гнет,

Но с берега в волны никак не сорвет.

Таков несчастливец, гонимый судьбой;

Хоть взяты желанья могилой,
Он должен влачить одинок под луной

Обломки сей жизни остылой;
Он должен надежды свои пережить

И с любовью в сердце бояться любить!

Арфа

I

Когда зеленый дерн мой скроет прах,

Когда, простясь с недолгим бытием,

Я буду только звук в твоих устах,
Лишь тень в воображении твоём;

Когда друзья молодые на пирах
Меня не станут поминать вином. —

Тогда возьми простую арфу ты,
Она была мой друг и друг мечты.

II

*Повесь ее в дому против окна,
Чтоб ветер осени играл над ней
И чтоб ему ответила она
Хоть отголоском песен прошлых
дней;
Но не проснется звонкая струна
Под белоснежною рукой твоей,
Затем что тот, кто пел твою
любовь,
Ужбудет спать, чтоб не
проснуться вновь.*

Не знаю, обманут ли был я...

*Не знаю, обманут ли был я,
Осмеян тобой или нет,
Но клянуся, что сам любил я
И остался от этого след.
Заклинаю тебя всем небесным
И всем, что не сбудется вновь,
И счастьем мне неизвестным,
О, прости мне мою любовь.
Ты не веришь словам без искус-
ства,
Но со временем эти листы
Тебе объяснят мои чувства
И то, что отвергнула ты.*

*И ты вздохнешь, может стать-
ся,
С слезою на ясных очах
О том, кто не будет нуждаться
Ни в печали чужой, ни в слезах.
И мир не увидит холодный
Ми желанье, ни грусть, ни мечты
Души молодой и свободной,
С тех пор как не видишь их ты.
Но если бы я возвратился
Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б ре-
шился
И любить бы иначе не мог.*

Пир Асмодея

(Сатира)[103]

*У беса праздник. Скачет пред-
ставляться
Чертей и душ усопших мелкий
сброд,
Кухмейстеры за кушаньем тру-
дятся,
Прозябнувши, придворный в зале
ждет.
И вот за стол все по чинам са-*

дятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.

По правую сидел приезжий <Павел>
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных правил
(Распространять сужденья дураков
Он средство нам превечное доставил).
Сидят. Вдруг настезь дверь и звук шагов:
Три демона, войдя с большим поклоном,
Кладут свои подарки перед троном.

1-й демон

Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала

*И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного дая-
нья,
Хоть эта вещь не стоила назва-
нья.*

*«C'est trop commin!»[104] — вос-
кликнул бес державный
С презрительной улыбкою сво-
ей. —
«Подарок твой подарок был бы
славный,
Но новизна царица наших дней;
И мало ли случилось недавно,
И как не быть приятных мне ве-
стей;
Я думаю, слышали даже стены
Про эти бесконечные измены».*

2-й демон

*На стол твой я принес вино свобо-
ды;
Никто не мог им жажды уто-
лить,
Его земные опились народы*

*И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против об-
щей моды?
И нам ли разрушение усыпить?
Прими ж напиток сей, земли вла-
ститель,
Единственный мой царь и повели-
тель.*

*Тут все цари невольно взбелени-
лись,
С тарелками вскочили с мест
своих,
Бояся, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в по-
добный миг;
Но главный бес с геройскою
ухваткой
На землю выплеснул напиток
сладкой.*

3-й демон

*В Москву болезнь холеру прита-
щили,
Врачи вступились за нее тотчас,*

Они морили, и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, вовремя вспомнил
нас,
И он кого-то хлору пить заста-
вил
И к прадедам здорового отправил.

Сказал и подает стакан фаталь-
ный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и пе-
чальный,
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи даль-
ней,
Но мне милее всех подарок твой».
Так молвил Асмодей и все смеял-
ся,
Покуда пир вечерний продолжал-
ся.

Сон

Я видел сон: прохладный гаснул

день,
От дома длинная ложилась тень,
Луна, взойдя на небе голубом,
Играла в стеклах радужным ог-
нем;
Все было тихо, как луна и ночь,
И ветер не мог дремоты перевоз-
мочь.
И на большом крыльце, меж двух
колонн,
Я видел деву; как последний сон
Души, на небо призванной, она
Сидела тут пленительна, груст-
на;
Хоть, может быть, притворная
печаль
Блестела в этом взоре, но едва ль.
Ее рука так трепетна была,
И грудь ее младая так тепла;
У ног ее (ребенок, может быть)
Сидел... ах! рано начал он любить,
Во цвете лет, с привязчивой ду-
шой,
Зачем ты здесь, страдалец моло-
дой?
И он сидел и с страхом руку жал,
И глаз ее движенья провожал.
И не прочел он в них судьбы завет,

*Мучение, заботы многих лет,
Болезнь души, потоки горьких
слез,
Все, что оставил, все, что пере-
нес;
И дорожил он взглядом тех очей,
Причиною гибели своей...*

На картину Рембрандта

*Ты понимал, о мрачный гений,
[105]
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Все то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступ-
леньем
Высокий ум его убит;
Все темно вокруг: тоской, сомне-
ньем
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с приро-
ды,*

*И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.*

К***

*О, полно извинять разврат![106]
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.*

*Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.*

Ты пел о вольности, когда

Тиран гремел, грозили казни:
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

Прощанье

Прости, прости!
О сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекий край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека,
О, лишь на миг,
Прошу, приди
И оживи
В моей груди
Огонь любви.
Я здесь больной,
Один, один,
С моей тоской,

Как властелин,
Разлуку я
Переживу ль
И ждать тебя
Назад могу ль?
Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
Назло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пускай тогда
Застанет нас!

К приятелю

Мой друг, не плачь перед разлукой
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь,
Ты сам же после осмеешь
Тоску любви легковёрной,
Которая закралась в грудь.
Что раз потеряно, то, верно,
Вернется к нам когда-нибудь.
Но невиновен рок бывает,
Что чувство в нас неглубоко,
Что наше сердце изменяет

Надеждам прежним так легко,
Что, получив опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаем мы их приметы,
Не прельщены их красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не верим слабою душой,
И даже то относим к счастью,
Что нам казалось бедой.

Смерть

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора до-
мой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни
лет;
Где нет ни ожиданий, ни стра-
стей,
Ни горьких слез, ни славы, ни че-
стей;
Где вспоминанье спит глубоким
сном
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его гры-
зет.

Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной
вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему стра-
дать
И столько же любить? Всесиль-
ный бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых
дней,
Но только дальше, дальше от лю-
дей.

Волны и люди

Волны катятся одна за другою
С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной тол-

пою

Также один за другим.

Волнам их воля и холод дорожке
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... и что
же? —
Души в них води холодней!

Звуки

Что за звуки! неподвижен, внемлю[107]
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Все, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,

Образ милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлу-
ки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней,
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.

11 июля

Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепью холмов,
Краснея, ярко заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель все было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,
В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады.

Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Все, в чем хоть искра есть стра-
данья!

Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищ не слышал.

Первая любовь

В ребячестве моем тоску любви
знойной
Уж стал я понимать душою бес-
покойной;
На мягком ложе сна не раз во
тьме ночной,
При свете трепетном лампы
образной,
Воображением, предчувствием
томимый,
Я предавал свой ум мечте непобе-
димой.
Я видел женский лик, он хладен

был как лед,
И очи — этот взор в груди моей
живет;
Как совесть душу он хранит от
преступлений;
Он след единственный младенче-
ских видений.
И деву чудную любил я, как лю-
бить
Не мог еще с тех пор, не стану,
может быть.
Когда же улетал мой призрак
драгоценный,
Я в одиночестве кидал свой взгляд
смущенный
На стены желтые, и мнилось, те-
ни с них
Сходили медленно до самых ног
моих.
И мрачно, как они, воспоминанье
было
О том, что лишь мечта и между
тем так мило.

Поле Бородина

Лермонтов. Конногренадер. Бумага, тушь,
перо. 1830

1

*Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову поднял с лафета,
Товарищу сказад:
«Брат, слушай песню непогоды:*

Она дика, как песнь свободы». Но, вспоминая прежние годы, Товарищ не слахал.

2

Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар неожиданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой.

3

Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомня, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщенья тряслася,
И пуля смерти понеслася

Из моего ружья.

4

Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

5

Живые с мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,
И тех, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали,
Противник отступил;
Но день достался нам дорожке!
В душе сказав: помилуй боже!
На труп застывший, как на ложе,
Я голову склонил.

*И крепко, крепко наши спали
Отчизны в роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали!
Но этим не могли помочь.
Однако же в преданьях славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремит Бородино.
Скорей обманет глас пророчий,
Скорей небес погаснут очи,
Чем в памяти сынов полночи
Изгладится оно.*

Мой дом

*Мой дом везде, где есть небесный
свод,
Где только слышны звуки песен,
Все, в чем есть искра жизни, в
нем живет,
Но для поэта он не тесен.
До самых звезд он кровлей достига-
ет,
И от одной стены к другой —
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.
Есть чувство правды в сердце че-*

ловека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, тече-
нье века
Объемлет в краткий миг оно.
И всемогущим мой прекрасный
дом
Для чувства этого построено,
И осужден страдать я долго в
нем,
И в нем лишь буду я спокоен.

Смерть

Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал, и вдруг я пробудился,
Но пробужденье тоже было сон;
И думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если
Одно воображение творит
Тот новый мир, который застав-
ляет
Нас презирать бесчувственную
землю.
Казалось мне, что смерть дыха-
нием хладным

Уж начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билось, но крепко,
С болезненным каким-то содроганьем,
И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы, но товарищу бывшему
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.
Между двух жизней в страшном промежутке
Надежд и сожалений, ни об той,
Ни об другой не мыслил я, одно
Сомненье волновало грудь мою,
Последнее сомненье! Я не мог
Понять, как можно чувствовать
блаженство
Иль горькие страдания далеко
От той земли, где в первый раз я
понял,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Где жадно я искал самопознания,
Где столько я любил и потерял,

Любил согласно с этим бренным
телом,
Без коего любви не понимал я.
Так думал я и вдруг душой забыл-
ся,
И чрез мгновенье снова жил я,
Но не видал вокруг себя предме-
тов
Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспо-
койств
О будущей судьбе моей и смерти:
Все было мне так ясно и понятно,
И ни о чем себя не вопрошал я,
Как будто бы вернулся я туда,
Где долго жил, где все известно
мне,
И лишь едва чувствительная тя-
гость
В моем полете мне напоминала
Мое земное, краткое изгнанье.

Вдруг предо мной в пространстве
бесконечном
С великим шумом развернулась
книга
Под неизвестною рукой. И много

Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми слова-
ми:

Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчез-
ла книга,

И опустело небо голубое;
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не рассекал крылом полей воз-
душных,

Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.

Я вздрогнул, прочитав свой жре-
бий.

Как? Мне лететь опять на эту
землю,

Чтоб увидеть ряды тех зол, ко-
торым

Причиной были детские ошибки?
Увижу я страдания людей,

И тайных мук ничтожные причи-
ны,

И к счастью людей увижу сред-
ства,

И невозможно будет научить их.

Но так и быть, лечу на землю.

Первый

Предмет могила с пышным мавзолеем,

Под коим труп мой люди схоронили.

И захотелось мне в гроб проникнуть,

И я сошел в темницу, длинный гроб,

Где гнил мой труп, и там остался я.

Здесь кость была уже видна, здесь мясо

Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.

С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин
глаз,

То вновь скрывался в безобразный череп.

И что же? каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,

Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего ее печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно,
тщетно.

Уничтоженья быстрые следы
Текли по нем, и черви умножа-
лись,
И спорили за пищу остальную,
И смрадную, сырую кожу грызли.
Остались кости, и они исчезли,
И прах один лежал наместо те-
ла.

Одной исполнен мрачною надеж-
дой,
Я припадал на бранные остатки,
Стараясь их дыханием согреть
Иль оживить моей бессмертной
жизнью;
О, сколько б отдал я тогда зем-
ных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну
минуту
Почувствовать в них теплоту.
Напрасно, Закону лишь послуш-
ные, они

Остались хладны, хладны как пре-
зренье.

Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех
людей.

С отчаяньем бессмертья долго,
долго,

Жестокого свидетель разруше-
нья,

Я на творца роптал, страшась
молиться,

И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...

Но замер голос мой, и я проснул-
ся.

Стансы

Автограф стихотворения «Стансы» (1830) с
портретом Сушковой

Мне любить до могилы творцом
суждено!
Но по воле того же творца
Все, что любит меня, то погиб-
нуть должно
Иль, как я же, страдать до конца.
Моя воля надеждам противна
моим,
Я люблю и боюсь быть взаим-
но любим.

На пустынной скале незабудка
весной
Одна без подруг расцвела,
И ударила буря и дождь пролив-
ной,
И как прежде недвижна скала;
Но красивый цветок уж на ней не
блестит,
Он ветром надломлен и градом
убит.

Так точно и я под ударом судьбы,

Как утес, неподвижен стою,
Но не мысли никто перенести сей
борьбы,
Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих
властелин,
Я несчастлив пусть буду —
несчастлив один.

Солнце осени

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробира-
ясь,
Оно кидает бледный, мертвый
луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солн-
це,
Есть что-то схожее в прощаль-
ном взгляде
Великого светила с тайной гру-
стью
Обманутой любви; не холодней
Оно само собою, но природа
И все, что может чувствовать и
видеть,

Не могут быть согреты им; так
точно
И сердце: в нем все жив огонь, но
люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен
вновь,
И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвер-
гать
Себя насмешкам и словам сомне-
нья?

Поток

Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
Поверхность лик небесный;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
И небо над водами
Одето облаками.

Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;

*В ином он слаб, в другом могуч,
Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства иль мучений.*

К***

*Не ты, но судьба виновата была,
[108]
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.*

*Как в море широком следы челно-
ка,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, лег-
ка,
А горе не стоит мгновенья.*

*Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь*

суждено,
Расстаться до этого время.

Тогда я опять появлюсь пред то-
бой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.

Нет, нет! милый голос и пламен-
ный взор
Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой
укор,
И в душу он будет впиваться.

И мщенье, напомнив, что я пере-
нес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих
слез
Гораздо мучительней будет.

Ночь

*В чугу́н печальный сторож бьет,
[109]*

Один я внемлю.

Глухо лают

Вдали собаки.

Мрачен свод

Небес, и тучи пробегают

Одна безмолвно за другой,

Сливаясь под ночную мглой.

*Колеблет ветер влажный, душ-
ный*

Верхи дерев, и с воем он

Стучит в оконницы.

Мне скучно,

Мне тяжело бденье, страшен сон;

Я не хочу, чтоб сновиденье

Являло мне ее черты;

Нет, я не раб моей мечты,

Я в силах перенести мученье

Глубоких дум, сердечных ран,

Все, — только не ее обман.

Я не скажу «прости» надежде,

Молве не верю; если прежде

Она могла меня любить,

То ей ли можно изменить?

Но отчего же? Разве нету

Примеров, первый ли урок

Во мне теперь дается свету?

Как я забыт, как одиноко.
Шумы, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.

К себе

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебрежешь
Ее могущества опять
Мне доказало, что влеченье
Души нельзя нам победить;

Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.

Душа моя должна...

Душа моя должна прожить в земной неволе
Недолго. Может быть, я не увижу
боле
Твой взор, твой милый взор,
столь нежный для других,
Звезду приветную соперников моих;
Желаю счастья им. Тебя винить
безбожно
За то, что мне нельзя все, все,
что им возможно;
Но если ты ко мне любовь хотела
скрыть,
Казаться хладною и в тишине любить,
Но если ты при мне смеялась надо мною,
Тогда как внутренно полна была тоскою,
То мрачный мой тебе пускай покажет взгляд.
Кто более страдал, кто боле виноват!

Песня

*Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,
Насильно
От мира в обители скрыта она,
Где жизнь без надежды и ночи без
сна.*

*Так мое сердце
Грудь беспокоит
И бьется, бьется, бьется.
Велела,
Велела
Судьба мне любовь от него ото-
рвать
И деву забыть, хоть тому не бы-
вать.*

*Смерть и бессмертье,
Жизнь и погибель
И деве и сердцу ничто;
У сердца
И девы*

Одно лишь страданье, один лишь
предмет:
Ему счастья надо, ей надобен
свет.

Пускай поэта обвиняет...

*Пускай поэта обвиняет
Насмешливый, безумный свет,
Никто ему не помешает,
Он не услышит мой ответ.
Я сам собою жил донине,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне,
Как вдаль по озеру ладья.
И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной.
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.*

Слава

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет все душа моя
Во всем дойти до совершенства.
Пронзая будущего мрак,
Она, бессильная, страдает
И в настоящем все не так,
Как бы хотелось ей, встречает.
Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;
Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки
И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.
По не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:
Все кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.
Пушкой поэта грустный прах
Хвалою освятит потомство,
Где ж слава в кратких похвалах?
Людей известно вероломство.
Другой заставит позабыть
Своею песнию высокой
Певца, который кончил жить,

Который жил так одинокой.

Вечер

*Когда садится алый день
За синий край земли,
Когда туман встает и тень
Скрывает все вдали, —
Тогда я мыслю в тишине
Про вечность и любовь,
И чей-то голос шепчет мне:
Не будешь счастлив вновь.
И я гляжу на небеса
С покорною душой,
Они свершали чудеса,
Но не для нас с тобой,
Не для ничтожного глупца,
Которому твой взгляд
Дороже будет до конца
Небесных всех наград.*

Унылый колокола звон...

*Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно
потрясает,*

Обманутой душе моей напомина-
ет
И вечность и надежду он.
И если ветер, путник, одинокой,
Вдруг по траве кладбища пробе-
жит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нем живет, то в нем глубо-
ко.
Я чувствую — судьба не умерт-
вит
Во мне возросший деятельный ге-
ний;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных
наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей разврат-
ных
И от желаний, непопятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодный слушатель есть ка-
мень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного бла-
женства,

Он станет толковать, что
должно ощутить;
В простом не видя совершенства,
Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить
желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием
своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную
свободу.

Хоть давно изменила мне радость...

Хоть давно изменила мне ра-
дость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем мла-
дость,
Светило надежды моей,
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унижить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обма-

нут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить.

Русская песня

1

Клоками белый снег валится,
Что ж дева красная боится
С крыльца сойти,
Воды снести?
Как поп, когда он гроб несет,
Так песнь метелица поет,
Играет,
И у тесовых у ворот
Дворовый пес все цепь грызет
И лает...

2

Но не собаки лай печальный,
Не вой метели погребальный

Рождают страх
В ее глазах:
Недавно милый схоронен,
Бледней снегов предстанет он
И скажет:
«Ты изменила», — ей в лицо,
И ей заветное кольцо
Покажет!..

Звуки и взор

О, полно ударять рукой
По струнам арфы золотой.
Смотри, как сердце воли просит,
Слеза катится из очей;
Мне каждый звук опять приносит
Печали пролетевших дней.
Нет, лучше с трепетом любви
Свой взор на мне останови,
Чтоб роковое вспоминанье
Я в настоящем утопил
И все свое существованье
В единый миг переселил.

Земля и небо

Как землю нам больше небес не
любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в
сто раз,
Но мы знаем, какое оно.

О надеждах и муках былых вспо-
минать
В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность на-
дежды земной,
А краткость печали смешит.

Страшна в настоящем бывает
душе
Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вку-
сить в небесах,
Но с миром расстаться нам
жаль.

Что во власти у нас, то приятнее
нам,
Хоть мы ищем другого порой,

Но в час расставанья мы видим
ясней,
Как оно породнилось с душой.

Дай руку мне...

Дай руку мне, склонись к груди по-
эта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для
света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие забо-
ты,
Любовь мое все сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледный
цвет чела.
На нем ты видишь след страстей
уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;
Не льстит мне вспоминанье дней
минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где все мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною
морскою,

*И лист, грозой оборванный, плывет
Но произволу странствующих
вод.*

Из Андрея Шенье

*За дело общее, быть может, я паду,[110]
Иль жизнь в изгнании бесплодно
проведу;
Быть может, клеветой лукавой
пораженный,
Пред миром и тобой врагами уни-
женный,
Я не снесу стыдом сплетаемый
венец
И сам себе сыщу безвременный ко-
нец;
Но ты не обвиняй страдальца мо-
лодого,
Молю, не говори насмешливого
слова.
Ужасный жребий мой твоих до-
стоин слез,
Я много сделал зла, но больше пе-
ренес.*

Пускай виновен я пред гордыми
врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся
небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губи-
тель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал
собой;
Наскучив суетой обманчивого све-
та,
Торжественно не мог я не сдер-
жать обета;
Хоть много причинил я обществу
вреда,
Но верен был тебе всегда, мой
друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятеж-
ной,
Я все тебя любил и все любил так
нежно.

Не медли в дальней стороне...

*Не медли в дальней стороне,
Молю, мой друг, спешу сюда.
Ты взгляд мгновенный кинешь
мне,*

А там простимся навсегда.
И я, поймавши этот взор
И речь последнюю твою,
Хотя б она была укор,
Их вместе в сердце схороню.
И в день печали роковой
Твой взор, умеющий язвить,
Вообразжу перед собой
И стану речь твою твердить.
И вновь мечтанье сблизит нас,
И вспомню, вспомню я тогда,
Как встретились мы в первый раз
И как расстались навсегда.

Сосед

Погаснул день на вышинах небес-
ных.
Звезда вечерняя лиет свой тихий
свет;
Чем занят бедный мой сосед?
Чрез садик небольшой, между
ветвей древесных,
Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.

Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажигать.
И только я увижу свет лампы,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной от-
рады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друг друга
понимаем,
Что я и бедный мой сосед,
Под бременем одним страдаю,
увядаю,
Что мы знакомы с давних лет.

Стансы

Не могу на родине томиться,
[111]
Прочь отсель, туда, в кровавый
бой.
Там, быть может, перестанет
биться
Это сердце, полное тобой.
Нет, я не прошу твоей любви,

Нет, не знай губительных стра-
стей;
Видеть смерть мне надо, надо
крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.
Пусть паду как ратник в бранном
поле.

Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.
Юных лет святые обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без ропта-
нья

Я усну давно желанным сном.
Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осужден;
Если там в пределах отдаленных,
Где душа должна блаженство
пить,
Тяжких язв, на ней напечатлен-
ных,
Невозможно будет излечить;
О, взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,

Кто умрет за честь страны род-
ной;
Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажный
взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.

Мой демон

1

Собрание зол его стихия;[112]
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.

2

К ничтожным, хладным толкам
света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,

*Глохнет жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.*

3

*Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.*

4

*И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.*

Романс

*Хоть бегут по струнам моим зву-
ки веселья,*

Они не от сердца бегут;
Но в сердце разбитом есть тай-
ная келья,
Где черные мысли живут.
Слеза по щеке огневая катится,
Она не из сердца идет.
Что в сердце, обманутом жиз-
нью, хранится,
То в нем и умрет.
Не смейте искать в сей груди со-
жаленья,
Питомцы надежд золотых;
Когда я свои презираю мученья, —
Что мне до страданий чужих?
Умершей девицы очей охладевших
Не должен мой взор увидать;
Я б много припомнил минут про-
летевших,
А я не люблю вспоминать!
Нам память являет ужасные те-
ни,
Кровавый былого призрак,
Он вновь призывает к оставлен-
ной сени,
Как в бурю над морем маяк,
Когда ураган по волнам веселит-
ся,
Смеется над бедным челном

*И с криком пловец без надежд во-
ротиться
Жалеет о крае родном.*

Гость

БЫЛЬ

(Посвящается...)

*Кларису юноша любил
Давно тому назад.
Он сердце девы получил:
А сердце — лучший клад.
Уж громкий колокол гудет,
И в церкви поп с венцами ждет.
И вдруг раздался крик войны,
Подъяты знамена:
Спешат отчества сыны —
И ноги в стремяна!
Идет Калмар, томим тоской,
Проститься с девою молодой.
«Клянись, что вечно, — молвил
он,
Мне не изменишь ты!
Пускай холодной смерти сон,
О дева красоты,
Нас осеняет под землей,*

Коль не венцы любви святой!»
Клариса клятву говорит,
Дрожит слеза в очах,
Разлуки поцелуй горит
На розовых устах:
«Вот поцелуй последний мой —
С тобою в храм и в гроб с тобой»
«Итак, прости! жалею меня:
Печален мой удел!»
Калмар садится на коня
И вихрем полетел...

Дни мчатся... Снег в полях ле-
жит..
Все дева плачет да грустит...
Вот и весна явилась вновь,
И в солнце прежний жар.
Проходит женская любовь,
Забут, забут Калмар!
И должен получить другой
Ее красу с ее рукой.
С невестой под руку жених
Пирует за столом,
Гостей обходит и родных
Стакан, шипя вином.
Пир брачный весело шумит;
Лишь молча гость один сидит.

На нем шелом избит в боях,
Под холодной сталью лик,
И плащ изорван на плечах,
И ржавый меч велик.
Сидит он прям и недвижим,
И речь начать боятся с ним...
«Что гость любезный наш не
пьет,
Клариса вдруг к нему, —
И что он нить не перервет
Молчанью своему?
Кто он? откуда в нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»
Не стон, не вздох он испустил —
Какой-то странный звук
Невольным страхом поразил
Мою невесту вдруг.
Все гости: ах! — открыл пришлецу
Лицо свое: то был мертвец.
Трепещут все, спасенья нет,
Жених забыл свой меч.
«Ты помнишь ли, — сказал ске-
лет,
Свою прощальну речь:
Калмар забыт не будет мной;
С тобою в храм и в гроб с тобой!
Калмар твой пал на битве —
там,

*В отчаянной борьбе.
Венец, девица, в гробе нам:
Я верен был тебе!..»
Он обхватил ее рукой,
И оба скрылись под землей.*

*В том доме каждый круглый год
Две тени, говорят
(Когда меж звезд луна бредет,
И все живые спят),
Являются, как легкий дым,
Бродя по комнатам пустым!..*

1832

Люблю я цепи синих гор...

*Люблю я цепи синих гор.
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч*

И уступить все медлит он
Луне — угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяца, Две иль три
Младые тучки окружают
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;
Туманный месяц и меня,
И гриву, и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытьи
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вокруг себя я поглядел:
Все та же степь, все та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,

*Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степеней
В ту ночь оспаривать у ней!*

Солнце

*Как солнце зимнее прекрасно,
Когда, бродя меж серых туч,
На белые снега напрасно
Оно кидает слабый луч!..
Так точно, дева молодая,
Твой образ предо мной блестит;
Но взор твой, счастье обещая,
Мою ли душу оживит?*

Я счастлив!...

*Я счастлив! — тайный яд течет в
моей крови,
Жестокая болезнь мне смертью
угрожает!..
Дай бог, чтоб так случилось!.. Ни
любви,
Ни мук умерший уж не знает;
Шести досок жилец, уединенный,*

Не зная ничего, оставленный, забвенный,
Ни славы зов, ни голос твой
Не возмутит надежный мой покой!..

Прощанье

— Не уезжай, лезгинец молодой;
[113]
Зачем спешить на родину свою?
Твой конь устал, в горах туман сырой;
А здесь тебе и кровля и покой —
И я тебя люблю!..

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей;
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана
Подобная твоей.

В ненастный день заехал ты сюда;
Под мокрой буркой, с горестным

лицом;
Ужели для меня сей день, когда
Так ярко солнце, хочешь навсегда
Ты мрачным сделать днем?

Взгляни: вокруг синеют цепи гор,
Как великаны, грозною толпой;
Лучи зари с кустами — их убор;
Мы вольны и добры; зачем твой
взор
Летит к стране другой?

Поверь, отчизна там, где любят
нас;
Тебя не встретит средь родных
долин,
Ты сам сказал, улыбка милых
глаз:
Побудь еще со мной хоть день,
хоть час,
Послушай! час один!

— Нет у меня отчизны и друзей,
Кроме булатной шашки и коня;
Я счастлив был любовью твоей,

*Но все-таки слезам твоих очей
Не удержатъ меня.*

*Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.
Прости: вот мой ответ.*

Она была прекрасна, как мечта

*Она была прекрасна, как мечта
[114]
Ребенка под светилом южных
стран;
Кто объяснит, что значит красо-
та:
Грудь полная, иль стройный гиб-
кий стан,
Или большие очи? — Но порой
Все это не зовем мы красотой:
Уста без слов — любить никто не
мог;
Взор без огня — без запаха цве-
ток!
О небо, я клянусь, она была*

*Прекрасна!.. я горел, я трепетал,
Когда кудрей, сбегаящих с чела,
Шелк золотой рукой своей встре-
чал,
Я был готов упасть к ногам ее,
Отдать ей волю, жизнь, и рай, и
все,
Чтоб получить один, один лишь
взгляд
Из тех, которых все блажен-
ство — яд!*

Время сердцу быть в покое...

*Время сердцу быть в покое
От волненья своего
С той минуты, как другое
Уж не бьется для него;
Но пускай оно трепещет —
То безумной страсти след:
Так все бурно море плещет,
Хоть над ним уж бури нет!..*

*Неужли ты не видала
В час разлуки роковой,
Как слеза моя блистала,*

*Чтоб упасть перед тобой?
Ты отвергнула с презреньем
Жертву лучшую мою.
Ты боялась сожаленьем
Воскресить любовь свою.*

*Но сердечного недуга
Не могла ты утаить;
Слишком знаем мы друг друга,
Чтоб друг друга позабыть.
Так расселись под громами,
Видел я, в единый миг
Пощаженные веками
Два утеса береговых;
Но приметно сохранила
Знаки каждая скала,
Что природа съединила,
А судьба их развела.*

Склонись ко мне, красавец молодой!...

*Склонись ко мне, красавец молодой!
Как ты стыдлив! Ужели в первый
раз
Грудь женскую ласкаешь ты ру-*

кой?

В моих объятьях вот уж целый час

Лежишь — а страха все не превозмог...

Не лучше ли у сердца, чем у ног?
Дай мне одну минуту в жизнь свою...

Что злато? — я тебя люблю, люблю!..

Ты так хорош! Бывало, жду, когда
Настанет вечер, сяду у окна...

И мимо ты идешь, бывало, да, —
Ты помнишь? — Серебристая луна,

Как ангел средь отверженных,
меж туч

Блуждала, на тебя кидая луч,
И я гордилась тем, что, наконец,
Соперница моя небес жилец.

Печать презренья на моем челе,
Но справедлив ли мира приговор?
Что добродетель, если на земле
Проступок не бесчестье — но позор?

Поверь, невинных женщин вовсе нет,

Лишь по желанью случай и пред-

мет

Не вечно тут. Любить не ставит
в грех

Та одного, та многих — эта всех!
Родителей не знала я своих,
Воспитана старухой чужой,
Не знала я веселья дней молодых —
И даже не гордилась красотой;
В пятнадцать лет, по воле злой
судьбы,

Я продана мужчине — ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
С тех пор я гибну, гибну — день
от дня.

Мне мил мой стыд! он право мне
дает

Тебя лобзать, тебя на миг один
Отторгнуть от мучительных за-
бот!

О, наслаждайся! — ты мой госпо-
дин!

Хотя тебе случится, может
быть,

Меня в своих объятьях задушить,
Блаженством смерть мне будет
от тебя.

Мой друг! — чего не вынесешь лю-
бя!

Девятый час; уж темно...

Девятый час; уж темно; близ за-
ставы
Чернеют рядом старых пять до-
мов,
Забор кругом. Высокий худощавый
Привратник на завалине готов
Уснуть; дождя не будет, небо яс-
но, —
Весь город спит. Он долго ждал
напрасно;
Темны все окна — блещут только
два —
И там — чем не богата ты,
Москва!
Но, чу! — к воротам кто-то подъ-
езжает.
Лихие дрожки, кучер с бородой
Широкой, кони черные. Слезает,
Одет плащом, проказник моло-
дой;
Скрыпит за ним калитка; под но-
гами
Стучат, колеблясь, доски. (Меж-
ду нами
Скажу я, он ничей не прервал сон.)

Дверь отворилась, — свечка. Кто тут? — Он...

Его узнала дева молодая,
Снимает плащ и в комнату ве-
дет;

В шандале медном тускло дого-
рая,

Свеча на них свой луч последний
льет,

И на кровать с высокою периной
И на стену с лубошною картиной;
А в зеркале с противной стороны
Два юные лица отражены.

Она была прекрасна, как мечта-
нье

Ребенка под светилом южных
стран.

Что красота? — ужель одно на-
звание?

Иль грудь высокая и гибкий стан,

Или большие очи? — но порою

Все это не зовем мы красотою:

Уста без слов — любить никто не
мог,

Взор без огня — без запаха цве-
ток!

Она была свежа, как розы Леля,

Она была похожа на портрет

Мадонны — и мадонны Рафаэля;
И вряд ли было ей осьмнадцать
лет:

Лишь святости черты не выра-
жали.

Глаза огнем неистовым пылали,
И грудь, волнуясь, поцелуй звала

—

Он был не папа — а она была...

Ну что же? — просто дева моло-
дая —

Которой все богатство — красо-
та!..

И впрочем, замуж выйти не же-
лая,

Что было ей таить свои лета? —

Она притворства хитрости не
знала

И в этом лишь другим не подра-
жала!..

Не все ль равно? — любить не
ставит в грех

Та одного, та многих — эта всех!

Я с женщиною делаю условие

Пред тем, чтобы насытить
страсть мою:

Всего нужней, во-первых, мне здо-
ровье,

*А во-вторых, я мешкать не люблю;
Так поступил Парни питомец
нежный:
Он снял сюртук, сел на постель
небрежно,
Поцеловал, лукаво посмотрел —
И тотчас раздеваться ей велел!*

К ***

*Как в ночь звезды падучей пла-
мень,
Не нужен в мире я.
Хоть сердце тяжело как камень,
Но все под ним змея.*

*Меня спасало вдохновенье
От мелочных сует;
Но от своей души спасенья
И в самом счастье нет.*

*Молю о счастье, бывало,
Дождался наконец,
И тягостно мне счастье стало,*

Как для царя венец.

*И все мечты отвергнув, снова
Остался я один —
Как замка мрачного, пустого
Ничтожный властелин.*

К*

*Я не унижусь пред тобою;[115]
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнее.
Как знать, быть может, те
мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?*

Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд! — прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам, под небо юга
Я удалюсь, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться
всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил, —
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —

*Безумец! — лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!*

(В альбом Н. Ф. Ивановой)

*Что может краткое свиданье
[116]
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.*

*И стих безумный, стих прощаль-
ный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печаль-
ный,
Который здесь оставлю я.*

(В альбом Д. Ф. Ивановой)

Когда судьба тебя захочет обмануть[117]

*И мир печалит сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взгля-
нуть*

*И думай: тот, чья ныне страж-
дет грудь,
Не опечалит, не обманет.*

Как луч зари...

*Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадонны Рафаэля
Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилось, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет.
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?*

Синие горы Кавказа, приветствую вас!

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы

взлелеяли детство мое, вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

*

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и, в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу все темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их подобился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину, купаясь, в таком уж смущенье, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынные громкие бури, которым пещеры как стражи ночей отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрывался пеной, бежит безыменная речка, и выстрел

нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный, иль просто охотник... все, все в этом крае прекрасно.

*

Воздух там чист, как молитва ребенка; и люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит. В дымной сакле, землей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы и чистят оружие, и шьют серебром — в тишине увядая душою — желающей, южной, с цепями судьбы незнакомой.

Романс

*Стояла серая скала на берегу
морском;
Однажды на чело ее слетел небес-
ный гром.
И раздвоил ее удар, — и новую
тропой
Между разрозненных камней те-
чет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись, —
но все они хранят
Союза прежнего следы, глубоких
трещин ряд.*

Так мы с тобой разлучены злосло-
вием людским,
Но для тебя я никогда не сдела-
юсь чужим.
И мы не встретимся опять, и ес-
ли пред тобой
Меня случайно назовут, ты спро-
сишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою, на па-
мять приведешь
Былое... и одну себя невольно про-
клянешь.
И не изгладить ты никак из па-
мяти своей
Не только чувств и слов моих —
минуты прежних дней!..

Прелестнице

Пускай ханжа глядит с презре-
нием[118]
На незаконный наш союз,
Пускай людским предубеждением
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета

Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,
И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим,
Нас клеветы не разлучат;
Мы будем счастливы как можем,
Они пусть будут как хотят!

Ты молод...

Ты молод. Цвет твоих кудрей
Не уступает цвету ночи,
Как день, твои блистают очи
При встрече радостных очей;
Ты, от души смеясь смешному,
Как скуку гонишь прочь печаль,
Что бред ребяческий другому,
То все тебе покинуть жаль:
Волною жизни унесенный
Далеко от надежд былых,

Как путешественник забвенный,
Я чуждым стал между родных;
Пред мною носятся виденья,
Жизнь обманувшие мою,
И не рожденный для забвенья
Я вновь черты их узнаю.
И время их не изменило,
Они все те же! — я не тот:
Зачем же гибнет все, что мило,
А что жалеет, то живет?

Had we never loved so kindly [119]

Если б мы не дети были, [120]
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не знались.

Эпитафия

Прости! увидимся ль мы снова?
[121]
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак, прости, про-
сти!..

Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведal...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда, рыдая,
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем стра-
дать
Без всяких признаков страданья.

Измученный тоскою...

Портрет Лермонтова в сюртуке Тенгинско-
го пехотного полка

Измученный тоскою и недугом
[122]

*И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как*

с другом,
Но хладен был прощальный твой
привет;
Но ты не веришь мне, ты притво-
рилась,
Что в шутку приняла слова мои;
Моим слезам смеяться ты реши-
лась,
Чтоб с сожаленьем не явить люб-
ви;
Скажи мне, для чего такое мще-
нье?
Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? но разве я любить
Тебя переставал, когда, толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,

Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск
исчез;
Ты для меня была как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.

Когда последнее мгновенье...

Когда последнее мгновенье
Мой взор навеки омрачит
И в мир, где казнь или спасенье,
Душа поэта улетит,
Быть может, приговор досадной
Прикажет возвратиться ей
Туда, где в жизни безотрадной
Она томилась столько дней;
Тогда я буду все с тобою,
И берегись мне изменить;
Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром стран-
ник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,

*Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны?
Кто Толпе мои расскажет думы?
Я — или бог — или никто!*

Романс

1

*Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет
И душа твоя увянет, —
В дальней стороне
Вспомни обо мне.*

2

*Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
При ночном огне
О девице оболъщенной,
Позабытой и презренной,
О, тогда, мой друг бесценный,
Ты в чужой стране
Вспомни обо мне.*

Время прежнее, быть может,
 Посетит тебя, встревожит
 В мрачном, тяжком сне;
 Ты услышишь плач разлуки,
 Песнь любви и вопли муки
 Иль подобные им звуки...
 О, хотя во сне
 Вспомни обо мне!

Сонет

Я памятью живу с увядшими меч-
 тами,
 Виденья прежних лет толпятся
 предо мной,
 И образ твой меж них, как месяц
 в час ночной
 Между бродящими блистает об-
 лаками.

Мне тягостно твое владычество
 порой;
 Твоей улыбкою, волшебными гла-
 зами
 Порабощен мой дух и скован, как

цепями,
Что ж пользы для меня, — я не
любим тобой.

Я знаю, ты любовь мою не прези-
раешь;
Но холодно ее молениям внима-
ешь;
Так мраморный кумир на берегу
морском

Стоит, — у ног его волна кипит,
клокочет,
А он, бесчувственным исполнен
божеством,
Не внемлет, хоть ее отталки-
вать не хочет.

Болезнь в груди моей...

Болезнь в груди моей, и нет мне
исцеленья,[123]
Я увядаю в полном цвете!
Пускай! — я не был раб земного
наслажденья,

Не для людей я жил на свете.
Одно лишь существо душой моей
владело,
Но в разный путь пошли мы оба,
И мы расстались, и небо захоте-
ло,
Чтоб не сошлись опять у гроба.
Гляжу в безмолвии на запад: дого-
рает,
Краснея, гордое светило,
Мне хочется за ним: оно, быть
может, знает,
Как воскрешать все то, что ми-
ло.
Быть может, ослеплен огнем его
сиянья,
Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцелуй про-
щанья,
За мной бегущие повсюду.

К*

Варвара Александровна Лопухина-Бахметева

Мы случайно сведены судьбою,
[124]
Мы себя нашли один в другом,

*И душа сдружилася с душою;
Хоть пути не кончит им вдво-
ем!*

*Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой,
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.*

*Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж на-*

*ми,
Я рожден, чтобы не жить без них.*

*Я рожден, чтоб целый мир был
зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч путеводи-
тель,
Что хвала иль гордый смех лю-
дей!*

*Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.*

Поцелуями прежде считал...

*Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.*

И слезами когда-то считал

*Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал —
А теперь никого не люблю!*

*И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унести бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!*

Послушай, быть может

*Послушай, быть может, когда
мы покинем
Навек этот мир, где душою так
стынем,
Быть может, в стране, где не
знают обману,
Ты ангелом будешь, я демоном
стану! —
Клянися тогда позабыть, доро-
гая,
Для прежнего друга все счастье
рая!
Пусть мрачный изгнанник, судь-
бой осужденный,
Тебе будет раем, а ты мне — все-*

ленной!

К*

Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней;
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильнее!
Ты любишь — верю — и довольно;
Кого-ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостойн я участия,
Что сам ничем не дорожу;
Что все, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль
брат.
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси бывшего,
Я мук своих не продаю.

Баллада

Из ворот выезжают три витязя в
ряд,
Увы! Из окна три красотки во
след им глядят:
Прости! Напрасно в боях они
льют свою кровь —
Увы! Разлука пришла — и девичья
любовь
Прости! Уж три витязя новых в
ворота спешат, увы!
И красотки печали своей говорят:
прости!

Бой

Сыны небес однажды надо мною
Слетелися, воздушных два бойца;
Один — серебряной обвешан ба-
хромою,
Другой — в одежде чернеца.
И, видя злость противника вто-
рого,
Я пожалел о воине младом:
Вдруг поднял он концы сребристо-

*го покровов,
И я под ним заметил — гром.
И кони их ударились крылами,
И ярко брызнул из ноздрей огонь;
Но вихорь отступил перед грома-
ми,
И пал на землю черный конь.*

Я жить хочу!...

*Я жить хочу! хочу печали[126]
Любви и счастья назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.*

Смело верь тому, что вечно...

Смело верь тому, что вечно,

*Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.*

*Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.*

*Все на свете редко стало —
Есть надежды — счастья мало;
Не забвение разлука:
То — блаженство, — это мука.*

*Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?*

**Приветствую тебя, воинственных
славян...**

*Приветствую тебя, воинствен-
ных славян[127]*

Святая колыбель! Пришлец из
чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрач-
ные стены,
Через которые столетий переме-
ны
Безвредно протекли; где вольно-
сти одной
Служил тот колокол на башне
вечевой,
Который отзвонил ее уничтоже-
нье
И сколько гордых душ увлек в свое
падение!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их
больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов
прежних лет?
.....

Желанье

Отворите мне темницу, [128]
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю

*Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.*

*Дайте мне челнок дощатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пушусь в море,
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.*

*Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...*

Мой друг, напрасное старанье!
Скрывал ли я свои мечты?
Обыкновенный звук, названье,
Вот все, чего не знаешь ты.
Пусть в этом имени хранится,
Быть может, целый мир любви...
Но мне ль надеждами делиться?
Надежды... о! они мои,
Мои — они святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страх, ни ласки, ни коварство,
Ни горький смех, ни плач людей,
Дай мне сокровища вселенной,
Уж никогда не долетят
В тот угол сердца отдаленный,
Куда запрятал я мой клад.
Как помню, счастье прежде жило
И слезы крылись в месте том:
Но счастье скоро изменило,
А слезы вытекли потом.
Беречь сокровища святые
Теперь я выучен судьбой;
Не встретят их глаза чужие,
Они умрут во мне, со мной!..

Печаль в моих песнях, но что за
нужда?
Тебе не внимать им, мой друг, ни-
когда.
Они не прогонят улыбку святую
С тех уст, для которых живу и
тоскую.
К тебе не домчится ни слово, ни
звук,
Отзыв беспокойный неведомых
мук.
Певца твоя ласка утешить не мо-
жет:
Зачем же он сердце твое потрево-
жит?
О нет! одна мысль, что слеза
омрачит
Тот взор несравненный, где сча-
стье горит,
Безумные б звуки в груди подави-
ла,
Хоть прежде за них лишь певца
ты любила.

Два великана

В шапке золота литого[129]
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, —
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою..
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

К*

1

*Прости! — мы не встретимся бо-
ле,[130]*

*Друг другу руки не пожмем;
Прости! — твое сердце на воле...
Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страданья
Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погиб так давно!*

2

*Есть звуки — значенье ничтожно
И презрено гордой толпой —
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто бывшее
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!*

3

*Мгновение вместе мы были,
Но вечность — ничто перед ним;
Все чувства мы вдруг истожили,*

*Сожгли поцелуем одним;
Прости! — не жалея безрассудно,
О краткой любви не жалея:
Расстаться казалось нам трудно,
Но встретиться было б трудней!*

Слова разлуки повторяя...

*Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смело веришь ей... но я?..*

*Оставь страдальца! — будь по-
койна:
Где б ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достой-
на!
А мне довольно и одной.*

*Тому ль пускаться в бесконеч-
ность,
Кого измучил краткий путь?
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть!*

*Я схоронил навек былое,
И нет о будущем забот,
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает!..*

Безумец я!...

*Безумец я! вы правы, правы![131]
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой сла-
вы,*

Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на поэта!
Я обманулся, вижу сам;
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать ума-
ми,
Всю жизнь на то употребля?
Пускай возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Все то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?

Она не гордой красотою...

*Она не гордой красотою[132]
Прельщает юношей живых,*

Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

Примите дивное посланье...

*Примите дивное посланье[133]
Из края дальнего сего;
Оно не Павлова писанье —
Но Павел вам отдаст его.
Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный во-
рот
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — все сурово,*

*Закон сидит на лбу людей;
Все удивительно и ново —
А нет ни пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..*

*И, наконец, я видел море,
Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул;
Нет! как оно, я не был волен:
Болезнью жизни, скукой болен
(Назло былым и новым дням),
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам.*

Челнок

*По произволу дивной власти[134]
Я выкинут из царства страсти;
Как после бури на песок
Волной расшибенный челнок;
Пускай прилив его ласкает, —*

Не слышит ласки инвалид;
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не вверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится — и на воле!
Погиб — и дан ему покой!

Для чего я не родился...

Для чего я не родился[135]
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О, как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Все, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;
И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья

*В дальнем северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!*

Что толку жить!...

*Что толку жить!.. Без приключе-
ний*

*И с приключеньями — тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка;
Прекрасно с шумной быть тол-
пою*

*Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольно узнавать повсюду —
Под гордой важностью лица
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине — Иуду.
А потрудитесь рассмотреть —
Все веселее умереть.*

*Конец! Как звучно это слово,
Как много — мало мыслей в нем;
Последний стон — и все готово,*

Без дальних справок. А потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас,
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церквей)
Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услышать.

И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет по крайней мере
Названье ваше сохранит;
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разруют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом
Девушка нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна...
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой —
Что за блаженство, боже мой!

Парус

Рисунок М. Лермонтова из альбома М. М. Лермонтовой

*Белеет парус одинокой[136]
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..*

*Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!*

Под ним струя светлей лазури,

*Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури.
Как будто в бурях есть покой!*

Баллада

*Куда так проворно, жидовка мла-
дая?
Час утра, ты знаешь, далек...
Потише — распалась цепочка зла-
тая,
И скоро спадет башмачок.*

*Вот мост! вот чугунные влево пе-
рилы
Блестят от огня фонарей;
Держись за них крепче, — устала,
нет силы!
Вот дом — и звонок у дверей.*

*Безмолвно жидовка у двери стоя-
ла,
Как мраморный идол бледна;
Потом, за шнурок потянув, посту-
чала...*

И кто-то взглянул из окна!..

*И страхом и тайной надеждой
пылая,
Еврейка глаза подняла,
Конечно, ужасней минута такая
Столетий печали была.*

*Она говорила: «Мой ангел прекрас-
ный!
Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки на-
прасной,
Избавь от ножа и огня...*

*Отец мой сказал, что закон Моу-
сея
Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не блед-
нея,
Затем, что внимала любя...*

*И мне обещал он страданья, му-
ченья,*

И нож наточил роковой,
И вышел... Мой друг, берегись его
мщенья, —
Он будет как тень за тобой.

Отцовского мщенья ужасны уда-
ры,
Беги же отсюда скорей!
Тебе не изменят уста твоей Сары
Под холодной рукой палачей.

Беги!..» Но на лик, из окна накло-
ненный,
Блеснул неожиданный свет,
И что-то сверкало в руке обна-
женной,
И мрачен глухой был ответ.

И тяжкое что-то на камни упа-
ло,
И стон раздался под стеной, —
В нем все улетающей жизнью ды-
шало,
И больше, чем жизнью одной!

*Поутру, толпяся, народ изумлен-
ный*

*Кричал и шептал об одном:
Там в доме был русский, кинжа-
лом пронзенный,
И женщины труп под окном.*

Тростник

*Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.*

*И будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!*

И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

И был сынок любимец
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.

Моей любви просил он, —
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он, —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он

На берегу крутом;

*И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей молодой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».*

Он был рожден для счастья...

*Он был рожден для счастья, для
надежд[137]
И вдохновений мирных! — но
безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни
шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас!
Так сочный плод до времени созре-
лый
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;
И час их красоты — его паденья*

час!
И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем как нежные подружки
Колеблются на ветках — ранний плод
Лишь тяготит свою... до первой вьюги!
Ужасно стариком быть без седин;
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою;
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И все, что чувствует, он чувствует один!

Русалка

1

Русалка плыла по реке голубой,
[138]
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

*И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.*

3

*И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;*

4

*И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой
волны,
Спит витязь чужой стороны.*

5

*Расчесывать кольца шелковых
кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный
час
Целовали красавца не раз.*

6

Но к страстным лобзаньям, не
знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит — и, склонившись на пер-
си ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!..»

7

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

Гусар

Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан;
Но знай — покой души не вечен,
И счастье на земле — туман!

Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь стук пиров;
Но берегися думы черной, —
Она черней твоих усов.

Пускай судьба тебя голубит,
И страсть безумная смешит;
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.

Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».

Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой, —
Ничье, ничье благословенье
Не улетает за тобой.

Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желанья любви?
Скажи мне, где твой ангел ды-
шит?
Где очи милые твои?
Молчишь — и ум твой безнадеж-
ней,
Когда полнее твой бокал!
Увы — зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..

Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил,
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.

1833

Юнкерская молитва

Царю небесный! [139]
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алехин глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,

*Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.*

1833 — 1834

На серебряные шпоры...

*На серебряные шпоры[140]
Я в раздумий гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.*

*Наши предки их не знали
И, гарицу средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезженных коней.*

*Но с успехом просвещенья,
Вместо грубой старины,
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;*

*В наше время кормят, холют,
Берегут спинную честь...*

*Прежде били — нынче колют!..
Что же выгодней? — бог весть!..*

В рядах стояли...

*В рядах стояли безмолвной тол-
пой,[141]
Когда хоронили мы друга;
Лишь поп полковой бормотал — и
порой
Ревела осенняя вьюга.
Кругом кивера над могилой свя-
той
Недвижны в тумане сверкали,
Уланская шапка да меч боевой
На гробе дощатом лежали.
И билось сердце в груди не одно,
И в землю все очи смотрели,
Как будто бы все, что уж ей от-
дано,
Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не тек-
ли:
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной
земли,
Упавши на гроб, застучала.*

*Прощай, наш товарищ, недолго
ты жил,
Певец с голубыми очами;
Лишь крест деревянный себе за-
служил
Да вечную память меж нами!*

1834 — 1835

Опять, народные витии...

1

*Опять, народные витии,[142]
За дело падшее Литвы
На славу гордую России,
Опять шумя, восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.*

2

*Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна*

*Величья нашего заря;
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.*

3

*Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Все, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.*

4

*Безумцы мелкие, вы правы.
Мы чужды ложного стыда!
.....*

5

*Но честь России невредима.
И вам, смеясь, внимает свет...
Так в дни воинственные Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,*

Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник.

Когда надежде недоступный...

Когда надежде недоступный, [143]
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданьем искупить;
Когда бывшее ежечасно
Очам являлося моим
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалось мне чужим, —
Тогда молитвой безрассудной
Я долго богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь? — он вещал. —
Ты жить устал? но я ль виновен;
Смири страстей своих порыв,
Будь, как другие, хладнокровен,
Будь, как другие, терпелив.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! Где посох твой дорож-
ный?
Возьми его, пускайся вдаль;
Пойдешь ли ты через пустыню

*Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй».*

*[Когда тебя во имя бога
Кто пригласит на пир простой,
Страшися мирного порога
Коснуться грешною ногой;
Смотреть привыкни равнодушно...»]*

1836

Умиравший гладиатор

I see before me the gladiator lie...
Byron.[144]

*Ликует буйный Рим... торжественно гремит[145]
Рукоплесканьями широкая арена:
А он — пронзенный в грудь, — безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец*

его сенатор
Венчают похвалой победу и по-
зор...
Что знатным и толпе сражен-
ный гладиатор?
Он презрен и забыт... освистан-
ный актер.

И кровь его течет — последние
мгновенья
Мелькают, — близок час... Вот
луч воображенья
Сверкнул в его душе... Пред ним
шумит Дунай...
И родина цветет... свободный
жизни край;
Он видит круг семьи, оставлен-
ный для брани,
Отца, простершего немеющие
длани,
Зовущего к себе опоры дряхлых
дней...
Детей играющих — возлюбленных
детей.
Все ждут его назад с добычей и
славой...
Напрасно — жалкий раб, — он

пал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минут-
ною забавой...
Прости, развратный Рим, — про-
сти, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтате-
лей кумир,
К могиле клонишься бесславной
головою,
Измученный в борьбе сомнений и
страстей,
Без веры, без надежд — игралище
детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обра-
тил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную
сил,
Которую давно для язвы просве-
щенья,
Для гордой роскоши беспечно ты
забыл:

Стараясь заглушить последние
страданья,
Ты жадно слушаешь и песни ста-
рины,
И рыцарских времен волшебные
преданья —
Насмешливых льстецов несбы-
точные сны.

Еврейская мелодия

(Из Байрона)[146]

Душа моя мрачна. Скорей, певец,
скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавши-
ся по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших
капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как
мой венец,

*Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь
она полна,
Как кубок смерти яда полный.*

В альбом

(Из Байрона)[147]

*Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привле-
чет.
И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.*

Великий муж! здесь нет награды...

Великий муж! здесь нет награды,

[148]
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды
И не найдут среди людей.
Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твое названье,
Твой сын душою закипит.
Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну!»

Стихотворения **(1837-1841)**

1837

Смерть поэта

Погиб Поэт! — невольник чести
—[149]
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой ме-
сти,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа Поэта

Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он муче-
ний
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;

Не мог шадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг крова-
вый,
На что он руку поднимал!..
И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но ми-
лый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной си-
лой,
Сраженный, как и он, безжалост-
ной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы
простодушной
Вступил он в этот свет завист-
ливый и душный
Для сердца вольного и пламенных
страстей?
Зачем он руку дал клеветникам
ничтожным,
Зачем поверил он словам и лас-
кам ложным,
Он, с юных лет постигнувший лю-
дей?..

*И прежний сняв венок — они венцы
терновый..*

*Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгнове-
нья*

*Коварным шепотом насмешли-
вых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой
мщенья,
С досадой тайною обманутых на-
дежд.*

*Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.*

— : —

*А вы, надменные потомки
Известной подлостью прослав-
ленных отцов,
Пятою рабскою поправшие об-
ломки
Игрою счастья обиженных родов!*

Вы, жадною толпой стоящие у
трона,
Свободы, Геня и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все мол-
чи!..
Но есть и божий суд, наперсники
разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к
злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной
кровью
Поэта праведную кровь!

Бородино

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
[150]
— Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия

Про день Бородина!

*— Да, были люди в наше время,
— Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!*

*Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние кварти-
ры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»*

*И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —*

Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к
бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоем мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак откры-
тый:
Кто кивер чистил весь избитый,

Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И все на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,

*Драгуны с конскими — хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.*

*Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.*

*Изведаль враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши гру-
ди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...*

*Вот смерклось. Были все готовы
Завтра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —*

*И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.*

*Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!*

Ветка Палестины

*Скажи мне, ветка Палестины:
[151]
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?*

*У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?*

Молитву ль тихую читали,
Иль пели песни старины,
Когда листья твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Все так же ль манит в летний
зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листья?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, божьей рати лучший воин,
Он был с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин

Перед людьми и божеством?..

*Заботой тайною хранима,
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!*

*Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и крест, символ святой...
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.*

Узник

*Отворите мне темницу,[152]
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.*

Но окно тюрьмы высоко,

*Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустил.*

*Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.*

Сосед

*Кто б ни был ты, печальный мой
сосед,[153]
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь — а после тайной.*

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой
привет
Мне, умирая, посылает
И, опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает, —

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...

И лучших лет надежды и любовь
—
В груди моей все оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

Когда волнуется желтеющая нива...

*Когда волнуется желтеющая нива,
[154]
И свежий лес шумит при звуке ве-
терка,
И прячется в саду малиновая сли-
ва
Под тенью сладостной зеленого
листка;*

*Когда росой обрызганный души-
стой,
Румянцем вечером иль утра в час
златой,
Из-под куста мне ландыш сереб-
ристый
Приветливо кивает головой;*

*Когда студеный ключ играет по
оврагу
И, погружая мысль в какой-то
смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчитс-
я он, —*

*Тогда смиряется души моей тре-
вога,
Тогда расходятся морщины на че-
ле, —
И счастье я могу постигнуть на
земле,
И в небесах я вижу бога.*

Молитва

*Я, мать божия, ныне с молит-
вою[155]
Пред твоим образом, ярким сия-
нием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покая-
нием,*

*Не за свою молю душу пустын-
ную,
За душу странника в свете без-
родного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодно-
го.*

Окружи счастьем душу достой-
ную;
Дай ей спутников, полных внима-
ния,
Молодость светлую, старость
покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу про-
щальному
В утро ли шумное, в ночь ли без-
гласную —
Ты воспрять пошли к ложу пе-
чальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Расстались мы...

Расстались мы, но твой портрет
[156]
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

*И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — все
храм,
Кумир поверженный — все бог!*

Я не хочу...

*Я не хочу, чтоб свет узнал[157]
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..*

*Им сердце в чувствах даст от-
чет,
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;*

*Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;*

*Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый,
И, кроме бури да громов,
Он никому не вверит думы...*

Не смейся над моей пророческой тоскою...

*Не смейся над моей пророческой
тоскою;[158]
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти; настанет час кровавый,
И я паду, и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений.
Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть но-*

вый;
Пускай толпа растопчет мой ве-
нец:
Венец певца, венец терновый!..
Пускай! я им не дорожил.

Прощай, немытая Россия...

*Прощай, немытая Россия,[159]
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

*Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышающих ушей.*

Спеша на север издалека...

*Спеша на север издалека,[160]
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.*

Чалмою белую от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье
К престолу вечному Аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что, если я со дня изгнанья

Совсем на родине забыт!

*Найду ль там прежние объятия?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?*

*Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?*

*О, если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.*

1838
Кинжал

*Люблю тебя, булатный мой кин-
жал,[161]
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть те-*

бя ковал,
На грозный бой точил черкес сво-
бодный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расста-
ванья,
И в первый раз не кровь вдоль по
тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина
страданья.

И черные глаза, остановись на
мне,
Исполненны таинственной печա-
ли,
Как сталь твоя при трепетном
огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви за-
лог немой,
И страннику в тебе пример не
бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд ду-

шой,
Как ты, как ты, мой друг желез-
ный.

Гляжу на будущность с боязнью

*Гляжу на будущность с боязнью,
[162]*

*Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.*

*Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,*

*Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.*

Слышу ли голос твой...

*Слышу ли голос твой[163]
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;*

*Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,*

*И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.*

Как небеса, твой взор блистает...

*Как небеса, твой взор блистает
[164]*

*Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
Твой голос молодой;*

*За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;*

*И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет,
И в сердце кровь кипит.*

*Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
И встретил милый взор.*

Она поет — и звуки тают...

*Она поет — и звуки тают,[165]
Как поцелуи на устах,
Глядят — и небеса играют*

*В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.*

Вид гор из степей Козлова Пилигрим

*Аллах ли там среди пустыни[166]
Застывших волн воздвиг тверды-
ни,
Притоны ангелам своим;
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить.
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?
Вот свет все небо озарил:
То не пожар ли Цареграда?
Иль бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полночная лампада,
Маяк спасительный, отрада
Плывущих по морю светил?*

Мирза

*Там был я, там, со дня созданья,
Бушует вечная метель;*

Потоков видел колыбель.
Дохнул, и мерзнул пар дыханья.
Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет,
И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда,
То Чатырдаг был...

Пилигрим

А!..

<К Н. И. Бухарову>

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
[167]
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов.
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья,
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя.
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.

*Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.*

<А. Г. Хомутовой>

*Слепец, страданием вдохновенный,
[168]
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,
При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильнее.
Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор,
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простер.*

*И я, поверенный случайный
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить, как тайной,*

Печальным выраженьем их.
Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли
Все, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь, за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

Дума

Лермонтов. Неизвестный художник

Печально я гляжу на наше поко-
ленье![169]
Его грядущее — иль пусто, иль
темно,
Меж тем, под бременем познания
и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их
умом,
И жизнь уж нас томит, как ров-
ный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

*К добру и злу постыдно равнодуш-
ны,
В начале поприща мы вянем без
борьбы;
Перед опасностью позорно мало-
душны
И перед властью — презренные
рабы.
Так тощий плод, до времени со-
зрелый,*

Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец
осиротелый,
И час их красоты — его паденья
час!

Мы иссушили ум наукою бесплод-
ной,
Тая завистливо от ближних и
друзей
Надежды лучшие и голос благо-
родный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши насла-
жденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресы-
щенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искус-
ства
Восторгом сладостным наш ум
не шевелят;
Мы жадно бережем в груди оста-
ток чувства —

Зарытый скупостью и бесполез-
ный клад.
И ненавидим мы, и любим мы
случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни
любви,
И царствует в душе какой-то хо-
лод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные
забавы,
Их добросовестный, ребяческий
разврат;
И к гробу мы спешим без счастья
и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабы-
той
Над миром мы пройдем без шума
и следа,
Не бросивши векам ни мысли пло-
довитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и
гражданина,
Потомок оскорбит презритель-

ным стихом,
Насмешкой горькою обманутого
сына
Над промотавшимся отцом.

Поэт

Отделкой золотой блистает мой
кинжал;[170]
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный
закал,
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он мно-
го лет.
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он
страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резь-
ба

Нарядом чуждым и постыдным.

*Он взят за Тереком отважным
казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный
потом
В походной лавке армянина.*

*Теперь родных ножон, избитых на
воине,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на
стене —
Увы, бесславный и безвредный!*

*Никто привычною, заботливой
рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...*

В наш век изнеженный...

*В наш век изнеженный не так ли
ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, ко-
торой свет
Внимал в немом благоговенье?*

*Бывало, мерный звук твоих могу-
чих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша
для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.*

*Твой стих, как божий дух, носился
над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне ве-
чевой
Во дни торжеств и бед народных.*

*Но скучен нам простой и гордый
твой язык,
Нас тешат блески и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий*

*мир привык
Морщины прятать под румяны...*

*Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь
свой клинок,
Покрытый ржавчиной презре-
нья?..*

1839

Ребенка милого рожденье...

*Ребенка милого рожденье[171]
Приветствует мой запоздалый
стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных*

дум;
Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира
шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям
своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

Не верь себе

Que nous font apres tout les vulgaires
abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la
voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs
d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la
phrase?
A. Barbier[172]

*Оно — тяжелый бред души твоей
больной[173]
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не
ищи:
То кровь кипит, то сил избыток!*

Скорее жизнь свою в заботах ис-
тощи,
Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный,
чудный миг
Отрыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный
родник,
Простых и сладких звуков пол-
ный, —
Не вслушивайся в них, не предавай-
ся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом
ледяным
Не передашь ты их значенья.

Закрадется ль печаль в тайник
души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и
вьюгой, —
Не выходи тогда на шумный пир
людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торго-

вать
То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно
выставляют
На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или
нет?
На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных
лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи
идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден
след забот.
Слезы не встретишь неприлич-
ной.

А между тем из них едва ли есть
один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравший-
ся морщин
Без преступленья иль утраты!..

*Поверь: для них смешон твой
плач и твой укор,
С своим напевом заученным,
Как разрумяненный трагический
актер,
Махающий мечом картонным...*

Три пальмы

(Восточное сказание)[174]

*В песчаных степях аравийской
земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бес-
плодной,
Журча, пробивался волною холод-
ной,
Хранимый, под сенью зеленых ли-
стов,
От знойных лучей и летучих пес-
ков.*

*И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой
земли
Пылающей грудью ко влаге студе-*

ной
Еще не склонялся под кущей зеле-
ной,
И стали уж сохнуть от знойных
лучей
Роскошные листья и звучный ру-
чей.

И стали три пальмы на бога роп-
тать:
«На то ль мы родились, чтоб
здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цве-
ли мы,
Колеблемы вихрем и зноем пали-
мы,
Ничей благосклонный не радуя
взор?..
Не прав твой, о небо, святой при-
говор!»

И только замолкли — в дали го-
лубой
Столбом уж крутился песок зо-
лотой,
Звонков раздавались нестройные

звуки.

Пестрели коврами покрытые вью-
ки,

И шел, колыхаясь, как в море чел-
нок,

Верблюды за верблюдом, взрывая
песок.

Мотаясь, висели меж твердых
горбов

Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подыма-
ли,

И черные очи оттуда сверкали...

И, стан худощавый к луке накло-
ни,

Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный
стрелой:

И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспо-
рядке;

И, с криком и свистом несясь по
песку,

Бросал и ловил он копье на скаку.

*Вот к пальмам подходит, шумя,
караван*

*В тени их веселый раскинулся
стан.*

*Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы неждан-
ных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.*

*Но только что сумрак на землю
упал,
По корням упругим топор засту-
чал.,*

*И пали без жизни питомцы сто-
летий!*

*Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра ог-
нем.*

*Когда же на запад умчался ту-
ман,*

Урочный свой путь совершал ка-
раван;
И следом печальным на почве бес-
плодной
Виднелся лишь пепел седой и хо-
лодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом раз-
несло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим
ключом:
Напрасно пророка о тени он про-
сит —
Его лишь песок раскаленный зано-
сит
Да коршун хохлатый, степной
нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над
ним.

Молитва

В минуту жизни трудную[175]
Теснится ль в сердце грусть:

*Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

*Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

*С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...*

Дары Терека

*Терек воеет, дик и злобен,[176]
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:*

*«Расступись, о старец море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».*

*Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:*

*«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.*

Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.

*По красоте молодежи
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».*

*Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косою размытой,
Колыхался, всплыла.*

*И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.*

*Он взыграл, веселья полный, —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.*

Памяти А. И. О<доевско>го

1

Я знал его: мы странствовали с
ним[177]
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям род-
ным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты слад-
кой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохнове-
ний,
Обманутых надежд и горьких со-
жалений!

2

Он был рожден для них, для тех
надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный
—
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни
шумной,
И свет не пощадил — и бог не
спас!

Но до конца среди волнений труд-
ных,
В толпе людской и средь пустынь
безлюдных
В нем тихий пламень чувства не
угас:
Он сохранил и блеск лазурных
глаз,
И звонкий детский смех, и речь
живую,
И веру гордую в людей, и жизнь
иную.

3

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый
Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба
наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная
дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным
сном;
И то, что ты сказал перед кончи-

ной,
Из слушавших тебя не понял ни
единый...

4

И было ль то привет стране род-
ной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих послед-
них слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дела твои, и мненья,
И думы — все исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уно-
сит —
Куда они? зачем? откуда? — кто
их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадеж-
ной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы

нежной...

Что за нужда?.. Пускай забудет свет

Столь чуждое ему существование:

Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?

Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье
синей степи —

6

И мрачных гор зубчатые хребты...

И вокруг твоей могилы неизвестной

Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:

Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо
дремлет,

Как великан склонившись над щитом,

Рассказам волн кочующих внимаю,

А море Черное шумит не умол-

кая.

На буйном пиршестве задумчив он сидел...

*На буйном пиршестве задумчив
он сидел[178]
Один, покинутый безумными дру-
зьями,
И в даль грядущую, закрытую
пред нами,
Духовный взор его смотрел.
И помню я, исполнены печали
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота го-
стей
Его слова пророчески звучали.
Он говорил: «Ликуйте, о друзья!
Что вам судьбы дряхлеющего ми-
ра?..
Над вашей головой колеблется се-
кира,
Но что ж!.. из вас один ее увижу
я».*

1840

1-е января

Как часто, пестрою толпою окру-
жен,[179]
Когда передо мной, как будто бы
сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных
речей,
Мелькают образы бездушные лю-
дей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук мо-
их
С небрежной смелостью красавиц
городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и
суету,
Ласкаю я в душе старинную меч-
ту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся
мне
Забыться, — памятью к недавней

старине

Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий бар-
ский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут
спящий пруд,
А за прудом село дымится — и
встают

Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь
кусты
Глядит вечерний луч, и желтые
листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж
грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами полными лазурного ог-
ня,
С улыбкой розовой, как молодого
дня

За рощей первое сиянье.

*Так царства дивного всесильный
господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и
страстей,
Как свежий островок безвредно
среди морей
Цветет на влажной их пустыне.*

*Когда ж, опомнившись, обман я
узнаю
И шум толпы людской спугнет
мечту мою,
На праздник незванную гостью,
О, как мне хочется смутить весе-
лость их
И дерзко бросить им в глаза же-
лезный стих,
Облитый горечью и злостью!..*

И скучно и грустно

*И скучно и грустно, и некому руку
подать[180]*

*В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и
вечно желать?..*

*А годы проходят — все лучшие го-
ды!*

*Любить... но кого же?.. на вре-
мя — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там про-
шлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ни-
чтожно...*

*Что страсти? — ведь рано иль
поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с хо-
лодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...*

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
[181]

Баюшки-баю.

Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;

Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;

Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;

Но отец твой старый воин,
Закален в бою:

Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;

Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.

Я седельце боевое
Шелком разошью...

Спи, дитя мое родное,

Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,

*Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.*

<М. А. Щербатовой>

*На светские цепи,[182]
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,*

*Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.*

*Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,*

*Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
Как ветер пустыни,*

И нежат и жгут ее ласки.

*И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.*

*И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру;*

*Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит;*

*От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожа-
ром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.*

Есть речи...

*Есть речи — значенье[183]
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.*

*Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.*

*Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;*

*Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.*

*Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы*

Ему я навстречу.

Соседка

*Не дожидаться мне, видно, свободы,
[184]*

*А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей,
И у двери стоит часовой!*

*Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.*

*Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;*

*У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!*

Занавеска подымется вдруг.

*На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,*

*Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Все тоскует по воле, как я.*

*Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клет-
ка,
И, как божий птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.*

*У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к две-
рям,
Постараюсь я справиться сам.*

*Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.*

Пленный рыцарь

*Молча сижу под окошком темни-
цы;[185]
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют все вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и
стыдно.*

*Нет на устах моих грешной мо-
литвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные бит-
вы,
Меч мой тяжелый да панцирь же-
лезный.*

*В каменный панцирь я ныне зако-
ван,
Каменный шлем мою голову да-*

вит,
Щит мой от стрел и меча закол-
дован,
Конь мой бежит, и никто им не
правит.

Быстрое время — мой конь неиз-
менный,
Шлема забрало — решетка бой-
ницы,
Каменный панцирь — высокие
стены,
Щит мой — чугунные двери тем-
ницы.

Мчись же быстрее, летучее вре-
мя!
Душно под новой броней мне ста-
ло!
Смерть, как приедем, поддержит
мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

Журналист, читатель и писатель

Les poètes ressemblent aux ours,

qui se nourrissent en sucant leur patte.
Inedit.[186]

Комната писателя; опущенные шторы. Он сидит в больших[187] креслах перед камином. Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит.

Журналист

*Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточение
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? нельзя ль*

Узнать?

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

Писатель

*О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали, с тайною мольбою,
К Н. Н., неведомой красе, —
И страшно надоели все.*

Читатель

*И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш жур-
нал
(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста,
Да как-то страшно без перча-
ток...
Читаешь — сотни опечаток!*

Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?

И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? — перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случилось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Журналист

Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодую,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Читатель

Читал я. Мелкие нападки

На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —
А просто грязная вода.

Журналист

И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — все так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —
И все зачем? — чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Читатель

Зато какое наслажденье,

*Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадетя как-нибудь
Живое, свежее творенье!
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.*

Журналист

*Все это так, да вот беда:
Не пишут эти господа.*

Писатель

*О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг низжутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.*

Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска;
Дрожь, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подьем-
лет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко без сознанья
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сиянье прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...

Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно-черных
И ложно-радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решусь показать...
Скажите ж мне, о чем писать?..

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы зной-

ной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю...

<М. П. Соломирской>

Над бездной адскою блуждая,[188]
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.

И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Так, разбирая в заточенье
Досель мне чуждые черты,
Я был свободен на мгновенье
Могучей волею мечты.

*Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно памятный привет.*

Воздушный корабль

(Из Зейдлица)[189]

*По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.*

*Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.*

*Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.*

*Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.*

*Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.*

*И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.*

*Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.*

*Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.*

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили

И продали шпагу свою.

*И, топнув о землю ногою,
Сердито он назад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:*

*Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.*

*Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —*

*Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,*

Потом на корабль свой волшеб-

ный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

Отчего

Мне грустно, потому что я тебя
люблю,[190]
И знаю: молодость цветущую
твою
Не пощадит молвы коварное гонен-
ье.
За каждый светлый день иль
сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты
судьбе.
Мне грустно... потому что весело
тебе.

Благодарность

За все, за все тебя благодарю я:
[191]
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,

*За мечь врагов и клевету друзей;
За жар души, растроченный в пу-
стыне,
За все, чем я обманут в жизни
был...
Устрой лишь так, чтобы тебя
отныне
Недолго я еще благодарил.*

Из Гете

*Горные вершины[192]
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.*

Ребенку

*О грезах юности томим воспоминаньем,[193]
С отрадой тайною и тайным со-
дроганьем,*

Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...

О, если б знало ты, как я тебя люблю!

Как милы мне твои улыбки молодые,

И быстрые глаза, и кудри золотые,

И звонкий голосок! — Не правда ль, говорят,

Ты на нее похож? — Увы! года летят;

Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили

В груди моей; тот взор, исполненный огня,

Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?

Не скучны ли тебе непрошенные ласки?

Не слишком часто ль я твои целую глазки?

Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?

Смотри ж, не говори ни про мою печаль,

Ни вовсе обо мне... К чему? Ее,

быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль
встревожит...

Но мне ты все поверь. Когда в ве-
черний час,
Пред образом с тобой заботливо
склонясь,
Молитву детскую она тебе шеп-
тала,
И в знаменье креста персты твои
сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, те-
бя она
Ни за кого еще молиться не учи-
ла?
Бледнея, может быть, она произ-
носила
Название, теперь забытое то-
бой...
Не вспоминай его... Что имя? —
звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно оста-
лось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь,
случайно

Узнаешь ты его — ребяческие дни
Ты вспомни, и его, дитя, не про-
кляни!

А. О. Смирновой

*В просторечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас — хочу сказать вам много,
[194]*

*При вас — я слушать вас хочу:
Но молча вы смотрите строго,
И я в смущении молчу!
Что ж делать?.. — Речью неискус-
ной
Занять ваш ум мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...*

К портрету

*Как мальчик кудрявый, резва, [195]
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова*

В устах ее полны приветом.

*Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.*

*Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!*

*То истиной дышит в ней все,
То все в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.*

Тучи

*Тучки небесные, вечные странни-
ки![196]
Степью лазурною, цепью жем-
чужною
Мчитесь вы, будто, как я же, из-*

гнанники,
С милого севера в сторону юж-
ную.

Кто же вас гонит: судьбы ли ре-
шение?
Зависть ли тайная? злоба ль от-
крытая?
Или на вас тяготит преступле-
ние?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплод-
ные...
Чужды вам страсти и чужды
страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгна-
ния.

<Валерик>

Я к вам пишу случайно; право,
[197]
Не знаю как и для чего.

Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, боже пра-
вый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, все равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом, что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на
срок;
Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забывать мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За все я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Невольню сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Все, размышлению мешая,

Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз,
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга.
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,
Их шапки, рукава худые,

Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! Прожуж-
жала

Шальная пуля... славный звук...

Вот крик — и снова все вокруг

Затихло... Но жара уж спала,

Ведут коней на водопой,

Зашевелилася пехота;

Вот проскакал один, другой!

Шум, говор. Где вторая рота?

Что, вьючить? — что же капи-
тан?

Повозки выдвигайте живо!

«Савельич!» — «Ой ли!» — «Дай ог-
ниво!»

Подъем ударил барабан —

Гудит музыка полковая;

Между колоннами въезжая,

Звенят орудья. Генерал

Вперед со свитой поскакал...

Рассыпались в широком поле,

Как пчелы, с гиком казаки;

Уж показались значки

Там на опушке — два, и боле.

А вот в чалме один мюрид

В черкеске красной ездит важно,

Конь светло-серый весь кипит,

Он машет, кличет — где отваж-
ный?

Кто выдет с ним на смертный
бой!..

Сейчас, смотрите: в шапке чер-
ной

Казак пустился гребенской;

Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий
дым...

Эй, вы, станичники, за ним...

Что? ранен!.. — Ничего, бездел-
ка...

И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых

Забавы много, толку мало;

Прохладным вечером, бывало,

Мы любовались на них,

Без кровожадного волненья,

Как на трагический балет;

Зато видал я представленья,

Каких у вас на сцене нет...

Раз — это было под Гихами —

Мы проходили темный лес;

Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов выносят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин деревьев
Отряд осыпан. Впереди же
Все тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили, несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала

Ружье как будто заблистало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь все спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Недолго длилось оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... «В штыки,
Дружнее!» — раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура!» — и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» — и пошла резня,
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выражение лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел я недвижимо.

Меж тем товарищей, друзей

Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло все; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной.
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой; я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: «Валерик,
А перевесть на ваш язык,

Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми». —
«А сколько их дралось примерно
Сегодня?» — «Тысяч до семи». —
«А много горцы потеряли?» —
«Как знать? — зачем вы не счита-
ли!»

«Да! будет, — кто-то тут ска-
зал, —

Им в память этот день крова-
вый!»

Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни

путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужде-
нье?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть ма-
лость,
Я буду счастлив. А не так?
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

Завещание

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судь-
бой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навьлет в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.
Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет..
Ей ничего не значит!

Оправдание

*Когда одни воспоминанья[198]
О заблуждениях страстей,
Наместо славного названья,
Твой друг оставит меж людей, —*

*И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролась любовь, —*

*Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —*

*Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.*

*Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной*

*И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.*

Родина

*Люблю отчизну я, но странною
любовью! [199]
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные
преданья
Не шевелят во мне отрадного
мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю
сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю ска-
кать в телеге
И, взором медленным пронзая но-
чи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая
о ночлеге,
Дрожащие огни печальных дере-
вень.*

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Последнее новоселье

Меж тем как Франция, среди ру-
коплексканий[200]
И кликов радостных, встречает
хладный прах
Погибшего давно среди немых
страданий
В изгнанье мрачном и цепях;
Меж тем как мир услужливой
хвалою
Венчает позднего раскаянья по-
рыв
И вздорная толпа, довольная со-

бою,
Гордится, прошлое забыв, —
Негодование и чувству дав свобо-
ду,
Поняв тщеславие сих праздни-
чных забот,
Мне хочется сказать великому
народу:
Ты жалкий и пустой народ!
Ты жалок потому, что вера, сла-
ва, гений,
Все, все великое, священное земли,
С насмешкой глупою ребяческих
сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из славы сделал ты игрушку лице-
мерья,
Из вольности — орудье палача,
И все заветные отцовские поверья
Ты им рубил, рубил сплеча,
— Ты погибал... и он явился, с
строгим взором,
Отмеченный божественным пер-
стом,
И признан за вождя всеобщим
приговором,
И ваша жизнь слилася в нем, —
И вы окрепли вновь в тени его дер-

жавы,
И мир трепещущий в безмолвии
взирал
На ризу чудную могущества и сла-
вы,
Которой вас он одевал.
Один, — он был везде, холодный,
неизменный,
Отец седых дружин, любимый
сын молвы,
В степях египетских, у стен по-
корной Вены,
В снегах пылающей Москвы!

А вы что делали, скажите, в это
время?
Когда в полях чужих он гордо по-
гибал,
Вы потрясали власть избранную,
как бремя,
Точили в темноте кинжал?
Среди последних битв, отчаянных
усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили
И, как рабы, вы предали его!
Лишенный прав и места гражда-

нина,
Разбитый свой венец он снял и
бросил сам,
И вам оставил он в залог родного
сына —
Вы сына выдали врагам!
Тогда, отяготив позорными цепя-
ми,
Героя увезли от плачущих дру-
жин,
И на чужой скале, за синими мо-
рями,
Забытый, он угас один —
Один, — замучен мщением бес-
плодным,
Безмолвною и гордою тоской —
И как простой солдат в плаще
своем походном
Зарыт наемною рукой.

*

Но годы протекли, и ветреное
племя
Кричит: «Подайте нам священ-
ный этот прах!
Он наш; его теперь, великой жат-
вы семя,
Зароем мы в спасенных им сте-

нах!»
И возвратился он на родину;
безумно,
Как прежде, вокруг него теснятся
и бегут
И в пышный гроб, среди столицы
шумной,
Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успе-
хом!
И краткий свой восторг сменив
уже другим,
Гуляя, топчет их с самодоволь-
ным смехом
Толпа, дрожавшая пред ним.

*

И грустно мне, когда подумаю,
что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пу-
стыне
Так жадно, столько лет спокой-
ствия и сна!
И если дух вождя примчится на
свиданье
С гробницей новою, где прах его
лежит,

Какое в нем негодование
При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию
томимый,
О знойном острове, под небом
дальних стран,
Где сторожил его, как он непобе-
димый,
Как он великий, океан!

Любовь мертвеца

Пускай холодною землею[201]
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки —
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных

И тосковал,
Что образ твой в чертах небес-
ных
Не узнавал.

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную
Как в старину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом,
Твои слова текут пылая
По мне огнем.

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,

Ты мертвецу, святыней слова,
Обручена,
Увы, твой страх, твои моления,
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне!

<Из альбома С. Н. Карамзиной>

*Любил и я в былые годы,[202]
В невинности души моей,
И бури шумные природы
И бури тайные страстей.*

*Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.*

*Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,*

*Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С<мирновой> штучку, фарсу Саши
И Ишки М<ятлева> стихи...*

<Графине Ростопчиной>

*Я верю: под одной звездой[203]
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! — от цели благород-
ной
Оторван бурейю страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную верить...*

*Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь*

Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и том-
ный,
Свой бурный шум, свой блеск за-
емный
И ласки вечные свои.

Договор

Пускай толпа клеймит презре-
нием[204]
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубеждением
Ты лишена семейных уз.

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в веселье шум-
ном,

*Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.*

*Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить;
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.
В толпе друг друга мы узнали,
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.*

На севере диком...

*На севере диком стоит одиноко
[205]*

*На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сы-
пучим
Одета, как ризой, она.*

*И снится ей все, что в пустыне
далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем*

~~на хвойной пальме
Ей снится прекрасная пальма
в дельской восточной долине
распуцая туча и кружится
на жаркой пещерной скале~~
Ein Fichtenbaum steht einsam
von Norden auf Kalksteine.
На хвойной пальме в долине
стоит одиноко сосна,
и дремлет... под сновом
качается дремлет она.

Ей снится прекрасная пальма
в дельской восточной долине
распуцая туча и кружится
на жаркой пещерной скале

Прекрасная пальма растет.

Утес

Ночевала тучка золотая [206]
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в мор-

щине
Старого утеса. Одинок
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Спор

Как-то раз перед толпою[207]
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою [208]
Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
Седовласый Шат, —
Покорился человеку
Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор;
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь.
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.

Люди хитры!
Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегися! многолюден
И могуч Восток!»
«Не боюсь я Востока! —
Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моем желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,

Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет! не дряхлому Востоку
Покорить меня!»
«Не хвались еще заране! —
Молвил старый Шат, —
Вот на севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был
Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки;
Веют белые султаны,
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;

Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют;
Батарей медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
Прямо на восток.

И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку[209] на брови надвинул —
И навек затих.

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана[210]

С свинцом в груди лежал недвижим я;

*Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.*

*Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины*

И жгло меня — но спал я мертвым сном.

*И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.*

*Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;*

*И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине
той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей стру-
ей.*

**Они любили друг друга так долго и
нежно...**

Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt'es dem andern gestehn.
Heine.[211]

*Они любили друг друга так долго
и нежно,[212]
С тоской глубокой и страстью
безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья
и встречи,
И были пусты и хладны их крат-
кие речи.
Они расстались в безмолвном и
гордом страданье,
И милый образ во сне лишь порою
видали.
И смерть пришла: наступило за*

*гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не
узнали.*

Тамара

*В глубокой теснине Дарьяла,[213]
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.*

*В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.*

*И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.*

*И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,*

Была непонятная власть.

*На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух:
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.*

*На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина.*

*Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.*

*Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.*

Но только что утра сиянье

*Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.*

*Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;*

*И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.*

*И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.*

Свиданье

1

*Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею*

Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущелье мгла и дым.
Летают сны-мучители
Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старою
На сумрачной горе
Под свежесю чинарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
«Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои».

3

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные,

Как сторожи, стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...
Но под чадрую длинную
Тебя узнать нельзя!..

4

Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
Над синюю Курой,
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополью высокою
Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
Напрасно бродит взор:
Кинжалом в нетерпении

Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодною,
Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
С востока понесло,
Краснеют за туманами
Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
Из города купцы...

6

Прочь, прочь, слеза позорная,
Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
Татарин молодой.
Недаром он красуется
Перед твоим окном
И твой отец любит
Персидским жеребцом.

7

Возьму винтовку длинную,
Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынною

*Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
Часовней подожду
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колыхется!
Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится.
А! это ты, злодей!*

Листок

Лермонтов. Автопортрет. Акварель. 1837

Дубовый листок оторвался от
ветки родимой[214]
И в степь укатился, жестокою
бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и
горя
И вот, наконец, докатился до
Черного моря.

У Черного моря чинара стоит мо-
лодая;
С ней шепчется ветер, зеленые
ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются рай-
ские птицы;
Поют они песни про славу мор-
ской царь-девицы.

И странник прижalsя у корня чи-
нары высокой;
Приюта на время он молит с
тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный ли-
сточек дубовый,

До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

*Один и без цели по свету ношуся
давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и
покоя.
Прими же пришельца меж ли-
стьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудре-
ных и чудных».*

*«На что мне тебя? — отвечает
младая чинара, —
Ты пылен и желт, — и сынам мо-
им свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне
твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и
райские птицы».*

*Иди себе дальше; о странник! те-
бя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для
него и блистаю;*

*По небу я ветви раскинула здесь
на просторе,
И корни мои умывает холодное
море».*

Нет, не тебя так пылко я люблю...

1

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
[215]
Не для меня красы твоей блиста-
нье:
Люблю в тебе я прошлое страда-
нье
И молодость погибшую мою.*

2

*Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взо-
ром:
Таинственным я занят разгово-
ром,
Но не с тобой я сердцем говорю.*

3

*Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты дру-
гие,*

*В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.*

Выхожу один я на дорогу...

1

*Выхожу один я на дорогу;[216]
Сквозь туман кремнистый путь
блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет бо-
гу,
И звезда с звездою говорит.*

2

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так
трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?*

3

*Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!*

4

Но не тем холодным сном моги-

лы...

Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни си-
лы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо
грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух
леляя,
Про любовь мне сладкий голос
пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Морская царевна

В море царевич купает коня;[217]
Слышит: «Царевич! взгляни на
меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

*Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь проведать ты с царевною
ночь?»*

*Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.*

*Вышла младая потом голова,
В косу вплелась морская трава.*

*Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дро-
жат.*

*Мыслит царевич: «Добро же! по-
стой!»
За косу ловко схватил он рукой.*

*Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.*

К берегу витязь отважно плывет;

*Выплыл; товарищей громко зо-
вет:*

*«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча
моя...*

*Что ж вы стоите смущенной
толпой?
Али красы не видали такой?»*

*Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий
взгляд.*

*Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;*

*Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;*

Пена струями сбегает с чела,

Очи одела смертельная мгла.

*Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...*

*Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую
дочь!*

Пророк

*С тех пор как вечный судия[218]
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.*

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.*

*Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,*

*И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;*

*Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная:
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.*

*Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:*

*«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!*

*Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»*

Стихотворения разных лет

Ах! ныне я не тот совсем...

*Ах! ныне я не тот совсем,[219]
Меня друзья бы не узнали,
И на челе тогда моем
Власы седые не блистали.
Я был еще совсем не стар;
А иссушил мне сердце жар
Страстей, явились морщины
И ненавистные седины,
Но и теперь преклонных лет
Я презираю тяготенье.
Я знал еще души волненье —
Любви минувшей грозный след.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь среди полночной грезы
Мне кажется: идет она
Между каштанов и черешен...
Катится по небу луна...
Как я доволен и утешен!
Я вижу кудри... взор живой
Горячей влагою оделся...
Как жемчуг перси белизной.
Так живо образ дорогой
В уме моем напечатлелся!*

Стан невысокий помню я
И азиатские движенья,
Уста пурпурные ея,
Стыда румянец и смятенье...
Но полно! полно! я любил,
Я чувств своих не изменил!..
Любовь, сокрывшись в сердце ди-
ком,
В одних лишь крайностях горит
И вечно (тщетно рок свирепый
Восстал) меня не охладит,
И тень минувшего бежит
Поныне всюду за Мазепой...

Никто моим словам не внемлет...

Никто моим словам не внем-
лет... я один.[220]
День гаснет... красными рисуясь
полосами,
На запад уклонились тучи, и ка-
мин
Трещит передо мной. Я полон весь
мечтами
О будущем... и дни мои толпой
Однообразною проходят предо
мной,

И тщетно ящю смущенными
очами
Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!

Мое грядущее в тумане...

Мое грядущее в тумане,
Былое полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?
К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..
И я словам его поверил,
И, полный волею страстей,
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

*Тогда, для поприща готовый,
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.*

Из-под таинственной, холодной полумаски...

*Из-под таинственной, холодной
полумаски[221]
Звучал мне голос твой отрадный,
как мечта,
Светили мне твои пленительные
глазки
И улыбались лукавые уста.*

*Сквозь дымку легкую заметил я
неволью
И девственных ланит и шеи бе-
лизну.
Счастливец! видел я и локон свое-
вольный,
Родных кудрей покинувший вол-
ну!..*

*И создал я тогда в моем вообра-
жение*

*По легким признакам красавицу
мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.*

*И все мне кажется: живые эти
речи
В года минувшие слышал когда-то
я;
И кто-то шепчет мне, что после
этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые
друзья.*

Тебе, Кавказ, суровый царь земли...

*Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
[222]
Я посвящаю снова стих небреж-
ный.
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере — в стране тебе чужой*

*Я сердцем твой всегда и всюду
твой.*

*Еще ребенком робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников аллы.
Там ветер машет вольными кры-
лами,
Там ночевать слетаются орлы,
Я в гости к ним летал мечтой
послушной
И сердцем был — товарищ их воз-
душный.*

*С тех пор прошло тяжелых мно-
го лет,
И вновь меня меж скал своих ты
встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и све-
тел.*

*Он пролил в грудь мою забвенье
бед,
И дружно я на дружний зов отве-
тил;
И ныне здесь, в полуночном краю,
Все о тебе мечтаю и пою.*

Не плачь, не плачь, мое дитя...

Не плачь, не плачь, мое дитя,[223]
Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя,
Верь, он любил тебя от скуки!
И мало ль в Грузии у нас
Прекрасных юношей найдется?
Быстрей огонь их черных глаз,
И черный ус их лучше вьется!
Из дальней, чуждой стороны
Он к нам заброшен был судьбою;
Он ищет славы и войны, —
И что ж он мог найти с тобою?
Тебя он золотом дарил,
Клялся, что вечно не изменит,
Он ласки дорого ценил —
Но слез твоих он не оценит!

Приложения

Эпиграммы, экспромты, шуточные стихотворения

Эпиграмма

*Дурак и старая кокетка — все
равно:[224]
Румяны, горсть белил — все зна-
ние его!..*

Мадригал

*«Душа телесна!» — ты всех уверя-
ешь смело;
Я соглашусь, любовью дыша:
Твое прекраснейшее тело
Не что иное, как душа!..*

Эпиграммы Есть люди странные...

*Есть люди странные, которые с
друзьями*

*Обходятся как с сюртуками:
Покуда нов сюртук: в чести — а
там
Забут и подарен слугам!..*

Тот самый человек пустой...

*Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.
Поэтом (хоть и это бремя)
Из журналиста быть тебе не
суждено;
Ругать, и льстить, и лгать в одно
и то же время,
Признаться — очень мудрено!*

Г-ву И...

*Аминт твой на глупца походит,
Когда за счастьем бежит;
А под конец так крепко спит,
Что даже сон другим наводит.
Стыдит лжеца, шутит над ду-
раком
И спорить с женщиной — все то
же,*

Что черпать воду решетом:
От сих троих избавь нас, боже!..
Дамон, наш врач, о друге просле-
зился,
Когда тот кончил жизнь; поныне
он грустит
(Но не о том, что жизни друг ли-
шился):
Пять раз забыл он взять билеты
за визит!..

К Грузинову

Скажу, любезный мой приятель,
[225]
Ты для меня такой смешной,
Ты муз прилежный обожатель,
Им даже жертвуешь собой!..
Напрасно, милый друг! коварных
К себе не приманишь никак;
Ведь музы женищины — итак,
Кто ж видел женищин благодар-
ных?..

В день рождения N.N.

*Чего тебе, мой милый, пожелать?
Учись быть счастливым на разные манеры
И продолжай беспечно пировать
Под сенью Марса и Венеры...*

Моя мольба

*Да охранюся я от мушек,[226]
От дев, не знающих любви,
От дружбы слишком нежной и —
От романтических старушек.*

Эпитафия

(Утонувшему игроку)

*Кто яму для других копать трудился,
Тот сам в нее упал — гласит писанье так.
Ты это оправдал, бостонный мой
чудак,
Топил людей — и утонул.*

А. Д. З.

О ты, которого клевет твой верный Павел[227]

В искусство ерников в младенчестве наставил;

О ты, к которому день всякий Валерьян

На ваньке приезжал ярыгой, глуп и пьян,

Которому служил лакеем из лакеев

Шут, алырь, женолаз, великий Теличеев,

Приветствую тебя и твой триумвират:

И кто сказать бы смел, что черт тебе не брат?

Новогодние мадригалы и эпиграммы Н. Ф. И. [228]

*Дай бог, чтоб вечно вы не знали,
[229]*

*Что значат толки дураков,
И чтоб вам не было печали*

*От шпор, мундира и усов;
Дай бог, чтоб вас не огорчали
Соперниц ложные красы,
Чтобы у ног вы увидали
Мундир, и шпоры, и усы!*

Бухариной

*Не чудно ль, что зовут вас Вера?
[230]
Ужели можно верить вам?
Нет, я не дам своим друзьям
Такого страшного примера!..
Поверить стоит раз... но что ж?
Ведь сам раскаиваться будешь,
Закона веры не забудешь
И старовером прослывешь!*

Трубецкому

*Нет! мир совсем пошел не так;
[231]
Обиняков не понимают;
Скажи не просто: ты дурак —
За комплимент уж принимают?
Все то, на чем ума печать,*

*Они привыкли ненавидеть!
Так стану ж умным называть,
Когда захочется обидеть!*

Г<-ну> Павлову

*Как вас зовут? ужель поэтом?
[232]*

*Я вас прошу в последний раз,
Не называйтесь так пред светом:
Фиглярюм назовет он вас!
Пускай никто про вас не скажет:
Вот стихотворец, вот поэт;
Вас этот титул только свяжет
С ним привилегий вовсе нет.*

Алябьевой

*Вам красота, чтобы блеснуть,
[233]*

*Дана;
В глазах душа, чтоб обмануть,
Видна!..
Но звал ли вас хоть кто-нибудь:
Она?*

Л. Нарышкиной

*Всем жалко вас: вы так устали!
[234]*

*Вы не хотели танцевать —
И целый вечер танцевали!
Как, наконец, не перестать?..*

*Но если б все ценить умели
Ваш ум, любезность ваших слов,
Клянусь бессмертием богов —
Тогда б мазурки опустели.*

Толстой

*Недаром она, недаром[235]
С отставным гусаром.*

Бартеньевой

*Скажи мне: где переняла[236]
Ты обольстительные звуки
И как соединить могла
Отзывы радости и муки?*

*Премудрой мыслию вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что ж? — нигде я не слышал
Того, что слышал от тебя я!*

Мартыновой

*Когда поспорить вам придется,
[237]
Не спорьте никогда о том,
Что невозможно быть с умом
Тому, кто в этом признается;*

Додо

*Кто с вами раз поговорил, [238]
Тот с вами вечно спорить будет,
Что ум ваш вечно не забудет
И что другое все забыл!
Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унижить тайно,*

*Взяв пылко сторону глупца!
Как в Талисмане стих небрежный,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой,
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадный!*

Вашилову

*Вы старшина собранья, верно,
[239]
Так я прошу вас объявить,
Могу ль я здесь нелицемерно
В глаза всем правду говорить?
Авось, авось займет нас делом
Иль хоть забавит новый год,
Когда один в собранье целом
Ему навстречу не солжет;
Итак, я вас не поздравляю;
Что год сей даст вам — знает
бог.
Зато минувший, уверяю,
Отмстил за вас как только мог!*

Кропоткиной

*Я оклеветан перед вами;[240]
Как оправдаться я могу?
Ужели клятвами, словами?
Но как же! — я сегодня лгу!..*

Щербатовой

*Поверю ль я, чтоб вы хотели[241]
Покинуть общество Москвы,
Когда от самой колыбели
Ее кумиром были вы?
Что даст вам скучный брег Невы:
Ужель там больше веселятся,
Ужели балов больше там?
Нет, как мудрец, скажу я вам:
Гораздо лучше оставаться.*

Булгакову

*На вздор и шалости ты хват[242]
И мастер на безделки.
И, шутовской надев наряд,
Ты был в своей тарелке;*

За службу долгую и труд
Авось наместо класса
Тебе, мой друг, по смерть дадут
Чин и мундир паяса.

Сабуровой

Как? вы поэта огорчили[243]
И не наказаны потом?
Три года ровно вы шутили
Его любовью и умом?
Нет! вы не поняли поэта,
Его души печальный сон;
Вы небом созданы для света,
Но не для вас был создан он!..

Уваровой

Вы мне однажды говорили,[244]
Что не привыкли в свете жить:
Не спорю в этом; но не вы ли
Себя заставили любить?
Все, что привычкою другие
Приобретают — вы душой;
И что у них слова пустые —
То не обман у вас одной!

Вы не знавали князь Петра...

*Вы не знавали князь Петра;[245]
Танцует, пишет он порою,
От ног его и от пера
Московским дурам нет покою;
Ему устать бы уж пора,
Ногами — но не головою.*

<Н. Н. Арсеньеву>

*Дай бог, чтоб ты не соблазнялся
[246]
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,
Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы молодой;
Ланиты и вино нередко
Фальшивой краскою блестят;
Вино поддельное, кокетка
Для головы и сердца — яд!*

<Эпиграмма на Н. Кукольника>

*В Большом театре я сидел,[247]
Давали Скопина: я слушал и смотрел.
Когда же занавес при плесках опустился,
Тогда сказал знакомый мне один:
«Что, братец! жаль! — вот умер
и Скопин!..
Ну, право, лучше б не родился».*

<Эпиграмма на Ф. Булгарина, I>

*Россию продает Фадей[248]
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй, он продаст жену, детей
И мир земной и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную
цену,
Да жаль, заложена в казну.*

<Эпиграмма на Ф. Булгарина, II>

Россию продает Фадей

И уж не в первый раз, злодей.

Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул как сети...

*Се Маккавей-водопийца кудрявые
речи раскинул как сети,[249]
Злой сердцелов! оживает добычи,
рекая в пустыне,
Сухосплетенные мышцы распра-
вил и, корпии
Вынув клоком из чутких ушей,
уловить замышляет
Слово обидное, грозно вращая зе-
лено-сереющим оком,
Зубом верхним о нижний, как
уголь черный, щелкая.
Остаться без носу — наш Макка-
вей боялся,
Приехал на воды — и с носом он
остался.*

<А. Петрову>

*Ну что скажу тебе я спросту?
[250]*

Мне не с руки хвала и лесть:
Дай бог тебе побольше росту —
Другие качества все есть.

<А. А. Олениной>

Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!
Судьба моя плачевна,
Я здесь стою как пень.
И что сказать — не знаю,
А мне кричат: «Plus vite!» [251]
Я счастья вам желаю,
Et je vous felicite.[252]

<Э. К. Мусиной-Пушкиной>

Графиня Эмилия —
Белее чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится.
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

<К М. И. Цейдлеру>

*Русский немец белокурый[253]
Едет в дальнюю страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной сталью
Мысли юноши полны.*

<Портрету старого гусара>

*Смотрите, как летит, отвагою
пылая...[254]
Порой обманчива бывает седина;
Так мхом покрытая бутылка ве-
ковая
Хранит струю кипучего вина.*

Посреди небесных тел...

*Посреди небесных тел[255]
Лик луны туманный:
Как он кругл и как он бел,*

Точно блин с сметаной...

*Каждо ночь она в лучах
Путь проходит млечный...
Видно, там на небесах
Масленица вечно!*

<Эпиграмма>

*Под фирмой иностранной инозе-
мец[256]
Не утаил себя никак —
Бранится пошло: ясно немец;
Похвалит: видно, что поляк.*

И. П. Мятлеву

*На наших дам морозных[257]
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.
Вот дама Курдюкова,
Ее рассказ так мил,
Я от слова до слова
Его бы затвердил.*

Мой ум скакал за нею,
И часто был готов
Я броситься на шею
К madame de-Курдюков.

<А. А. Углицкой>

Ma chere Alexandrine,[258]
Простите, же ву при,
За мной армейский чин
Все, что je vous ecris;
Меж тем, же ву засюр,
Ich wunsche счастья вам,
Surtout beaucoup d'amour
Quand vous serez Мадам.

Расписку просишь ты, гусар...

Расписку просишь ты, гусар, —
[259]
Я получил твое посланье;
Родилось в сердце упование,
И легче стал судьбы удар;
Твои пленительны картины
И дерзкой списаны рукой;
В твоих стихах есть запах вин-

ный —

А рифмы льются м...ей.

Борделя грязная свобода

Тебя в пророки избрала;

Давно для глаз твоих природа

Покров обманчивый сняла;

Чуть тронешь ты жезлом вол-
шебным

Хоть отвратительный предмет,

Стихи звучат ключом целебным,

И люди шепчут: он поэт!

Так некогда в степи безводной

Премудрый пастырь Аарон

Услышал плач и вопль народный,

И жезл священный поднял он,

И на челе его угрюмом

Надежды луч блеснул живой,

И тронул камень он немой, —

И брызнул ключ с приветным шу-
мом

Новорожденною струей.

Надежда Петровна...

Надежда Петровна, [260]

Отчего так неровно

Разобран ваш ряд,

*И локон небрежный
Над шейкою нежной...
На поясе нож.
C'est un vers qui cloche.[261]*

Он был в краю святом...

*Он был в краю святом,[262]
На холмах Палестины.
Стальной его шолом
Исекли сарацины.
Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.*

*Неверных он громил
Обеими руками —
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.
Встречаясь с ним подчас,
Смущались красотки;
Он п... их не раз,
Перебирая четки.*

*Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит — детей Содом,
Жена его брюхата.*

Пришибло старика...

Югельский барон

(Ал. М. В-ой)[263]

Баллада

Коллективное

До рассвета поднявшись, перо очинил
Знаменитый Югельский барон.
И кусал он, и рвал, и писал, и стро-
чил
Письмецо к своей Сашеньке он,

И он крикнул: «Мой паж!.. мой ма-
лютка!.. скорей!..
Подойди!.. что робеешь ты так!»
И к нему подошел долговязый ла-
кей,
Тридцатипятилетний дурак.

«Вот!.. возьми письмецо ты к
невесте моей
И на почту его отнеси!
И потом пирогов, сухарей, кренде-
лей —
Чего хочешь, в награду проси!»

«Сухарей не хочу, и письма не возь-
му,

*Хоть расплачься, высокий барон,
А захочешь узнать, я скажу поче-
му,
Нет!.. уж лучше смолчать», — и
поклон.*

«Паж!.. хочу я узнать!..» —

«Нет!.. позволь мне смолчать!..»
—

*«Говори!» — «За невестой твоей
Обожателей рать кто бы мог со-
считать?»*

И в разлуке ты вверился ей!

*Не девица ль она?.. и одна ли вер-
на?*

*Нам ли думать: на Севере, там,
Все вздыхает она, одинока, блед-
на;*

*Нам ли веровать женским сло-
вам?*

Иль один обольщен, изумлен,

увлечен
Ты невестою милой своей?
Нет!.. высокий барон, ты порой
мне смешон,
И письма не отправлю я к ней!»

Рассмеялся барон — так уверен
был он.
«Ты малютка, мой паж молодой!
Знай!.. ты сам ослеплен! Знай! у
северных жен
Не в размолвке обеты с душой!

Там девица верна, постоянна же-
на;
Север силой ли только велик?
Жизнь там веры полна, счастья
там сторона,
И послушен там сердцу язык!

Мелких птиц, как везде, нет в ор-
лином гнезде,
Там я выбрал невесту себе,
Не изменит нигде; ей как вечной
звезде,

Ей вверяюсь, как самой судьбе!

*Так!.. снегов в стороне, будет вер-
ною мне!»*

*Паж невольно барону внимал,
И без слов, в тишине, он сознался
в вине*

И на почту с письмом побежал!

Стихотворения на французском языке **Non, si j'en crois mon esperance...**

*Non, si j'en crois mon esperance,
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Pres de vous par le souvenir.
Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage,
Rappelez-moi, je reviendrai.[264]*

О, как прохладно и весело нам...

*О, как прохладно и весело нам
[265]*

*Вечером плыть по заснувшим
волнам.*

*Солнце погасло в туманной дали,
Звезды лампы ночные зажгли.
Резво играя в вершинах холмов,
Ветер приносит дыханье цветов.
О, как чудно, прохладно с песнями
плыть*

*И влажные кудри над морем су-
шить.*

*Остался ли кто в морской глуби-
не?*

*Луна, улыбаясь, глядится в волне.
И звезды, украсив чертог голубой,
Сверкают и гаснут одна за дру-
гой.*

*Радостно, весело поплывем по
волне,
Видишь в водах, как дрожат и как
гаснут оне.*

Quand je te vois sourire...

*Quand je te vois sourire,
Mon cœur s'épanouit,
Et je voudrais te dire,
Ce que mon cœur me dit!*

*Alors toute ma vie
A mes yeux apparait;
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.
Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passe paratt vide,
Comme le ciel sans dieu.
Et puis, caprice etrange,
Je me surprands benir
Le beau jour, oh mon ange,
Ou tu m'as fait souffrir!..[266]*

L'Attente

*Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement...
Eh non! — trompeuse esperance —
C'est un vieux saule qui balance
Son tronc desseche et luisant.
Je me penche et longtemps j'ecoute;
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas leger produit...
Non, ce n'est rien! C'est dans la
mousse
Le bruit d'une feuille que pousse*

*Le vent parfume de la nuit.
Rempli d'une amere tristesse,
Je me couche dans l'herbe epaisse
Et m'endors d'un sommeil profond...
Tout-a-coup, tremblant, je m'eveille:
Sa voix me parlait a l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.[267]*

Наброски и отрывки Забывши волнения жизни мятежной...

*Забывши волнения жизни мятеж-
ной,[268]
Один жил в пустыне рыбак моло-
дой.
Однажды на скале прибрежной,
Над тихой, прозрачной рекой,
Он с удой беспечно. Сидел
И думой сердечной
К протекшему счастью летел.*

В старинны годы жили-были...

*В старинны годы жили-были[269]
Два рыцаря друзья;
Не раз они в Сион ходили,*

*Желанием горя,
С огромной ратью, с королями
Его освободить...
И крест священный знаменами
Своими осенить...*

Лилейной рукой поправляя...

*Лилейной рукой поправляя[270]
Едва пробившийся ус,
Краснеет, как дева молодая,
Капгар, молодой туксус.*

На бурке под тенью чинары...

*На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И, руки скрестивши, татары
Стояли молча пред ним.
И, брови нахмурив густые,
Лениво молвил Ага: —
О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!*

Это случилось в последние годы

могучего Рима...

Это случилось в последние годы
могучего Рима.[271]
Царствовал грозный Тиверий и
знал христиан беспощадно;
Но ежедневно на месте отрублен-
ных ветвей, у дерева
Церкви Христовой юные вновь зе-
ленели побеги.
В тайной пещере, над Тибром ре-
вущим, скрывался в то время
Праведный старец, в посте и мо-
литве свой век доживая;
Бог его в людях своей благодатью
прославил.
Чудный он дар получил: исцелять
от недугов телесных
И от страданий душевных. Рано
утром, однажды,
Горько рыдая, приходит к нему
старуха простого
Звания, с нею и муж ее, грусти
безмолвной исполнен.
Просит она воскресить ее дочь,
внезапно во цвете
Девственной жизни умершую... —
«Вот уж два дня и две ночи, —

Так она говорила, — мы наших богов неотступно
Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе холодном,
Золото сыплем жрецам их и плачем, — но все бесполезно!
Если б знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира! Как часто
Дряхлые старцы, любуясь на белые плечи, волнистые кудри,
На темные очи ее, молодели; и юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напевая простую
Песню, амфору держа над головой, осторожно тропинкой
К Тибру спускалась она за водою... иль в пляске
Перед домашним порогом подруг побеждала искусством,
Звонким ребяческим смехом родительский слух утешая...
Только в последнее время приметно она изменилась:
Игры наскучили ей, и взор отуманился думой;

Из дома стала она уходить до за-
ри, возвращаясь
Вечером темным, и ночи без сна
проводила... При свете
Поздней лампы я видела раз,
как она, на коленах,
Тихо, усердно и долго моли-
лась, — кому?.. — неизвестно!..
Созвали мы стариков и родных
для совета; решили...»

.....

Том II

Поэмы

Тамбовская казначейша

Играй, да не отыгрывайся.

Пословица

Посвящение

*Пускай слыву я старовером,
Мне все равно — я даже рад:*

Пишу Онегина размером;
Пою, друзья, на старый лад.
Прошу послушать эту сказку!
Ее нежданную развязку
Одобрите, быть может, вы
Склоненьем легким головы.
Обычай древний наблюдая,
Мы благодетельным вином
Стихи негладкие запьем,
И пробегут они, хромя,
За мирною своей семьей
К реке забвенья на покой.

I

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин».
Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки;
.....
Короче, славный городок.

II

Но скука, скука, боже правый,
Гостит и там, как над Невой,
Поит вас пресною отравой,
Ласкает черствою рукой.
И там есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И там нет средства от глупцов
И музыкальных вечеров;
И там есть дамы — просто чудо!
Дианы строгие в чепцах,
С отказом вечным на устах.
При них нельзя подумать худо:
В глазах греховное прочтут
И вас осудят, проклянут.

III

Вдруг оживился круг дворянский;
Губернских дев нельзя узнать;
Пришло известье: полк уланский
В Тамбове будет зимовать.
Уланы, ах! такие хваты...
Полковник, верно, неженатый —
А уж бригадный генерал
Конечно даст блестящий бал.
У матушек сверкнули взоры;
Зато, несносные купцы,
Неумолимые отцы

*Пришли в раздумье: сабли, шпоры
Беда для крашенных полов...
Так волновался весь Тамбов.*

IV

*И вот однажды утром рано,
В час лучший девственного сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядывает Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотит Аврора
И, тишины известный враг,
Еще безмолвствовал кабак,
Уланы справа по шести
Вступили в город; музыканты,
Дремля на лошадях своих,
Играли марш из «Двух слепых».*

V

*Услыша ласковое ржанье
Желанных вороных коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тут не запрыгало сильнее?
Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура, Катерина,
Скорее туфли и платок!
Да где Иван? какой мешок!
Два года ставни отворяют...»*

Вот ставни настезь. Целый дом
Трет стекла тусклые сукном —
И любопытно пробегают
Глаза опухшие девиц
Ряды суровых, пыльных лиц.

VI

«Ах, посмотри сюда, кухня,
Вот этот!» — «Где? майор?» —
«О, нет!
Как он хорош, а конь — картина,
Да жаль, он, кажется, корнет...
Как ловко, смело избочился...
Поверишь ли, он мне приснился...
Я после не могла уснуть...»
И тут девическая грудь
Косынку тихо поднимает —
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взор живой.
Но полк прошел. За ним мелька-
ет
Толпа мальчишек городских,
Немытых, шумных и босых.

VII

Против гостиницы «Москов-
ской?»,
Притона буйных усачей,

*Жил некто господин Бобковской,
Губернский старый казначей.
Давно был дом его построен;
Хотя невзрачен, но спокоен;
Меж двух облупленных колонн
Держался кое-как балкон.
На кровле треснувшие доски
Зеленым мохом поросли;
Зато пред окнами цвели
Четыре стриженных березки
Взамен гардин и пышных стор,
Невинной роскоши убор.*

VIII

*Хозяин был старик угрюмый
С огромной лысой головой.
От юных лет с казенной суммой
Он жил как с собственной казной.
В пучинах сумрачных расчета
Блуждать была ему охота,
И потому он был игрок
(Его единственный порок).
Любил налево и направо
Он в зимний вечер прометнуть,
Четвертый куш перечеркнуть,
Рутеркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить цимлянского струей.*

IX

Он был врагом трудов полезных,
Трибун тамбовских удальцов,
Гроза всех матушек уездных
И воспитатель их сынков.
Его крапленые колоды
Не раз невинные доходы
С индеек, масла и овса
Вдруг пожирали в полчаса.
Губернский врач, судья, исправник

Таков его всегдашний круг;
Последний был делец и друг
И за столом такой забавник,
Что казначейша иногда
Сгорит, бывало, от стыда.

X

Я не поведал вам, читатель,
Что казначей мой был женат.
Благословил его создатель,
Послав ему в супруге клад.
Ее ценил он тысяч во сто,
Хотя держал довольно просто
И не выписывал чепцов
Ей из столичных городов.
Предав ей таинства науки,
Как бросить вздох иль томный

взор,
Чтоб легче влюбчивый понтер
Не разглядел проворной штуки,
Меж тем догадливый старик
С глаз не спускал ее на миг.

XI

И впрямь Авдотья Николавна
Была прелакомый кусок.
Идет, бывало, гордо, плавно —
Чуть тронет землю башмачок;
В Тамбове не запомнят люди
Такой высокой, полной груди:
Бела как сахар, так нежна,
Что жилка каждая видна.
Казалось, для нежной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну что такое бирюза? Что небо?
Впрочем, я отчасти
Поклонник голубых очей
И не гожусь в число судей.

XII

А этот носик! эти губки,
Два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
А голос сладкий как мечта!
Она картавя говорила,

Нечисто «р» произносила;
Но этот маленький порок
Кто извинить бы в ней не мог?
Любил трепать ее ланиты,
Разнежась, старый казначей.
Как жаль, что не было детей
У них!

.

.

XIII

Для большей ясности романа
Здесь объявить мне вам пора,
Что страстно влюблена в улана
Была одна ее сестра.
Она, как должно, тайну эту
Открыла Дуне по секрету.
Вам не случилось двух сестер
Замужних слышать разговор?
О чем тут, боже справедливый,
Не судят милые уста!
О русских нравов простота!
Я, право, человек нелживый —
А из-за ширмов раза два
Такие слышал я слова...

XIV

Итак, тамбовская красотка

Ценить умела уж усы

.....

.....

*Что ж? знание ее сгубило!
Один улан, повеса милый
(Я вместе часто с ним бывал),
В трактире номер занимал
Окно в окно с ее уборной.
Он был мужчина в тридцать
лет;
Штаб-ротмистр, строен как кор-
нет;
Взор пылкий, ус довольно черный:
Короче, идеал девиц,
Одно из славных русских лиц.*

XV

*Он все отцовское именье
Еще корнетом прокутил;
С тех пор дарами провиденья,
Как птица божия, он жил.
Он спать, лежать привык; не ве-
дать,
Чем будет завтра пообедать.
Шатаясь по Руси кругом,
То на курьерских, то верхом,
То полупьяным ремонтером,
То волокитой отпускным,*

*Привык он к случаям таким,
Что я бы сам почел их вздором,
Когда бы все его слова
Хоть тень имели хвастовства.*

XVI

*Страстьми земными не смуща-
ем,
Он не терялся никогда.*

*.....
.....*

*Бывало, в деле, под картечью
Всех рассмешит надутой речью,
Гримасой, фарсой площадной
Иль неподдельной остротой.
Шутя однажды после спора
Всадил он другу пулю в лоб;
Шутя и сам он лег бы в гроб —
.....*

*Порой незлобен как дитя,
Был добр и честен, но шутя.*

XVII

*Он не был тем, что волокитой
У нас привыкли называть;
Он не ходил тропой избитой,
Свой путь умея пролагать;
Не делал страстных изъяснений,*

Не становился на колени;
А несмотря на то, друзья,
Счастливей был, чем вы и я.

.....
.....
.....

Таков-то был штаб-ротмистр
Гарин:
По крайней мере мой портрет
Был схож тому назад пять лет.

XVIII

Спешил о редкостях Тамбова
Он у трактирщика узнать.
Узнал немало он смешного —
Интриг секретных шесть иль
пять,
Узнал, невесты как богаты,
Где свахи водятся иль сваты;
Но занял более всего
Мысль беспокойную его
Рассказ о молодой соседке.
«Бедняжка! — думает улан, —
Такой безжизненный болван
Имеет право в этой клетке
Тебя стеречь — и я, злодей,
Не тронусь участью твоей?»

XIX

К окну поспешно он садится,
Надев персидский архалук;
В устах его едва дымится
Узорный бисерный чубук.
На кудри мягкие надета
Ермолка вишневого цвета
С каймой и кистью золотой,
Дар молдаванки молодой.
Сидит и смотрит он прилежно...
Вот, промелькнувши как во мгле,
Обрисовался на стекле
Головки милой профиль нежный;
Вот будто стукнуло окно...
Вот отворяется оно.

XX

Еще безмолвен город сонный:
На окнах блещет утра свет;
Еще по улице мощеной
Не раздаётся стук карет...
Что ж казначейшу молодую
Так рано подняло? Какую
Назвать причину поверней?
Уж не бессонница ль у ней?
На ручку опершись головкой,
Она вздыхает, а в руке
Чуллок; но дело не в чулке —
Заняться этим нам неловко...

*И если правду уж сказать —
Ну кстати ль было б ей вязать!*

XXI

*Сначала взор ее прелестный
Бродил по синим небесам,
Потом склонился к поднебесной
И вдруг... какой позор и срам!
Напротив, у окна трактира,
Сидит мужчина без мундира.
Скорей, штаб-ротмистр! ваш
сюртук!
И поделом... окошко стук...
И скрылось милое виденье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На вас навеяла б смущенье;
Но я отдам улану честь —
Он молвил: «Что ж? начало
есть».*

XXII

*Два дня окно не отворялось.
Он терпелив. На третий день
На стеклах снова показалась
Ее пленительная тень;
Тихонько рама заскрипела.
Она с чулком к окну подсела.*

Но опытный заметил взгляд
Ее заботливый наряд.
Своей удачею довольный,
Он встал и вышел со двора —
И не вернулся до утра.
Потом, хоть было очень больно,
Собрав запас душевных сил,
Три дня к окну не подходил.

XXIII

Но эта маленькая ссора
Имела участь нежных ссор:
Меж них завелся очень скоро
Немой, но внятнень разговор.
Язык любви, язык чудесный,
Одной лишь юности известный,
Кому, кто раз хоть был любим,
Не стал ты языком родным?
В минуту страстного волненья
Кому хоть раз ты не помог
Близ милых уст, у милых ног?
Кого под игом принужденья,
В толпе завистливой и злой,
Не спас ты, чудный и живой?

XXIV

Скажу короче: в две недели
Наш Гарин твердо мог узнать,

Когда она встает с постели,
Пьет с мужем чай, идет гулять.
Отправится ль она к обедне —
Он в церкви, верно, не последний;
К сырой колонне прислонясь,
Стоит все время не крестясь.
Лучом краснеющей лампы
Его лицо озарено:
Как мрачно, холодно оно!
А испытующие взгляды
То вдруг померкнут, то блестят
—
Проникнуть в грудь ее хотят.

XXV

Давно разрешено сомненье,
Что любопытен нежный пол.
Улан большое впечатленье
На казначейшу произвел
Своею странностью. Конечно,
Не надо было б мысли грешной
Дорогу в сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!

.....

.....

.....

Жизнь без любви такая сквер-
ность!

*А что, скажите, за предмет
Для страсти муж, который сед?*

XXVI

*Но время шло. «Пора к развязке!
Так говорил любовник мой. —
Вздыхают молча только в сказке,
А я не сказочный герой».*

*Раз входит, кланяясь пренизко,
Лакей. «Что это?» — «Вот-с за-
писка;*

*Вам барин кланяться велел-с;
Сам не приехал — много дел-с;
Да приказал вас звать к обеду,
А вечерком потанцевать.*

*Он сам изволил так сказать».
«Ступай скажи, что я приеду».
И в три часа, надев колет,
Летит штаб-ротмистр на обед.*

XXVII

*Амфитрион был предводитель —
И в день рождения жены,
Порядка ревностный блюсти-
тель,*

*Созвал губернские чины
И целый полк. Хотя бригадный
Заставил ждать себя изрядно*

*И после целый день зевал,
Но праздник в том не потерял.
Он был устроен очень мило:
В огромных вазах по столам
Стояли яблоки для дам;
А для мужчин в буфете было
Еще с утра принесено
В больших трех ящиках вино.*

XXVIII

*Вперед под ручку с генеральшей
Пошел хозяин. Вот за стол
Уселся от мужчин подальше
Прекрасный, но стыдливый пол —
И дружно загремел с балкона,
Средь утешительного звона
Тарелок, ложек и ножей,
Весь хор уланских трубачей:
Обычай древний, но прекрасный;
Он возбуждает аппетит,
Порою кстати заглушит
Меж двух соседей говор страст-
ный
Но в наше время решено,
Что все старинное смешно.*

XXIX

Родов, обычаев боярских

Теперь и следу не ищи,
И только на пирах гусарских
Гремят, как прежде, трубачи.
О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни, полковой!
И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я,
В тот серый час, когда заря
На строй гусаров полусонных
И на бивак их у леска
Бросает луч исподтишка!

XXX

С Авдотьей Николавной рядом
Сидел штаб-ротмистр удалой —
Впился в нее упрямым взглядом,
Крутя усы одной рукой.
Он видел, как в ней сердце билось.
И вдруг — не знаю, как случилось,
Ноги ее иль башмачка
Коснулся шпорой он слегка.
Тут начались извиненья
И завязался разговор;
Два комплимента, нежный взор
—
И уж дошло до изъясненья...

Да, да — как честный офицер!
Но казначейша — не пример.

XXXI

Она, в ответ на нежный шепот,
Н-гмой восторг спеша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкий опыт
Ему решилась предложить —
Таков обычай деревенский!
Помучить — способ самый жен-
ский.

Но уж давно известна нам
Любовь друзей и дружба дам!
Какое адское мученье
Сидеть весь вечер tete-a-tete
С красавицей в осьмнадцать лет
.....
.....
.....

XXXII

Вообще я мог в году последнем
В девицах наших городских
Заметить страсть к воздушным
бредням
И мистицизму. Бойтесь их!
Такая мудрая супруга,
В часы любовного досуга,

Вам вдруг захочет доказать,
Что два и три совсем не пять;
Иль вместо пламенных лобзаний
Магнетизировать начнет —
И счастлив муж, коли заснет!..
Плоды подобных замечаний,
Конечно б, мог не ведать мир,
Но польза, польза мой кумир.

XXXIII

Я бал описывать не стану,
Хоть это был блестящий бал.
Весь вечер моему улану
Амур прилежно помогал.
Увы
Не веруют амуру ныне;
Забыв любви волшебный царь;
Давно остыл его алтарь!
Но за столичным просвещеньем
Провинциалы не спешат;
.
.
.

XXXIV

И сердце Дуни покорилось;
Его сковал могучий взор...
Ей дома целу ночь все снилось

Бряцанье сабли или шпор.
Поутру, встав часу в девятом,
Садится в шлафоре измятом
Она за вечную канву —
Все тот же сон и наяву.
По службе занят муж ревнивый,
Она одна — разгул мечтам!
Вдруг дверью стукнули.
«Кто там? Андрюшка!
Ах, тюлень ленивый!..»
Вот чей-то шаг — и перед ней
Явился... только не Андрей.

XXXV

Вы отгадаете, конечно,
Кто этот гость нежданный был.
Немного, может быть, поспешно
Любовник смелый поступил;
Но, впрочем, взявши в рассмотре-
нье
Его минувшее терпенье
И рассудив, легко поймешь,
Зачем рискует молодежь.
Кивнув легонько головою,
Он к Дуне молча подошел
И на лицо ее навел
Взор, отуманенный тоскою;
Потом стал длинный ус кру-

тить,
Вздохнул и начал говорить:

XXXVI

«Я вижу, вы меня не ждали —
Прочесть легко из ваших глаз;
Ах, вы еще не испытали,
Что в страсти значит день, что
час!
Среди сердечного волненья
Нет сил, нет власти, нет терпе-
нья!
Я здесь — на все решился я...
Тебе я предан... ты моя!
Ни мелочные толки света,
Ничто, ничто не страшно мне;
Презренье светской болтовне —
Иль я умру от пистолета...
О, не пугайся, не дрожи;
Ведь я любим — скажи, скажи!..»

XXXVII

И взор его притворно скромный,
Склоняясь к ней, то угасал,
То, разгораясь страстью томной,
Огнем сверкающим пылал.
Бледна, в смущенье оставалась
Она пред ним... Ему казалось,

Что чрез минуту для него
Любви наступит торжество...
Как вдруг внезапный и невольный
Стыд овладел ее душой —
И, вспыхнув вся, она рукой
Толкнула прочь его: «Довольно,
Молчите — слышать не хочу!
Оставьте ль? я закричу!..»

XXXVIII

Он смотрит: это не притвор-
ство,..
Не штуки — как ни говори, —
А просто женское упорство,
Капризы — черт их побори!
И вот — о, верх всех унижений! —
Штаб-ротмистр преклонил коле-
ни
И молит жалобно; как вдруг
Дверь настезь — и в дверях су-
пруг,
Красотка: «Ах!» Они взглянули
Друг другу сумрачно в глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гарин вышел. Дома пули
И пистолеты снарядил,
Присел — и трубку закурил.

XXXIX

И через час ему приносит
Записку грязную лакей.
Что это? чудо! Нынче просит
К себе на вистик казначей,
Он именинник — будут гости...
От удивления и злости
Чуть не задохся наш герой.
Уж не обман ли тут какой?
Весь день проводит он в волненье.
Настал и вечер наконец.
Глядит в окно: каков хитрец-
Дом полон, что за освещенье!
А все засунуть — или нет? —
В карман на случай пистолет.

XL

Он входит в дом. Его встречает
Она сама, потупя взор.
Вздых полновесный прерывает
Едва начатый разговор.
О сцене утренней ни слова.
Они друг другу чужды снова.
Он о погоде говорит;
Она «да-с, нет-с» — и замолчит.
Измучен тайною досадой,
Идет он дальше в кабинет...
Но здесь спешить нам нужды
нет,

*Притом спешить нигде не надо.
Итак, позвольте отдохнуть,
А там dokonчим как-нибудь.*

XLI

*Я жить спешил в былые годы,
Искал волнений и тревог,
Законы мудрые природы
Я безрассудно пренебрег.
Что ж вышло? Право, смех и жа-
лость!
Сковала душу мне усталость,
А сожаленье день и ночь
Твердит о прошлом. Чем помочь?
Назад не возвратят усилия.
Так в клетке молодой орел,
Глядя на горы и на дол,
Напрасно не поднимлет крылья —
Кровавой пищи не клюет,
Сидит, молчит и смерти ждет.*

XLII

*Ужель исчез ты, возраст мильи,
Когда все сердце говорит,
И бьется сердце с дивной силой,
И мысль восторгами кипит?
Не все ж томиться бесполезно
Орлу за клеткою железной:*

Он свой воздушный прежний путь
Еще найдет когда-нибудь,
Туда, где снегом и туманом
Одемы темные скалы,
Где гнезда вьют одни орлы,
Где тучи бродят караваном!
Там можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь!

XLIII

Но есть всему конец на свете,
И даже выпреним мечтам.
Ну, к делу. Гарин в кабинете.
О чудеса! Хозяин сам
Его встречает с восхищеньем,
Сажает, потчует вареньем,
Несет шампанского стакан.
«Иуда!» — мыслит мой улан.
Толпа гостей теснилась шумно
Вокруг зеленого стола;
Игра уж дельная была,
И банк притом благоразумный.
Его держал сам казначей
Для облегчения друзей.

XLIV

И так как господин Бобковский
Великим делом занят сам,

*То здесь блестящий круг тамбов-
ский*

*Позвольте мне представить вам.
Во-первых, господин советник,
Блюститель нравов, мирный
сплетник,*

.....

.....

.....

*А вот уездный предводитель,
Весь спрятан в галстук, фрак до
пят,
Дискант, усы и мутный взгляд.
А вот, спокойствия рачитель,
Сидит и сам исправник — но
Об нем уж я сказал давно.*

XLV

*Вот, в полуфрачке, раздушенный,
Времен новейших Митрофан,
Нетесаный, недоученный,
А уж безнравственный болван.
Доверье полное имея
К игре и знанью казначея,
Он понтирует, как велят, —
И этой чести очень рад.
Еще тут были... но довольно,
Читатель милый, будет с вас.*

*И так несвязный мой рассказ,
Перу покорствуя невольню
И своенравию чернил,
Бог знает чем я испестрил.*

XLVI

*Пошла игра. Один, бледнея,
Рвал карты, вскрикивал; другой,
Поверить проигрыш не смея,
Сидел с поникшей головой.
Иные, при удачной талье,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкOMET
Был нем и мрачен. Хладный пот
По гладкой лысине струился.
Он все проигрывал дотла.
В ушах его «дана», «взяла»
Так и звучали. Он взбесился —
И проиграл свой старый дом
И все, что в нем или при нем.*

XLVII

*Он проиграл коляску, дрожки,
Трех лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче — все, все дочиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидел он бледный и безмолвный.*

Уж было за полночь. Трещая,
Одна погасла уж свеча.
Свет утра синевато-бледный
Вдоль по туманным небесам
Скользил. Уж многим игрокам
Сон прогулять казалось вредно,
Как вдруг, очнувшись, казначей
Вниманья просит у гостей.

XLVIII

И просит важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но с тем, чтоб отыграть именье
Иль «проиграть уж и жену».
О страх! о ужас! о злодейство!
И как доньне казначейство
Еще терпеть его могло!
Всех будто варом обожгло.
Улан один прехладнокровно
К нему подходит. «Очень рад, —
Он говорит, — пускай шумят;
Мы дело кончим полюбовно,
Но только чур не плутовать —
Иначе вам несдобровать!»

XLIX

Теперь кружок понтеров празд-
ных

Вообразить прошу я вас,
Цвета их лиц разнообразных,
Блистанье их очков и глаз,
Потом усастого героя,
Который понтирует стоя;
Против него меж двух свечей
Огромный лоб, седых кудрей
Покрытый редкими клочками,
Улыбкой вытянутый рот
И две руки с колодой — вот
И вся картина перед вами,
Когда прибавим вдалеке
Жену на креслах в уголке.

L

Что в ней тогда происходило —
Я не берусь вам объяснить:
Ее лицо изобразило
Так много мук, что, может
быть,
Когда бы вы их разгадали,
Вы поневоле б зарыдали.
Но пусть участия слеза
Не отуманит вам глаза:
Смешно участие в человеке,
Который жил и знает свет.
Рассказы вымышленных бед
В чувствительном прошедшем

веке
Не мало проливали слез...
Кто ж в этом выиграл — вопрос?

LI

Недолго битва продолжалась;
Улан отчаянно играл;
Над стариком судьба смеялась —
И жребий выпал... час настал...
Тогда Авдотья Николавна,
Встав с кресел, медленно и плавно
К столу в молчанье подошла —
Но только цвет ее чела
Был страшно бледен; обомлела
Толпа, — все ждут чего-нибудь —
Упреков, жалоб, слез — ничуть!
Она на мужа посмотрела
И бросила ему в лицо
Свое венчальное кольцо —

LII

И в обморок. Ее в охапку
Схватив — с добычей дорогой,
Забыв расчеты, саблю, шапку,
Улан отправился домой.
Поутру весть забавной
Смущен был город благонравный.
Неделю целую спустя,

Кто очень важно, кто шутя,
Об этом все распространялись;
Старик защитников нашёл;
Улана проклял милый пол —
За что, мы, право, не дознались.
Не зависть ли!.. Но нет, нет, нет;
Ух! я не выношу клевет.

LIII

И вот конец печальной были;
Иль сказки — выражусь прямой.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали действия? страстей?
Повсюду нынче ищут драмы,
Все просят крови — даже дамы.
А я, как робкий ученик,
Остановился в лучший миг;
Простым нервическим припад-
ком
Неловко сцену заключил,
Соперников не помирил
И не поссорил их порядком...
Что ж делать! Вот вам мой рас-
сказ,
Друзья; покамест будет с вас.

Беглец

Горская легенда

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у супостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бежит!

И скрылся день; клубясь, туманы
Одели темные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..

Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый

При лунном свете узнает;
Подкрался он никем не зримый...
Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой.

И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе мучимый недугом, —
Один, — он молча умирал...
«Велик аллах! от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!»
«Что нового?» — спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы бились в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне,
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами

От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами
По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут — враг повсюду.
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!..»
И умирающий в ответ:
«Ступай — достоин ты презре-
нья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!..»
Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.

И саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело.
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним,
И он подумал: я любим,

Она лишь мной живет и дышит...
И хочет он взойти — и слышит,
И слышит песню старины...
И стал Гарун бледней луны:

Месяц плывет
Тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Верьйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы,
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не заруют.
Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.

Главой поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжает путь,
И крупная слеза порою
С ресницы падает на грудь...

Но вот от бури наклоненный
Пред ним родной белеет дом;
Надеждой снова ободренный,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, теплые молитвы
Восходят к небу за него,
Старуха мать ждет сына с бит-
вы,
Но ждет его не одного!..

«Мать, отвори! я странник бед-
ный
Я твой Гарун! твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!» «Один?» «Один!..»
«А где отец и братья?» «Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли».
«Ты отомстил?» «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,

Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...»
«Молчи, молчи! гяур лукавой,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!..»
Умолкло слово отверженья,
И все кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго под окном;
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал, рыча, домашний пес;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поныне бродит в темну ночь,

*И под окном поутру рано
Он в сакли просится, стуча,
Но, внемля громкий стих корана,
Лежит опять под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.*

Сказка для детей

1

*Умчался век эпических поэм,[272]
И повести в стихах пришли в упа-
док;
Поэты в том виновны не совсем
(Хотя у многих стих не вовсе гла-
док)
И публика не права между тем;
Кто виноват, кто прав — уж я не
знаю,
А сам стихов давно я не читаю —
Не потому, чтоб не любил сти-
хов,
А так: смешно ж терять для
звучных строф
Златое время... в нашем веке зре-
лом,
Известно вам, все заняты мы де-
лом.*

2

Стихов я не читаю — но люблю
Марать шутя бумаги лист лету-
чий;
Свой стих за хвост отважно я
ловлю;
Я без ума от тройственных созву-
чий
И влажных рифм — как, напри-
мер, на ю .
Вот почему пишу я эту сказку.
Ее волшебной темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтоб кой-каких допросов избе-
жать;
Зато конец не будет без морали,
Чтобы ее хоть дети прочитали.

3

Герой известен, и не нов предмет;
Тем лучше: устарело все, что но-
во!
Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный,
детский бред.
Бог знает где заветная тетрад-
ка?
Касается ль душистая перчатка

Ее листов-и слышно: c'est joli?..

[273]

*Иль мышь над ней старается в
пыли?..*

Но этот черт совсем иного сорта

—

Аристократ и не похож на черта.

4

Перенестись теперь прошу сейчас

*За мною в спальню — розовые
шторы*

*Опущены — с трудом лишь мо-
жет глаз*

Следить ковра восточные узоры.

*Приятный трепет вдруг объем-
лет вас,*

*И, девственным дыханьем напо-
енный,*

*Огнем в лицо вам пышет воздух
сонный;*

Вот ручка, вот плечо, и возле них

На кисее подушек кружевных

*Рисуется молодой, но строгий про-
филь...*

И на него взирает Мефистофель.

5

То был ли сам великий Сатана,
Иль мелкий бес из самых нечинов-
ных,
Которых дружба людям так
нужна
Для тайных дел, семейных и лю-
бовных?
Не знаю. Если б им была дана
Земная форма, по рогам и пла-
тью
Я мог бы сволочь различить со
знатью;
Но дух — известно, что такое
дух:
Жизнь, сила, чувство, зренье, го-
лос, слух
И мысль — без тела — часто в ви-
дах разных;
(Бесов вообще рисуют безобраз-
ных).

6

Но я не так всегда воображал
Врага святых и чистых побужде-
ний.
Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ. Меж иных виде-
ний,

Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебной сладкой красо-
тою,
Что было страшно... и душа тос-
кою
Сжималась — и этот дикий бред
Преследовал мой разум много
лет...
Но я, расставшись с прочими меч-
тами,
И от него отделался — стихами.

7

Оружие отличное — врагам
Кидаете в лицо вы эпиграммой...
Вам насолить захочется ль дру-
зьям?
Пустите в них поэмой или дра-
мой!
Но полно, к делу. Я сказал уж вам,
Что в спальне той таился хит-
рый демон.
Невинным сном был тронут не
совсем он.
Не мудрено-кипела в нем не кровь,
И понимал иначе он любовь;
И речь его коварных искушений

8

Была полна — ведь он недаром гений.

«Не знаешь ты, кто я, но уж давно

Читаю я в душе твоей, незримо,
Неслышно; говорю с тобою — но
Слова мои как тень проходят мимо

Ребяческого сердца — и оно
Дивится им спокойно и в молчанье.

Пускай. Зачем тебе мое названье?
Ты с ужасом отвергнула б мою
Безумную любовь — но я люблю
По-своему... терпеть и ждать могу я,
Не надо мне ни ласк, ни поцелуя.

9

Когда ты спишь, о ангел мой земной,

И шибко бьется девственной кровью

Младая грудь под грезю ночной,
Знай, это я, склонившись к изголовью,

Любуюся — и говорю с тобой.

И в тишине, наставник твой слу-

чайный,
Чудесные рассказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связан,
И вечностью и знанием наказан...

10

Тому назад еще немного лет
Я пролетал над сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полу-
свет,
Румяный запад с новою денницей
На севере сливались, как привет
Свидания с молением разлуки;
Над городом таинственные зву-
ки,
Как грешных снов нескромные
слова,
Неясно раздавались — и Нева,
Меж кораблей сверкая на просто-
ре,
Журча, с волной их уносила в мо-
ре.

11

Задумчиво столбы дворцов немых
По берегам теснились как тени,

*И в пене вод гранитных крылец их
Купались широкие ступени;
Минувших лет событий роковых
Волна следы смывала роковые;
И улыбались звезды голубые,
Глядя с высот на гордый прах зем-
ли,
Как будто мир достоин их любви,
Как будто им земля небес доро-
же...
И я тогда — я улыбнулся тоже.*

12

*И я кругом глубокий кинул взгляд
И увидал с невольною отрадой
Преступный сон под сению палат,
Корыстный труд пред тощею
лампадой,
И страшных тайн везде печаль-
ный ряд;
Я стал ловить блуждающие зву-
ки,
Веселый смех — и крик последней
муки:
То ликовал иль мучился порок!
В молитвах я подслушивал упрек,
В бреду любви — бесстыдное же-
ланье!*

Везде обман, безумство иль страданье.

13

*Но близ Невы один старинный дом
Казался полн священной тишиною;
Все важностью наследственной в нем
И роскошью дышало вековою;
Украшен был он княжеским гербом;
Из мрамора волнистого колонны
Кругом теснились чинно, и балконы
Чугунные воздушною семьей
Меж них гордились дивною резьбой;
И окон ряд, всегда прозрачно-темных,
Манил, пугая, взор очей нескромных.*

14

*Пора была, боярская пора!
Теснилась знать в роскошные покои —*

Былая знать минувшего двора,
Забитых дел померкшие герои!
Музыкой тут гремели вечера,
В Неве дробился блеск высоких
окоп;
Напудренный мелькал и вился ло-
кон,
И часто ножка с красным каблуч-
ком
Давала знак условный под сто-
лом;
И старики в звездах и бриллиан-
тах
Судили резко о тогдашних фран-
тах...

15

Тот век прошел, и люди те про-
шли;
Сменили их другие; род старин-
ный
Перевелся; в готической пыли
Портреты гордых бар, краса го-
стиной,
Забитые, тускнели; поросли
Дворы травой, и блеск сменив бы-
вальей,
Сырая мгла и сумрак длинной за-

лой
Спокойно завладели... тихий дом
Казался пуст; но жил хозяин в
нем,
Старик худой и с виду величавый,
Озлобленный на новый век и нра-
вы.

16

Он ростом был двенадцати верш-
ков,
С домашними был строг неумо-
лимо,
Всегда молчал; ходил до двух ча-
сов,
Обедал, спал... да иногда, томи-
мый
Бессонницей, собранье острых
слов
Перебирал или читал Вольтера;
Как быть? Сильна к преданьям в
людях вера
Имел он дочь четырнадцати лет,
Но с ней видался редко; за обед
Она являлась в фартучке, с мада-
мой;
Сидела чинно и держалась прямо.

17

Всегда одна, запугана отцом
И англичанки строгостью
небрежной,
Она росла, — как ландыш за стек-
лом
Или скорей как бледный цвет под-
снежный.
Она была стройна, но с каждым
днем
С ее лица сбегали жизни краски,
Задумчивей большие стали глаз-
ки;
Покинув книжку скучную, она
Охотнее садилась у окна,
И вдалеке мечты ее блуждали,
Пока ее играть не посылали.

18

Тогда она ходила в длинный зал,
По бегать в нем ей как-то страш-
но было;
И как-то странно детский шаг
звучал
Между колонн. Разрытою моги-
лой
Над юной жизнью воздух там ды-
шал.
И в зеркалах являлись предметы

Длиннее и бесцветнее, одеты
Какой-то мертвой дымкою; и
вдруг
Неясный шорох слышался вокруг:
То загремит, то снова тише, ти-
ше
(То были тени предков — или мы-
ши).

19

И что ж? — она привыкла толко-
вать
По-своему развалин говор стран-
ный,
И стала мысль горячая летать
Над бледною головкой и туман-
ный,
Воздушный рой видений навевать.
Я с ней не разлучался. Детский ле-
пет
Подслушивать, невинной груди
трепет
Следить, ее дыханием с немой,
Мучительной и жадною тоской
Как жизнью упиваться... это бы-
ло
Смешно! — но мне так ново и так
мило!

20

Влюбился я. И точно хороша
Была не в шутку маленькая Нина.
Нет, никогда свинец карандаша
Рафаэля иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенем дыша,
Подобный профиль... все ее движе-
нья
Особого казались выраженья
Исполнены — но с самых детских
дней
Ее глаза не изменяли ей,
Тая равно надежду, радость, горе,
И было темно в них, как в синем
море.

21

Я понял, что душа ее была
Из тех, которым рано все понят-
но.
Для мук и счастья, для добра и
зла
В них пищи много — только
невозвратно
Они идут, куда их повела
Случайность, без раскаянья, упре-
ков
И жалобы — им в жизни нет уро-

ков:

*Их чувствам повторяться не да-
но...*

*Такие души я любил давно
Отыскивать по свету на свободе:
Я сам ведь был немножко в этом
роде.*

22

*Ее смущали странные мечты;
Порой она среди пустого зала
Сиянье, роскошь, музыку, цветы,
Толпу гостей и шум воображала;
Кипела кровь от душной тесно-
ты,
На платьице чудесные узоры
Виднелись ей — и вот гремели
шпоры,
К ней кавалер незримый подходил
И в мнимый вальс с собою уносил.
И вот она кружилась в вихре бала
И, утомясь, на кресла упадала...*

23

*И тут она, склонив лукавый взор
И выставив едва приметно нож-
ку,
Двусмысленный и темный разго-*

вор
С ним завести старалась поне-
множку;
Сначала был он весел и остер,
А иногда и чересчур небрежен;
Ко под конец зато как мил и
нежен...
Что делать ей? — притворно
строгий взгляд
Его как гром отталкивал назад...
А сердце билось в ней так шибко,
шибко,
И по устам змеилась улыбка.

24

Пред зеркалом, бывало, целый час
То волосы пригладит, то краси-
вый
Цветок пришиллит к ним; движе-
нью глаз,
Головке наклоненной вид ленивый
Придав, стоит... и учится; не раз
Хотелось мне совет ей дать лука-
вый,
По ум ее, и сметливый и здравый,
Отгадывал все мигом сам собой;
Так годы шли безмолвной чере-
дой;

*И вот настал тот возраст, о котором
Так полны ваши книги всяким
вздором.*

25

*То был великий день: семнадцать
лет!
Все, что досель таилось за ре-
шеткой,
Теперь надменно явится на свет!
Старик отец послал за старой
теткой,
И съехались родные на совет;
Их затруднил удачный выбор ба-
ла:
Что, будет двор иль нет? Иных
пугала
Застенчивость дикарки молодой,
Но очень тонко замечал другой,
Что это вид ей даст оригиналь-
ный;
Потом наряд осматривали баль-
ный.*

26

*Но вот настал и вечер роковой.
Она с утра была как в лихорадке;*

Поплакала немножко, золотой
Браслет сломала, в суетах пер-
чатки

Разорвала... со страхом и тоской
Она в карету села и дорогой
Была полна мучительной трево-
гой

И, выходя, споткнулась на крыль-
це...

И с бледностью печальной на ли-
це

Вступила в залу... Странный ше-
пот встретил

Ее явление — свет ее заметил.

27

Кипел, сиял уж в полном блеске
бал;

Тут было все, что называют све-
том;

Не я ему название это дал;

Хоть смысл глубокий есть в на-
звание этом;

Моих друзей я тут бы не узнал;

Улыбки, лица лгали так искусно,

Что даже мне чуть-чуть не ста-
ло грустно;

Прислушаться хотел я — но едва

*Ловил мой слух летучие слова,
Отрывки безыменных чувств и
мнений —
Эпиграфы неведомых творении!..»*

Последний сын вольности

Посвящается (Н. С. Шеншину)

1

*Бывало, для забавы я писал,
Тревожимый младенческой меч-
той;
Бывало, я любовью страдал,
И, с бурною пылающей душой,
Я в ветреных стихах изображал
Таинственных видений милый
рой.
Но дни надежд ко мне не придут
вновь,
Но изменила первая любовь!..*

2

*И я один, один был брошен в свет,
Искал друзей — и не нашел людей;*

Но ты явился: нежный твой при-
вет
Завязку снял с обманутых очей.
Прими ж, товарищ, дружеский
обет,
Прими же песню родины моей,
Хоть эта песнь, быть может,
милый друг,
Оборванной струны последний
звук!..

*

When shall such hero live again?[274]
«The Giaour» Byron.

Приходит осень, золотит
Венцы дубов. Трава полей
От продолжительных дождей
К земле прижалась; и бежит
Ловец напрасно по холмам:
Ему не встретитъ зверя там.
А если даже он найдет,
То ветер стрелы разнесет.
На льдинах ветер тот рожден,
Порывисто качает он
Сухой шиповник на берегах

Ильменя. В сизых облаках
Станицы белых журавлей
Летят на юг до лучших дней;
И чайки озера кричат
Им вслед и вьются над водой,
И звезды ночью не блещут,
Одетые сырою мглой.

Приходит осень! уж стада
Бегут в гостеприимну сень;
Краснея, догорает день
В тумане. Пусть он никогда
Не озарит лучом своим
Густой новгородский дым,
Пусть не надуется вовек
Дыханьем — теплым ветерка
Летучий парус рыбака
Над волнами славянских рек!
Увы! пред властью чужой
Склонилась гордая страна,
И песня вольности святой
(Какая б ни была она)
Уже забвенью предана.
Свершилось! дерзостный варяг
Богов славянских победил;
Один неосторожный шаг
Свободный край поработил!

Но есть поныне горсть людей,
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнанье дальнем и глухом,
Как вольность пробудить опять;
Отчизны верные сыны
Еще надеждою полны:
Так, меж грядями темных туч,
Сквозь слезы бури, солнца луч
Увеселяет утром взор
И золотит туманы гор.

На небо дым валит столбом!
Откуда он? Там, где шумит
Поток сердитый, над холмом,
Треща, большой огонь горит,
Пестреет частый лес кругом.
На волчьих кожах, без щитов,
Сидят недвижно у огня,
Молчанье мрачное храня,
Как тени грусти семь бойцов:
Шесть юношей — один старик.
Они славяне! — бранный клик
Своих дружин им не слышать,
И долго, долго не видать
Им милых ближних... но они

Простились с озером родным,
Чтоб не промчались их дни
Под самовластием чужим,
Чтоб не склоняться вечно в прах,
Чтоб тени предков, из земли
Восстав, с упреком на устах,
Тревожить сон их не пришли!..
О! если б только Чернобог
Удару мщения помог!..
Неравная была борьба...
И вот война! и вот судьба!..

«Зачем я меч свой вынимал,
И душу веселила кровь? —
Один из юношей сказал. —
Победы мы не встретим вновь,
И наши имена покрыть
Должно забвенью, может быть;
И несвершенный подвиг наш
Изгладится в умах людей:
Так недостроенный шалаш
Разносит буйный вихрь степей!»
«О! горе нам, — сказал другой, —
Велик, ужасен гнев богов!
Но пусть и на главу врагов
Спадет он гибельной звездой,
Пусть в битве страх обьмет их,

Пускай падут от стрел своих!»

*Так говорили меж собой
Изгнанники. Вот встал один...
С руками, сжатыми крестом,
И с бледным пасмурным челом
На мглу волнистую долин
Он посмотрел, и, наконец,
Так молвил старику боец:
«Подобно ласке женских рук,
Смягчает горе песни звук.
Так спой же, добрый Ингелот,
О чем-нибудь! о чем-нибудь
Ты спой, чтоб облегчилась грудь,
Которую тоска гнетет.
Пой для других! моя же месть
Их детской жалобы сильней:
Что было, будет и что есть,
Все упадет перед ней!»
«Вадим! — старик ему в ответ, —
Зачем не для тебя?.. иль нет!
Не надо! что ты вверил мне,
Уснет в сердечной глубине!
Другую песню я спою:
Садись и слушай песнь мою!»*

*И в белых кудрях старика
Играли крылья ветерка,
И вдохновенный взор блеснул,
И песня громко раздалась.
Прерывисто она неслась,
Как битвы отдаленный гул.
Поток, вблизи холма катясь,
Срывая мох с камней и пней,
Согласовал свой ропот с ней,
И даже призраки бойцов,
Склонясь из дымных облаков,
Внимали с высоты порой
Сей песни дикой и простой?*

Песнь Ингелота

1

*Собрались люди мудрые
Вкруг постели Гостомысловой.
Смерть над ним летает коршу-
ном!
Но махнувши слабою рукой,
Говорит он речь друзьям своим:*

2

*«Ах, вы люди новгородские!
Между вас змея-раздор шипит.*

Призовите князя чуждого,
Чтоб владел он краем родины!» —
Так сказал и умер Гостомысл.

3

Кривичи, славяне, весь и чудь
Шлют послов за море синее,
Чтобы звать князей варяжских
стран.
«Край наш славен — но порядка
нет!» —
Говорят послы князьям чужим.

4

Рурик, Трувор и Синав клялись
Не вести дружины за собой;
Но с зарей блеснуло множество
Острых копий, белых парусов
Сквозь синеющий туман мор-
ской!..

5

Обманулись вы, сыны славян!
Чей белеет стан под городом?
Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!..

6

*Тридцать юношей собираются,
Месть в душе, в глазах отчаянье.
Ночи мгла спустилась на холмы,
Полный месяц встал, и юноши
В спящий стан врагов являются!*

7

*На щиты склонясь, варяги спят,
Луч луны играет по кудрям.
Вот струею потекла их кровь,
Гибнет враг — но что за громкий
звук?
Чье копьё ударилось о щит?*

8

*И вскочили пробужденные,
Злоба в крике и движениях!
Долго защищались юноши.
Много пало... только шесть оста-
лось..
Мир костям убитых в поле том!*

9

*Княжит Рурик в Новегороде,
В диких дебрях бродят юноши;
С ними есть один старик седой*

Он поет о родине святой,
Он поет о милой вольности!

*

«Ужель мы только будем петь
Иль с безнадежием немым
На стыд отечества глядеть,
Друзья мои? — спросил Вадим. —
Клянусь, великий Чернобог,
И в первый и в последний раз:
Не буду у варяжских ног.
Иль он, иль я: один из нас
Падет! в пример другим падет!..
Молва об нем из рода в род
Пускай передает рассказ;
Но до конца вражда!» — Сказал,
И на колена он упал,
И руки сжал, и поднял взор.
И страшно взгляд его блеснул,
И темно-красный метеор
Из тучи в тучу пролетел!

И встали и пошли они
Пустынной узкою тропой.
Курился долго дым густой

На том холме, и долго пни
Трещали в медленном огне,
Маня беспечных пастухов,
Пугая кроликов и сов
И ласточек на вышине!..

Скользнув между вечерних туч,
На море лег кровавый луч;
И солнце пламенным щитом
Нисходит в свой подводный дом.
Одни варяжские струи,
Поднявши головы свои,
Любуясь на его закат,
Теснятся, шепчут и шумят;
И серна на крутой скале,
Чернея в отдаленной мгле,
Как дух недвижима, глядит
Туда, где небосклон горит.

Сегодня с этих берегов
В ладью ступило семь бойцов:
Один старик, шесть молодых!
Вадим отважный был меж них.
И белый парус понесло
Порывом ветра, и весло
Ударилось о синий вал.

И в той ладье Вадим стоял
Между изгнанников-друзей,
Подобный призраку морей!
Что думал он, о чем грустил,
Он даже старцу не открыл.
В прощальном, мутном взоре
том

Изобразилось то, о чем
Пересказать почти нельзя.
Так удалялася ладья,
Оставляя пены белый след;
Все мрачен в ней стоял Вадим;
Воспоминаньем прежних лет,
Быть может, витязь был то-
мим...

В какой далекий край они
Отправились, чего искать?
Кто может это рассказать?
Их нет. Бегут толпою дни!..

На вышине скалы крутой
Растет порой цветок молодой:
И в сердце грозного бойца
Любви есть место. До конца
Он верен чувству одному,
Как верен слову своему.
Вадим любил. Кто не любил?

Кто, вечно следуя уму,
Врожденный голос заглушил?
Как моря вид, как вид степей,
Любовь дика в стране моей...

Прекрасна Леда, как звезда
На небе утреннем. Она
Свежа, как южная весна,
И, как пустынный цвет, горда.
Как песня юности, жива,
Как птица вольности, резва,
Как воспоминание детей,
Мила и грустию своей
Младая Леда. И Вадим
Любил. Но был ли он любим?..
Нет! равнодушный Леды взор
Презренья холод оковал:
Отвергнут витязь; но с тех пор
Он все любил, он все страдал.
До униженья, до мольбы
Он не хотел себя склонить;
Мог презирать удар судьбы
И мог об нем не говорить.
Желал он на другой предмет
Излить огонь страстей своих;
Но память, слезы многих лет!..
Кто устоит противу них?

И рана, легкая сперва,
Была все глубже день со днем,
И утешения слова
Встречал он с пасмурным челом.
Свобода, мщенье и любовь —
Все вдруг в нем волновало кровь;
Старался часто Ингелот
Тревожить пыл его страстей
И полагал, что в них найдет
Он пользу родины своей.
Я не виню тебя, старик!
Ты славянин: суров и дик,
Но и под этой пеленой
Ты воспитал огонь святой!..
Когда на челноке Вадим
Помчался по волнам морским,
То показал во взоре он
Души глубокую тоску,
Но ни один прощальный стон
Он не поверил ветерку,
И ни единая слеза
Не отуманила глаза.
И он покинул край родной,
Где игры детства, как могли,
Ему веселье принесли
И где лукавою толпой
Его надежды обошли,
И в мире может только месть

Опять назад его привестъ.

*

Зима сребристой пеленой
Одела горы и луга.
Князь Рурик с силой боевой
Пошел недавно на врага.
Глубоки ранние снега;
На сучьях яней. Звучный лед
Сковал поверхность гладких вод.
Стадами волки по ночам
Подходят к тихим деревням:
Трещит мороз. Шумит метель:
Вершиною качает ель.
С полнеба день на степь глядит
И за туман уйти спешит,
И путник посреди полей
Неверный тщетно ищет путь;
Ему не зреть своих друзей,
Ему холодным сном заснуть,
И должен сгнить в чужих снегах
Его непогребенный прах!..

Откуда зарево блестит?
Не град враждебный ли горит?

Тот город Руриком зажжен.
Но скоро ль возвратится он
С богатой данью? скоро ль меч
Князь вложит в мирные ножны?
И не пора ль ему пресечь
Зловещий, буйный клик войны?

Ночь. Темен зимний небосклон.
В Новгороде глубокий сон,
И все объято тишиной;
Лишь лай домашних псов порой
Набегом ветра принесен.
И только в хижине одной
Лучина поздняя горит;
И Леда перед ней сидит
Одна; немолчное давно
Прядет, гудет веретено
В ее руке. Старуха мать
Над снегом вышла погадать.
И, наконец, она вошла:
Морщины бледного чела
И скорый, хитрый взгляд очей —
Все ужасом дышало в ней.
В движенье судорожном рук
Видна душевная борьба.
Ужель бедой грозит судьба?
Ужели ряд жестоких мук

Искусством тайным эту ночь
В грядущем видела она?
Трепещет и не смеет дочь
Спросить. Волшебница мрачна,
Сама в себя погружена.
Пока петух не прокричал,
Старухи бред и чудный стон
Дремоту Леды прерывал,
И краткий сон ей был не в сон!..
И поутру перед окном
Приметили широкий круг,
И снег был весь истоптан в нем
И долго в городе о том
Ходил тогда недобрый слух.

.....

.....

Шесть раз менялася луна;
Давно окончена война.
Князь Рурик и его вожди
Спокойно ждут, когда весна
Свое дыханье и дожди
Пошлет на белые снега,
Когда печальные луга
Покроют пестрые цветы,
Когда над озером кусты
Позеленеют, и струи
Заблещут пеной молодой,
И в роще Лады в час ночной

*Затянут песню соловьи.
Тогда опять поднимут меч,
И кровь соседей станет течь,
И зарево, как метеор,
На тучах испугает взор.*

*Надеждою обольщена,
Вотще душа славян ждала
Возврата вольности: весна
Пришла, но вольность не пришла.
Их заговоры, их слова
Варяг-властитель презирал;
Все их законы, все права,
Казалось, он пренебрегал.
Своей дружиной окружен,
Перед народ являлся он;
Свои победы исчислял,
Лукавой речью убеждал!
Рука искусного льстеца
Играла глупою толпой;
И благородные сердца
Томились тайною тоской...*

*И праздник Лады настает:
Повсюду радость! как весной
Из улья мчится шумный рой,*

Так в рощу близкую народ
Из Новагорода идет.
Пришли. Из ветвей и цветов
Видны венки на головах,
И звучно песни в честь богов
Уж раздались на берегах
Ильменя синего. Любовь
Под тенью липовых ветвей
Скрывается от глаз людей.
С досадою, нахмуря бровь,
На игры юношей глядеть
Старик не смеет. Седина
Ему не запрещает петь
Про Диди-Ладо. Вот луна
Явилась, будто шар золотой,
Над рощей темной и густой;
Она была тиха, ясна,
Как сердце Леды в этот час...
Но отчего в четвертый раз
Князь Рурик, к липе прислонен,
С нее не сводит светлых глаз?
Какою думой занят он?
Зачем лишь этот хоровод
Его внимание влечет?..

Страшишься, невинная душа!
Страшишься! Пылкий этот взор,

Желаньем, страстию дыша,
Тебя погубит; и позор
Подавит голову твою;
Страшишься, как гибели своей,
Чтобы не молвил он: «Люблю!»
Опасен яд его речей.
Нет сожаленья у князей:
Их ненависть, как их любовь,
Беду вечною грозит;
Насытит первую лишь кровь,
Вторую лишь девичий стыд.

У закоптелого окна
Сидит волшебница одна
И ждет молоденькую дочь.
Но Леды нет. Как быть? Уж ночь;
Сияет в облаках луна!..
Толпа проходит за толпой
Перед окном. Недвижный взгляд
Старухи полон тишиной,
И беспокойства не горят
На ледяных ее чертах;
Но тайны чудной налегло
Клеймо на бледное чело,
И вид ее вселяет страх.
Она с луны не сводит глаз.
Бежит за часом скучный час!..

*И вот у двери слышен стук,
И быстро Леда входит вдруг
И падает к ее ногам:
Власы катятся по плечам,
Испугом взор ее блестит.
«Погибла! — дева говорит, —
Он вырвал у меня любовь;
Блаженства не найду я вновь...
Проклятье на него! злодей...
Наш князь!.. Мои мольбы, мой
стон
Презрительно отвергнул он!
О! ты о мне хоть пожалей,
Мать! мать!.. убей меня!.. убей!..»*

*«Закон судьбы несокрушим;
Мы все ничтожны перед ним», —
Старуха отвечает ей.
И встала бедная, и тих
Отчаянный казался взор,
И удалилась. И с тех пор
Не вылетал из уст младых
Печальный ропот иль укор.*

Всегда с поникшей головой,

Стыдом томима и тоской,
На отуманенный Ильмень
Смотрела Леда целый день
С береговых высоких скал.
Никто ее не узнавал:
Надеждой не дышала грудь,
Улыбки гордой больше нет,
На щеки страшно и взглянуть:
Бледны, как утра первый свет.
Она увяла в цвете лет!..

С жестокой радостью детей
Смеются девушки над ней,
И мать сердито гонит прочь;
Она одна и день и ночь.
Так колос на поле пустом,
Забыт неопытным жнецом,
Стоит под бурей одинок,
И буря гнет мой колосок!..

И раз в туманный, серый день
Пропала дева. Ночи тень
Прошла; еще заря пришла —
Но что ж? заря не привела
Домой красавицу мою.
Никто не знал во всем краю,

Куда сокрылася она;
И смерть, как жизнь ее, темна!..

Жалели юноши об ней,
Проклятья тайные неслись
К властителю; ах! не нашлись
В их душах чувства прежних дней,
Когда за отнятую честь
Мечом бойца платила месть.
Но на земле еще была
Одна рука, чтоб отомстить,
И было сердце, где убить
Любви чужбина не могла!..

Пока надежды слабый свет
Не вовсе тучами одет,
Пока невольная слеза
Еще пытается глаза
Коварной влагой омочить,
Пока мы можем позабыть
Хоть вполовину, хоть на миг
Измены, страсти лет былых,
Как мы любили в те года,
Как сердце билось тогда,
Пока мы можем как-нибудь
От страшной цели отвернуть

Не вовсе углубленный ум,
Как много ядовитых дум
Боятся потревожить нас!
Но есть неизбежный час...
И поздно или рано он
Разрушит жизни сладкий сон,
Завесу с прошлого стащит
И все в грядущем отравит;
Осветит бездну пустоты,
И нас (хоть будет тяжело)
Презреть заставит нам назло
Правдоподобные мечты;
И с этих пор иной обман
Душевных не излечит ран!
Высокий дуб, краса холмов,
Перед явлением снегов
Роняет лист, но вновь весной
Покрыт короной листвою,
И, зеленея в жаркий день,
Прохладную он стелет тень,
И буря вокруг него шумит,
Но великана не свалит;
Когда же пламень громовой
Могучий корень опалит,
То листьев свежую толпой
Он не оденется вовек...
Ему подобен человек!..

Светает — побелел восход
И озарил вершины гор,
И стал синеть безмолвный бор.
На зеркало недвижных вод
Ложится тень от берегов;
И над болотом, меж кустов,
Огни блудящие спешат
Укрыться от дневных огней;
И птицы озера шумят
Между уютных камышей.
Летит в пустыню черный вран,
И в чашу кроется теперь
С каким-то страхом дикий зверь.
Грядой волнистою туман
Встает между зубчатых скал,
Куда никто не проникал,
Где камни темной пеленой
Уныло кроет мох сырой!..

Взошла заря — зачем? зачем?
Она одно осветит всем:
Она осветит бездну тьмы,
Где гибнем невозвратно мы;
Потери новые людей
Она лукаво озарит,

*И сердце каждое лишит
Всех удовольствий прежних дней,
И сожаленья не возьмет,
И вспоминанья не уььет!..*

*Два путника лесной тропой
Идут под утреннюю мглой
К ущелиям славянских гор:
Заря их привлекает взор,
Играя меж ветвей густых
Берез и сосен вековых.
Один еще во цвете лет,
Другой, старик, и худ и сед.
На них одежды чуждых стран.
На младшем с стрелами колчан
И лук, и ржавчиной покрыт
Его шишак, и меч звенит
На нем, тяжелых мук бразды
И битв давнишние следы
Хранит его чело, но взгляд
И все движенья говорят,
Что не погас огонь святой
Под сей кольчугой боевой...
Их вид суров, и шаг их скор,
И полон грусти разговор:*

«Прошу тебя, не уменьшай
Восторг души моей! Опять
Я здесь, опять родимый край
Сужден изгнанника принять;
Опять, как алая заря,
Надежда веселит меня;
И я увижу милый кров,
Где длился пир моих отцов,
Где я мечом играть любил,
Хоть меч был свыше детских сил.
Там вырос я, там защищал
Своих богов, свои права,
Там за свободу я бы встал,
Когда бы не твои слова.
Старик! где ж замыслы твои?
Ты зрел ли, как легли в крови
Сыны свободные славян
На берегу далеких стран?
Чужой народ нам не помог,
Он принял правду за предлог,
Гостей врагами почитал.
Старик! старик! кто б отгадал,
Что прах друзей моих уснет
В земле безвестной и чужой,
Что под небесной синевой
Один Вадим да Ингелот
На сердце будут сохранять
Старинной вольности любовь,

Что им одням лишь увидать
Дано свою отчизну вновь?..
Но что ж?.. быть может, наша
весть
Не извлечет слезы из глаз,
Которые увидят нас,
Быть может, праведную месть
Судьба обманет в третий раз!..»
Так юный воин говорил,
И влажный взор его бродил
По диким соснам и камням
И по туманным небесам.
«Пусть так! — старик ему в от-
вет, —
Но через много, много лет
Все будет славиться Вадим;
И грозным именем твоим
Народы устрашат князей,
Как тенью вольности своей.
И скажут: он за милый край,
Не размышляя, пролил кровь,
Он презрел счастье и любовь...
Дивись ему — и подражай!»
С улыбкой горькою боец
Спешил от старца отвернуть
Свои глаза: младую грудь
Печаль давила, как свинец;
Он вспомнил о любви своей,

Невольно сердце потряслось,
И все волнение страстей
Из бледных уст бы излилось,
Когда бы не боялся он,
Что вместо речи только стон
Молчанье возмутит кругом;
И он, поникнувши челом,
Шаги приметно ускорял
И спутнику не отвечал.

Идут — и видят вдруг курган
Сквозь синий утренний туман;
Шиповник и репей кругом,
И что-то белое на нем
Недвижимо в траве лежит.
И дикий коршун тут сидит,
Как дух лесов, на пне большом —
То отлетит, то подлетит;
И вдруг, приметив меж дерев
Вдали нежданных пришлецов,
Он приподнялся на ногах,
Махнул крылом и полетел
И, уменьшаясь в облаках,
Как лодка на море, чернел!..

На том холме в траве густой

Бездушный, хладный труп лежал,
Одетый белой пеленой;
Пустыни ветер ее срывал,
Кудрями длинными играл
И даже не боялся дуть
На эту девственную грудь,
Которая была белей,
Была нежней и холодней,
Чем снег зимы. Закрытый взгляд,
Жестокой смертью объят,
И несравненная рука
Уж посинела и жестка...

И к мертвой подошел Вадим...
Но что за перемена с ним? —
Затрясся, побледнел, упал...
И раздался меж ближних скал
Какой-то длинный крик иль
стон..
Похож был на последний он!
И кто бы крик сей услышал,
Наверно б сам в себе сказал,
Что сердца лучшая струна
В минуту эту порвана!..
О! если бы одна любовь
В душе у витязя жила,
То он бы не очнулся вновь;

Но месть любовь превозмогла.
Он долго на земле лежал
И странные слова шептал,
И только мог понять старик,
Что то родной его язык
И, наконец, страдалец встал.
«Не все ль я вынес? — он сказал,
О Ингелот! любил ли ты?
Взгляни на бледные черты
Умершей Леды... посмотри...
Скажи... иль нет! не говори...
Свершилось! я на месть иду,
Я в мире ничего не жду:
Здесь я нашел, здесь погубил
Все, что искал, все, что любил!..»
И меч спешит он обнажить
И начал им могилу рыть.
Старик невольно испустил
Тяжелый сожаленья вздох
И безнадежному помог.
Готов уж смерти тесный дом,
И дерн готов, и камень тут;
И бедной Леды труп кладут
В сырую яму... И потом
Ее засыпали землей,
И дерн покрыл ее сырой.
И камень положен над ним.
Без дум, без трепета, без слез

Последний долг свершил Вадим,
И этот день, как легкий дым,
Надежду и любовь унес.
Он стал на свете сирота.
Душа его была пуста.
Он сел на камень гробовой
И по челу провел рукой;
Но грусть — ужасный властелин:
С чела не сгладил он морщин!
Но сердце билось опять —
И он не мог его унять!..

«Девица! мир твоим костям! —
Промолвил тихо Ингелот, —
Одна лишь цель богами нам
Дана — и каждый к ней придет;
И жалок и безумец тот,
Кто ропщет на закон судьбы:
К чему? — мы все его рабы!»

И оба встали и пошли
И скрылись в голубой дали!..
.....

Горит на небе ясный день,

Бегут золотые облака,
Синеет быстрая река,
И ровен, как стекло, Ильмень.
Из Новгорода народ,
Теснясь, на берег идет.
Там есть возвышенный курган;
На нем священный истукан,
Изображая бога битв,
Белеет издали. Предмет
Благодарений и молитв,
Стоит он здесь уж много лет;
Но лишь недавно князь пред ним
Склонен почтением немым.
Толпой варягов окружен,
На жертву предлагает он
Добычу счастливой войны.
Песнь раздалась в честь богов;
И груды пышные даров
На холм святой положены!..

Рассыпались толпы людей;
Зажглись пни, и пир шумит,
И Рурик весело сидит
Между седых своих вождей!..
Но что за крик? откуда он?
Кто этот воин молодой?
Кто Рурика зовет на бой?

Кто для погибели рожден?..
В своем заржавом шишаке
Предстал Вадим — булат в руке,
Как змеи, кудри на плечах,
Отчаянье и месть в очах.
«Варяг! — сказал он, — выходи!
Свободное в моей груди
Трепещет сердце... испытай,
Сверши злодейство до конца;
Паденье одного бойца
Не может погубить мой край:
И так уж он у ног чужих,
Забыв победы дней былых!..
Новгородцы! обо мне
Не плачьте... я родной стране
И жизнь и счастье принес...
Не требует свобода слез!»

И он мечом своим взмахнул —
И меч как молния сверкнул;
И речь все души потрясла,
Но пробудить их не могла!..
Вскочил надменный буйный князь
И мрачно также вынул меч,
Известный в буре грозных сеч;
Вскочил — и битва началась.
Кипя, с оружием своим,

На князя кинулся Вадим;
Так над пучиной бурных вод
На легкий челн бежит волна —
И сразу лодку разобьет
Или сама раздроблена.

И долго билися они,
И долго ожиданья страх
Блестел у зрителей в глазах, —
Но витязя молодого дни
Уж сочтены на небесах!..

Дружины радостно шумят
И бросил князь довольный взгляд:
Над непреклонной головой
Удар спустился роковой.
Вадим на землю тихо пал,
Не посмотрел, не простонал.
Он пал в крови, и пал один —
Последний вольный славянин!

Когда росистой ночи мгла
На холмы темные легла,
Когда на небе чередой
Являлись звезды и луной

Сребрилась в озере струя,
Через туманные поля
Охотник поздний проходил
И вот что после говорил,
Сидя с женой, между друзей,
Перед лачугою своей:
«Мне чудилось, что за холмом,
Согнувшись, человек стоял,
С трудом кого-то поднимал:
Власы белели над челом;
И, что-то на плеча взвалив,
Пошел — и показалось мне,
Что труп чернелся на спине»
У старика. Поворотив
С своей дороги, при луне
Я видел: в недалекий лес
Спешил с своею ношей он,
И, наконец, совсем исчез,
Как перед утром лживый сон!..»

Над озером видал ли ты,
Жилец простой окрестных сел,
Скалу огромной высоты,
У ног ее зеленый дол?
Уныло желтые цветы
Да можжевельника кусты,
Забыты ветрами, растут

*В тени сырой. Два камня тут,
Увявши в землю, из травы
Являют серые главы:
Под ними спит последним сном,
С своим мечом, с своим щитом,
Забит славянскою страной,
Свободы, витязь молодой.*

*

*A tale of the times of old!..
The deeds of days of other years!.*
[275]

Каллы

'T is the clime of the East: 't is the land of
the Sun —
Can he smile on such deeds as his
children have done?
Oh! wild as the accents of lovers' farewell
Are the hearts which they bear, and the
tales which they tell.[276]
«The Bride of Abydos» Byron

Черкесская повесть[277]

«Теперь настал урочный час,[278]
И тайну я тебе открою.
Мои советы — божий глас;
Клянись им следовать душою.
Узнай: ты чудом сохранен
От убийц окровавленных,
И отомстить за побежденных;
И не тебе принадлежат
Твои часы, твои мгновенья;
Ты на земле орудье мщенья,
Палач, — а жертва Акбулат!
Отец твой, мать твоя и брат,
От рук злодея погибая,
Молили небо об одном:
Чтоб хоть одна рука родная
За них разведалась с врагом!
Старайся быть суров и мрачен,
Забудь о жалости пустой;
На грозный подвиг ты назначен
Законом, клятвой и судьбой.
За все минувшие злодейства
Из обреченного семейства
Ты никого не пощади;
Ударил час их истребленья!
Возьми ж мои благословенья,
Кинжал булатный — и поди!» —
Так говорил мулла жестокий,

*И кабардинец, черноокий
Безмолвно, чистя свой кинжал,
Уроку мщениия внимал.
Он молод сердцем и годами,
Но, чуждый страха, он готов
Объщай дедов и отцов
Исполнить свято над врагами;
Он поклялся — своей рукой
Их погубить во тьме ночной.*

II

*Уж день погас. Угрюмо бродит
Аджи вокруг сакли... и давно
В горах все тихо и темно;
Луна как желтое пятно
Из тучки в тучку переходит,
И ветер свищет и гудет.
Как призрак, юноша идет
Теперь к заветному порогу:
Кинжал из кожаных ножон
Уж вынимает понемногу...
И вдруг дыханье слышит он!
Аджи не долго рассуждает:
Врагу заснувшему он в грудь
Кинжал без промаха вонзает
И в ней спешит перевернуть.
Кому убийцей быть судьбина
Велит — тот будь им до конца;*

Один погиб; но с кровью сына
Смешать он должен кровь отца.
Пред ним старик: власы седые!
Черты открытого лица
Спокойны, и усы большие
Уста закрыли бахромой!
И для молитвы сжаты руки!
Зачем ты взор потупил свой,
Аджи?

Ты мщенья слышишь звуки!
Ты слышишь!.. то отец родной!
И с ложа вниз, окровавленный,
Свалился медленно старик,
И стал ужасен бледный лик,
Лобзаньем смерти искаженный;
Взглянул убийца молодой...
И жертвы ищет он другой!
Обшарил стены он, чуть дышит,
Но не встре<чает> ничего —
И только сердца своего
Биенье трепетное слышит.
Ужели все погибли? нет!
Ведь дочь была у Акбулата!
И ждет ее в семнадцать лет
Судьба отца и участь брата...
И вот луны дрожащий свет
Проникнул в саклю, озаряя
Два трупа на полу сыром

*И ложе, где роскошным сном
Спала девица молодая.*

III

*Мила, как сонный херувим,
Перед убийцею своим
Она, раскинувшись небрежно,
Лежала: только сон мятежный,
Волнуя девственную грудь,
Мешал свободно ей вздохнуть.
Однажды, полные томленья,
Открылись черные глаза,
И, тайный признак упоенья,
Блистала ярко в них слеза;
Но испугавшись мрака ночи,
Мгновенно вновь закрылись очи...
Увы! их радость и любовь
И слезы не откроют вновь!
И он смотрел. И в думах тонет
Его душа. Проходит час.
Чей это стон? Кто так просто-
нет,
И не последний в жизни раз?
Кто, услышав такие звуки,
До гроба может их забыть?
О, как не трудно различить
От крика смерти — голос муки!*

IV

Сидит мулла среди ковров,
Добытых в Персии счастливой;
В дыму табачных облаков
Кальян свой курит он лениво;
Вдруг слышен быстрый шум ша-
гов,
В крови, с зловещими очами,
Аджи вбегает молодой;
В одной руке кинжал, в другой...
Зачем он с женскими власами
Пришел? И что тебе, мулла,
Подарок с женского чела?
«О, как верны мои удары! —
Ужасным голосом сказал
Аджи, — смотри! узнал ли, ста-
рый?» —
«Ну что же?» — «Вот что!» — и
кинжал
В груди бесчувственной торчал...

V

На вышине горы священной,
Вечерним солнцем озаренной,
Как одинокий часовой
Белеет памятник простой:
Какой-то столбик округленный!
Чалмы подобие на нем;
Шиповник стелется кругом;

*Оттуда синие пустыни
И гребни самых дальних гор —
Свободы вечные твердыни —
Пришельца открывает взор.
Забывши мир, и им забытый,
Рукою дружеской зарытый,
Под этим камнем спит мулла,
И вместе с ним его дела.
Другого любит без боязни
Его любимая жена,
И не боится тайной казни
От злобной ревности она!..*

VI

*И в это время слух промчался
(Гласит преданье), что в горах
Безвестный странник показался,
Опасный в мире и боях;
Как дикий зверь, людей чуждался;
И женщин он ласкать не мог!
< >
Хранил он вечное молчанье,
Но не затем, чтоб подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье;
И он лишь знает, почему
Каллы ужасное прозванье
В горах осталось ему.*

Азраил

Речка, кругом широкие долины, курган, на берегу издохший копь лежит близ кургана, и вороны летают над ним. Все дико.[279]

А з р а и л

(сидит на кургане)

*Дождуся здесь; мне не жестка
Земля кургана. Ветер дует,
Серебряный ковыль волнует
И быстро гонит облака.
Кругом все дико и бесплодно.
Издохший конь передо мной
Лежит, и коршуны свободно
Добычу делят меж собой.
Уж хладные белеют кости,
И скоро пир кровавый свой
Незваные оставят гости.
Так точно и в душе моей:
Все пусто, лишь одно мученье
Грызет ее с давнишних дней
И гонит прочь отдохновенье;
Но никогда не устает
Его отчаянная злоба,
И в темной, темной келье гроба
Оно вовеки не уснет.*

Все умирает, все проходит.
Гляжу, за веком век уводит
Толпы народов и миров
И с ними вместе исчезает.
Но дух мой гибели не знает;
Живу один среди мертвецов,
Законом общим позабытый,
С своими чувствами в борьбе,
С душой, страданиями облитой,
Не зная равного себе.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участью чудесной,
Я все мгновенное люблю,
Утрата мучит грудь мою.
И я бессмертен, и за что же!
Чем, чем возможно заслужить
Такую пытку? Боже, боже!
Хотя бы мог я не любить!

Она придет сюда, я обниму
Красавицу и грудь к груди при-
жму,
У сердца сердце будет горячей;
Уста к устам чем ближе, тем
сильней
Немая речь любви. Я расскажу
Ей все и мир и вечность покажу;

Она слезу уронит надо мной,
Смягчит творца молитвой молодой,
Поймет меня, поймет мои мечты
И скажет: «Как велик, как жалок ты».
Сей речи звук мне будет жизни звук,
И этот час последний долгих мук.
Клянусь воспоминание об нем
Глубоко в сердце схоронить моем,
Хотя бы на меня восстал весь ад.
Тот угол, где я спрячу этот клад,
Не осквернит ни ропот, ни упрек,
Ни месть, ни зависть; пусть свирепый рок
Сбирает тучи, пусть моя звезда
В тумане вечном тонет навсегда,
Я не боюсь; есть сердце у меня,
Надменное и полное огня,
Есть в нем любви ее святой залог,
Последнего ж не отнимает бог.

Но слышен звук шагов, она, она.
Но для чего печальна и бледна?

*Венок пестреет над ее челом,
Играет солнце медленным лучом
На белых персях, на ее кудрях —
Идет. Ужель меня тревожит
страх?*

Дева входит, цветы в руках и на голове, в белом платье, крест на груди у нее.

Дева

*Ветер гудет,
Месяц плывет,
Девушка плачет,
Милый в чужбину скачет.
Ни дева, ни ветер
Не замолкнут;
Месяц погаснет,
Милый изменит.*

Прочь печальная песня.
Я опоздала, Азраил.
Так ли тебя зовут, мой друг?
(Садится рядом.)

А з р а и л .

Что до названья? Зови меня твоим любезным, пускай твоя любовь заменит мне имя, я никогда не желал бы иметь другого. Зови как хочешь смерть — уничтожением, гибелью, покоем, тлением, сном, — она все равно поглотит свои жертвы.

Дева.

Полно с такими черными мыслями.

А з р а и л.

Так, моя любовь чиста, как голубь, но она хранится в мрачном месте, которое темнеет с вечностью.

Дева.

Кто ты?

А з р а и л.

Изгнанник, существо сильное и побежденное. Зачем ты хочешь знать?

Дева.

Что с тобою? Ты побледнел приметно, дрожь пробежала по твоим членам, твои ве-

ки опустились к земле. Милый, ты становишься страшен.

А з р а и л.

Не бойся, все опять прошло.

Дева.

О, я тебя люблю, люблю больше блаженства. Ты помнишь, когда мы встретились, я покраснела; ты прижал меня к себе, мне было так хорошо, так тепло у груди твоей. С тех пор моя душа с твоей одно. Ты несчастлив, вверь мне свою печаль, кто ты? откуда? ангел? демон?

А з р а и л.

Ни то, ни другое.

Дева.

Расскажи мне твою повесть; если ты потребуешь слез, у меня они есть; если потребуешь ласки, то я удушю тебя моими; если потребуешь помощи, о возьми все, что я имею, возьми мое сердце и приложи его к язве, терзающей свою душу; моя любовь сожжет этого

червя, который гнездится в ней. Расскажи мне твою повесть!

А з р а и л.

Слушай, не ужасайся, склонись к моему плечу, сбрось эти цветы, твои губы душистее. Пускай эти гвоздики, фиалки унесет ближний поток, как некогда время унесет твою собственную красоту. Как, ужели эта мысль ужасна, ужели в столько столетий люди не могли к ней привыкнуть, ужели никто не может пользоваться всею опытностью предшественников? О люди! Вы жалки, но со всем тем я сменял бы мое вечное существованье на мгновенную искру жизни человеческой, чтобы чувствовать хотя все то же, что теперь чувствую, но иметь надежду когда-нибудь позабыть, что я жил и мыслил. Слушай же мою повесть.

Рассказ Азраила

*Когда еще ряды. светил
Земли не знали меж собой,
В те годы я уж в мире был,
Смотрел очами и душой,*

Молился, действовал, любил.
И не один я сотворен,
Нас было много; чудный край
Мы населяли, только он,
Как ваш давно забытый рай,
Был преступленьем осквернен.
Я власть великую имел,
Летал, как мысль, куда хотел,
Мог звезды навещать порой
И любоваться их красотой
Вблизи, не утомляя взор,
Как перелетный метеор,
Я мог исчезнуть и блеснуть.
Везде мне был свободный путь.

Я часто ангелов видал
И громким песням их внимал,
Когда в багряных облаках
Они, качаясь на крылах,
Все вместе славили творца,
И не было хвалам конца.
Я им завидовал: они
Беспечно проводили дни,
Не знали тайных беспокойств,
Душевных болей и расстройств,
Волнения враждебных дум
И горьких слез; их светлый ум

Безвестной цели не искал,
Любовью грешной не страдал,
Не знал пристрастия к вещам,
Он весь был отдан небесам.
Но я, блуждая много лет,
Искал — чего, быть может, нет:
Творенье, сходное со мной
Хотя бы мукою одной.
И начал громко я роптать,
Мое рожденье проклиная
И говорил: «Всесильный бог,
Ты знать про будущее мог,
Зачем же сотворил меня?
Желанье глупое храня,
Везде искать мне суждено
Призрак, видение одно.
Ужели мил тебе мой стон?
И если я уж сотворен,
Чтобы игрушкой служить,
Душой, бессмертной может
быть,
Зачем меня ты одарил?
Зачем я верил и любил?»

И наказание в ответ
Упало на главу мою.
О, не скажу какое, нет!

Твою беспечность не убью,
Не дам понятия о том,
Что лишь с возвышенным умом
И с непреклонною душой
Изведать ведено судьбой.
Чем дольше мука тяготит,
Тем глубже рана от нее;
Обливи смертью бытие,
Она опять его живит.
И эта жизнь пуста, мрачна,
Как пропасть, где не знают дна:
Глотая все, добро и зло,
Не наполняется она.
Взгляни на бледное чело,
Приметь морщин печальный ряд,
Неровный ход моих речей,
Мой горький смех, мой дикий
взгляд
При вспоминанье прошлых дней,
И если тотчас не прочтешь
Ты ясно всех моих страстей,
То вечно, вечно не поймешь
Того, кто за безумный сон,
За миг столетьями казнен.

Я пережил звезду свою;
Как дым рассыпалась она,

Рукой творца раздроблена;
Но смерти верной на краю,
Взирая на погибший мир,
Я жил один, забыт и сир.
По беспредельности небес
Блуждал я много, много лет
И зрел, как старый мир исчез
И как родился новый свет;
И страсти первые людей
Не скрылись от моих очей.
И ныне я живу меж вас,
Бессмертный, смертную люблю
И с трепетом свиданья час,
Как пылкий юноша, ловлю.
Когда же род людей пройдет
И землю вечность разобьет,
Услышав грозную трубу,
Я в новый удалюся мир
И стану там, как прежде сир,
Свою оплакивать судьбу.

Вот повесть чудная моя;
Поверь иль нет, мне все равно:
Доверчивое сердце я
Привык не находить давно;
Однако ж я молю: поверь
И тем тоску мою умерь.

*Никто не мог тебя любить
Так пламенно, как я теперь.
Что сердце попусту язвить,
Зачем вдвойне его казнить?
Но нет, ты плачешь. Я любим,
Хоть только существом одним,
Хоть в первый и последний раз.
Мой ум светлей отныне стал,
И, признаюсь, лишь в этот час
Я умереть бы не желал.*

Дева.

Я тебя не понимаю, Азраил, ты говоришь так темно. Ты видел другой мир, где ж он? В нашем законе ничего не сказано о людях, живших прежде нас.

Азраил.

Потому что закон Моисея не существовал прежде земли.

Дева.

Полно, ты меня хочешь только испугать.

Азраил бледнеет.

Я пришла сюда, чтобы с тобой проститься,
мой милый. Моя мать говорит, что покамест
это должно, я иду замуж. Мой жених славный
воин, его шлем блестит как жар, и меч его
опаснее молнии.

А з р а и л.

Вот женщина! Она обнимает одного и от-
дает свое сердце другому!

Дева.

Что сказал ты? О, не сердись.

А з р а и л.

Я не сержусь, (горько) и за что сердиться?

1831

Ангел смерти

Посвящается А. М. В.

Восточная повесть

*Тебе — тебе мой дар смиренный,
Мой труд безвестный и простой,*

*Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньем и — тобой!*

*Я дни мои влачу, тоскуя
И в сердце образ твой храня,
Но об одном тебя прошу я:
Будь ангел смерти для меня.*

*Явись мне в грозный час страда-
нья
И поцелуй пусть будет твой*

*Залогом близкого свиданья
В стране любви, в стране другой!*

*Златой Восток, страна чудес,
Страна любви и сладострастья,
Где блещет роза — дочь небес,
Где все обильно, кроме счастья;
Где чище катится река,
Вольнее мчатся облака,
Пышнее вечер догорает
И мир всю прелесть сохраняет
Тех дней, когда печатью зла
Душа людей, по воле рока,
Не обесславлена была,
Люблю тебя, страна Востока!
Кто знал тебя, тот забывал
Свою отчизну; кто видал
Твоих красавиц, не забудет
Надменный пламень их очей
И без сомненья верить будет
Печальной повести моей.*

*Есть ангел смерти; в грозный час
Последних мук и расставанья
Он крепко обнимает нас,
Но холодны его лобзанья,
И страшен вид его для глаз
Бессильной жертвы; и невольно*

Он заставляет трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Последний вздох ему отдать.
Но прежде людям эти встречи
Казались — сладостный удел.
Он знал таинственные речи,
Он взором утешать умел,
И бурные смирял он страсти,
И было у него во власти
Больную душу как-нибудь
На миг надеждой обмануть!

Равно во все края вселенной
Являлся ангел молодой;
На все, что только прах земной,
Глядел с презрением нетленный;
Его приход благословенный
Дышал небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Как полуночная звезда,
Манил он смертных иногда,
И провожал он к дверям рая
Толпы освобожденных душ,
И сам был счастлив. Почему ж
Теперь томит его объятье,
И поцелуй его — проклятье?

.....

Недалеко от берегов
И волн ревущих океана,
Под жарким небом Индостана
Синеет длинный ряд холмов.
Последний холм высок и страшен,
Скалами серыми украшен
И вдался в море; и на нем
Орлы да коршуны гнездятся,
И рыбаки к нему боятся
Подъехать в сумраке ночном.
Прикрыта дикими кустами,
На нем пещера есть одна —
Жилище змей — хладна, темна,
Как ум, обманутый мечтами,
Как жизнь, которой цели нет,
Как не досказанный очами
Убийцы хитрого привет.
Ее лампада — месяц полный,
С ней говорят морские волны,
И у отверстия стоят
Сторожевые пальмы в ряд.

Давным-давно в ней жил изгнан-
ник,
Пришелец, юный Зораим.
Он на земле был только стран-
ник,
Людьми и небом был гоним,

Он мог быть счастлив, но блаженства

Искал в забавах он пустых,
Искал он в людях совершенства,
А сам — сам не был лучше их;
Искал великого в ничтожном,
Страшась надеяться, жалел
О том, что было счастьем ложным,

И, став без пользы осторожным,
Поверить никому не смел.

Любил он ночь, свободу, горы,
И все в природе — и людей, —
Но избегал их. С ранних дней
К презренью приучил он взоры,
Но сердца пылкого не мог
Заставить так же охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она — хоть презренна — все бог.
Одно сокровище — святыню
Имел под небесами он;
С ним раем почитал пустыню...
Но что ж? всегда ли верен сон?..

На гордых высотах Ливана
Растет могильный кипарис,
И ветви плюща обвились
Вокруг его прямого стана;

Пусть вихорь мчится и шумит
И сломит кипарис высокой, —
Вкруг кипариса плющ обвит:
Он не погибнет одиноко!..
Так, миру чуждый, Зораим
Не вовсе беден — Ада с ним!
Она резва, как лань степная,
Мила, как цвет душистый рая;
Все страстно в ней: и грудь и
стан,
Глаза — два солнца южных стран.
И деве было все забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанник бледный, величавый,
С холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье —
Огонь в очах его родить
И в мертвом сердце возбудить
Любви безумное страданье,
И удалось ей. Зораим
Любил — с тех пор, как был лю-
бим;
Судьбина их соединила,
А разлучит — одна могила!

На синих небесах луна
С звездами дальними сияет,
Лучом в пещеру ударяет;

И беспокойная волна,
Ночной прохладой полна,
Утес, белея, обнимает.
Я помню — в этот самый час
Обыкновенно нежный глас,
Сопровождаемый игрою,
Звучал, теряясь за горою:
Он из пещеры выходил.
Какой же демон эти звуки
Волшебной властью усыпил?..

Почти без чувств, без дум, без
сил,
Лежит на ложе смертной муки
Младая Ада. Ветерок
Не освежит ее ланиты,
И томный взор, полуоткрытый,
Напрасно смотрит на восток,
И утра ждет она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будет там,
Где солнца уж не нужно нам.
У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораим
Стоит — коленопреклоненный,
Тоской отчаянья томим.
В руке изгнанника белеет
Девуцы хладная рука,

*И жизни жар ее не греет.
«Но смерть, — он мыслит, — не
близка!
Рука — не жизнь; болезнь простая*

*Все не кончина роковая!»
Так иногда надежды свет
Являет то, чего уж нет;
И нам хотя не остается
Для утешенья ничего,
Она над сердцем все смеется,
Не исчезая из него.*

*В то время смерти ангел нежный
Летел чрез южный небосклон;
Вдруг слышит ропот он мятеж-
ный,
И плач любви — и слабый стон,
И, быстрый как полет мгновенья,
К пещере подлетает он.
Тоску последнего мученья
Дух смерти усладить хотел,
И на устах покорной Ады
Свой поцелуи напечатлел:
Он дать не мог другой отрады!
Или, быть может, Зораим
Еще замечен не был им...
Но скоро при огне лампы*

Недвижный, мутный встретив
взор,
Он в нем прочел себе укор;
И ангел смерти сожаленье
В душе почувствовал святой.
Скажу ли? — даже в преступленье
Он обвинял себя порой.
Он отнял все у Зораима:
Одна была лишь им любима,
Его любовь была сильней
Всех дум и всех других страстей.
И он не плакал, — но понятно
По цвету бледному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерял он невозвратно.
И ангел знал, — и как не знать?
Что безнадежности печать
В спокойном холоде молчанья,
Что легче плакать, чем стра-
дать
Без всяких признаков страданья.

И ангел мыслью поражен,
Достоиную небес: жселаает
Вознаградить страдальца он.
Ужель создатель запрещает
Несчастливых утешать людей?
И девы труп он оживляет

Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь в груди остылой
Опять волнуется, кипит;
И взор, волшебной полон силой,
В тени ресниц ее горит.
Так ангел смерти съединился
Со всем, чем только жизнь мила;
Но ум границам подчинился,
И власть — не та уж, как была,
И только в памяти туманной
Хранит он думы прежних лет;
Их появленье Аде странно,
Как ночью метеора свет,
И ей смешна ее беспечность
И ей грядущее темно,
И чувства, вечные как вечность,
Соединились все в одно.
Желаньям друга посвятила
Она все радости свои,
Как будто смерть и не гасила
В невинном сердце жар любви!..

Однажды на скале прибрежной,
Внимая плеск волны морской,
Задумчив, рядом с Адой нежной,
Сидел изгнанник молодой.
Лучи вечерние златили
Широкий синий океан,

И видно было сквозь туман,
Как паруса вдали бродили.
Большие черные глаза
На друга дева устремляла,
Но в диком сердце бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой рассеянные взгляды
На красный запад он кидал
И вдруг, взяв тихо руку Ады
И обратившись к ней, сказал:
«Нет! не могу в пустыне доле
Однообразно дни влачить;
Я волен — но душа в неволе:
Ей должно цепи раздробить...
Что жизнь? — давай мне чашу
славы,
Хотя бы в ней был смертный яд,
Я не вздрогну — я выпить рад:
Не все ль блаженства — лишь
отравы?
Когда-нибудь все должен я
Оставить ношу бытия...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
И мне покойну быть — о нет!..
Взгляни: за этими горами

С могучим войском под шатрами
Стоят два грозные царя;
И завтра, только что заря
Успеет в облаках проснуться,
Труба войны и звук мечей
В пустыне нашей раздадутся.
И к одному из тех царей
Идти как воин я решился,
Но ты не жди, чтоб возвратился
Я побежденным. Нет, скорей
Волна, гонимая волнами
По бесконечности морей,
В приют родимых камышей
Воротится. Но если с нами
Победа будет, я принесу
Клянусь тебе жемчуг и золото,
Себе одну оставлю честь...
И буду счастлив, и тогда-то
Мы заживем с тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройский меч не презирала,
Но если б даже ты желала...
Мой друг, я должен видеть кровь!
Верь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слепой.
Как? ты бледнеешь?.. слезы?.. слезы?
Об чем же плакать, ангел мой?»

И ангел-дева отвечает:
«Видал ли ты, как отражает
Ручей склонившийся цветок?
Когда вода не шевелится,
Он неподвижно в ней глядится,
Но если свежий ветерок
Волну зеленую встревожит
И всколебается волна,
Ужели тень цветочка может
Не колебаться, как она?
Мою судьбу с твоей судьбою
Соединил так точно рок,
Волна — твой образ, мой — цве-
ток.
Ты грустен, — я грустна с тобою.
Как знать? — быть может, этот
час
Последний счастливый для нас!..»

Зачем в долине сокровенной
От миртов дышит аромат?
Зачем?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернят.
Цветок измятый обагрится
Их кровью, и стрела промчится
На место птицы в небесах,
И солнце отуманит прах.
Крик победивших, стон сражен-

ных
Принудят мирных соловьев
Искать в пределах отдаленных
Иных долин, других кустов,
Где красный день, как ночь, споко-
ен,
Где их царицу, их любовь,
Не стопчет розу мрачный воин
И обагрить не может кровь.

Чу!.. топот... пыль клубится туч-
ей,
И вот звучит труба войны,
И первый свист стрелы летучей
Раздался в каждой стороне!
Новорожденное светило
С лазурной неба вышины
Кровавым блеском озарило
Доспехи ратные бойцов.
Меж тем войска еще сходились
Все ближе, ближе — и сразились;
И треску копий и щитов,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье — царь в душах людей
И удивления сильней.

Была ужасна эта встреча,
Подобно встрече двух громов

В грозу меж дымных облаков.
С успехом равным длилась сеча,
И все теснилось. Кровь рекой
Лилась везде, мечи блистали,
Как тени знамена блуждали
Над каждой темною толпой,
И с криком смерти роковой
На трупы трупы упали...
Но отступает, наконец,
Одна толпа; и побежденный
Уж не противится боец;
И по траве окровавленной
Скользит испуганный беглец,
Один лишь воин, окруженный
Враждебным войском, не хотел
Еще бежать. Из мертвых тел
Вокруг него была ограда...
И тут остался он один.
Он не был царь иль царский сын,
Хоть одарен был силой взгляда
И гордой важностью чела.
Но вдруг коварная стрела
Пронзила витязя молодого,
И шумно навзничь он упал,
И кровь струилась... и ни слова
Он, упадая, не сказал,
Когда победный крик раздался,
Как погребальный крик, над ним,

*И мимо смелый враг промчался,
Огнем пылая боевым.*

*На битву издали взирая
С горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской,
Высоко перси подымая,
Боязнью сердце билось в ней,
Всечасно слезы набегали
На очи, полные печали...
О боже! — Для таких очей
Кто не пожертвовал бы славой?
Но Зораиму был милей
Девичьей ласки путь кровавый!
Безумец! ты цены не знал
Всему, всему, чем обладал,
Не ведал ты, что ангел нежный
Оставил рай свой безмятежный,
Чтоб сердце Ады оживить;
Что многих он лишил отрады
В последний миг, чтоб усладить
Твое страданье. Бедной Ады
Мольбу отвергнул хладно ты;
Возможно ль? ангел красоты
Тебе, изгнанник, не дороже
Надменной и пустой мечты?..
Она глядит и ждет... но что же?*

Давно уж в поле тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными телами
Долина битвы устлана...
Увы! где ангел утешенья?
Где вестник рая молодой?
Он мучим страстию земной
И не услышит их моления...
Уж солнце низко — Ада ждет...
Все тихо вокруг... он все нейдет!..

Она спускается в долину
И видит страшную картину.
Идет меж трупов чуть дыша;
Как у невинного пред казнью,
Надеждой, смешанной с боязнью,
Ее волнуется душа.
Она предчувствовать страшит-
ся,
И с каждым шагом воротиться
Она желала б; но любовь
Превозмогла в ней ужас вновь;
Бледны ланиты девы милой,
На грудь склонилась голова...
И вот недвижна! Такова
Была б лилея над могилой!
Где Зораим? Что, если он
Убит? — но чей раздался стон?

Кто этот раненный стрелюю
У ног красавицы? Чей глас
Так сильно душу в ней потряс?
Он мертвых окружен грядюю,
Но час кончины и над ним...
Кто ж он? — Свершилось! — Зора-
им.

«Ты здесь? теперь? — и ты ли,
Ада?
Ах, твой приход мне не отрада!
Зачем? — Для ужасов войны
Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть их пред-
метом;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда — что пользы в этом?..
Лишь я хотел увидеть кровь
И вижу... и приход мгновенья,
Когда усну, без сновиденья.
Никто — я сам тому виной...
Я гибну! Первою звездой
Нам возвестит судьба разлуку.
Не бойся крови, дай мне руку:
Я виноват перед тобой...
Прости! Ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родных, ни крова,
И даже... на груди другого

Не будешь счастлива опять:
Кто может дважды счастье
знать?

Мой друг! к чему твои лобзанья
Теперь столь полные огня?
Они не оживят меня
И увеличат лишь страданья,
Напомнив, как я счастлив был;
О, если б, если б я забыл,
Что в мире есть воспоминанья!
Я чувствую, к груди моей
Все ближе, ближе смертный хо-
лод.

О, кто б подумал, как я молод!
Как много я провел бы дней
С тобою, в тишине глубокой,
Под тенью пальм береговых,
Когда б сегодня рок жестокой
Не обманул надежд моих!...
Еще в стране моей родимой
Гадатель мудрый, всеми чтимый,
Мне предсказал, что час придет

И громкий подвиг совершу я,
И глас молвы произнесет
Мое названье, торжествуя,
Но...» Тут, как арфы дальней звон,

Его слова невнятные стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабел приметно он.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крепко обнимала,
Забыв, что у нее уж нет
Чудесной власти прежних лет;
Что поцелуй ее бессильный,
Ничтожный, как ничтожный
звук,
Не озаряет тьмы могильной,
Не облегчит последних мук.
Меж тем на своде отдаленном
Одна алмазная звезда
Явилась в блеске неизменном,
Чиста, прекрасна как всегда,
И мнилось: луч ее не знает,
Что на земле он озаряет:
Так он изриво нисходил
На жертву тленья и могил.
И Зораим хотел напрасно
Последним ласкам отвечать;
Все, все, что может он сказать —
Уныло, мрачно, — но не страст-
но!
Уж пламень слез ее не жжет
Ланиты хладные как лед,

Уж тихо каплет кровь из раны;
И с криком, точно дух ночной,
Над ослабевшей головой
Летает коршун, гость незванный.
И грустно юноша взглянул
На отдаленное светило,
Взглянул он в очи деве милой,
Привстал — и вздрогнул — и
вздыхнул —
И умер. С синими губами
И с побелевшими глазами,
Лик — прежде нежный — был
страшной
Всего, что страшно для людей.

Чья тень прозрачной мглой оде-
та,
Как заблудившийся луч света,
С земли возносится туда,
Где блещет первая звезда?
Венец играет серебристый
Над мирным, радостным челом,
И долго виден след огнистый
За нею в сумраке ночном...
То Ангел смерти, смертью тлен-
ной
От уз земных освобожденный!..
Он тело девы бросил в прах:

*Его отчизна в небесах.
Там все, что он любил земного,
Он встретит и полюбит снова!..*

*Все тот же он, и власть его
Не изменилась ничего;
Прошло печали в нем волненье,
Как улетает призрак сна,
И только хладное презренье
К земле оставила она:
За гибель друга в нем осталось
Желанье миру мстить всему;
И ненависть к другим, казалось,
Была любовью к нему.
Все тот же он — и бесконеч-
ность,
Как мысль, он может пролетать
И может взором измерять
Лета, века и даже вечность.
Но Ангел смерти молодой
Простился с прежней добротой;
Людей узнал он: «Состраданья
Они не могут заслужить;
Не награжденье — наказанье
Последний миг их должен быть.
Они коварны и жестоки,
Их добродетели — пороки,
И жизнь им в тягость с юных*

лет...»

Так думал он — зачем же нет?..

*Его неизбежной встречи
Боятся каждый с этих пор;
Как меч — его пронзает взор;
Его приветственные речи
Тревожат нас, как злой укор,
И льда хладней его объятье,
И поцелуй его — проклятье!..*

Моряк

O'er the glad waters of the dark blue sea,
Our thoughts as boundless, and our souls
as free,
Far as the breeze can bear, the billows
foam,
Survey our empire, and behold our home.
[280]

«The Corsair» L. Byron.

Отрывок

*В семье безвестной я родился
Под небом северной страны,
И рано, рано приучился
Смирять усилия волны!
О детстве говорить не стану.*

Я подарен был океану,
Как лишний в мире, в те года
Нам все равно, земля иль море,
Родимый или чуждый дом;
Когда без радости поем,
И, как раба, мы топчем горе,
Когда мы ради все отдать,
Чтоб вольным воздухом дышать.

Я волен был в моей темнице,
В полуживой тюрьме моей;
Я все имел, что надо птице:
Гнездо на мачте меж снастей!
Как я могуц себе казался,
Когда на воздухе качался,
Держась упругою рукой
За парус иль канат сырой;
Я был меж небом и волнами,
На облака и вниз глядел,
И не смущался, не робел,

И, все окинувши очами,
Я мчался выше — о! тогда
Я счастлив был, да, счастлив, да!

Найдите счастье мне другое!
Родными был оставлен я;
Мои кров стал — небо голубое,
Корабль стал — родина моя:
Я с ним тогда не расставался,
Я, как цепей, земли боялся;
Не ведал счету я друзьям:
Они всегда теснились к нам,
Катились следом, забегали,
Шумя, толкаяся, вперед,
И нам нестись по лону вод,
Казалось, запретить желали;
Но это шутка лишь была,
Они не делали нам зла.

Я их угадывал движенья,
Я понимал их разговор,
Живой и полный выраженья;
В нем были ласки и укор,
И был звучней тот звук чудесный,
Чем ветра вой и шум древесный!
И каждый вечер предо мной
Они в одежде парчевой,
Как люди, гордые являлись;
Обворожен, я начал им
Молиться, как богам морским,
И чувства прежние умчались

С непостижимой быстротой
Пред этой новою мечтой!..
Мир обольстительный и стран-
ный,
Мир небывалый, но живой,
Блестящий вместе и туманный,
Тогда открылся предо мной;
Все оживилось: без значенья
Меж тучек не было движенья,
И в море каждая волна
Была душой одарена;
Безумны были эти лета!
Но что ж? ужели был смешней
Я тех неопытных людей,
Которые, в пустыне света
Блуждая, думают найти
Любовь и душу на пути?

Все чувства тайной мукой полны;
И всякий плакал, кто любил:
Любил ли он морские волны,
Иль сердце женищинам дарил!
Покрывшись пеною рядами,
Как серебром и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слуг окружена;
Так точно дева молодая

Идет, гордясь, между рабов,
Их скромных просьб, их нежных
слов

Не слушая, не понимая!
Но вянут девы в тишине,
А волны, волны все одне.
Я обожатель их свободы!
Как я в душе любил всегда
Их бесконечные походы
Бог весть откуда и куда;
И в час заката молчаливый
Их раззолоченные гривы,
И бесполезный этот шум,
И эту жизнь без дел и дум,
Без родины и без могилы,
Без наслажденья и без мук;
Однообразный этот звук,
И, наконец, все эти силы,
Употребленные на то,
Чтоб малость обращать в ни-
что!

Как я люблю их дерзкий шепот
Перед летучим кораблем;
Их дикий плеск, упрямый ропот,
Когда утес, склонись челом,
Все их усилья презирает,

Не им грозит, не им внимает;
Люблю их рев, и тишину,
И эту вечную войну
С другой стихией, с облаками,
С дождем и вихрем! Сколько раз
На корабле, в опасный час,
Когда летала смерть над нами,
Я в ужасе творца молил,
Чтоб океан мой победил!

Измаил-Бей

Восточная повесть

Опять явилось вдохновенье
Душе безжизненной моей
И превращает в пенопенье
Тоску, развалину страстей.
Так, посреди чужих степей,
Подруг внимательных не зная,
Прекрасный путник, птичка рая
Сидит на дереве сухом,
Блестя лазоревым крылом;
Пускай ревет, бушует вьюга...
Она поет лишь об одном,
Она поет о солнце юга!..

Часть первая

So moved on earth Circassia's daughter
The loveliest bird of Franguestan! [281]
«The Giaour» Byron.

1

*Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих
пор
Все небо юга да утесы гор.
Прекрасен ты, суровый край сво-
боды,
И вы, престолы вечные природы,
Когда, как дым синяя, облака
Под вечер к вам летят издалека,
Над вами вьются, шепчутся как
тени,
Как над главой огромных привиде-
ний
Колблемые перья, — и луна
По синим сводам странствует
одна.*

2

*Как я любил, Кавказ мой велича-
вый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенных, гром-
ких бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Как стражи окликаются ночные;
И вдруг проглянет солнце, и по-
ток
Озолотится, и степной цветок,
Душистую головку поднимая,
Блестает, как цветы небес и
рая...*

В вечерний час дождливых обла-
ков
Я наблюдал разодранный покров;
Лиловые, с багряными краями,
Одни еще грозят, и над скалами
Волшебный замок, чудо древних
дней,
Растет в минуту; но еще скорей
Его рассеет ветра дуновенье!
Так прерывает резкий звук цепей
Преступного страдальца сновиде-
нье,
Когда он зрит холмы своих по-
лей...
Меж тем белей, чем горы снего-
вые,
Идут на запад облака другие
И, проводивши день, теснятся в
ряд,
Друг через друга светлые глядят
Так весело, так пышно и беспечно,
Как будто жить и нравиться им
вечно!..

3

И дики тех ущелий племена,

Им бог — свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели неови матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага не преступление;
Верна там дружба, но вернее
мщенье;
Там за добро — добро, и кровь —
за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.

4

Темны преданья их. Старик чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.
Хвалил людей минувшего он века,
Водил меня под камень Росламбе-

ка,
Повисший над извилистым пу-
тем,
Как будто бы удержанный аллою
На воздухе в падении своем,
Он весь оброс зеленою травой;
И не боясь, что камень упадет,
В его тени, храним от непогод,
Пленительней, чем голубые очи
У нежных дев ледяной полуночи,
Склоняясь в жар на длинный сте-
белек,
Растет воспоминания цветок!..
И под столетней мшистою ска-
лою
Сидел чечен однажды предо
мною;
Как серая скала, седой старик,
Задумавшись, главой своей по-
ник...
Быть может, он о родине молил-
ся!
И, странник чуждый, я прервать
страшился
Его молчанье и молчанье скал:
Я их в тот час почти не разли-
чал!

5

Его рассказ, то буйный, то печальный,
Я вздумал перенести на север дальный:
Пусть будет странен в нашем он краю,
Как слышал, так его передаю!
Я не хочу, неизвестный толпою,
Чтобы как тайна он погиб со мною;
Пускай ему не внемлют, до конца
Я доскажу! Кто с гордою душою
Родился, тот не требует венца;
Любовь и песни — вот вся жизнь певца;
Без них она пуста, бедна, уныла,
Как небеса без туч и без светила!..

6

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчит-ся,
Где за Машуком день встает,

А за крутым Бешту садится,[282]
Близ рубежа чуждой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной;
Там каждый путник находил
Ночлег и пир гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был.
Красою чудной за горами
Известны были девы их,
И старцы с белыми власами
Судили распри молодых,
Весельем песни их дышали!
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!

7

Не все судьба голубит нас —
Всему свой день, всему свой час.
Однажды, — солнце закатилось,
Туман белел уж под горой,
Но в эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада теснились и шумели,
Арбы тяжелые скрипели,
Трепеща, жены близ мужей
Держали плачущих детей,

Отцы их, бурками одеты,
Садились молча на коней,
И заряжали пистолеты,
И на костре высоком жгли,
Что взять с собою не могли!
Когда же день новорожденный
Заветный озарил курган,
И мокрый утренний туман
Рассеял ветер пробужденный,
Он обнажил подошвы гор,
Пустой аул, пустое поле,
Едва дымящийся костер
И свежий след колес — не боле.

8

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицанье?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опас-
ный,
Неумолимый и ужасный,
Что все громам его подвластно,
Что сил его нельзя и счесть.

Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой,
И у жены его молодой
Спаситель есть — кинжал двой-
ной;
И страх насильства и могилы
Не мог бы из родных степеней
Их удалить: позор цепей
Несли к ним вражеские силы!
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для ге-
роя
Милей отчизны и покоя.
«В насмешку русским и в укор
Оставим мы утесы гор;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуют надеть оковы», —
Так думал каждый; и Бешту
Теперь их мысли понимает,
На русских злобно юн взирает,
Иль облаками одеваает
Вершин кудрявых красоту.

9

Меж тем летят за годом годы,

Готовят мщенье народы,
И пятый год уж настает,
А кровь джяуров не течет.
В необитаемой пустыне
Черкес бродящий отдохнул,
Построен новый был аул
(Его следов не видно ныне).
Старик и воин молодой
Кипят отвагой и враждой.
Уж Росламбек с берегов.
Кубани Князей союзных поджи-
дал;
Лезгинец, слыша голос брани,
Готовит стрелы и кинжал;
Скопилась месть их роковая
В тиши над дремлющим — вра-
гом:
Так летом глыба снеговая,
Цветами радуги блистая,
Висит, прохладу обещаая,
Над беззаботным табуном...

10

В тот самый год, осенним днем,
Между Железной и Змеиной, [283]
Где чуть приметный путь лежал,

Цветущей, узкою долиной
Тихонько всадник проезжал.
Кругом, налево и направо,
Как бы остатки пирамид,
Подъемлясь к небу величаво,
Гора из-за горы глядит;
И дале царь их пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугает чудной вышиной.

11

Еще небесное светило
Росистый луг не обсушило.
Со скал гранитных над путем
Склонился дикий виноградник,
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник.
Но вот остановился он.
Как новой мыслью поражен,
Смущенный взгляд кругом обво-
дит,
Чего-то, мнится, не находит;
То пустит он коня стремглав,
То остановит и, пристав
На стремяна, дрожит, пылает.
Все пусто! Он с коня слезает,

*К земле сырой главу склоняет
И слышит только шелест трав.
Все одичало, онемело.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? За кровлю сакли белой
За близкий топот табуна
Тогда он мир бы отдал целый!..*

12

*Кто ж этот путник? русский?
нет.
На нем чекмень, простой беш-
мет,
Чело под шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолет
Блестят насечкой небогатой;
И перетянут он ремнем,
И шашка чуть звенит на нем;
Ружье, мотаясь за плечами,
Белеет в шерстяном чехле;
И как же горца на седле
Не различить мне с казаками?
Я не ошибся — он черкес!
Но смуглый цвет почти исчез
С его ланит; снега и вьюга
И холод северных небес,*

Конечно, смыли краску юга,
Но видно все, что он черкес!
Густые брови, взгляд орлиный,
Ресницы длинные и черны,
Движенья быстры и вольны;
Отвергнул он обряд чужбины,
Не сбрил бородки и усов,
И блещет белый ряд зубов,
Как брызги пены у берегов;
Он, сколько мог, привычек, правил
Своей отчизны не оставил...
Но горе, горе, если он,
Храня людей суровых мненья,
Развратом, ядом просвещенья
В Европе душиной заражен!
Старик для чувств и наслажде-
нья,
Без седины между волос,
Зачем в страну, где все так живо,
Так беспокойно, так игриво,
Он сердце мертвое принес?..

13

Как наши юноши, он молот.
И хладен блеск его очей.
Поверхность темную морей

Так покрывает ранний холод
Корой ледяною своей
До первой бури. Чувства, страсти,
В очах навеки догорев,
Таятся, как в пещере лев,
Глубоко в сердце; но их власти
Оно никак не избежит.
Пусть будет это сердце камень —
Их пробужденный адский пламень
И камень углем раскалит!

14

И все прошедшее явилось,
Как тень умершего, ему;
Все с этих пор переменилось,
Бог весть и как и почему!
Он в поле выехал пустое,
Вдруг слышит выстрел — что
такое?
Как будто на смех, звук один,
Жилец ущелий и стремнин,
Трикраты отзыв повторяет.
Кинжал свой путник вынимает,
И вот, с винтовкой без штыка
В кустах он видит казака;
Пред ним фазан окровавленный,

Росою с листьев окропленный,
Блестая радужным хвостом,
Лежал в тразе пробит свинцом.
И ближе путник подъезжает
И чистым русским языком:
«Казак, скажи мне, — вопроша-
ет, —
Давно ли пусто здесь кругом?»
«С тех пор, как русских устранил-
ся
Неустранимый твой народ!
В чужих горах от нас он скрылся.
Тому сегодня пятый год».

15

Казак умолк, но что с тобою,
Черкес? зачем твоя рука
Подъята с шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! свершилось наказанье...
В крови, без чувства, без дыханья,
Лежит насмешливый казак.
Черкес глядит на лик холодный,
В нем пробудился дух природный
—
Он пощадить не мог никак,

Он удержатъ не мог удара.
Как в тучах зарево пожара,
Как лава Этны по полям,
Больной румянец по щекам
Его разлился; и блистали
Как лезвее кровавой стали
Глаза его, и в этот миг
Душа и ад — все было в них.
Оборотясь, с улыбкой злобной
Черкес на север кинул взгляд;
Ничто, ничто смертельный яд
Перед улыбкою подобной!
Волною, поднялася грудь,
Хотел он и не мог вздохнуть,
Холодный пот с чела крутого
Катился, — но из уст ни слова!

16

И вдруг очнулся он, вздрогнул,
К луке припал, коня толкнул.
Одно мгновенье на кургане
Он черной птицею мелькнул,
И скоро скрылся весь в тумане.
Чрез камни конь его несет,
Он не глядит и не боится;
Так быстро скачет только тот,

17

Куда черкес направил путь?
Где отдохнет молодая грудь,
И усмирится дум волненье?
Черкес не хочет отдохнуть —
Ужели отдыхает миценье?
Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел —
Все уничтожил русский воин.
Нет, нет, не будет он спокоен,
Пока из белых их костей
Векам грядущим в поученье
Он не воздвигнет мавзолеей
И так отметит за униженье
Любезной родины своей.
«Я знаю вас, — он шепчет, — знаю,
И вы узнаете меня;
Давно уж вас я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только с нынешнего дня!»
Он бьет и дергает коня,
И конь летит, как ветер степи;
Надулись ноздри, блещет взор,
И уж в виду зубчатые цепи

*Кремнистых бесконечных гор,
И Шат подьездет за ними
С двумя главами снеговыми,
И путник мнит: «Недалеко,
В час прискачу я к ним легко!»*

18

*Пред ним, с оттенкой голубою,
Полувоздушною стеною
Нагие тянутся хребты;
Неверны, странны как мечты,
То разойдутся — то сольются...
Уж час прошел, и двух уж нет!
Они над путником смеются,
Они едва меняют цвет!
Бледнеет путник от досады,
Конь непривычный устает;
Уж солнце к западу идет,
И больше в воздухе прохлады,
А все пустынные громады,
Хотя и выше и темней,
Еще загадка для очей.*

19

Но вот его, подобно туче,
Встречает крайняя гора;
Пестрей восточного ковра
Холмы кругом, все выше, круче;
Покрытый пеной до ушей,
Здесь начал конь дышать воль-
ней.

И детских лет воспоминанья
Перед черкесом пронеслись,
В груди проснулись желанья,
Во взорах слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И дум неотразимых бремя
От сердца, мнилось, отлегло;
Он поднял светлое чело,
Смотрел и внутренне гордился,
Что он черкес, что здесь родился
Меж скал незыблемых один,
Забыл он жизни скоротечность,
Он, в мыслях мира властелин,
Присвоить бы желал их вечность.
Забыл он все, что испытал,
Друзей, врагов, тоску изгнанья
И, как невесту в час свиданья,
Душой природу обнимал!..

Краснеют сизые вершины,
Лучом зари освещены;
Давно расселины темны;
Катясь чрез узкие долины,
Туманы сонные легли,
И только топот лошадиный,
Звуча, теряется вдали.
Погас, бледнея, день осенний;
Свернув душистые листы,
Вкушают сон без сновидений
Полузавядшие цветы;
И в час урочный молчаливо
Из-под камней ползет змея,
Играет, нежится лениво,
И серебрится чешуя
Над перегибистой спиною:
Так сталь кольчуги иль копья
(Когда забыты после бою
Они на поле роковом),
В кустах найденная луною,
Блестает в сумраке ночном.

21

Уж поздно, путник одинокой
Оделся буркою широкой.
За дубом низким и густым

Дорога скрылась, ветер дует;
Конь спотыкается под ним,
Храпит, как будто гибель чуёт,
И встал!.. Дивится, слез седок
И видит пропасть пред собою,
А там, на дне ее, поток
Во мраке бешеной волною
Шумит. (Слышал я этот шум,
В пустыне ветром разнесенный,
И много пробуждал он дум
В груди, тоской опустошенной.)
В недоуменье над скалой
Остался странник утомленный;
Вдруг видит он, в дали пустой
Трепещет огонек, и снова
Садится на коня лихого;
И через силу скачет конь
Туда, где светится огонь.

22

Не дух коварства и обмана
Манил трепещущим огнем,
Не очи злобного шайтана
Светилися в ущелье том:
Две сакли белые, простые,
Таятся мирно за холмом,

Чернеют крыши земляные,
С краев ряды травы густой
Висят зеленой бахромой,
А ветер осени сырой
Поет им песни неземные;
Широкий окружает двор
Из кольев и ветвей забор,
Уже нагнутый, обветшалый;
Все в мертвый сон погружено —
Одно лишь светится окно!..
Заржал черкеса конь усталый,
Ударил о землю ногой,
И отвечал ему другой...
Из сакли кто-то выбегает,
Идет — великий Магомет
К нам гостя, верно, посылает.
«Кто здесь?» — «Я странник!» —
был ответ»
И больше спрашивать не хочет,
Обычай прадедов храня,
Хозяин скромный. Вкруг коня
Он сам заботится, хлопочет,
Он сам снимает весь прибор
И сам ведет его на двор.

Меж тем приветно в сакле дым-
ной
Приезжий встречен стариком;
Сажая гостя пред огнем,
Он руку жмет гостеприимно.
Блится по стенам кругом
Богатство горца: ружья, стрелы,
Кинжалы с набожным стихом,
В углу башлык убийцы белый
И плетъ меж буркой и седлом.
Они заводят речь — о воле,
О прежних днях, о бранном поле;
Кипит, кипит беседа их,
И носятся в мечтах живых
Они к грядущему, к былому;
Проходит неприметно час —
Они сидят! и в первый раз,
Внимая странника рассказ,
Старик дивится молодому.

24

Он сам лезгинец; уж давно
(Так было небом суждено)
Не зрел отечества. Три сына
И дочь младая с ним живут.
При них молчит еще кручина,

И бедный мил ему приют.
Когда горят ночные звезды,
Тогда пускаются в разъезды
Его лихие сыновья:
Живет добычей вся семья!
Они повсюду страх приносят:
Украсть, отнять — им все равно;
Чихирь и мед кинжалом просят
И пулей платят за пшено,
Из табуна ли, из станицы
Любого уведут коня;
Они боятся только дня,
И их владеньям нет границы!
Сегодня дома лишь один
Его любимый старший сын.
Но слов хозяина не слышит
Пришелец! он почти не дышит,
Остановился быстрый взор,
Как в миг паденья метеор:
Пред ним, под видом девы гор,
Создание земли и рая,
Стояла пери молодая!

25

И кто б, ее увидев, молвил: нет!
Кто прелести небес иль даже

след
Небесного, рассеянный лучами
В улыбке уст, в движенье черных
глаз,
Все, что так дружно с первыми
мечтами,
Все, что встречаем в жизни
только раз,
Не отличит от красоты ни-
чтожной,
От красоты земной, нередко
ложной?
И кто, кто скажет, совесть за-
глуша:
Прелестный лик, но хладная ду-
ша!
Когда он вдруг увидит пред собою
То, что сперва почел бы он душою,
Освобожденной от земных цепей,
Слетевшей в мир, чтоб утешать
людей!
Пусть, подойдя, лезгинку он узна-
ет;
В ее чертах земная жизнь играет,
Восточная видна в ланитах
кровь;
Но только удалился образ милый

Он станет сомневаться в том,
что было.
И заблуждёнью он поверит вновь!

26

Нежна — как перы молодая,
Создание земли и рая,
Мила — как нам в краю чужом
Меж звуков языка чужого
Знакомый звук, родных два слова!
Так утешительно мила,
Как древле узнику была
На сумрачном окне темницы
Простая песня вольной птицы,
Стояла Зара у огня!
Чело немножко на клоня,
Она стояла гордо, ловко;
В ее наряде простота —
Но также вкус! Ее головка
Платком прилежно обвита;
Из-под него до груди нежной
Две косы темные небрежно
Бегут; уж, верно, час она
Их расплетала, заплетала!
Она понравиться желала:
Как в этом женщица видна!

Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиранный ужин пред отцом
И улыбнулась; и потом
Уйти хотела; и не знала,
Идти ли? Грудь ее порой
Покров приметно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажет путник молодой.
Но он молчит, блуждают взоры:
Их привлекает лезвее
Кинжала, ратные уборы;
Но взгляд последний на нее
Был устремлен! смутилась дева,
Но, не боясь отцова гнева,
Она осталась, — и опять
Решилась путнику внимать...
И что-то ум его тревожит;
Своих неконченных речей
Он оторвать от уст не может,
Смеется — но больших очей
Давно не обращает к ней;
Смеется, шутит он, — но хлад-
ный,
Печальный смех нейдет к нему.

Замолкнет он — ей вновь досадно»

Сама не знает почему.

Черкес ловил сначала жадно

Движенье глаз ее живых;

И, наконец, остановились

Глаза, которые резвились,

Ответа ждут, к нему склонились,

А он забыл, забыл о них!

Довольно! этого удара

Вторично дева не снесет:

Ему мешает, видно, Зара?

Она уйдет! Она уйдет!..

28

Кто много странствовал по свету,

Кто наблюдать его привык,

Кто затвердил страстей примету,

Кому известен их язык,

Кто рано брошен был судьбою

Меж образованных людей

И, как они, с своей рукою

Не отдавал души своей, —

Тот пылкой женщины пристра-
стью

Не почитает уж за счастье,
Тот с сердцем диким и простым
И с чувством некогда святым
Шутить боится. Он улыбкой
Слезу старается встречать,
Улыбке хладно отвечать;
Коль обласкает — так ошибкой!
Притворством вечным утомлен,
Уж и себе не верит он;
Душе высокой недовольно
Остатков юности своей.
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нет пищи в ней.
Такие люди в жизни светской
Почти всегда причина зла,
Какой-то робостью детской
Их отзываются дела:
И обольстить они не смеют
И вовсе кинуть не умеют!
И часто думают они,
Что их излечит край далекий,
Пустыня, вид горы высокой
Иль тень долины одинокой,
Где юности промчались дни;
Но ожиданье их напрасно:
Душе все внешнее подвластно!

29

Уж милой Зары в сакле нет.
Черкес глядит ей долго вслед
И мыслит: «Нежное созданье!
Едва из детских вышла лет,
А есть уж слезы и желанья!
Бессильный, светлый луч зари,
На темной туче не гори:
На ней твой блеск лишь помра-
чится,
Ей ждать нельзя, она умчится!»

30

Еще не знаешь ты, кто я.
Утешься! Нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя.
Я б мог нежнейшею любовью
Тебя любить; но над тобой
Хранитель, верно, неземной:
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли греть моим объятьям?

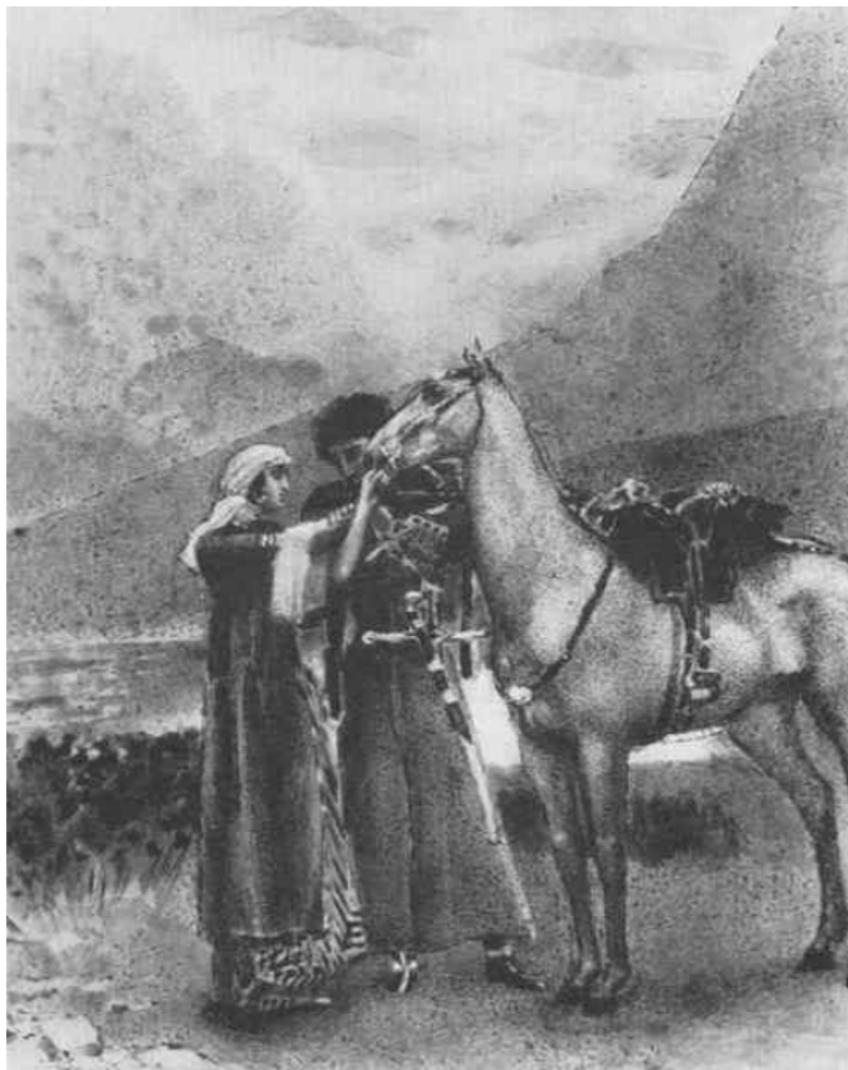
Тебя ли станут целовать
Уста, привыкшие к проклятьям?»
.....

31

Пора! Яснеет уж восток,
Черкес проснулся, в путь готовый.
На пепелище огонек
Еще синел. Старик суровый
Его раздул, пшено сварил,
Сказал, где лучшая дорога,
И сам до ветхого порога
Радушно гостя проводил.
И странник медленно выходит,
Печалью тайной угнетен;
О юной деве мыслит он...
И кто ж коня ему подводит?

32

Уныло Зара перед ним
Коня походного держала
И тихим голосом своим,
Подняв глаза к нему, сказала:
«Твой конь готов! моей рукой
Надета бранная уздечка,

*И серебристой чешуей
Блестит кубанская насечка,
И бурку черную ремнем
Я привязала за седлом;*

Мне это дело ведь не ново;
Любезный странник, все готово!
Твой конь прекрасен; не страшна
Ему утесов крутизна,
Хоть вырос он в краю далеком;
В нем дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Как камень, сглаженный пото-
ком;
Как уголь, взор его блестит,
Лишь наклонись — он полетит;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя он, путник, спас
От вражей шашки и кинжала
В степи глухой, в недобрый час!

33

Но погоди в стальное стремя
Ступать поспешною ногой;
Послушай, странник молодой,
Как знать? быть может, будет
время,
И ты на милой стороне
Случайно вспомнишь обо мне;
И если чаша пированья
Кипит, блестит в руке твоей,

*То не ласкай воспоминанья,
Гони от сердца поскорей;
Но если эта мысль родится,
Но если образ мой приснится
Тебе в страдальческую ночь:
Услышь, услышь мое моленье!
Не презирай то сновиденье,
Не отгоняй те мысли прочь!*

34

*Приют наш мал, зато спокоен;
Его не тронет русский воин, —
И что им взять? — пять-шесть
коней
Да наши грубые одежды?
Поверь ты скромности моей,
Откройся мне: куда надежды
Тебя коварные влекут?
Чего искать? — останься тут,
Останься с нами, добрый стран-
ник!
Я вижу ясно — ты изгнанник,
Ты от земли своей отвык,
Ты позабыл ее язык.
Зачем спешишь к родному краю,
И что там ждет тебя? — не*

знаю.

Пусть мой отец твердит порой,
Что без малейшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризкательной отчизны:
По мне отчизна только там,
Где любят нас, где верят нам!

35

Еще туман белеет в поле,
Опасен ранний хлад вершин...
Хоть день один, хоть час один,
Послушай, час один, не боле,
Пробудь, жестокий, близ меня?
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжет,
Он отдохнет, напьется, ляжет,
А ты у сакли здесь, в тени,
Главу мне на руку склони:
Твоих речей услышать звуки
Еще желала б я хоть раз:
Не удержу ведь счастья час,
Не прогоню ведь час разлуки?...»
И Зара с трепетом в ответ
Ждала напрасно два-три слова:
Скрывать печали силы нет,

Слеза с ресниц упасть готова,
Увы! молчание храня,
Садится путник на коня.
Уж ехать он приговаривался,
Но обернулся — испугался,
И, состраданьем увлечен,
Хотел ее утешить он:

36

«Не обвиняй меня так строго!
Скажи, чего ты хочешь? — слез?
Я их имел когда-то много:
Их мир из зависти унес!
Но не решусь судьбы мятежной
Я разделять с душою нежной;
Свободный, раб иль властелин,
Пускай погибну я один.
Все, что меня хоть малость лю-
бят,
За мною вслед увлечено;
Мое дыханье радость губит,
Щадить — мне власти не дано!
И не простого человека
(Хотя в одежде я простой),
Утешься! Зара! пред собой
Ты видишь брата Росламбека!

Я в жертву счастье должен принести...

О! не жалея о том! — прости, прости!..»

37

Сказал, махнул рукой, и звук подков

Раздался, в отдаленье умирая.
Едва дыша, без слез, без дум, без слов

Она стоит, бесчувственно внимая,

Как будто этот дальний звук подков

Всю будущность ее унес с собою.

Зара, Зара! краткою мечтою
Ты дорожила; где ж твоя мечта?
Как очи полны, как душа пуста!

Одно мгновенье тяжелей другого,
Все, что прошло, ты оживляешь снова!..

По целым дням она глядит туда,
Где скрылася любви ее звезда,
Везде, везде она его находит:
В вечерних тучах милый образ

бродит;
Услышав ночью топот, с ложа
сна
Вскочив, дрожит и ждет его она,
И, постепенно ветром разноси-
мый,
Все ближе, ближе топот — и все
мимо!
Так метеор порой летит на нас,
И ждешь — и близок он — и вдруг
погас!

Часть вторая

*High minds, of native pride and force,
Most deeply feel thy pangs, Remorse!
Fear, for their scourge, mean villains have,
Thou art the torturer of the brave!*[284]
«Marmion» S. Walter-Scott.[285]

1

Шумит Аргуна мутною волной;
Она коры не знает ледяной,
Цепей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снегов родится,
И там, где даже серна не про-

мчится,
Дитя природы, с детской просто-
той,
Она, резвясь, играет и катится!
Порою, как согнутое стекло,
Меж длинных трав прозрачно и
светло
По гладким камням в бездну нис-
падая,
Теряется во мраке, и над ней
С прощальным воркованьем вьет-
ся стая
Пугливых сизых вольных голубей...
Зеленым можжевельником по-
крыты,
Над мрачной бездной гробовые
плиты
Висят и ждут, когда замолкнет
вой,
Чтобы упасть и все покрыть со-
бой.
Напрасно ждут они! волна не
дремлет.
Пусть темнота кругом ее объем-
лет,
Прорвет Аргуна землю где-нибудь
И снова полетит в далекий путь!

На берегу ее кипучих вод
Недавно новый изгнанный народ
Аул построил свой — и ждал
мгновенье,
Когда свершить придуманное
мщенье;
Черкес готовил дерзостный на-
бег,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Рослам-
бек,
Склонялся перед русскими сми-
ренно,
А между тем с отважною тол-
пой
Станицы разорял во тьме ноч-
ной;
И, возвратясь в аул, на пир крова-
вый
Он пленников дрожащих приво-
дил,
И уверял их в дружбе, и шутил,
И головы рубил им для забавы.

Легко народом править, если он
Одною общей страстью увлечен;
Не должно только слишком за-
влекаться,
Пред ним гордиться или с ним
равняться;
Не должно мыслей открывать
своих
Иль спрашивать у подданных со-
вета,
И забывать, что лучше гор зла-
тых
Иному ласка и слова привета!
Старайся первым быть везде, все-
гда;
Не забывайся, будь в пирах умерен,
Не трогай суеверий никогда
И сам с толпой умей быть суеве-
рен;
Страшись сначала много успе-
вать,
Страшись народ к победам при-
учать,
Чтоб в слабости своей он призна-
вался,
Чтоб каждый миг в спасителе
нуждался,

Чтоб он тебя не сравнивал ни с кем
И почитал нуждою — принужде-
нья;
Умей отважно пользоваться
всею
И не проси никак вознагражденья!
Народ — ребенок: он не хочет
дать,
Не покушайся вырвать — но
украдь!

4

У Росламбека брат когда-то был:
О нем жалеют шайки удалые:
Отцом в Россию послан Измаил,
И их надежду отняла Россия.
Четырнадцать лет оставил он
Края, где был воспитан и рожден,
Чтоб знать законы и права чужие!
Не под персидским шелковым ковром
Родился Измаил; не песнью нежной
Он усыплен был в сумраке ноч-

ном:

Его баюкал бури вой мятежный!
Когда он в первый раз открыл глаза,
Его улыбку встретила гроза!
В пещере темной, где, гонимый
братом,
Убийцею коварным, Бей-Булатом,
Его отец таился много лет,
Изгнанник новый, он увидел свет!

5

Как лишний меж людьми, своим
рождением
Он душу не обрадовал ничью,
И, хоть невинный, начал жизнь
свою,
Как многие кончают, преступле-
нием.
Он материнской ласки не знавал:
Не у груди, под буркою согретый,
Один провел младенческие леты;
И ветер колыбель его качал,
И месяц полуночи с ним играл!
Он вырос меж землей и небесами,
Не зная принужденья и забот;

Привык он тучи видеть под ногами,
А над собой один лазурный свод;
И лишь орлы да скалы величавы
С ним разделяли юные забавы.
Он для великих создан был страстей,
Он обладал пылающей душою,
И бури юга отразились в ней
Со всей своей ужасной красотой!..
Но к русским послан он своим отцом,
И с той поры известья нет об нем...

6

Горой от солнца заслоненный,
Приют изгнанников смиренный,
Между кизиловых дерев
Аул рассыпан над рекою;
Стоит отдельно каждый кров,
В тени под дымной пеленою.
Здесь в летний день, в полдневный жар,
Когда с камней восходит пар,
Толпа детей в траве играет,

Черкес усталый отдыхает;
Меж тем сидит его жена
С работой в сакле одиноко,
И песню грустную она
Поет о родине далекой:
И облака родных небес
В мечтаньях видит уж черкес!
Там луг душистей, день светлее!
Роса перловая свежее;
Там разноцветною дугой,
Развеселясь, нередко дивы
На тучах строят мост красивый,
Чтоб от одной скалы к другой
Пройти воздушною тропой;
Там в первый раз, еще несмелый,
На лук накладывал он стрелы...

7

Дни мчатся. Начался байран,
Везде веселье, ликованья;
Мулла оставил алкоран,
И не слышать его призыванья;
Мечеть кругом освещена;
Всю ночь над хладными скала
Огни краснеют за огнями,
Как над земными облаками

*Земные звезды; но луна,
Когда на землю взор наводит,
Себе соперниц не находит,
И, одинокая, она
По небесам в сиянье бродит!*

8

*Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: темно.
Вокруг огня, певцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С немым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден — он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинается: три струны
Уж забренчали под рукою,
И, живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.*

Черкесская песня

Много дев у нас в горах;
Ночь и звезды в их очах;
С ними жить завидна доля,
Но еще милее воля!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

*

Кто жениться захотел,
Тот худой избрал удел,
С русским в бой он не поскачет;
Отчего? — жена заплачет!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

*

Не изменит добрый конь:
С ним — и в воду и в огонь;
Он как вихрь в степи широкой,
С ним — все близко, что далеко.
Не женися, молодец,
Слушайся меня:

*На те деньги, молодец,
Ты купи коня!*

10

*Откуда шум? Кто эти двое?
Толпа в молчанье раздалась.
Нахмутив бровь, подходит князь,
И рядом с ним лицо чужое.
Три узденя за ними вслед.
«Велик Алла и Магомет! —
Воскликнул князь. — Сама моги-
ла
Покорна им! в стране чужой
Мой брат храним был их рукой:
Вы узнаете ль Измаила?
Между врагами он возрос,
Но не признал он их святыни,
И в наши синие пустыни
Одну лишь ненависть принес!»*

11

*И по долине восклицанья
Восторга дикого гремят;
Благословляя час свиданья,*

Вкруг Измаила стар и млад
Теснятся, шепчут; поднимая
На плечи маленьких ребят,
Их жены смуглые, зевая,
На князя нового глядят.
Где ж Росламбек, кумир народа?
Где тот, кем славится свобода?
Один, забыт, перед огнем,
Поодаль, с пасмурным челом,
Стоял он, жертва злой досады.
Давно ли привлекал он сам
Все помышления, все взгляды?
Давно ли по его следам
Вся эта чернь, шумя, бежала?
Давно ль, дивясь его делам,
Их мать ребенку повторяла?
И что же вышло? — Измаил,
Врагов отечества служитель,
Всю эту славу погубил
Своим приездом? — и власти-
тель,
Вчерашний гордый полубог,
Вниманья черни бестолковой
К себе привлечь уже не мог!
Ей все пленительно, что ново!
«Простынет!» — мыслит Рос-
ламбек.
Но если злобный человек

Узнал уж зависть, то не может
Совсем забыть ее никак;
Ее насмешливый призрак
И днем и ночью дух тревожит.

12

Война!.. Знакомый людям звук
С тех пор, как брат от братних
рук
Пред алтарем погиб невинно...
Гремя, через Кавказ пустынный
Промчался клик: война! война!
И пробудились племена.
На смерть идут они охотно.
Умолк аул, где беззаботно
Недавно слушали певца;
Оружья звон, движенье стана:
Вот ныне песни молодца,
Вот удовольствия байрана!..
«Смотри, как всякий биться рад
За дело чести и свободы!..
Так точно было в наши годы.
Когда нас вел Ахмат-Булат!» —
С улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали

*Отважных юношей полки;
Пора! кипят они досадой:
Что русских нет? — им крови на-
до!*

13

*Зима проходит; облака
Светлей летят по дальним сво-
дам,
В реке глядятся мимоходом;
Но с гордым бешенством река,
Крутясь, как змей, не отвечает
Улыбке неба своего
И белых путников его
Меж тем упорно обгоняет.
И ровны, прямы, как стена,
По берегам темнеют горы;
Их крутизна, их вышина
Пленяют ум, пугают взоры.
К вершинам их прицеплена
Нагими красными корнями,
Кой-где кудрявая сосна
Стоит печальна и одна,
И часто мрачными мечтами
Тревожит сердце: так порой
Властитель, полубог земной,*

На пышном троне, окруженный
Льстецов толпою униженной,
Грустит о том, что одному
На свете равных нет ему!

14

Завоевателю преграда
Положена в долине той;
Из камней и деревьев громада
Аргуну давит под собой.
К аулу нет пути иного;
И мыслят горцы: «Враг лихой!
Тебе могила уж готова!»
Но прямо враг идет на них,
И блеск орудий громовых
Далеко сквозь туман играет.
И Росламбек совет сзывает;
Он говорит: «В тиши ночной
Мы нападём на их отряды,
Как упадают водопады
В долину сонную весной...
Погибнут молча наши гости,
И их разбросанные кости,
Добыча вранов и волков,
Сгниют, лишённые гробов.
Меж тем с боязнию лукавой

*Начнем о мире договор
И втайне местию кровавой
Омоем долгий наш позор».*

15

*Согласны все на подвиг ратный,
Но не согласен Измаил.
Взмахнул он шашкою булатной,
И шумно с места он вскочил;
Окинул вмиг летучим взглядом
Он узденей, сидевших рядом,
И, опустивши свой булат,
Так отвечает брату брат:
«Я не разбойник потаенный;
Я видеть, видеть кровь люблю;
Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу,
И даже более, чем ты;
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную мечь родной стране,
Иную славу надо мне!..»
И поединка ожидали
Меж братьев молча уздени;
Не смели тронуться они.*

Он вышел — все еще молчали!..

16

Ужасна ты, гора Шайтан,
Пустыни старый великан;
Тебя злой дух, гласит преданье
Построил дерзостной рукой,
Чтоб хоть на миг свое изгнанье
Забуть меж небом и землей.
Здесь три столетья очарован,
Он тяжелой цепью был прикован,
Когда надменный с новых скал
Стрелой пророку угрожал.
Как буркой, ельником покрыта,
Соседних гор она черней.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;
Она ни мохом, ни кустами
Не зарастает никогда;
Пестрея чудными следами,
Она ведет... бог весть куда?
Олень с ветвистыми рогами,
Между высокими цветами,
Одетый хмелем и плющом,
Лежит полуобъятый сном;
И вдруг знакомый лай он слышит

*И чует близкого врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свежестью подышит,
Росу с могучих плеч стряхнет
И вдруг одним прыжком махнет
Через утес; и вот он мчится,
Тернов колючих не боится
И хмель коварный грудью рвет:
Но, вольный путь пересекая,
Пред ним тропинка роковая...
Никем не зримая рука
Царя лесов останавливает,
И он, как гибель ни близка,
Свой прежний путь не продолжа-
ет!..*

17

*Кто ж под ужасною горой
Зажег огонь сторожевой?
Треща, краснея и сверкая,
Кусты вокруг он озарил.
На камень голову склоняя,
Лежит поодаль Измаил:
Его приверженцы хотели
Идти за ним — но не посмели!*

Вот что ему родной готовил
край?
Сбылись мечты! увидел он свой
рай,
Где мир так юн, природа так бо-
гата,
Но люди, люди... что природа им?
Едва успел обнять изгнанник бра-
та,
Уж клевета и зависть — все над
ним!
Друзей улыбка, нежное свиданье,
За что б другой творца благода-
рил,
Все то ему дается в наказанье;
Но для терпенья ль создан Изма-
ил?
Бывают люди: чувства — им
страданья;
Причуда злой судьбы — их бытие;
Чтоб самовласть показать свое,
Она порой кидает их меж нами;
Так, древле, в море кинул царь ал-
маз,
Но гордый камень в свой урочный
час

*Ему обратно отдан был волнами!
И детям рока места в мире нет;
Они его пугают жизнью новой,
Они блеснут — и сгладится их
след,
Как в темной туче след стрелы
громовой.
Толпа дивится часто их уму,
Но чаще обвиняет, потому,
Что в море бед, как вихри их ни
носят,
Они пособий от рабов не просят;
Хотят их превзойти в добре и зле,
И власти знак на гордом их челе.*

19

*«Бессмысленный! зачем отверг-
нул ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачем, когда так долго с ней сра-
жался,
Своей судьбы ты детски испугал-
ся?
Все прежнее, неизвестный молвой,
Ты б мог забыть близ Зары моло-
дой,*

Забывать людей близ ангела в пустыне,
Ты б мог любить, но не хотел! —
и ныне
Картины счастья живо пред тобой
Проходят укоряющей толпой;
Ты жмешь ей руку, грудь ее <и>
плечи
Целуешь в упоенье; ласки, речи,
Исполненные счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; образ милый,
Волшебный взор — все пред тобой,
как было
Еще недавно; все мечты твои
Так вероятны, что душа боится,
Не веря им, вторично ошибиться!
А чем ты это счастье заменил?»

—
Перед огнем так думал Измаил.
Вдруг выстрел, два и много! — он
вскочил
И слушает, но все утихло снова.
И говорит он: «Это сон больного!»

Души волненьем утомлен,
Опять на землю князь ложится;
Трещит огонь, и дым клубится, —
И что же? — призрак видит он!
Перед огнем стоит спокойен,
На саблю опершись рукой,
В фуражке белой русский воин,
Печальный, бледный и худой.
Спросить хотелось Измаилу,
Зачем оставил он могилу!
И свет дрожащего огня,
Упав на смуглые ланиты,
Черкесу придал вид сердитый:
«Чего ты хочешь от меня?»
«Гостеприимства и защиты! —
Пришлец бесстрашно отвечал, —
Свой путь в горах я потерял,
Черкесы вслед за мной спешили
И казаков моих убили,
И верный конь под мною пал!
Спаси, убить врага ночного
Равно ты можешь! не боюсь
Я смерти: грудь моя готова.
Твоей я чести предаюсь!» —
«Ты прав; на честь мою надейся!
Вот мой огонь: садись и грейся».

Тиха, прозрачна ночь была,
Светила на небе блистали,
Луна за облаком спала,
Но люди ей не раздражали.
Перед огнем враги сидят,
Хранят молчанье и не спят.
Черты пришельца возбуждали
У князя новые мечты,
Они ему напоминали
Давно знакомые черты;
То не игра воображенья.
Он должен разрешить сомненья..
И так пришельцу говорил
Нетерпеливый Измаил:
«Ты молод, вижу я! за славой
Привыкнув гнаться, ты забыл,
Что славы нет в войне кровавой
С необразованной толпой!
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;
За то, что мы боготворим,
Что презираете вы хладно!

Не бойся, говори смелей:
Зачем ты нас возненавидел,
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?»

22

«Ты ошибаешься, черкес! —
С улыбкой русский отвечает. —
Поверь: меня, как вас, пленяет
И водопад и темный лес;
С восторгом ваши льды я вижу,
Встречая пышную зарю,
И ваше племя я люблю:
Но одного я ненавижу!
Черкес он родом, не душой,
Ни в чем, ни в чем не схож с то-
бой!
Себе иль князю Измаилу
Клялся я здесь найти могилу...
К чему опять ты мрачный взор
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мне укор;
Но выслушай, ты все узнаешь...
И сам досадой запылаешь...

Ты знаешь, верно, что служил
 В российском войске Измаил;
 Но, образованный, меж нами
 Родными бредил он полями,
 И все черкес в нем виден был.
 В пирах и битвах отличался
 Он перед всеми! томный взгляд
 Восточной негой отзывался:
 Для наших женщин он был яд!
 Воспламенив их воображенье,
 Повелевал он без труда,
 И за проступок наслажденье
 Не почитал он никогда;
 Не знаю — было то презренье
 К законам стороны чуждой
 Или испорченные чувства!..
 Любовью женщин, их тоской
 Он веселился как игрой;
 Но избежать его искусства
 Не удалось ни одной.

Черкес! видал я здесь прекрасных

Свободы нежных дочерей,
Но не сравню их взоров страст-
ных
С приветом северных очей.
Ты не любил! — ни слов опасных,
Ни уст волшебных не знавал:
Кудрями девы золотыми
Ты в упоенье не играл,
Ты клятвам страсти не внимал,
И не был ты обманут ими!
Но я любил! Судьба меня
Блестящей радугой манила,
Невольно к бездне подводила...
И ждал я счастливого дня!
Своей невестой дорогою
Я смел уж ангела назвать,
Невинным ласкам отвечать
И с райской девой забывать,
Что рая нет уж под луною.
И вдруг ударил страшный час,
Причина долголетней муки;
Призыв войны, отчизны глас,
Раздался вестником разлуки.
Как дым рассеялись мечты!
Тот день я буду помнить вечно...
Черкес! черкес! ни с кем, конечно,
Ни с кем не расставался ты!

*В то время Измаил случайно
Невесту увидал мою
И страстью запылал он тайно!
Меж тем как в дальнем я краю
Искал в боях конца иль славы,
Сластолюбивый и лукавый,
Он сердце девы молодой
Опутал сетью роковой.
Как он умел слезой притворной
К себе доверенность вселять!
Насмешкой — скромность побеж-
дать
И, побеждая, вид покорный
Хранить; иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать пред ней!
Он очертил волшебным кругом
Ее желанья; ведал он,
Что быть не мог ее супругом,
Что разделял их наш закон,
И оболыщенная упала
На грудь убийцы своего!
Кроме любви, она не знала,
Она не знала ничего...*

Но скоро скуку пресыщенья
Постиг виновный Измаил!
Таиться не было терпенья,
Когда погас минутный пыл.
Оставил жертву обольститель
И удалился в край родной,
Забыв, что есть на небе мсти-
тель,
А на земле еще другой!
Моя рука его отыщет
В толпе, в лесах, в степи пустой,
И казни грозной меч просвищет
Над непреклонной головой;
Пусть лик одежда изменяет:
Не взор — душа врага узнает!

27

Черкес, ты понял, вижу я,
Как справедлива месть моя!
Уж на устах твоих проклятья!
Ты, внемля, вздрагивал не раз...
О, если б мог пересказать я,
Изобразить ужасный час,
Когда прелестное созданье

Я в униженье увидал
И безотчетное страданье
В глазах увядших прочитал!
Она рассудок потеряла;
Рядилась, пела <и> плясала
Иль, сидя молча у окна,
По целым дням, как бы не зная,
Что изменил он ей, вздыхая,
Ждала изменника она.
Вся жизнь погибшей девы милей
Остановилась на былом;
Ее безумье даже было
Любовь к нему и мысль об нем...
Какой душе не знал он цену!..»
И долго русский говорил
Про месть, про счастье, про измену:
Его не слушал Измаил.
Лишь знает он да бог единый,
Что под спокойною личиной
Тогда происходило в нем.
Стеснив дыханье, вверх лицом
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали от небес отрады)
Лежал он на земле сырой,
Как та земля, и мрачный и
немой!

Видали ль вы, как хищные и злые
К оставленному трупу в тихий
дол
Слетаются наследники земные —
Могильный ворон, коршун и орел?
Так есть мгновенья, краткие
мгновенья.
Когда, столпись, все адские муче-
нья
Слетаются на сердце — и грызут!
Века печали стоят тех минут.
Лишь дунет вихрь — и сломится
лилея;
Таков с душой кто слабою рож-
ден,
Не вынесет минут подобных он;
Но мощный ум, крепясь и каме-
нея,
Их превращает в пытку Проме-
тея!
Не сгладит время их глубокий
след:
Все в мире есть — забвенья толь-
ко нет!

Светает. Горы снеговые
 На небосклоне голубом
 Зубцы подъемлют золотые;
 Слилися с утренним лучом
 Края волнистого тумана,
 И на верху горы Шайтана
 Огонь, стыдясь перед зарей,
 Бледнеет — тихо приподнялся,
 Как перед смертью больной,
 Угрюмый князь с земли сырой.
 Казалось, вспомнить он старался
 Рассказ ужасный и желал
 Себя уверить он, что спал;
 Желал бы счесть он все мечтою...
 И по челу провел рукою;
 Но грусть — жестокий власте-
 лин!
 С чела не сгладил он морщин.

Он встал, он хочет непременно
 Пришельцу быть проводником.
 Не зная думать что о нем,

Согласен юноша смущенный.
Идут они глухим путем,
Но их тревожит все: то птица
Из-под ноги у них вспорхнет,
То краснобокая лисица
В кусты цветущие нырнет.
Они все ниже, ниже сходят
И рук от сабель не отводят.
Через опасный переход
Спешат, нагнувшись, без оглядки;
И вновь на холм крутой взошли,
И цепью русские палатки,
Как на ночлеге журавли,
Белеют смутно уж вдали!
Тогда черкес остановился,
За руку путника схватил
И — кто бы, кто не удивился? —
По-русски с ним заговорил.

31

«Прощай! ты можешь безопасно
Теперь идти в шатры свои;
Но, если веришь мне, напрасно
Ты хочешь потопить в крови
Свою печаль! страшишь, быть мо-
жет,

Раскаянье прибавишь к ней,
Болезни этой не поможет
Ни кровь врага, ни речь друзей!
Напрасно здесь, в краю далеком,
Ты губишь прелесть юных дней;
Нет, не достать вражде твоей
Главы, постигнутой уж роком!
Он палачам судьей земных
Не уступает жертв своих!
Твоя б рука не утратила
Того, кто борется с судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри ж, он здесь перед тобой!»
И с видом гордого презренья
Ответа князь не ожидал;
Он скрылся меж уступов скал —
И долго русский без движенья
Один как вкопанный стоял.

32

Меж тем, перед горой Шайтаном
Расположась военным станом,
Толпа черкесов удалых
Сидела вокруг огней своих;
Они любили Измаила,
С ним вместе слава иль могила,

*Им все равно! лишь только б с
ним!*

*Но не могла б судьба одним
И нежным чувством меж собою
Сковать людей с умом простым
И с беспокойною душою:
Их всех обидел Росламбек!
(Таков повсюду человек.)*

33

*Сидят наездники беспечно,
Курят турецкий свой табак
И князя ждут они. «Конечно,
Когда исчезнет ночи мрак,
Он к нам сойдет; и взор орлиный
Смирит враждебные дружины,
И вздрогнут перед ним они,
Как Росламбек и уздени!» —
Так, песню воли напевая,
Шептала шайка удалая.*

34

*Безмолвно, грустно, в стороне,
Подняв глаза свои к луне,*

Подруге дум любви мятежной,
Прекрасный юноша стоял, —
Цветок, для смерти слишком
нежный!

Он также Измаила ждал,
Но не беспечно. Трепет тайный
Порывам сердца изменял,
И вздох тяжелый, не случайный,
Не раз из груди вылетал;
И он явился к Измаилу,
Чтоб разделить с ним — хоть
могилу!

Увы! такая ли рука
В куски изрубит казака?
Такой ли взор, стыдливый, скром-
ный,
Глядит на мир, чтоб видеть
кровь?

Зачем он здесь, и ночью темной,
Лицом прелестный, как любовь,
Один в кругу черкесов праздных,
Жестоких, буйных, безобразных?
Хотя страшился он сказать,
Нетрудно было б отгадать,
Когда б... но сердце, чем моложе
Тем боязливее, тем строже
Хранит причину от людей
Своих надежд, своих страстей.

*И тайна юного Селима,
Чуждаясь уст, ланит, очей,
От любопытных, как от змей,
В груди сокрылась неведима!*

Часть третья

She told nor whence, nor why she left
behind
Her all for one whoseem'd but little kind.
Why did she love him? Curious fool! — be
still —
Is human love the growth of human
will?..[286]
«Lara» L. Byron.

1

*Какие степи, горы и моря
Оружью славян сопротивлялись?
И где веленью русского царя
Измена и вражда не покорялись?
Смирись, черкес! и запад и восток,
Быть может, скоро твой разде-
лят рок.
Настанет час — и скажешь сам
надменно:
Пушкой я раб, но раб царя вселен-*

ной!
Настанет час — и новый грозный
Рим
Украсит Север Августом другим!

2

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор.
Как хищный зверь, в смиренную
обитель
Врывается штыками победи-
тель;
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою,
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кин-
жал,
Отпрянул русский — захрипел — и
пал!
«Отмсти, товарищ!» — и в одно
мгновенье
(Достойное за смерть убийцы
миценья!)

Простая сакля, веселя их взор,
Горит — черкесской вольности
костер!..

3

В ауле дальнем Росламбек угрю-
мый
Сокрылся вновь, не ужасом объ-
ят;
Но у него коварные есть думы,
Им помешать теперь не может
брат.
Где ж Измаил? — безвестными
горами
Блуждает он, дерется с казака-
ми,
И, заманив полки их за собой,
Пустыню усыпает их костями,
И манит новых по дороге той.
За ним устали русские гоняться,
На крепости природные взбираться;
Но отдохнуть черкесы не дадут;
То скроются, то снова нападут.
Они, как тень, как дымное виде-
нье,

*И далеко и близко в то ж мгнове-
нье.*

4

*Но в бурях битв не думал Измаил
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей он мстил*
—

*И не пленялся именем героя;
Он ведал цену почестей и слов,
Изобретенных только для глуп-
цов!
Недолгий жар погас! душой уста-
лый,
Его бы не желал он воскресить;
И не родной аул — родные скалы
Решился он от русских защи-
тить!*

5

*Садится день, одетый мглою,
Как за прозрачной пеленою...
Ни ветра на земле, ни туч
На бледном своде! чуть примет-*

но
Орла на вышине бесцветной;
Меж скал блуждая, желтый луч
В пещеру дикую прокрался
И гладкий череп озарил,
И сам на жителе могил
Перед кончиной разыгрался,
И по разбросанным костям,
Травой поросшим, здесь и там
Скользнул огнистой полосой,
Дивясь их вечному покою.
Но прежде встретил он двоих
Недвижных также, но живых...
И, как немые жертвы гроба,
Они беспечны были оба!

6

Один... так точно! — Измаил!
Безвестной думой угнетаем,
Он солнце тусклое следил,
Как мы нередко провождаем
Гостей докучливых; на нем
Черкесский панцирь и шелом,
И пятна крови омрачали
Местами блеск военной стали.
Младую голову Селим

Вождю склоняет на колени;
Он всюду следует за ним,
Хранительной подобно тени;
Никто ни ропота, ни пени
Не слышал на его устах...
Боится он или устанет,
На Измаила только взглянет —
И весел труд ему и страх!

7

Он спит — и длинные ресницы
Закрыли очи под собой;
В ланитах кровь, как у девицы,
Играет розовой струей;
И на кольчуге боевой
Ему не жестко. С сожаленьем
На эти нежные черты
Взирает витязь, и мечты
Его исполнены мученьем:
«Так светлой каплею роса,
Оставляя край свой, небеса,
На лист увядший упадет;
Блестая райским жемчугом,
Она покоится на нем,
И, беззаботная, не знает,
Что скоро лист увядший тот

Пожнет коса иль конь сомнет!»

8

С полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Он спит; но мирная душа
Взволнована! полусловами
Он с кем-то говорит во сне!
Услышал князь и удивился;
К устам Селима в тишине
Прилежным ухом он склонился:
Быть может, через этот сон
Его судьбу узнает он...
«Ты мог забыть? — любви не нуж-
но
Одной лишь нежности наруж-
ной...
Оставь же!» — сонный говорил.
«Кого оставить?» — князь спро-
сил.
Селим умолк, но на мгновенье;
Он продолжал: «К чему сомненье?
На всем лежит его презренье...
Увы! что значат перед ним
Простая дева иль Селим?
Так будет вечно между нами...

Зачем бесценными устами
Он это имя освятил?»
«Не я ль?» — подумал Измаил.
И, погодя, он слышит снова:
«Ужасно, боже! для детей
Проклятие отца родного,
Когда на склоне поздних дней
Оставлен ими... но страшной
Его слеза!..» Еще два слова
Селим сказал, и слабый стон
Вдруг поднял грудь, как стон про-
щанья,
И улетел. Из состраданья
Князь прерывает тяжкий сон.

9

И вздрогнув, юноша проснулся,
Взглянул вокруг и улыбнулся,
Когда он ясно увидал,
Что на коленях друга спал.
Но, покрасневши, сновиденье
Пересказать стыдился он,
Как будто бы лукавый сон
Имел с судьбой его сношенье.
Не отвечая на вопрос
(Примета явная печали),

Щипал он листья диких роз,
И, наконец, две капли слез
В очах склоненных заблестали;
И, с быстротой отворотясь,
Он слезы осушил рукою...
Все примечал, все видел князь;
Но не смутился он душою,
И приписал он простоте,
Затеям детским слезы те.
Конечно, сам давно не знал он
Печалей сладостных любви?
И сам давно не предавал он
Слезам страдания свои?

10

Не знаю!.. но в других он чувства
Судить отвык уж по своим.
Не раз личиною искусства,
Слезой и сердцем ледяным,
Когда обманов сам чуждался,
Обманут был он; и боялся
Он верить, только потому,
Что верил некогда всему!
И презирал он этот мир ничтож-
ный,
Где жизнь — измен взаимных веч-

ный ряд,
Где радость и печаль — все при-
зрак ложный
Где память о добре и зле — все яд!
Где льстит нам зло, но более
тревожит;
Где сердца утешать добро не мо-
жет;
И где они, покорствуя страстям,
Раскаянье одно приносят нам...

11

Селим встает, на гору всходит.
Сребристый стелется ковыль
Вокруг пещеры; сумрак бродит
Вдали... вот топот! вот и пыль,
Желтея, поднялась в лощине!
И крик черкесов по заре
Гудит, теряясь в пустыне!
Селим все слышал на горе;
Стремглав в пещеру он вбегает:
«Они! они!» — он восклицает,
И князя нежною рукой
Влечет он быстро за собой.
Вот первый всадник показался,
Он, мнилось, из земли родился,

Когда въезжал на холм крутой;
За ним другой, еще другой,
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Там, если б два коня столкнулись,
Назад бы оба не вернулись
И не могли б вперед идти.

12

Толпа джигитов[287] удалая,
Перед горой остановись,
С коней измученных слезая,
Шумит. Но к ним подходит
князь,
И все утихло! уваженье
В их выразительных чертах;
Но уважение — не страх;
Не власть его основа — мненье!
«Какие вести?» — «Русский стан
Пришел к Оссаевскому полю,
Им льстит и бедность наших
стран!
Их много!» — «Кто не любит во-
лю?»
Молчат. «Так дайте ж отдох-
нуть

Своим коням; с зарею в путь.
В бою мы ради лечь костями;
Чего <же> лучшего нам ждать?
Но в цвете жизни умирать...
Селим, ты не поедешь с нами!..»

13

Бледнеет юноша, и взор
Понятно выразил укор.
«Нет, — говорит он, — я повсюду,
В изгнанье, в битве спутник твой;
Нет, клятвы я не позабуду —
Угаснуть или жить с тобой!
Не робок я под свистом пули,
Ты видел это, Измаил;
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною был!
И с твоего чела не я ли
Смывал так часто пыль и кровь?
Когда друзья твои бежали,
Чьи речи, ласки прогоняли
Суровый мрак твоей печали?
Мои слова! моя любовь!
Возьми, возьми меня с собою!
Ты знаешь, я владеть стрелою
Могу... И что мне смерть? — о

нет!
Красой и счастьем юных лет
Моя душа не дорожила;
Все, все оставляю, жизнь и свет,
Но не оставляю Измаила!»

14

Взглянул на небо молча князь,
И наконец, отворотясь,
Он протянул Селиму руку;
И крепко тот ее пожал
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знак сей обещал!
И долго витязь так стоял;
И под нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я мог бы этот блеск назвать,
Когда б не скрылся он опять!..

15

По косогору ходят кони;
Колчаны, ружья, седла, брони
В пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены;

На князе яркая кольчуга
Блестит, краснея; погружен
В мечтанье горестное он;
И от страстей, как от недуга,
Бежит спокойствие и сон.
И говорит Селим: «Наверно,
Тебя терзает дух пещерный!
Дан песню я тебе спою;
Нередко дева молодая
Ее поет в моем краю,
На битву друга отпуская!
Она печальна; но другой
Я не слыхал в стране родной.
Ее певала мать родная
Над колыбелию моей,
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навеют звуки
Все сновиденья детских дней!»
Селим запел, и ночь кругом вни-
мает,
И песню ей пустыня повторяет.

Песня Селима

Месяц плывет
И тих и спокоен:
А юноша-воин

На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
И дева ему говорит:

«Мой милый, смелее
Верьйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Любви будь вернее!

Всегда награжден,
Кто любит до гроба,
Ни зависть, ни злоба
Ему не закон;
Пускай его смерть и погубит;
Один не погибнет, кто любит!

Любви изменивший
Изменой кровавой.
Врага не сразивши,
Погибнет без славы;
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не заруют!»

Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет!

«Прочь эту песню! — как безум-
ный
Воскликнул князь, — зачем
упрек?..
Тебя ль послушает пророк?..
Там, облит кровью, в битве шум-
ной
Твои слова я заглушу
И разорву ее оковы...
И память в сердце удушю!..
Вставайте! — как? — вы не гото-
вы?
Прочь песни! — крови мне!.. пора!..
Друзья! коней!.. вы не слышали...
Удары, топот, визг ядра,
И крик, и треск разбитой стали?..
Я слышал!.. О, не пой, не пой!
Трешь сердце, как дрожит, и что
же?
Ты недовольна?.. божже! божже!..
Зачем казнить ее рукой?..
Так речь его оторвалася

От бледных уст и пронеслася
Невнятно, как далекий гром.
Неровным, трепетным огнем
До половины освещенный,
Ужасен, с шашкой обнаженной
Стоял недвижим Измаил,
Как призрак злой, от сна могил
Волшебным словом пробужден-
ный;
Он взор всей силой устремил
В пустую степь, грозил рукою,
Чему-то страшному грозил:
Иначе, как бы Измаил
Смутиться твердой мог душою?
И понял, наконец, Селим,
Что витязь говорил не с ним!
Неосторожный! он коснулся
Душевных струн, — и звук
проснулся,
Расторгнув хладную тюрьму...
И сам искусству своему
Селим невольно ужаснулся!

16

Толпа садится на коней;
При свете гаснущих огней

Мелькают сумрачные лица.
Так опоздавшая станица
Пустынных белых журавлей
Вдруг поднимается с полей...
Смех, клики, ропот, стук и ржа-
нье!
Все дышит буйством и войной!
Во всем приличия незнанье,
Отвага дерзости слепой.

17

Светлеет небо полосами;
Заря меж синими рядами
Ревнивых туч уж занялась.
Вдоль по лощине едет князь,
За ним черкесы цепью длинной.
Признаться: конь по седоку!
Бежит, и будто ветер пустынный,
Скользкий шумно по песку,
Крутится, вьется на скаку;
Он бел, как снег: во мраке ночи
Его заметить могут очи.
С колчаном звонким за спиной,
Отягощен своим нарядом,
Селим проворный едет рядом
На кобылице вороной.

Так белый облак, в полдень зной-
ный,
Плывет отважно и спокойно,
И вдруг по тверди голубой
Отрывок тучи громовой,
Грозы дыханием гонимый,
Как черный лоскут мчится ми-
мо;
Но как ни бейся, в вышине
Он с тем не станет наравне!

18

Уж близко роковое поле.
Кому-то пасть решит судьба?
Вдруг им послышалась стрельба;
И каждый миг все боле, боле,
И пушки голос громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнул князь, махнул рукою.
«Вперед! — воскликнул он, — за
мною!»
Сказал и бросил поводя.
Нет! так прекрасен никогда
Он не казался! Повелитель,
Герой по взорам и речам,
Летел к опасным он врагам,

*Летел, как ангел-истребитель;
И в этот миг, скажи, Селим,
Кто б не последовал за ним?*

19

*Меж тем с беспечною отвагой
Отряд могучих казаков
Гнался за малою ватагой
Неустрашимых удальцов;
Всю эту ночь они блуждали
Вкруг неприязненных шатров;
Их часовые увидали,
И пушка грянула по ним,
И казаки спешат навстречу!
Едва с отчаяньем немым
Они поддерживали сечу,
Стыдясь и в бегстве показать,
Что смерть их может испугать.
Их круг тесней уж становился;
Один под саблю свалился,
Другой, пробитый в грудь свин-
цом,
Был в поле унесен конем,
И, мертвый, на седле все бился!..
Оружье брось, надежды нет.
Черкес! читай свои молитвы!*

*В крови твой шелковый бешикет,
Тебе другой не видеть битвы!
Вдруг пыль! и крик! — он им зна-
ком:*

*То крик родной, не бесполезный!
Глядят и видят: над холмом
Стоит их князь в броне желез-
ной!..*

20

*Недолго Измаил стоял:
Вздохнуть коню он только дал,
Взглянул, и ринулся, и смял
Врагов, и путь за ним кровавый
Меж их рядами виден стал!
Везде, налево и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадают;
Не видят блеск ее враги
И беззащитно умирают!
Как юный лев, разгорячась,
В средину их врубился князь;
Кругом свистят и реют пули;
Но что ж? его хранит пророк!
Шелом удары не согнули,
И худо метится стрелок.*

*За ним, погибель рассыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрез минуту шумный бой
Рассыпался в долине той...*

21

*Далеко от сраженья, меж кустов,
Питомец смелый трамских та-
бунов,
Расседланный, хладея постепенно,
Лежал издохший конь; и перед
ним,
Участием исполненный живым,
Стоял черкес, соратника лишен-
ный;
Крестом сжав руки и кидая
взгляд
Завистливый туда, на поле боя,
Он проклинать судьбу свою был
рад,
Его печаль была печаль героя!
И весь в поту, усталостью то-
мим,
К нему в испуге подскакал Селим
(Он лук не напрягал еще, и стрелы
Все до одной в колчане были це-*

лы).

22

«Беда! — сказал он, — князя не видеть!

Куда он скрылся?» — «Если хочешь знать.

Взгляни туда, где бранный дым краснее,

Где гуще пыль и смерти крик сильнее,

Где кровью облит мертвый и живой,

Где в бегстве нет надежды никакой:

Он там! — смотри: летит как с неба пламя;

Его шишак и конь — вот наше знамя!

Он там! — как дух, разит и невредим,

И все бежит иль падает пред ним!» —

Так отвечал Селиму сын природы —

А лесть была чужда степеней свобо-

ды!..

23

Кто этот русский? с саблею в руке,

В фуражке белой? страха он не знает!

*Он между всех отличен вдалеке,
И казаков примером ободряет;*

*Он ищет Измаила — и нашел,
И вынул пистолет свой, и навел,*

И выстрелил! — напрасно! — обманулся

*Его свинец! — но выстрел роковой
Услышал князь, и мигом обернулся,*

И задрожал. «Ты вновь передо мной!

Свидетель бог: не я тому виной!..»

—

Воскликнул он, и шашка зазвенела,

*И, отделясь от трепетного тела,
Как зрелый плод от ветки молодой,*

Скатилась голова; и конь рети-

вый,
Встав на дыбы, заржал, мотая
гривой,
И скоро обезглавленный седок
Свалился на растоптанный песок.
Не долго это сердце увядало,
И мир ему! — в единый миг оно
Любить и ненавидеть перестало:
Не всем такое счастье суждено!

24

Все жарче бой; главы валяются
Под взмахом княжеской руки;
Спасая дни свои, теснятся,
Бегут в расстройстве казаки!
Как злые духи, горцы мчатся
С победным воем им вослед,
И никому пощады нет!
Но что ж! победа изменила!
Раздался вдруг нежданный гром,
Все в дыме скрылося густом,
И пред глазами Измаила
На землю с бешеных коней
Кровавой грудой костей
Свалился ряд его друзей.
Как град посыпалась картеча;

Пальбу услышав издалеча,
Направля синие штыки,
Спешат ширванские полки.
Навстречу гибельному строю
Один, с отчаянной душою,
Хотел пуститься Измаил;
Но за повод коня схватил
Черкес и в горы за собою,
Как ни противился седок,
Коня могучего увлек.
И ни малейшего движенья
Среди всеобщего смятенья
Не упустил молодой Селим;
Он бегство князя примечает!
Удар судьбы благословляет
И быстро следует за ним.
Не стыд — но горькая досада
Героя медленно грызет:
Жизнь побежденным не награда!
Он на друзей не кинул взгляда
И, мнится, их не узнает.

25

Чем реже нас балует счастье
Тем слаще предаваться нам
Предположеньям и мечтам.

Родится ль тайное пристрастье
К другому миру, хоть и там
Судьбы приметно самовластье
Мы все свободнее дарим
Ему надежды и желанья;
И украшаем, как хотим,
Свои воздушные созданья!
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущают,
Мы забываем свет, и вдаль
Душа и мысли улетают,
И ловят сны, в которых нет
Следов и теней прежних лет.
Но ум, сомненьем охлажденный
И спорить с роком приученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страдания желает;
И если иногда мечтает,
То он мечтает победить!
И, зная собственную силу,
Пока не сбросит прах в могилу,
Он не оставит гордых дум...
Такой непобедимый ум
Природой дан был Измаилу!

Он ранен, кровь его течет;
А он не чувствует, не слышит;
В опасный путь его несет
Ретивый конь, храпит и пышет!
Один Селим не отстает.
За гриву ухватясь руками,
Едва сидит он на седле;
Боязни бледность на челе;
Он очи, полные слезами,
Порой кидает на того,
Кто все на свете для него,
Кому надежду жизни милой
Готов он в жертву принести,
И чье последнее «прости»
Его бы с жизнью разлучило!
Будь перед миром он злодей,
Что для любви слова людей?
Что ей небес определенье?
Нет! охладить любовь гоненье
Еще ни разу не могло;
Она сама свое добро и зло!

27

Умолк докучный крик погони;
Дымясь и в пене скачут кони
Между провалом и горой,

Кремнистой, тесною тропой;
Они дорогу знают сами
И презирают седока,
И бесполезная рука
Уж не владеет поводами.
Направо темные кусты
Висят, за шапки задевая
И с неприступной высоты
На новых путников взирая;
Чернеет серна молодая;
Налево — пропасть; по краям
Ряд красных камней, здесь и там
Всегда обрушиться готовый.
Никем не ведомый поток
Внизу, свиреп и одинок,
Как тигр Америки суровой,
Бежит гремучею волной;
То блещет бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Как две семьи — враждебный ге-
ний,
Два гребня разделяет он.
Вдали на синий небосклон
Нагих, бесплодных гор ступени
Ведут желание и взгляд
Сквозь облака, которых тени
По ним мелькают и спешат;
Сменяя в зависти друг друга,

Они бегут вперед, назад,
И мнится, что под солнцем юга
В них страсти южные кипят!

28

Уж полдень. Измаил слабеет;
Пылает солнце высоко.
Но есть надежда! дым синеет,
Родной аул недалеко...
Там, где кустарником покрыты,
Встают красивые граниты
Каким-то пасмурным венцом,
Есть поворот и путь, прорытый
Арбы скрипучим колесом.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, белеющий забор,
Аргуны воды голубые,
Как под ногами, встретит взор!
Достигнут поворот желанный;
Вот и венец горы туманной;
Вот слышен речки рев глухой;
И белый конь сильнее рванулся...
Но вдруг переднюю ногой
Он оступись, спотыкнулся
И на скаку, между камней,
Упал всей тягостью своей.

*И всадник, кровью истекая,
Лежал без чувства на земле;
В устах недвижность гробовая,
И бледность муки на челе;
Казалось, час его кончины
Ждал знак условный в небесах,
Чтобы слететь, и в миг единый
Из человека сделать — прах!
Ужель степная лишь могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
Нет! нет! ведь здесь еще Селим...
Склонясь в отчаянье над ним,
Как в бурю ива молодая
Над падшим гнется алтарем,
Снимал он панцирь и шолом;
Но сердце к сердцу прижимая,
Не слышит жизни ни в одном!
И если б страшное мгновенье
Все мысли не убило в нем,
Судиться стал бы он с творцом
И проклинал бы провиденье!..*

Встает, глядит кругом Селим:
 Все неподвижно перед ним!
 Зовет — и тучка дождевая
 Летит на зов его одна,
 По ветру крылья простирая,
 Как смерть, темна и холодна.
 Вот, наконец, сырым покровом
 Одеда путников она,
 И юноша в испуге новом!
 Прижавшись к другу с быстротой:
 «О, пощади его!.. постой! —
 Воскликнул он, — я вижу ясно,
 Что ты пришла меня лишитъ
 Того, кого люблю так страстно,
 Кого слабей нельзя любить!
 Ступай! Ищи других по свету...
 Все жертвы бога твоего!
 Ужель меня несчастней нету?
 И нет виновнее его?»

Меж тем, подобно дымной тени,

Хотя не понял он молений,
Угрюмый облак пролетел.
Когда ж Селим взглянуть посмел,
Он был далеко! Освеженный
Его прохладой мгновенной,
Очнулся бледный Измаил,
Вздыхнул, потом глаза открыл.
Он слаб: другую ищет руку
Его дрожащая рука;
И каждому внимая звуку,
Он пьет дыханье ветерка,
И все, что близко, отдаленно,
Пред ним яснее постепенно...
Где ж друг последний? Где Селим?
Глядит! — и что же перед ним?
Глядит — уста оледенели,
И мысли зреньем овладели...
Не мог бы описать подобный миг
Ни ангельский, ни демонский
язык!

32

Селим... и кто теперь не отгада-
ет?
На нем мохнатой шапки больше
нет,

Раскрылась грудь; на шелковый
бешмет
Волна кудрей, чернея, ниспадает,
В печали женщин лучший их убор!
Молитва стихла на устах!.. а
взор...
О небо! небо! есть ли в кущах рая
Глаза, где слезы, робость и печаль
Оставить страшно, уничтожить
жаль?
Скажи мне, есть ли Зара молодая
Меж дев твоих? и плачет ли она,
И любит ли? но понял я молча-
нье!
Не встретить мне подобное со-
зданье:
На небе неуместно подражанье,
А Зара на земле была одна.

33

Узнал, узнал он образ позабытый
Среди душевных бурь и бурь войны;
Поцеловал он нежные ланиты —
И краски жизни им возвращены.
Она чело на грудь ему склонила,
Смущают Зару ласки Измаила,

Но сердцу как ума не соблазнить?
И как любви стыда не победить?
Их речи — пламень! вечная пу-
стыня
Восторгом и блаженством их
полна.
Любовь для неба и земли святы-
ня,
И только для людей порок она!
Во всей природе дышит сладо-
страсть;
И только люди покупают сча-
стье!

*

Прошло два года, все кипит война;
Бесплодного Кавказа племена
Питаются разбоем и обманом,
И в знойный день и под ночным
туманом
Отважность их для русского
страшна.
Казалось, двух братьев помирила
Слепая месть и к родине любовь;
Везде, где враг бежит и льется
кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селим

Теперь уже не следуют за ним?
Куда лезгинка нежная сокрылась?
Какой удар ту грудь оледенил,
Где для любви такое сердце би-
лось,
Каким владеть он не достоин
был?
Измена ли причина их разлуки?
Жива ль она, иль спит последним
сном?
Родные ль в гроб ее сложили руки?
Последнее «прости» с слезами му-
ки
Сказали ль ей на языке родном?
И если смерть щадит ее поныне
—
Между каких людей, в какой пу-
стыне?
Кто б Измаила смел спросить о
том?

Однажды, в час, когда лучи зака-
та
По облакам кидали искры злата,
Задумчив на кургане Измаил
Сидел: еще ребенком он любил
Природы дикой пышные картины,

Разлив зари и льдистые вершины,
Блестящие на небе голубом;
Не изменилось только это в нем!
Четыре горца близ него стояли
И мысли по лицу узнать желали:
Но кто проникнет в глубину мо-
рей
И в сердце, где тоска, — но нет
страстей?
О чем бы он ни думал, — запад
дальный
Не привлекал мечты его печаль-
ной;
Другие воспоминанья и другой,
Другой предмет владел его душой.

Но что за выстрел? — дым взвил-
ся, белея.
Верна рука, и верен глаз злодея!
С свинцом в груди, простертый на
земле,
С печатью смерти на крутом че-
ле,
Друзьями окружен, любимец бра-
ни
Лежал, навеки нем для их призва-
ний!

Последний луч зари еще играл
На пасмурных чертах и придавал
Его лицу румянец; и казалось,
Что в нем от жизни что-то
оставалось,
Что мысль, которой угнетен был
ум,
Последняя его тяжелых дум,
Когда душа отторгнулась от те-
ла,
Его лица оставить не успела!
Небесный суд да будет над тобой,
Жестокий брат, завистник веро-
ломный!
Ты сам наметил выстрел роко-
вой,
Ты не нашел в горах руки наем-
ной!

Гремучий ключ катился невдали.
К его струям черкесы принесли
Кровавый труп; расстегнут их ру-
кою
Чекмень, пробитый пулей роко-
вою;
И грудь обмыть они уже хотят...
Но почему их омрачился взгляд?

Чего они так явно ужаснулись?
Зачем, вскочив, так хладно от-
вернулись?
Зачем? — какой-то локон золо-
той
(Конечно, талисман земли чужой),
Под грубою одеждою измятой,
И белый крест на ленте полоса-
той
Блистали на груди у мертвеца!..
«И кто бы отгадал? Дзсяур про-
клятый!
Нет, ты не стоил лучшего конца;
Нет, мусульманин, верный Изма-
илу,
Отступнику не выроет могилу!
Того, кто презирал людей и рок,
Кто смертью играл так свое-
нравно,
Лишь ты низвергнуть смел, свя-
той пророк!
Пусть, не оплакан, он сгниет бес-
славно,
Пусть кончит жизнь, как на-
чал — одинок».

Литвинка

1

Чей старый терем, на горе кру-
той
Рисуется с зубчатою стеной?
Бессменный царь синеющих полей,
Кого хранит он твердостью сво-
ей?
Кто темным сводам поверять,
привык
Молитвы шепот и веселья клик?
Его владельца назову я вам:
Под именем Арсения друзьям
И недругам своим он был знаком
И не мечтал об имени другом.
Его права оспоривать не смел
Еще никто; он больше не хотел!
Не ведал он владыки и суда,
Не посещал соседей никогда;
Богатый в мире, славный на вой-
не,
Когда к нему являлися оне, —
Он убегал доверчивых бесед,
Презрением дышал его привет;
Он даже лаской гостя унижал,
Хотя, быть может, сам того не

знал;
Не потому ль, что слишком рано
он
Повелевать толпе был приучен?

2

На ложе наслажденья и в бою
Провел Арсений молодость свою.
Когда звучал удар его меча
И красная являлась епанча,
Бежал татарин, и бежал литвин;
И часто стоил войска он один!
Вся в ранах грудь отважного была;
И посреди морщин его чела,
Приличнейший наряд для всяких
лет,
Краснел рубец, литовской сабли
след!

3

И возвратись домой с полей войны,
Он не прижал к устам уста жены,
Он не привез парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберег

Ни жемчугов, ни золотых серег.
И возвратясь в забытый старый
дом,
Он не спросил о сыне молодом;
О подвигах своих в чужой стране
Он не хотел рассказывать жене;
И в час свиданья радости слеза
Хоть озарила нежные глаза,
Но прежде чем упасть она могла

Страдания слезою уж была.
Он изменил ей! Что святой обряд
Тому, кто ищет лишь земных на-
град?
Как путники небесны, облака,
Свободно сердце, и любовь легка...

4

Два дня прошло, — и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье разделить решила с
ней
В монастыре, далеко от людей
(И потому не ближе к небесам).
Их жизнь — одна молитва будет
там!
Но женщины обманутой душа,
Для света умертвясь и им дыша,

Могла ль забыть того, кто
столько лет
Один был для нее и жизнь и свет?
Он изменил! увы! но потому
Ужель ей должно изменить ему?
Печаль несчастной жертвы и за-
кон,
Все презирал для новой страсти
он,
Для пленницы, литвинки моло-
дой,
Для гордой девы из земли чужой.
В угодность ей, за пару сладких
слов
Из хитрых уст, Арсений был го-
тов
На жертву принести жену, детей,
Отчизну, душу, все — в угодность
ей!

5

Светило дня, краснея сквозь ту-
ман,
Садится горделиво за курган,
И, отделив ряды дождливых туч,
Вдоль по земле скользит про-
щальный луч
Так сладостно, так тихо и свет-

ло,
Как будто мира мрачное чело
Его любви достойно! Наконец
Оставил он долину и, венец
Горы высокой, терем озарил
И пламень свой негреющий разлил
По стеклам расписным светлицы
той,
Где так недавно с радостью жи-
вой,
Облокотясь на столик, у окна,
Ждала супруга верная жена;
Где с детскою досадой сын ее
Чуть поднимал отцовское копье;
Теперь... где сын и мать? На ме-
сте их
Сидит литвинка, дочь степей чу-
жих.
Безмолвная подруга лучших дней,
Расстроенная лютня перед ней;
И, по струне оборванной скользя,
Блестит зари последняя струя.
Устала Клара от душевных бурь...
И очи голубые, как лазурь,
Она сидит, на запад устремив;
Но не зари пленял ее разлив:
Там родина! Певец и воин там
Не раз к ее склонялися ногам!

Там вольны девы! Там никто бы
ей
Не смел сказать: хочу любви тво-
ей!..

6

Она должна с покорностью
немой
Любить того, кто грозною вой-
ной
Опустошил поля ее отцов;
Она должна приветы нежных
слов
Затверживать и ненависть, тос-
ку
Учить любви святому языку;
Младую грудь к волненью при-
нуждать
И страстью небывалой объяс-
нять
Летучий вздох и влажный пла-
мень глаз;
Она должна... но мщенью будет
час!

7

Вечерний пир готов; рабы шумят.
В покоях пышных блещет свет

лампад;

В серебряном ковше кипит вино;
К его парам привыкнувший давно,
Арсений пьет янтарную струю,
Чтоб этим совесть потопить
свою!

И пленница, его встречая взор,
Читает в нем к веселью приговор,
И ложная улыбка, громкий смех,
Кроме ее, обманывают всех.

И веря той улыбке, восхищен
Арсений; и литвинку обнял он;
И кудри золотых ее волос,
Нежнее шелка и душистей роз,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый лик, отмеченный вой-
ной.

Лукаво посмотрев, принявши вид
Невольной грусти, Клара гово-
рит:

«Ты любишь ли меня?» — «Какой
вопрос? —

Воскликнул он. — Кто ж больше
перенес

И для тебя так много погубил,
Как я? — и твой Арсений не лю-
бил?

И, — человек, — я б мог обнять

тебя,
Не трепеща душою, не любя?
О, шутками меня не искушай!
Мой ад среди людских забот —
мой рай
У ног твоих! — и если я не тут,
И если рук моих твои не жмут,
Дворец и плаха для меня равны,
Досадой дни мои отравлены!
Я непорочен у груди твоей:
Суров и дик между других людей!
Тебе в колена голову склонив,
Я, как дитя, беспечен и счастлив,
И теплое дыханье уст твоих
Приятней мне курений дорогих!
Ты рождена, чтобы повелевать:
Моя любовь то может доказать.
Пусть я твой раб — но лишь не
раб судьбы!
Достойны ли тебя ее рабы?
Поверь, когда б меня не создал
бог,
Он ниспослать бы в мир тебя не
мог».

8

«О, если б точно ты любил меня! —

Сказала Клара, голову склоня, —
Я не жила бы в тереме твоём.
Ты говоришь: он мой! — а что мне
в нём?

Богатством дивным, гордой вы-
сотой

Очам он мил, — но сердцу он чу-
жой.

Здесь в роще воды чистые текут

Но речку ту не Вищей зовут;
И ветер, здесь колеблющий траву,
Мне не приносит песни про Лит-
ву!

Нет! русский, я не верую любви!
Без милой воли что дары твои?»
И отвернулась Клара, и укор
Изобразил презренья хладный
взор.

Недвижим был Арсений близ нее,
И, кроме воли, отдал бы он все,
Чтоб получить один, один лишь
взгляд

Из тех, которых все блажен-
ство — яд.

9

Но что за гость является ноч-

ной?

Стучит в ворота сильною рукой,
И сторож, быстро пробудись от сна,

Кричит: «Кто там?» — «Впусти-
те! Ночь темна!

В долине буря свищет и ревет,
Как дикий зверь, и тмит небес-
ный свод;

Впустите обогреться хоть на
час,

А завтра, завтра мы оставим вас,
Но никогда в молениях своих
Гостеприимный кров степей чу-
жих

Мы не забудем!» Страж не отве-
чал;

Но ключ в замке упрямом завиз-
жал,

Об доски тяжкий загремел за-
твор,

Расхлопнулись ворота — и на двор
Два странника въезжают. Фона-
рем

Озарены, идут в господский дом.
Широкий плащ на каждом, и по-
рой

Звенит и блещет что-то под по-

лой.

10

Арсений приглашает их за стол
И с ними речь приветную завел;
Но странники, хоть им владелец
рад,

Не много пьют и меньше гово-
рят.

Один из них еще во цвете лет,
Другой, согбенный жизнью, худ и
сед,

И по речам заметно, что привык
Употреблять не русский он язык.
И младший гость по виду был
смелей:

Он не сводил пронзительных очей
С литвинки молодой, и взор его
Для многих бы не значил ничего...
Но видно, ей когда-то был знаком
Тот дикий взор с возвышенным
челом!

Иль что-нибудь он ей о прошлых
днях

Напоминал! как знать? — не жен-
ский страх

Ее заставил вздрогнуть, и вздох-
нуть,

*И голову поспешно отвернуть,
И белою рукой закрыть глаза,
Чтоб изменить не смела ей сле-
за!..*

11

*«Ты побледнела, Клара?» — «Я
больна!»*

*И в комнату свою спешит она.
Окно открывши, села перед ним,
Чтоб освежиться воздухом ноч-
ным.*

*Туман в широком поле, огонек
Блестит вдали, забыт и одинок;
И ветер, нарушитель тишины,
Шумит, скользя во мраке вдоль
стены;*

*То лай собак, то колокола звон
Его дыханьем в поле разнесен.*

*И Клара внемлет. О, как много
дум*

*Вмещал в себе беспечный, резвый
ум;*

*О! если б кто-нибудь увидать мог
Хоть половину всех ее тревог,*

*Он на себя, не смея измерять,
Всю тягость их решил бы при-
нять,*

Чтобы чело, где радость и любовь
Сменялись прежде, прояснилось
вновь,
Чтоб заиграл румянец на щеках
Как радуга в вечерних облаках...
И что могло так деву взволно-
вать?
Не пришлецы ль? Но где и как
узнать?
Чем для души страдания сильнее,
Тем вечный след их глубже тонет
в ней,
Покуда все, что небом ей дано,
Не превратят в страдание одно.

12

Раздвинул тучи месяц золотой,
Как херувим духов враждебных
рой,
Как упованья сладостный привет
От сердца гонит память про-
шлых бед.
Свидетель равнодушный тайн и
дел,
Которых день узнать бы не хо-
тел,
А тьма укрыть, он странствует
один,

Небесной степи бледный властелин.

Обрисовав литвинки юный лик,
В окно светлицы луч его проник,
И, придавая чудный блеск стеклу,
Беспечно разыгрался на полу,
И озарил персидский он ковер,
Высоких стен единственный убор.
Но что за звук раздался за стеной?

Протяжный стон, исторгнутый тоской,
Подобный звуку песни... если б он
Неведомым певцом был повторен...

Но вот опять! Так точно... кто ж поет?

Ты, пленница, узнала! верно, тот,
Чей взор туманный, с пасмурным челом,

Тебя смутил, тебе давно знаком!
Несбыточным мечтаньям преда-
на,

К окну склонившись, думает она:
В одной Литве так сладко лишь поют!

Туда, туда меня они зовут,
И им отозвался в груди моей

Такой же звук, залог счастливых
дней!

13

Минувшее дышало в песни той,
Как вольность — вольной, как
она — простой;
И все, чем сердцу родина мила,
В родимой песни пленница нашла.
И в этом наслажденье был упрек;
И все, что женской гордости
лишь мог
Внушить позор, явилось перед ней,
Хладней презренья, мщениа
страшней.
Она схватила лютню, и струна
Звенит, звенит... и вдруг пробуж-
дена
Восторгом и надеждою, в ответ
Запела дева!.. этой песни нет
Нигде. Она мгновенна лишь была,
И в чьей груди родилась — умерла.
И понял, кто внимал! Не мудрено:
Понятье о небесном нам дано,
Но слишком для земли нас создал
бог,
Чтоб кто-нибудь ее запомнить
мог.

*Взошла заря, и отделился лес
Стеной зубчатой на краю небес.
Но отчего же сторож у ворот
Молчит и в доску медную не
бьет?*

*Что терем не обходит он кру-
гом?*

*Ужель он спит? Он спит — но веч-
ным сном!*

*Тяжелый кинут на землю затвор;
И близ него старик: закрытый
взор,*

*Уста и руки сжаты навсегда,
И вся в крови седая борода.*

*Сбежалась куча боязливых слуг;
С бездействием отчаянья вокруг
Убитого, при первом свете дня,
Они стояли, головы склоня;
И каждый состраданием пылал,
Но что начать, никто из них не
знал.*

*И где ночной убийца? Чья рука
Не дрогнула над сердцем стари-
ка?*

*Кто растворил высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустил на двор? Чей пояс голу-*

бой
В песке затоптан маленькой ногой?
Где странники? К воротам виден след...
Понятно все... их нет! — и Клары нет!

15

И долго неожиданную весть
Никто не смел Арсению принести.
Но, наконец, решились: он внимал,
Хотел вскочить, и неподвижен стал,
Как мраморный кумир, как бы мертвец,
С открытым взором встретивший конец!
И этот взор, не зря, смотрел вперед,
Блестя огнем, был холоден как лед,
Рука, сомкнувшись, кверху поднялась,
И речь от синих губ оторвалась:
На клятву походила речь его,
Но в ней никто не понял ничего;
Она была на языке родном —

Но глухо пронеслась, как дальний
гром!..

16

Бежали дни, Арсений стал опять,
Как прежде, видеть, слышать, по-
нимать,
Но сердце, пораженное тоской,
Уж было мертво, — хоть в груди
живой.
Умел изгнать он из него любовь;
Но что прошло, небывшим сде-
лать вновь
Кто под луной умеет? Кто меч-
там
Назначит круг заветный, как сло-
вам?
И от души какая может власть
Отсечь ее мучительную часть?
Бежали дни, ничем уж не был он
Отныне опечален, удивлен;
Над ним висеть, чернеть гроза
могла,
Не изменив обычный цвет чела;
Но если он, не зная отвести,
Удар судьбы умел перенести,
Но если показать он не желал,
Что мог страдать, как некогда

страдал,
То язва, им презренная, потом
Все становилась глубже, — день
за днем!
Он Клару не умел бы пережить,
Когда бы только смерть... но из-
менить?
И прежде презирал уж он людей:
Отныне из безумца — стал зло-
дей.
И чем же мог он сделаться дру-
гим,
С его умом и сердцем огненным?

17

Есть сумерки души, несчастья
след,
Когда ни мрака в ней, ни света
нет.
Она сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна ей и смерть
страшна;
И небо обвинить нельзя ни в чем,
И как назло все весело кругом!
В прекрасном мире — жертва
тайных мук,
В созвучии вселенной — ложный
звук,

Она встречает блеск природы
всей,
Как встретил бы улыбку палачей
Приговоренный к казни! И назад
Она кидает беспокойный взгляд,
Но след волны потерян в бездне
вод,
И лист отпавший вновь не зацве-
тет!
Есть демон, сокрушитель благ
земных,
Он радость нам дарит на крат-
кий миг,
Чтобы удар судьбы сразил скорей.
Враг истины, враг неба и людей,
Наш слабый дух ожесточает он,
Пока страданья не умчат как сон
Все, что мы в жизни ценим толь-
ко раз,
Все, что ему еще завидно в нас!..

18

Против Литвы пошел великий
князь.
Его дружины, мстью воспалясь,
Грозят полям и рощам той стра-
ны,
Где загорится пламенник войны.

*Желая защищать свои права,
Дрожит за вольность гордая
Литва,
И клевы хищных птиц, и зуб вол-
ков
Скользят уж по костям ее сынов.*

19

*И в русский стан, осенним, серым
днем,
Явился раз, один, без слуг, пеш-
ком,
Боец, известный храбростью сво-
ей, —
И сделался предметом всех речей.
Давно не поднимал он щит и
шлем,
Заржавленный покоем! И зачем
Явился он? Не честь страны род-
ной
Он защищать хотел своей рукой;
И между многих вражеских сер-
дец
Одно лишь поразить хотел боец.*

20

*Вдоль по реке с бегущею волной
Разносит ветер бранный шум и*

вой.

В широком поле цвет своих дру-
жин

Свели сегодня русский и литвин.
Чертой багряной серый небосклон

От голубых полей уж отделен,

Темнеют облака на небесах,

И вихрь несет в глаза песок и
прах:

Все бой кипит; и гнется русский
строй,

И, окружен отчаянной толпой,

Хотел бежать... но чей знакомый
глас

Все души чудной силою потряс?

Явился воин: красный плащ на
нем,

Он без щита, он уронил шолом;

Вооружен секирою стальной,

Предстал — и враг валится, и дру-
гой,

С запекшеюся кровью на устах,

Упал с ним рядом. Обнял тайный
страх

Сынов Литвы: ослушные кони

Браздам не верят! тщетно бы
они

Хотели вновь победу удержать:

*Их гонят, бьют, они должны бе-
жать!
Но даже в бегстве, обратясь на-
зад,
Они ударов тяжких сыплют град.*

21

*Арсений был чудесный тот боец,
Он кровию решился, наконец,
Огонь в груди проснувшийся за-
лить.
Он ненавидит мир, чтоб не лю-
бить
Одно созданье! Кучи мертвецов
Кругом него простерты без щит-
тов,
И радостью блистает этот взор,
Которым месть владеет с давних
пор.
Арсений шел, опередив своих,
Как метеор меж облаков ночных;
Когда ж заметил он, что был
один
Среди жестоких, вражеских дру-
жин,
То было поздно! «Вижу, час на-
стал!» —
Подумал он, и меч его искал*

Своей последней жертвы. «Это он!» —
За ним воскликнул кто-то. Поражен,
Арсений обернулся, — и хотел
Проклятье произнести, но не умел:
Как ангел брани, в легком шишаке,
Стояла Клара, с саблею в руке;
И юноши теснились за ней,
И словом и движением очей
Распоряжая пылкою толпой,
Она была, казалось, их судьбой.
И, встретивши Арсения, она
Не вздрогнула, не сделалась бледна,
И тверд был голос девы молодой,
Когда, взмахнувши белою рукой,
Она сказала: «Воины! вперед!
Надежды нет, покуда не падет
Надменный этот русский! Перед
ним
Они бегут — но мы не побежим.
Кто первый мне его покажет
кровь,
Тому моя рука, моя любовь!»

Арсений отвернул надменный
взор,
Когда он услышал свой приговор.
«И ты против меня!» — восклик-
нул он;
Но эта речь была скорее стон,
Как будто сердца лучшая струна
В тот самый миг была оборвана.
С презрением меч свой бросил он
потом
И обернулся медленно плащом,
Чтобы из них никто сказать не
смел,
Что в час конца Арсений поблед-
нел.
И три копья пронзили эту грудь,
Которой так хотелось отдох-
нуть,
Где столько лет с добром боро-
лось зло,
И наконец оно превозмогло.
Как царь дубравы, гордо он упал,
Не вздрогнул, не взглянул, не за-
кричал.
Хотя б молитву или злой упрек
Он произнес! Но нет! он был далек
От этих чувств: он век счастли-
вый свой

*Опередил неверящей душой;
Он кончил жизнь с досадой на че-
ле,
Жалея, мысля об одной земле, —
Свой ад и рай он здесь умел сыс-
кать.
Других не знал, и не хотел он
знать!..*

23

*И опустел его высокий дом,
И странников не угощают в нем;
И двор зарос зеленою травой,
И пыль покрыла серой пеленой
Святые образа, дубовый стол
И пестрые ковры! и гладкий пол
Не скрипнет уж под легкою ногой
Красавицы лукавой и молодой.
Ни острый меч в серебряных нож-
нах,
Ни шлем стальной не блещут на
стенах;
Они забыты в поле роковом,
Где он погиб! В покое лишь одном
Все, все как прежде: лютня у окна,
И вокруг нее обвитая струна;
И две одежды женские лежат
На мягком ложе, будто бы назад*

Тому лишь день, как дева стран
чужих
Сюда небрежно положила их.
И, раздувая полог парчевой,
Скользит по ним прохладный
ветр ночной
Когда сквозь тонкий занавес окна
Глядит луна — нескромная луна!

24

Есть монастырь, и там в неделю
раз
За упокой молящих слышен глас,
И с честью перед набожной тол-
пой
Арсений поминается порой.
И блещет в церкви длинный ряд
гробов,
Украшенный гербом его отцов;
Но никогда меж них не будет
тот,
С которым славный кончился их
род.
Ни свежий дерн, ни пышный мав-
зольей
Не тяготит сырых его костей;
Никто об нем не плакал... лишь
одна,

Монахиня!.. Бог знает, кто она?
Бог знает, что пришло на мысли ей

Жалеть о том, кто не жалел об ней!..

Увы! Он не любил, он не жалел,
Он даже быть любимым не хотел,

И для нее одной был он жесток:
Но разве лучше поступил с ним рок?

И как не плакать вечно ей о том,
Кто так обманут был, с таким умом,

Кто на земле с ней разлучен судьбой

И к счастью не воскреснет в жизни той?..

В печальном только сердце может страсть

Иметь неограниченную власть:

Так в трещине развалин иногда

Береза вырастает: молода

И зелена — и взоры веселит,

И украшает сумрачный гранит!

И часто отдыхающий пришлец

Грустит об ней, и мыслит: накопец

*Порывам бурь и зною предана,
Увянет преждевременно она!..
Но что ж! — усилъя вихря и до-
ждей
Не могут обнажить ее корней,
И пыльный лист, встречая жар
дневной,
Трепещет все на ветке молодой!..*

Аул Бастунджи Посвященье

1

*Тебе, Кавказ — суровый царь зем-
ли, —
Я снова посвящаю стих небреж-
ный:
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!
От ранних лет кипит в моей кро-
ви
Твой жар и бурь твоих порыв мя-
тежный;
На севере, в стране тебе чуждой,
Я сердцем твой, — всегда и всюду
твой!..*

2

Твоих вершин зубчатые хребты
Меня носили в царстве урагана,
И принимал меня, лелея, ты
В объятия из синего тумана.
И я глядел в восторге с высоты,
И подо мной, как остов великана,
В степи обросший мохом и тра-
вой,
Лежали горы грудой вековой.

3

Над детской головой моей венцом
Свивались облака твои седые;
Когда по ним, гремя, катался
гром,
И, пробудясь от сна, как часовые,
Пещеры откликались кругом,
Я понимал их звуки роковые,
Я в край надзвездный пылкою ду-
шой
Летал на колеснице громовой!..

4

Моей души не понял мир.
Ему Души не надо. Мрак ее глубо-
кий,
Как вечности таинственную
тьму,

*Ничье живое не проникнет око.
И в ней-то недоступные уму
Живут воспоминанья о далекой
Святой земле... ни свет, ни шум
земной
Их не убьет... я твой! я всюду
твой!..*

Глава первая

I

*Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, го-
рами
Закрыт от бурь и вольностью бо-
гат.
Его уж нет. Кудрявыми кустами
Покрыто поле: дикий виноград,
Цепляясь, вьется длинными хво-
стами
Вокруг камней, покрытых седи-
ной,
С вершин соседних, сброшенных
грозой!..*

II

*Ни бранный шум, ни песня моло-
дой*

Черкешенки уж там не слышны
боле;
И в знойный летний день табун
степной
Без стражи ходит там, один, по
воле;
И без оглядки с пикой за спиной
Донской казак въезжает в это по-
ле;
И безопасно в небесах орел,
Чертя круги, глядит на тихий
дол.

III

И там, когда вечерняя заря
Бледнеющим румянцем одевает
Вершины гор, — пустынная змея
Из-под камней, резвяся, выполза-
ет;
На ней рябая блещет чешуя
Серебряным отливом, как бли-
стает
Разбитый меч, оставленный бой-
цом
В густой траве на поле роковом.

IV

Сгорел аул — и слух об нем исчез.

Его сыны рассыпаны в чужбине...
Лишь пред огнем, в туманный
день, черкес
Порой об нем рассказывает ныне
При малых детях. И чужих небес
Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку: «Ска-
жи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?»

V

В ауле том без ближних и друзей
Когда-то жили два родные брата,
И в Пятигорье не было грозней
И не было отважней Акбулата.
Меньшой был слаб и нежен с
юных дней,
Как цвет весенний под лучом за-
ката!
Чуждался битв и крови он и зла,
Но искра в нем таилась... и жда-
ла...

VI

Отец их был убит в чужом краю.
А мать Селим убил своим рожде-
ньем,

*И, хоть невинный, начал жизнь
свою,
Как многие кончают, преступле-
нием!
Он душу не обрадовал ничью,
Он никому не мог быть утеше-
нием;
Когда он в первый раз открыл гла-
за,
Его улыбку встретила гроза!...*

VII

*Он рос один... по воле, без забот,
Как птичка, меж землей и небеса-
ми!
Блуждая с детства средь родных
высот,
Привык он тучи видеть под нога-
ми,
А над собой один безбрежный
свод;
Порой, в степи застигнутый меч-
тами,
Один сидел до поздней ночи он,
И вокруг него летал чудесный сон.*

VIII

И земляки — зачем? то знает бог

—
Чуждались их беседы; особливо
Паслись их кони... и за их порог
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селим не мог,
Свой тонкий стан, высокий и кра-
сивый,
В бешимет шелковый праздничный
одев,
Привлечь одной улыбки гордых
дев.

IX

Сбиралась ли ватага удальцов
Отбить табун, иль бранною заба-
вой
Потешиться... оставя бедный
кров,
Им вслед, с усмешкой горькой и
лукавой,
Смотрели братья, сумрачны, без
слов,
Как смотрит облак иногда дву-
главый,
Засев меж скал, на светлый бег
луны,
Один, исполнен грозной тишины.

X

Дивились все взаимной их любви,
И не любил никто, их... оттого
ли,
Что никому они дела свои
Не поверяли и надменной воли
Склонить пред чуждой волей не
могли?
Не знаю, — тайна их угрюмой до-
ли
Темнее строк, начертанных ру-
кой
Прохожего на плите гробовой...

XI

Была их сакля меньше всех других,
И с плоской кровли мох висел зе-
леный.
Рядком блистали на стенах про-
стых
Аркан, седло с насечкой вороне-
ной,
Два башлыка, две шашки боевых
Да два ружья, которых ствол гра-
ненный,
Едва прикрытый шерстяным чех-
лом,
Был закопчен в дыму порохом.

XII

Однажды... Акбулата ждал Селим

С охоты. Было поздно. На долину
Туман ложился, как прозрачный
дым;

И сквозь него, прорезав половину
Косматых скал, как буркою, гу-
стым

Одетых мраком, дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозревал задумчивый Бешту.

XIII

Вдали тянулись розовой стеной,
Прощаясь с солнцем, горы снего-
вые;

Машук, склоняся лысой головой,
Через струи Подкумка голубые,
Казалось, думал тяжкою стопой
Перешагнуть в помещения чужие.
С мечети слез мулла; аул дре-
мал...

Лишь в крайней сакле огонек бли-
стал.

XIV

И ждет Селим — сидит он час и
два,

Гуляя в поле, горный ветер плачет,
И под окном колышется трава.
Но чу! далекий топот... кто-то скачет...
Примчался; фыркнул конь, заржал... Сперва
Спрыгнул один, потом другой...
что это значит?
То не сайгак, не волк, не зверь лесной!
Он прискакал с добычею иной.

XV

И в саклю молча входит Акбулат,
Самодовольно взорами сверкая.
Селим к нему: «Ты загулялся, брат!
Я чай, с тобой не дичь одна лесная».
И любопытно он взглянул назад,
И видит он: черкешенка младая
Стоит в дверях, мила как херувим;
И побледнел невольно мой Селим.

XVI

И в нем, как будто пробудясь от сна,
Зашевелилось сладостное, что-то.
«Люби ее! она моя жена! —
Сказал тогда Селиму брат. —
Охотой
Родной аул покинула она.
Наш бедный дом храним ее заботой
Отныне будет. Зара! вот моя
Отчизна, все богатство, вся семья!..»

XVII

И Зара улыбнулась, и уста
Хотели вымолвить слова привета,
Но замерли. Вдоль по челу мечта
Промчалась тенью. По словам поэта,
Казалось, вся она была слита,
Как гурии, из сумрака и света;
Белей и чище ранних облаков
Являлась грудь, поднявшая покров;

XVIII

Черны глаза у серны молодой,
Но у нее глаза чернее были;
Сквозь тень ресниц, исполнены ду-
шой,
Они блаженством сердцу говори-
ли!
Высокий стан искусною рукой
Был стройно перетянут без уси-
лий;
Сквозь черный шелк витого куша-
ка
Блистало серебро исподтишка.

XIX

Змеились косы на плечах младых,
Оплетены тесьмою золотою;
И мрамор плеч, белея из-под них,
Был разрисован жилкой голубою.
Она была прекрасна в этот миг,
Прекрасна вольной дикой просто-
тою,
Как южный плод румяный, золо-
той,
Обрызганный душистою росой.

XX

Селим смотрел. Высоко билось в
нем

*Встревоженное сердце чем-то новым.
Как сладко, страстно пламенным челом
Прилег бы он к грудям ее перловым!
Он вздрогнул, вышел... сумрачен лицом,
Кинжал рукою стиснув. На шелковом
Ковре лениво Акбулат лежал,
Курил и думал... О! когда б он знал!..*

XXI

*Промчался день, другой... и много дней;
Они живут, как прежде, нелюдимо.
Но раз... шумела буря. Все черней
Утесы становились. С воем мимо,
Подобно стае скачущих зверей,
Толпою резвых жадных псов гонимой,
Неслися друг за другом облака,
Косматые, как перья шишака.*

XXII

*Очами Акбулат их провожал
Задумчиво с порога сакли бедной.
Вдруг шорох: он глядит... пред
ним стоял
Селим, без шапки, пасмурный и
бледный;
На поясе, звеня, висел кинжал,
Рука блуждала по оправе медной;
Слова кипели смутно на устах,
Как бьется пена в тесных берегах.*

XXIII

*И юноше с участием живым
Он молвил: «Что с тобой? — не
понимаю!
Скажи!» — «Я гибну! — отвечал
Селим,
Сверкая мутным взором, — я
страдаю!..
Одною думой день и ночь томим!
Я гибну!.. ты ревнив, ты вспылъ-
чив: знаю!
Безумца не захочешь ты спасти...
Так, я виновен... но, прости!.. про-
сти!..»*

XXIV

«Скажи, тебя обидел кто-нибудь?»

Обиду злобы кровью смыть могу
я!
Иль кань пропал? Забудь об нем,
забудь,
В горах коня красивее найду я!..
Иль от любви твоя пылает
грудь?
И чуждой девы хочешь поцелуя?..
Ее увезть легко во тьме ночной,
Она твоя!.. но молви: что с то-
бой?»

XXV

«Легко спросить... но тяжело рас-
сказать
И почувствовать!.. Молился я про-
року,
Чтоб ангелам велел он ниспо-
слать
Хоть каплю влаги пламенному
оку!..
Ты видишь: есть ли слезы?.. О! не
трать
Молитв напрасных... к яркому во-
стоку
И западу взывал я... но в моей
Душе все шевелится грусть, как
змей!..

XXVI

Я проклял небо — оседлал коня;
Пустился в степь. Без цели мы
блуждали,
Не различал ни ночи я, ни дня...
Но вслед за мной мечты мои ска-
кали!
Я гибну, брат!.. пойми, спаси ме-
ня!
Твоя душа не крепче бранной ста-
ли;
Когда я был ребенком, ты любил
Ребенка... помнишь это? иль за-
был?..

XXVII

Послушай!.. бурно молодость во
мне
Кипит, как жаркий ключ в скалах
Машука!
Но ты, — в твоей суровой седине
Видна усталость жизни, лень и
скука.
Пускай летать ты можешь на
коне,
Звенящую стрелу бросать из лу-
ка,
Догнать оленя и врага, сразить...

Но... так, как я, не можешь ты любить!..

XXVIII

Не можешь ты безмолвно, целый час

Смотреть на, взор живой, но безответный,

*И утопать в сиянье милых глаз,
Тая в груди, как мечь, огонь заветный!*

*Обнявши Зару, я видал не раз,
Как ты томился, скукою приметной...*

Я б отдал жизнь за поцелуй такой,

И... если б мог, не пожалел другой!..»

XXIX

*Как облака, висящие над ним,
Стал мрачен лик суровый Акбулата;*

*Дрожь пробежала по усам седым,
Взор покраснел, как зарево заката.*

«Что произнести решился ты, Селим!» —

Воскликнул он. Селим не слушал
брата.
Как бедный раб, он пал к его но-
гам
И волю дал страданью и моль-
бам.

XXX

«Ты видишь: я погиб!.. спасенья
нет...
Отчаянье, любовь... везде! повсю-
ду!..
О! ради прежней дружбы... преж-
них лет...
Отдай мне Зару!.. уступи!.. я буду
Твоим рабом... послушай: сжаль-
ся!.. нет,
Нет!.. ты меня как ветхую посуду
С презреньем гордым кинешь за
порог...
Но, видишь: вот кинжал! — а
там: есть бог!..

XXXI

Когда б хотел, я б мог давно, по-
верь,
Упитаться счастьем, презреть все
святое!

Но я подумал: нет! как лютый
зверь,
Он растерзает сердце молодое!
И вот пришло раскаянье теперь,
Пришло — но поздно! я ошибся
вдвое,
Я, как глупец, остался на земле,
Один, один... без дружбы и любви!..

XXXII

Что медлить: я готов — не раз-
мышляй!
Один удар — и мы спокойны оба.
Увы! минута с ней — небесный
рай!
Жизнь без нее — скучней, страш-
нее гроба!
Я здесь, у ног твоих... решишь или
знай:
Любовь хитрей, чем ревность или
злоба;
Я вырву Зару из твоих когтей,
Она моя — и быть должна моей!»

XXXIII

Умолк. Бледней снегов был неж-
ный лик,

В очах дрожали слезы иступленья;
Меж губ слова слились в невнятный крик,
Мучительный, ужасный... сожаленье
Угрюмый брат почувствовал на миг.
«Пройдет, — сказал он, — время заблужденья!
Есть много звезд: одна другой светлей;
Красавиц много без жены моей!..

XXXIV

Что дал мне бог, того не уступлю;
А что сказал я, то исполню свято.
Пророк зрит мысль и слышит речь мою!
Меня не тронут ни мольбы, ни злато!..
Прощай... но если! если...» — «Я люблю,
Люблю ее! — сказал Селим, объятый
Тоской и злобой, — я просил, скор-

бел...

Ты не хотел!.. так помни ж: не хотел!»

XXXV

Его уста скривил холодный смех;
Он продолжал: «Все кончено отныне!

Нет для меня ни дружбы, ни утех!..

Благодарю тебя!.. ты, как об сыне,

Об юности моей пекся: сказать не грех...

По воле нежил ты цветок в пустыне,

По воле оборвал его листья...

Я буду помнить — помни только ты!..»

XXXVI

Он отвернулся и исчез как тень.

Стоял недвижим Акбулат смущенный,

Мрачней, чем громом опаленный пень.

Шумела буря. Ветром наклоненный,

Скрипел полуразрушенный плетень;
Да иногда, грозою заглушенный,
Из бедной сакли раздавался вдруг
Беспечной, нежной, вольной песни
звук!..

XXXVII

Так, иногда, одна в степи чужой
Залетная певица, птичка юга,
Поет на ветке дикой и сухой,
Когда вокруг шумит, бушует вьюга.
И путник внемлет с тайною тоской
И думает: то, верно, голос друга!
Его душа, живущая в раю,
Сошла печаль приветствовать
мою!..

XXXVIII

Селим седлает верного коня,
Гребенкой медной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещет; крепко обвивая
Седло с конем, сцепились два ремня.
Стремена ровны; плетка шелко-

вая
На арчаге мотається. Храпит,
Косится конь... Пора, садись, джигит.

XXXIX

Горяч и статен конь твой вороной!
Как красный уголь, его сверкает око!
Нога стройна, косматый хвост трубой;
И лоснится хребет его высокой,
Как черный камень, сглаженный волной!
Как саранча, легко в степи широкой
Порхает он под легким седоком,
И голос твой давно ему знаком!..

XL

И молча на коня вскочил Селим:
Нагайкою махнул, привстал
немного
На стремях... затрепетал под ним
И захрапел товарищ быстроногой!

Скачок, другой.. ноздрями пар как дым...

И полетел знакомою дорогой,
Как пыльный лист, оторванный
грозой,
Летит крутясь по степи голу-
бой!..

XLI

Размашисто скакал он, и кремни,
Как брызги рассыпайся, трещали
Под звонкими копытами. Они
Сырую землю мерно поражали;
И долго вслед ущелия одни
Друг другу этот звук передавали,
Пока вдали, мгновенный, как Си-
мун,
Не скрылся всадник и его скакун...

XLII

Как дух изгнанья, быстро он исчез
За пеленой волнистого тумана!..
У табуна сторожевой черкес,
Дивясь, долго вслед ему с кургана
Смотрел и думал: «Много есть
чудес!..
Велик аллах!.. ужасна власть
шайтана!

*Кто скажет мне, что этого коня
Хозяин мрачный — сын земли, как
я?»*

Глава вторая

I

*Меж виноградных лоз нагорный
ключ
От мирного аула недалеко
Бежал по камням, светел и гре-
муч.
Небес восточных голубое око
Гляделось в нем; и плавал жаркий
луч
В его волне студеной и глубокой;
И мелкий дождь серебряных цве-
тов
В него с прибрежных сыпался де-
рев.*

II

*Вот мирный час, когда на водопой
Бежит к потоку серн пугливых
стая,
Шумя по листьям и траве гу-
стой.
Вот час, когда черкешенка мла-*

дая
Идет купаться тайною тропой.
Нагую ножку в воду погружая,
Она дрожит, смеется... и вокруг
Кидает взгляд, где дышит
страсть и юг!

III

Не бойся, Зара! — всюду тишина;
Присядь на камень, сбрось покров
узорный!
Вода в ручье прозрачна, холодна;
Смирит волнение груди непокор-
ной
И освежит твой смуглый стан
она.
Но, чу!.. постой!.. чей это шаг про-
ворный
Не в добрый час раздался меж ку-
стов?..
Святой пророк! Скорей, где твой
покров?..

IV

Но сильно чья-то жаркая рука
Хватает руку Зары. Страстен,

молод
Огонь руки сей!.. Сакля далека...
Что делать? В грудь ее смертель-
ный холод
Проник, как пуля меткого стрел-
ка,
И сердце громко билось в ней, как
молот!
«Селим, ты здесь? злой дух тебя
принес!
Зачем пришел ты?» — «Я?.. Какой
вопрос!»

V

«Селим!.. о!.. я погибла!..» — «Мо-
жет быть;
Так что ж!» — «Ужель! ни капли
сожаленья!
Чего ты хочешь?» — «Я хочу лю-
бить!
Хочу! — ты видишь: краткие му-
ченья
Меня уж изменили... скучно
жить,
Как зверю, одному... часам терпе-
нья
Настал последний срок! — я снова
здесь.

*Я твой навек, душой и телом, —
весь!*

VI

*Я знал, что ваш пророк — не мой
пророк,
Что люди мне — чужие, а не бра-
тья;
И странствовал в пустыне оди-
нок
И сумрачен, как див, дитя прокля-
тья!
Без страху я давно б в могилу
слег;
Но холодны сырой земли объ-
тья...
Ах! я мечтал хоть миг один за-
снуть,
Мою главу склонив к тебе на
грудь!..*

VII

*Беги со мной!.. оставь свой бедный
дом.
Я молод, свеж; твой муж — ста-
рик суровый!
Решишь, спеши: мне тайный путь
знаком;*

*Мое ружье верней стрелы грома-
вой;
Кинжал мой блещет гибельным
лучом;
Моя рука быстрее, чем взгляд и
слово;
И у меня жилище есть в горах,
Где отыскать нас может лишь
аллах!*

VIII

*Мой дом изрыт в расселинах ска-
лы:
В нем до меня два барса дружно
жили.
Узнав пришельца, голодны и злы,
Они, воспрянув, бросились, завы-
ли...
Я их убил — и в тот же день орлы
Кровавые их кости растащили;
И кожи их у входа, по бокам,
Висят, как тени, в страх другим
зверям.*

IX

*Там ложе есть из моха и цветов,
Там есть родник, меж камней ис-
сеченный;*

Его питает влага облаков,
И брызжет он, журча струею
пленной.
Беги со мной!.. никто твоих сле-
дов
Не различит в степи, мой друг
бесценный!
И только месяц с солнцем золо-
тым
Узнают, как и кто тобой лю-
бим!..»

X

Обнявши стан ее полунагой,
Едва дыша, склонившись к ней
устаами,
Он ждал ответа с страхом и
тоской:
Она молчала — шаткими ветвя-
ми
Шумел над ними ветер полевой,
И тени листьев темными ряда-
ми
Бродили по челу ее: она,
Как мраморный кумир, была
бледна.

XI

«Решишь же, Зара: ждать я не могу!..

Ты побледнела?.. что такое?.. слезы?

Но разве здесь ты предана врагу?
Иль речь любви похожа на угрозы?

Иль ты меня не любишь? нет! я лгу...

Твои уста нежней иранской розы:
Они не могут это произнести!..
Пусть нет в тебе любви... но...
жалость есть!

XII

О, как я был бы счастлив, как богат,

Под звездами аллы, один с тобою!..

Скажи: тебя не любит Акбулат?
Он зол, ревнив, он пасмурен душою,

И речь его хладнее, чем булат?..
Он для тебя постыл... беги со мною...

Но ты качаешь молча головой...
Не он тобой любим!! но кто ж другой?

XIII

Скорей: откуда? где он? назови —
Я вытвержу злоещее названье...
Я обниму как брата — и в крови
Запечатлею братское лобзанье.
Кто ж он, счастливый царь твоей
любви?
Пускай придет дразнить мое
страданье,
При мне тебя и нежить и лас-
кать...
Я рад смотреть, клянусь... и рад
молчать!..»

XIV

И он склонил мятежную главу,
И он закрыл лицо свое руками,
И видно было ей, как на траву
Упали две слезы двумя звездами.
Без смысла и без звука, наяву,
Как бы во сне, он шевелил устами
И, наконец, припал к земле сырой,
Как та земля, и хладный и немой.

XV

Ей стало жаль; она сказала вдруг:
«Не плачь!.. ужасен вид твоей пе-

чали!

Отец мой был великий воин: юг,
И север, и восток об нем слышали.
Он был свирепый враг, но верный
друг,

И низкой лжи уста его не знали...
Я дочь его, и честь его храню:
Умру, погибну — но не изменю!..

XVI

Оставь меня! Я счастлива с дру-
гим!» —

«Неправда!» — «Я люблю его!» —
«Конечно!!!

Он мой злодей, мой враг!!» — «Се-
лим! Селим!

Кто ж виноват?» — «Он прав?» —
«Ужели вечно

Не примиритесь вы?» — «Мирить-
ся? с ним?

Да кто же я, чтоб злобой скоро-
течной

Дразнить людей и небо!» — «Ты
жесток!» —

«Как быть? такую душу дал мне
рок!

XVII

Прощай! уж поздно! Бог рассудит нас!

*Но если я с тобой увижусь снова,
То это будет — знай — в последний раз!..»*

*Он тихо встал, и более ни слова,
И тихо удалился. День угас;
Лишь бледный луч из-за Бешту
крутого*

*Едва светил прощальною струей
На бледный лик черкешенки мла-
дой!*

XVIII

*Селим не возвращался. Акбулат
Спокоен. Он не видит, что порою
Его жены доселе ясный взгляд
Туманится невольною слезою.
Вот раз с охоты ехал он назад:
Аул дремал в тени таясь от
зною;
С мечети божей лишь мулла се-
дой
Ему, смеясь, кивает головой.*

XIX

*И говорит: «Куда спешишь, мой
сын!*

*Не лучше ли гулять в широком
поле?*

*Черкес прямой — всегда, везде
один,*

И служит только родине да воле!

Черкес земле и небу господин,

*И чуждый враг ему не страшен
боле:*

*Но, если б он послушался меня,
Жену бы кинул — а купил коня!»*

XX

«Молись себе пророку, злой мулла,

И не мешайся так в дела чужие.

*Твой верен глаз — моя верней
стрела:*

*За весь табун твой не отдам же-
ны я!»*

И тот в ответ: «Я не желаю зла,

*Но вспомнишь ты слова мои про-
стые!»*

*Смутился Акбулат — потупил
взор*

И скачет он скорей к себе на двор.

XXI

*С дрожащим сердцем в саклю вхо-
дит он,*

Глядит: на ложе смятом и раз-
рытом
Кинжал знакомый блещет без но-
жон.
Любимый конь не ржет, не бьет
копытом,
Нейдет навстречу Зара: мертвый
сон
Повсюду. Лишь на очаге забытом
Сверкает пламень. Он невзвидел
дня:
Нет ни жены! ни лучшего коня!!!

XXII

Без сил, без дум, недвижим, как
мертвец,
Пронзенный сзади пулею несме-
лой,
С открытым взором встретив-
ший конец,
Присел он на порог — и что кипе-
ло
В его груди, то знает лишь тво-
рец!
Часы бежали. Небо потемнело;
С росой на землю пала тишина;
Из туч косматых прынула луна.

XXIII

Бледней луны сидел он недвижим.
Вдруг слышен топот: все ясней,
яснее,
Вот мчится в поле конь. Как лег-
кий дым
Волною грива хлещет вдоль по
шее;
И вьется что-то белое над ним
Как покрывало... Конь летит
быстрее...
Знакомый конь!.. вот близко, при-
скакал.
Но вдруг затрясся, захрипел — и
пал.

XXIV

Издохший конь недвижимо ле-
жит,
На нем колеблясь блещет покрывало:
Черкесской пулей тонкий холст
пробит:
Кровь запеклась на нем струею
алой!
К коню в смущенье Акбулат бе-
жит;
Лицо надеждой снова заблестало:
«Спасибо, друг, не позабыл меня!»

И гладит он издохшего коня.

XXV

*И покрывала белого коня
Нетерпеливой поднял он рукою;
Склонился — месяц светит: о
творец,
Чей бледный труп он видит пред
собою?
Глубоко в грудь, как скорпион, сви-
нец
Впился, насытясь кровью моло-
дою;
Ремень, обвивший нежный стан
кругом,
К седлу надежным прикреплен уз-
лом.*

XXVI

*Как ранний снег бела и холодна,
Бесчувственно рука ее лежала,
Обрызганная кровью... и луна
По гладкому челу, скользя, игра-
ла.
С бесцветных уст, как слабый
призрак сна,
Последняя улыбка исчезала;
И, опустясь, ресницы бахромой*

Бездушный взор таили под собой.

XXVII

*Узнал ли ты, несчастный Акбулат,
Свою жену, подругу жизни ста-
рой?*

*Чей сладкий голос, чей веселый
взгляд*

*Был одарен неведомою чарой,
Пленял тебя лишь день тому на-
зад?*

*Все понял он — стоит над мерт-
вой Зарой;*

*Терзает грудь и рвет одежды он,
Зовет ее — но крепок мертвых
сон!*

XXVIII

*Да упадет проклятие людей
На жизнь Селима. Пусть в степи
палящей*

От глаз его сокроется ручей.

*Пускай булат руке его дрожащей
Изменит в битве; и в кругу друзей*

*Тоска туманит взор его блестя-
щий;*

Пускай один, бродя во тьме ноч-

ной,
Он чей-то шаг все слышит за со-
бой.

XXIX

Да упадет проклятие аллы
На голову убийцы молодого;
Пускай умрет не в битве — от
стрелы
Неведомой разбойника ночного,
И полумертвый на хребте скалы
Три ночи и три дня лежит без
крова;
Пусть зной палит и бьет его гро-
за
И хищный коршун выклюет глаза!

XXX

Когда придет, покинув выси гор,
Его душа к обещанному раю,
Пускай пророк свой отворотит
взор
И грозно молвит: «Я тебя <не>
знаю!»
Тогда, поняв язвительный укор,
Воскликнет он: «Прости мне,
умоляю!..»
И снова скажет грешнику пророк:

«Ты был жесток — и я с тобой жесток!»

XXXI

*И в ту же ночь за час перед зарей
С мечети грянул вещей звук наба-
та.*

*Народ сбежался: как маяк ноч-
ной,*

Пылала ярко сакля Акбулата.

*Вокруг нее огонь вился змеей,
Кидая к небу с треском искры зла-
та;*

*И чей-то смех мучительный и
злой*

*Сквозь дым и пламя вылетал по-
рой.*

XXXII

И ниц упал испуганный народ.

*«Молитесь, дети! это смех шай-
тана!» —*

*Сказал мулла таинственно — и
вот*

*Какой-то темный стих из алко-
рана*

*Запел он громко. Но огонь ревет
И мечется сильнее урагана*

*И, не внимая жалобным моль-
бам,
Расходится по крышам и стенам.*

XXXIII

*И зарево на дальних высотах
Трепещущим румянцем отрази-
лось;
И серна гор, лежавшая в кустах,
Послышав крик, вздрогнула, про-
будилась,
Ее невольно обнял тайный страх:
Стряхнув с себя росу, она пусти-
лась,
И спавшие под сению скалы
Взвилися с криком дикие орлы.*

XXXIV

*Сгорел аул — и слух об нем исчез;
Его сыны рассыпаны в чужбине.
Лишь иногда в туманный день
черкес
Об нем, вздохнув, рассказывает
ныне
При малых детях. И чужих небес
Питомец, проезжая по пустыне,
Напрасно молвит казаку:
«Скажи, Не знаешь ли аула Бае-*

тунджи?..»

Хаджи Абрек

Велик, богат аул Джемат,
Он ни кому не платит дани;
Его стена — ручной булат;
Его мечеть — на поле брани.
Его свободные сыны
В огнях войны закалены;
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их.

По небу знойный день катится,
От скал горячих пар струится;
Орел, недвижим на крылах,
Едва чернеет в облаках;
Ущелья в сон погружены:
В ауле нет лишь тишины.
Аул встревоженный пустеет,
И под горой, где ветер веет,
Где из утеса бьет поток,
Стоит внимательный кружок.
Об чем ведет переговоры

Совет джематских удальцов?
Хотят ли вновь пуститься в горы
На ловлю чуждых табунов?
Не ждут ли русского отряда,
До крови лакомых гостей?
Нет, — только жалость и досада
Видна во взорах узденей.
Покрыт одеждами чужими,
Сидит на камне между ними
Лезгинец дряхлый и седой;
И льется речь его потоком,
И вокруг себя блестящим оком
Печально водит он порой.
Рассказу старого лезгина
Внимали все. Он говорил:
«Три нежных дочери, три сына
Мне бог на старость подарил;
Но бури злые разразились,
И ветви древа обвалились,
И я стою теперь один,
Как голый пенъ среди долин.
Увы, я стар! Мои седины
Белее снега той вершины.
Но и под снегом иногда
Бежит кипучая вода!..
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удаль мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?»

Кто возвратит мне дочь мою?
В плену сестры ее увяли,
В бою неровном братья пали;
В чужбине двое, а меньшей
Пронзен штыком передо мной.
Он улыбался, умирая!
Он, верно, зрел, как дева рая
К нему слетела пред концом,
Махая радужным венцом!..
И вот пошел я жить в пустыню
С последней дочерью своей.
Ее хранил я, как святыню;
Все, что имел я, было в ней:
Я взял с собою лишь ее
Да неизменное ружье.
В пещере с ней я поселился,
Родимой хижины лишен:
К беде я скоро приучился,
Давно был к воле приучен.
Но час ударил неизбежный,
И улетел птенец мой нежный!..
Однажды ночь была глухая,
Я спал... Безмолвно надо мной
Зеленой веткою махая,
Сидел мой ангел молодой.
Вдруг просыпаюсь: слышу, шепот, —
И слабый крик, — и конский то-

пот...

Бегу и вижу — под горой
Несется всадник с быстротой,
Схватив ее в свои объятия.
Я с ним послал свои проклятья.
О, для чего, второй гонец,
Настичь не мог их мой свинец!
С кровавым мщеньем, вот здесь
скрытым,
Без сил отметить за свой позор,
Влачусь я по горам с тех пор,
Как змей, раздавленный копы-
том.

И нет покоя для меня
С того мучительного дня...
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удаль мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто привезет мне дочь мою?»

«Я!» — молвил витязь черноокий,
Схватившись за кинжал широкий,
И в изумлении немом
Толпа раздвинулась кругом.
«Я знаю князя! Я решился!..
Две ночи здесь ты жди меня:
Хаджи бесстрашный не садился

Ни разу даром на коня.
Но если я не буду к сроку,
Тогда обет мой позабудь,
И об душе моей пророку
Ты помолись, пускаясь в путь».

Взошла заря. Из-за туманов
На небосклоне голубом
Главы гранитных великанов
Встают увенчанные льдом.
В ущелье облако проснулось,
Как парус розовый, надулось
И понеслось по вышине.
Все дышит утром. За оврагом,
По косогору едет шагом
Черкес на борзом скакуне.
Еще ленивое светило
Росы холмов не осушило.
Со скал высоких, над путем,
Склонился дикий виноградник;
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник:
Небрежно бросив поводя,
Красивой плеткой он махает
И песню дедов иногда,
Склонись на гриву, запекает.
И дальний отзыв за горой

Уныло вторит песни той.

Есть поворот — и путь, проры-
тый
Арбы скрипучим колесом,
Там, где красивые граниты
Рубчатым сходятся венцом.
Оттуда он, как под ногами,
Смиранный различит аул,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гул,
И на краю крутого ската
Отметит саклю Бей-Булата
И, как орел, с вершины гор
Вперит на крышу светлый взор.
В тени прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидит.
Пред нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядит.
Кого ты ждешь, звезда востока,
С заботой нежною такой?
Не друг ли будет издалека?
Не брат ли с битвы роковой?
От зноя утомясь дневного,
Твоя головка уж готова
На грудь высокую упасть;
Рука скользнула вдоль колета,

И неги сладостная власть
Плечо исторгнула из плена;
Отяготел твой ясный взор,
Покрывшись влагою жемчужной;
В твоих щеках как метеор
Играет пламя крови южной;
Уста волшебные твои
Зовут лобзание любви.
Немым встревожена желаньем
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабым трепетаньем
Хотят покровы оттолкнуть..
О, где ты, сердца друг бесценный!..
Но вот — и топот отдаленный,
И пыль знакомая взвилась,
И дева шепчет: «Это князь!»

Легко надежда утешает,
Легко обманывает глаз:
Уж близко путник подъезжает...
Увы, она его не знает
И видит только в первый раз!
То странник, в поле запоздалый,
Гостеприимный ищет кров;
Дымится конь его усталый,
И он спрыгнуть уже готов...
Спрыгни же, всадник!.. Что же он

Как будто крова испугался?
Он смотрит! Краткий, грустный
стон
От губ сомкнутых оторвался,
Как лист от ветви молодой,
Измятый летнею грозой!

«Что медлишь, путник, у порога?
Слезай с походного коня.
Случайный гость — подарок бога.
Кумыс и мед есть у меня.
Ты, вижу, беден; я богата.
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять поедешь в путь,
В молитве нас не забудь!»

Хаджи Абрек

Аллах спаси тебя, Лейла!
Ты гостя лаской подарила;
И от отца тебе поклон
За то привез с собою он.

Лейла

Как! Мой отец? Меня поныне
В разлуке долгой не забыл?
Где он живет?

Хаджи Абрек

*Где прежде жил:
То в чуждой сакле, то в пустыне.*

Лейла

*Скажи: он весел, он счастлив?
Скорей ответствуй мне...*

Хаджи Абрек

*Он жив.
Хотя порой дождям и стуже
Открыта голова его...
Но ты?*

Лейла

Я счастлива.

Хаджи Абрек

(Т^{ихо})

Тем хуже!

Лейла

А? что ты молвил?..

Хаджи Абрек

Ничего!

Сидит пришелец за столом.
Чихирь с серебряным пшеном
Пред ним не тронуты доселе
Стоят! Он странен, в самом деле!

Как на челе его крутом
Блуждают, движутся морщины!
Рукою лет или кручины
Проведены они по нем?

Развеселить его желая,
Лейла бубен свой берет;
В него перстами ударяя,
Лезгинку пляшет и поет.
Ее глаза как звезды блещут,
И груди полные трепещут;
Восторгом детским, но живым
Душа невинная объята:
Она кружится перед ним,
Как мотылек в лучах заката.
И вдруг звенящий бубен свой
Подъемлет белыми руками;
Вертит его над головой
И тихо черными очами
Поводит, — и, без слов, уста
Хотят сказать улыбкой милой:

*«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе — все мечта!»*

Хаджи Абрек

*Довольно! Перестань, Лейла;
На миг веселость позабудь:
Скажи, ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? отвечай.*

Лейла

*Нет! Что мне хладная могила?
Я на земле нашла свой рай.*

Хаджи Абрек

*Еще вопрос: ты не грустила
О дальней родине своей,
О светлом небе Дагестана?*

Лейла

*К чему? Мне лучше, веселей
Среди нагорного тумана.
Везде прекрасен божий свет.
Отечества для сердца нет!
Оно насилья не боится,
Как птичка вырвется, умчится.
Поверь мне — счастье только*

*там,
Где любят нас, где верят нам!*

Хаджи Абрек

*Любовь!.. Но знаешь ли, какое
Блаженство на земле второе
Тому, кто все похоронил,
Чему он верил, что любил!
Блаженство то верней любви
И только хочет слез да крови.
В нем утешенье для людей,
Когда умрет другое счастье;
В нем преступлений сладостра-
сть,
В нем ад и рай души моей.
Оно при нас всегда, бессменно;
То мучит, то ласкает нас...
Нет, за единый мигенья час,
Клянусь, я не взял бы вселенной!*

Лейла

Ты бледен?

Хаджи Абрек

*Выслушай. Давно
Тому назад имел я брата;
И он, — так было суждено, —
Погиб от пули Бей-Булата.*

Погиб без славы, не в бою,
Как зверь лесной, — врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Он завещал мне, умирая.
И я убийцу отыскал:
И занесен был мой кинжал,
Но я подумал: «Это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгнове-
нье
Заплатит мне за столько лет
Печали, грусти, мук?.. О нет!
Он что-нибудь да в мире любит:
Найду любви его предмет,
И мой удар его погубит!»
Свершилось наконец. Пора!
Твой час пробил еще вчера.
Смотри, уж блещет луч заката!..
Пора! я слышу голос брата.
Когда сегодня а первый раз
Я увидел твой образ нежный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа, как адом, вся зажглась.
Но это чувство улетело...
Валлах! Исполню клятву смело!

Как зимний снег в горах, бледна,
Пред ним повергнулась она

На ослабевшие колени;
Мольбы, рыдания, слезы, пени
Перед жестоким излились.
«Ох, ты ужасен с этим взглядом!
Нет, не смотри так! Отвернись!
По мне текут холодным ядом
Слова твои... О, боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Ответствуй! ничего не значат
Невинных слезы пред тобой?
О, сжался!.. Говори — как плачут
В твоей родимой стороне?
Погибнуть рано, рано мне!..
Оставь мне жизнь! оставь мне
младость!
Ты знал ли, что такое радость?
Бывал ли ты во цвете лет
Любим, как я?.. О, верно нет!»

Хаджи в молчанье роковом
Стоял с нахмуренным челом.

«В твоих глазах ни сожаленья,
Ни слез, жестокий, не видать!..
Ах!.. Боже!.. Ай!.. дай подождать!..
Хоть час один... одно мгновенье!!»

Блеснула шашка. Раз — и два!
И покати́лась голова...
И окровавленной рукою
С земли он приподнял ее.
И острой шашки лезвее
Обтер волнистою косою.
Потом, бездушное чело
Одевши буркою косматой,
Он вышел и прыгнул в седло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхом неземным,
Храпит и пенится под ним:
Щетиной грива, — ржет и пышет,
Грызет стальные удила,
Ни слов, ни повода не слышит
И мчится в горы как стрела.

Заря бледнеет; поздно, поздно,
Сырая ночь недалеко!
С вершин Кавказа тихо, грозно
Ползут, как змеи, облака:
Игру бессвязную заводят,
В провалы душные заходят,
Задев колючие кусты,
Бросают жемчуг на листья.

Ручей катится — мутный, серый;
В нем пена бьет из-под травы;
И блещет сквозь туман пещеры,
Как очи мертвой головы.
Скорее, путник одинокой!
Закройся буркою широкой,
Ремянный повод натяни,
Ремянной плеткою махни.
Тебе вослед еще не мчится
Ни горный дух, ни дикий зверь,
Но если можешь ты молиться,
То не мешало бы — теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливым оком
Зачем глядишь перед собой?
То камень, сглаженный пото-
ком!..
То змей блистает чешуей!..
Твоею гривой в поле брани
Стирал я кровь с могучей длани;
В степи глухой, в недобрый час,
Уже не раз меня ты спас.
Мы отдохнем в краю родном;
Твою уздечку еще боле
Обвешу русским серебром;
И будешь ты в зеленом поле.
Давно ль, давно ль ты изменился,

Скажи, товарищ дорогой?
Что рано пеною покрылся?
Что тяжело дышишь подо мной?
Вот месяц, выйдет из тумана,
Верхи дерев осеребрит,
И нам откроется поляна,
Где наш аул во мраке спит;
Заблещут, издали мелькая,
Огни джематских пастухов,
И различим мы, подъезжая,
Глухое ржанье табунов;
И кони вокруг тебя столбятся...
Но стоит мне лишь приподняться;
Они в испуге захрапят,
И все шарахнутся назад:
Они почуют издалека,
Что мы с тобою дети рока!..»

Долины ночь еще объемлет,
Аул Джемат спокойно дремлет;
Один старик лишь в нем не спит.
Один, как памятник могильный,
Недвижим, близ дороги пыльной,
На сером камне он сидит.
Его глаза на путь далекой
Устремлены с тоской глубокой.

«Кто этот всадник? Бережливо
Съезжает он с горы крутой;
Его товарищ долгогривый
Поник усталой головой.
В руке, под буркою дорожной,
Он что-то держит осторожно
И бережет как свет очей».
И думает старик согбенный:
«Подарок, верно, драгоценный
От милой дочери моей!»

Уж всадник близок: под горою
Коня он вдруг остановил;
Потом дрожащею рукою
Он бурку темную открыл;
Открыл, — и дар его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видит, — боже прав-
вый!
Своей Лейлы голову!..
И он, в безумном восхищенье,
К своим устам ее прижал!
Как будто ей передавал
Свое последнее мученье.
Всю жизнь свою в единый стон,
В одно лобзанье вылил он.

Довольно люди <и> печали
В нем сердце бедное терзали!
Как нить, истлевшая давно,
Разорвалося вдруг оно,
И неподвижные морщины
Покрылись бледностью кончины.
Душа так быстро отлетела,
Что мысль, которой до конца
Он жил, черты его лица
Совсем оставить не успела.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился:
Взглянул на шашку, на коня —
И быстро в горы удалился.

Промчался год. В глухой теснине
Два трупа смрадные, в пыли,
Блуждая, путники нашли
И схоронили на вершине.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятие на их челе.
Обнявшись крепко, на земле
Они лежали, костеняя,
Два друга с виду — два злодея!

Быть может, то одна мечта,
Но бедным странникам казалось,
Что их лицо порой менялось,
Что все грозили их уста.
Одежда их была богата,
Башлык их шапки покрывал:
В одном узнали Бей-Булата,
Никто другого не узнал.

Сашка

Нравственная поэма

1

Наш век смешон и жалок, — все
пиши
Ему про казни, цепи да изгнанья,
Про темные волнения души,
И только слышишь муки да стра-
данья.
Такие вещи очень хороши
Тому, кто мало спит, кто ду-
мать любит,
Кто дни свои в воспоминаньях гу-
бит.
Впадал я прежде в эту слабость
сам

*И видел от нее лишь вред глазам;
Но нынче я не тот уж, как быва-
ло, —
Пою, смеюсь. Герой мой добрый
малый.*

2

*Он был мой друг. С ним я не знал
хлопот,
С ним чувствами и деньгами де-
лился;
Он брал на месяц, отдавал чрез
год,
Но я за то нимало не сердился
И поступал не лучше в свой черед;
Печален ли, бывало, тотчас ска-
жет,
Когда же весел, счастлив — глаз
не кажет
Не раз от скуки он свои мечты
Мне поверял и говорил мне «ты»;
Хвалил во мне, что прочие хвали-
ли,
И был мой вечный визави в кадри-
ли.*

3

Он был мой друг. Уж нет таких

друзей.
Мир сердцу твоему, мой милый
Саша!
Пусть спит оно в земле чужих по-
лей,
Не тронута никем, как дружба
наша
В немом кладбище памяти моей.
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная
дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза сомкнулись вечным
сном;
И то, что ты сказал перед кончи-
ной,
Из слушавших не понял ни еди-
ный.

4

И было ль то привет стране род-
ной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга —
Как разгадать? Что может в час
такой

Наполнить сердце, жившее так
много
И так недолго с смутною трево-
гой?
Один лишь друг умел тебя по-
нять
И ныне может, должен расска-
зать
Твои мечты, дела и приключения
—
Глупцам в забаву, мудрым в по-
ученье.

5

Будь терпелив, читатель милый
мой!
Кто б ни был ты: внук Евы иль
Адама,
Разумник ли, шалун ли моло-
дой, —
Картина будет; это — только ра-
ма!
От правил, утвержденных стари-
ной,
Не отступлю, — я уважаю строго
Всех стариков, а их теперь так
много...
Не правда ль, кто не стар в осьм-

надцать лет,
Тот, верно, не видал людей и свет,
О наслажденьях знает лишь по
слухам
И предан был учителям да му-
кам.

6

Герой наш был москвич, и потому
Я враг Неве и невскому туману.
Там (я весь мир в свидетели возь-
му)
Веселье вредно русскому карману,
Заняття вредны русскому уму.
Там жизнь грязна, пуста и молча-
лива,
Как плоский берег финского зали-
ва.
Москва — не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить
Москву.
Там я впервые в дни надежд и сча-
стья
Был болен от любви и любостра-
стья.

7

Москва, Москва!.. люблю тебя,

как сын,
Как русский, — сильно, пламенно
и нежно!
Люблю священный блеск твоих се-
дин
И этот Кремль зубчатый, безмя-
тежный.
Напрасно думал чуждый власте-
лин
С тобой, столетним русским ве-
ликаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно пора-
жал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он
упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей
славы.

8

Ты жив!.. Ты жив, и каждый ка-
мень твой —
Заветное преданье поколений.
Бывало, я у башни угловой
Сижусь в тени, и солнца луч осен-
ний
Играет с мохом в трещине сырой,

И из гнезда, прикрытого карни-
зом,
Касатки вылетают, верхом, ни-
зом
Кружатся, вьются, чуждые лю-
дей.
И я, так полный волею страстей,
Завидовал их жизни безызвест-
ной,
Как упованье вольной поднебес-
ной.

9

Я не философ — боже сохрани! —
И не мечтатель. За полетом
пташки
Я не гонюсь, хотя в былые дни
Не вовсе чужд был глупой сей за-
машки.
Ну, муза, — ну, скорее, — разверни
Запачканный листок свой подо-
рожный!..
Не завирайся, — тут зоил безбож-
ный...
Куда теперь нам ехать из Крем-
ля?
Ворот ведь много, велика земля!
Куда?

«На Пресню погоняй, извозчик!»
«Старуха, прочь!.. Сворачивай,
разносчик!»

10

Луна катится в зимних облаках,
Как щит варяжский или сыр гол-
ландской.
Сравненье дерзко, но люблю я
страх
Все дерзости, по вольности дво-
рянской.
Спокойствия рачитель на часах
У будки пробудился, восклицая:
«Кто едет?» — «Муза!» — «Что за
черт!
Какая?» Ответа нет. Но вот уже
пруды...
Белеет мост, по сторонам сады
Под инеем пушистым спят уны-
лы;
Луна сребрит железные перилы.

11

Гуляка праздный, пьяный моло-
дец,
С осанкой важной, в фризовой ши-
нели,

Держась за них, бредет — и вот
конец
Перилам. «Все направо!» Заскрипе-
ли
Полозья по сугробам, как резец
По мрамору... Лачуги, цепью длин-
ной
Мелькая мимо, кланяются чин-
но...
Вдали мелькнул знакомый ого-
нек...
«Держи к воротам... Стой, — су-
гроб глубокий..
Пойдем по снегу, муза, только
тише
И платье подними как можно вы-
ше».

12

Калитка — скрип... Двор темен.
По доскам
Идти неловко... Вот насилу сени
И лестница; но снегом по местам
Занесена. Дрожащие ступени
Грозят мгновенно изменить но-
гам.
Взошли. Толкнули дверь — и свет
огарка

Ударил в очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждает путь го-
стям
И вопрошает: «Что угодно вам?»

—
И, услышав ответ красноречивый,
Захлопнув дверь, бранится
неучтиво...

13

Но, несмотря на это, мы взой-
дем:

Вы знаете, для музы и поэта,
Как для хромого беса, каждый
дом

Имеет вход особый; ни секрета,
Ни запрещенья нет для нас ни в
чем...

У столика, в одном углу светли-
цы,

Сидели две... девицы — не девицы...
Красавицы... названье тут как
раз!..

Чем выгодней, узнать прошу я вас
От наших дам, в деревне и столи-
це

Красавицею быть или девицей?

14

Красавицы сидели за столом,
Раскладывая карты, и гадали —
О будущем. И ум их видел в нем
Надежды (то, что мы и все вида-
ли).

Свеча горела трепетным огнем,
И часто, вспыхнув, луч ее мгно-
венный
Вдруг обливал и потолок и стены.
В углу переднем фольга образов
Тогда меняла тысячу цветов,
И верба, наклоненная над ними,
Блистая вдруг листьями золоты-
ми.

15

Одна из них (красавица) не вполне
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы таких видали лишь во сне,
И то заснув — о небесах мечтая!
Слегка головку приклонив к стене
И устремив на столик взор при-
лежный,
Она сидела несколько небрежно.
В ответ на речь подруги иногда
Из уст ее пустое «нет» иль «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили внима-

16

Она была затейливо мила,
Как польская затейливая панна;
Но вместе с этим гордый вид че-
ла
Казался ей приличен. Как Сусанна,
Она б на суд неправедный пошла
С лицом холодным и спокойным
взором;
Такая смесь не может быть укро-
ром.
В том вы должны поверить мне в
кредит,
Тем боле что отец ее был жид,
А мать (как помню) полька из-
под Праги...
И лжи тут нет, как в том, что
мы — варяги

17

Когда Суворов Прагу осаждал,
Ее отец служил у нас шпионом,
И раз, как он украдкою гулял
В мундире польском вдоль по ба-
стионам,
Неловкий выстрел в лоб ему по-

пал.
И многие, вздохнув, сказали:
«Жалкой,
Несчастный жид, — он умер не
под палкой!
Его жена пять месяцев спустя
Произвела на божий свет дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по воле одного корнета.

18

Под рубищем простым она росла
В невежестве, как травка полевая
Проходим не замечена, — ни зла,
Ни гордой добродетели не зная.
Но час настал — пора любви при-
шла.
Какой-то смертный ей сказал два
слова:
Она в объятья божества земного
Упала; но увы, прошло дней
шесть,
Уж полубог успел ей надоесть;
И с этих пор, чтоб избежать
ошибки,
Она дарила всем свои улыбки...

19

Мечты любви умчались, как туман.

Свобода стала ей всего дороже.
Обманом сердце платит за обман

(Я так слышал, и вы слышали тоже).

В ее лице характер южных стран
Изображался резко. Не наемный
Огонь горел в очах; без цели, томно,

Покрыты светлой влагой, иногда
Они блуждали, как порой звезда
По небесам блуждает, — и, конечно,

Был это знак тоски немой, сердечной.

20

Безвестная печаль сменялась
вдруг

Какою-то веселостью недужной...
(Дай бог, чтоб всех томил такой
недуг!)

Волной вставала грудь, и пламень
южный

В ланитах рделся, белый полукруг
Зубов жемчужных быстро от-

крывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локон, и на лик мла-
дой
Катился, лоснясь, черною струей;
И ножка, разрезвись, не зная пле-
на,
Бесстыдно обнажалась до колена.

21

Когда шалунья навзничь на кро-
вать,
Шутя, смеясь, роскошно упадала,
Не спорю, мудрено ее понять, —
Она сама себя не понимала, —
Ей было трудно сердцу прика-
зать,
Как баловню-ребенку. Надо было
Кому-нибудь с неведомою силой
Явиться и приветливой душой
Его согреть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаем,
Все это мы со временем узнаем.

22

Теперь к ее подруге перейдем,
Чтоб выполнить начатую кар-
тину.

Они недавно жили тут вдвоем,
Но души их сливались во едину
И мысли их встречались во всем.
О, если б знали, сколько в этом
званье
Сердец отличных, добрых! Но вни-
манье
Увлечено блистаньем модных
дам.
Вздыхая, мы бежим по их сле-
дам...
Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть их... в кредит из
модной лавки!

23

Она была свежа, бела, кругла,
Как снежный шарик; щеки, грудь и
шея,
Когда она смеялась или шла,
Дрожали сладострастно; не крас-
нея,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидела юбка; но плутовка
Поднять умела грудь, открыть
плечо,
Ласкать умела буйно, горячо

*И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...*

24

*Она звалась Варюшею. Но я
Желал бы ей другое дать назва-
нье:
Скажу ль, при этом имени, дру-
зья,
В груди моей шипит воспомина-
нье,
Как под ногой прижатая змея;
И ползает, как та среди развалин,
По жилам сердца. Я тогда печален,
Сердит, — молчу или браню весь
дом,
И рад прибить за слово чубуком.
Итак, для избежанья зла, мы на-
шу
Варюшу здесь перекрестим в Па-
рашу.*

25

*Увы, минувших лет безумный сон
Со смехом повторить не смеет
лира!
Живой водой печали окроплен,*

Как труп давно застывшего вам-
пира,
Грозя перстом, поднялся молча
он,
И мысль к нему прикована... Уже-
ли
В моей груди изгладить не успели
Столь много лет и столько мук
иных —
Волшебный стан и пару глаз боль-
ших?
(Хоть, признаюсь вам, разбирая
строго,
Получше их видал я после много.)

26

Да, много лет и много горьких
мук
С тех пор отяготело надо мною;
Но первого восторга чудный звук
В груди не умирает, — и порою,
Сквозь облако забот, когда недуг
Мой слабый ум томит неугомно-
но,
Ее глаза мне светят благосклон-
но.
Так в час ночной, когда гроза, шу-
мит

И бродят облака, — звезда горит
В дали эфирной, не боясь их зло-
сти,
И шлет свои лучи на землю в го-
сти.

27

Пред нагоревшей сальной свечой
Красавицы, раздумавшись, сидели,
И заставлял их вздрагивать по-
рой
Унылый свист играющей метели.
И как и вам, читатель милый
мои,
Им стало скучно... Вот, наместо
знака
Условного, залаяла собака,
И у калитки, брякнуло кольцо.
Вот чей-то голое... Идут на
крыльцо...
Параша потянулась и зевнула
Так, что едва не бухнулась, со сту-
ла,

28

А Тирза быстро выбежала вон,
Открылась дверь. В плаще, заки-
дан снегом,

Явился гость... Насмешливый, по-
клон
Отвесил и, как будто долгим бе-
гом
Или волнением был он утомлен,
Упал на стул... Заботливой рукою
Сняла Параша, плащ, потом дру-
гою
Стряхнула иней, с шелковых куд-
рей
Пришельца. Видно, нравился он
ей...
Все нравится, что молодо, краси-
во
И в чем мы видим прибыль особ-
ливо.

29

Он ловок был, со вкусом был одет,
Изящно был причесан и так дале.
На пальцах перстни изливали
свет,
И галстук надушен был, как на
бале.
Ему едва ли было двадцать лет,
Но бледностью казались покры-
ты
Его чело и нежные ланиты, —

Не знаю, мук ли то последних
след,
Но мне давно знаком был этот
цвет,
И на устах его, опасней жала
Змеи, насмешка вечная блужда-
ла.

30

Заметно было в нем, что с ран-
них дней
В кругу хорошем, то есть в мод-
ном свете,
Он обжился, что часть своих но-
чей
Он убивал бесплодно на паркете
И что другую тратил не умней...
В глазах его открытых, но пе-
чальных,
Нашли бы вы без наблюдений
дальних
Презренье, гордость; хоть он не
был горд,
Как глупый турок иль богатый
лорд,
Но все-таки себя в числе двуногих
Он почитал умнее очень многих.

31

Борьба рождает гордость. Вое-
вать
С людскими предрассудками
труднее,
Чем тигров и медведей поражать
Иль со штыком на вражьей бата-
рее
За белый крестик жизнью риско-
вать...
Клянусь, иметь великий надо ге-
ний,
Чтоб разом сбросить цепь
предубеждений
Как сбросил бы я платье, если б
вдруг
Из севера всевышний сделал юг.
Но ныне нас противное пугает:
Неаполь мерзнет, а Нева не тает.

32

Да кто же этот гость?.. Pardon,
сейчас!..
Рассеянность... Monsieur, реко-
мендую:
Герой мой, друг мой — Сашка!..
Жаль для вас,
Что случай свел в минуту вас та-
кую

*И в этом месте... Верьте, я не раз
Ему твердил, что эти посещения
О нем дадут весьма дурное мне-
нье.*

*Я говорил, — он слушал, он был
весь*

*Вниманье... Глядь, а вечером уж
здесь!..*

*И я нашел, что мне его исправить
Труднее в прозе, чем в стихах про-
славить.*

33

*Герой мой Сашка тихо развязал
Свой галстук... «Сашка» — старое
названье!*

*Но «Сашка» тот печати не видал,
И, недозревший, он угас в изгнанье.*

*Мой Сашка меж друзей своих не
знал*

*Другого имя, — дурно ль, хорошо
ли,*

*Разуверять друзей не в нашей во-
ле.*

*Он галстук снял, рассеянно пер-
стом*

*Провел по лбу, поморщился, по-
том*

Спросил: «Где Тирза?» — «До-
ма». — «Что ж не видно
Ее?» — «Уснула». — «Как ей спать
не стыдно!»

34

И он поспешно входит в тот по-
кой,
Где часто с Тирзой пламенные но-
чи
Он проводил... Все полно тишиной
И сумраком волшебным; прямо в
очи
Недвижно смотрит месяц золо-
той
И на стекле в узоры ледяные
Кидает искры, блески огневые,
И голубым сиянием стена
Игриво и светло озарена.
И он (не месяц, но мой Сашка)
слышит,
В углу на ложе кто-то слабо ды-
шит.

35

Он руку протянул, — его рука
Попала в стену; протянул другую
—

Ощупал тихо кончик башмачка.
Схватил потом и ножку, но ка-
кую?!

Так миньютюрна, так нежна,
мягка

Казалась эта ножка, что неволь-
но

Подумал он, не сделал ли ей боль-
но.

Меж тем рука все далее ползет,
Вот круглая коленочка... и вот,
Вот — для чего смеетесь вы зара-
не? —

Вот очутилась на двойном курга-
не...

36

Блаженная минута!.. Закипел
Мой Александр, склонившись к де-
ве спящей.

Он поцелуй на грудь напечатлел
И стан ее обвил рукой дрожащей.
В самозабвенье пылком он не
смел

Дохнуть... Он думал: «Тирза доро-
гая!

И жизнью и чувствами играя,
Как ты, я чужд общественных

связей, —

Как ты, один с свободою моею,
Не знаю в людях ни врага, ни дру-
га, —

Живу, чтоб жить как ты, моя по-
друга!

37

Судьба вчера свела случайно нас,
Случайно завтра разведет навеч-
но, —

Не все ль равно, что год, что день,
что час

Лишь только б я провел его бес-
печно?..»

И не сводил он ярких черных глаз
С своей жидовки и не знал, каза-
лось,

Что резвое созданье притворя-
лось.

Меж тем почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,

Как надлежало... (Страх и удивле-
нье

Для женщин в важных случаях
спасенье.)

38

И, прежде потерев глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?» — «Я,
твой Саша!»
«Неужто?.. Видишь, баловник ка-
кой!
Ступай, давно там ждет тебя
Параша!..
Нет, надо разбудить меня... По-
стой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это был скорее поцелуй.
Да, мерзкий критик, что ты ни
толкуй,
А есть уста, которые украдкой
Кусать умеют сладко, очень
сладко!..

39

Когда бы Тирзу видел Соломон,
То, верно б, свой престол украсил
ею,
У ног ее и царство, и закон,
И славу позабыл бы... Но не смею
Вас уверять, затем, что не рож-
ден
Владыкой, и не знаю, в низкой до-
ле,

Как люди ценят вещи на престо-
ле;
Но знаю только то, что Сашка
мой
За целый мир не отдал бы порой
Ее улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной
сказки.

40

«Откуда ты?» — «Не спрашивай,
мой друг!
Я был на бале!» — «Бал! а что та-
кое?»
«Невежда! это — говор, шум и
стук,
Толпа глупцов, веселье город-
ское, —
Наружный блеск, обманчивый
недуг;
Кружатся девы, чванятся наря-
дом,
Притворствуют и голосом и
взглядом.
Кто ловит душу, кто пять тысяч
душ...
Все так невинны, но я им не муж.
И как ни уважаю добродетель,

А здесь мне лучше, в том луна свидетель».

41

*Каким-то новым чувством смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смешна
Жизнь городских красавиц, но...
сначала.
Потом пришло ей в мысль, что и она
Могла б кружиться ловко пред
толпою,
Терзать мужчин надменной красотой,
В высокие смотреться зеркала
И уязвлять, но не желая зла,
Соперниц гордой жалостью, и в свете
Блестать, и ездить четверней в карете.*

42

*Она прижалась к юноше. Листок
Так жметя к ветке, бурю ожидая.
Стучало сердце в ней, как моло-*

ток,
Уста полураскрытые, пылая,
Шептали что-то. С головы до ног
Она горела. Груды молодые
Как персики являлись наливные
Из-под сорочки... Сашкина рука
По ним бродила медленно, слег-
ка...
Но... есть во мне к стыдливости
вниманье
И целый час я пропущу в молча-
нье.

43

Все было тихо в доме. Облака
Нескромный месяц, дымкою оде-
ли,
И только раздавались изредка
Сверчка ночного жалобные тре-
ли;
И мышшь в тени родного уголка
Скреблась в обои старые прилеж-
но.
Моя чета, раскинувшись небреж-
но,
Покоилась, не думая о том,
Что небеса грозили близким
днем,

Что ночь... Вы на веку своем едва
ли
Таких ночей десяток насчитали...

44

Но Тирза вдруг молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь все
шутки
Какая мысль мне странная при-
шла:
Что если б ты, откинув предрас-
судки
(Она его тут крепко обняла),
Что если б ты, мой милый, мой
бесценны
Хотел меня утешить совершен-
но,
То завтра или даже в день иной
Меня в театр повез бы ты с со-
бой.
Известно мне, все для тебя воз-
можно,
А отказать в безделице безбож-
но».

45

«Пожалуй!» — отвечал ей Саша.
Он

Из слов ее расслушал половину, —
Его клонил к подушке сладкий
сон,
Как птица клонит слабую тростину.
Блажен, кто может спать! Я был
рожден
С бессонницей. В течение долгой
ночи,
Бывало, беспокойно бродят очи
И жжет подушка влажное чело.
Душа грустит о том, что уж
прошло,
Блуждая в мире вымысла без пи-
щи,
Как лазарони или русский нищий...

46

И жадный червь ее грызет, грызет,
Я думаю, тот самый, что когда-то
Терзал Саула; но порой и гот
Имел отраду: арфы звук крылатый,
Как ангела таинственный полет,
В нем воскрешал и слезы и надежды;

*И опускались пламенные вежды,
С гармонией сливалась мечта,
И злобный дух бежал, как от креста.*

*Но этих звуков нет уж в поднебесной, —
Они исчезли с арфою чудесной...*

47

*И все исчезнет. Верить я готов,
Что наш безлучный мир — лишь
прах могильный
Другого, — горсть земли, в борьбе
веков
Случайно уцелевшая, рукою сильной
Заброшенная в вечный круг миров.
Светилы ей двоюродные братья,
Хоть носят шлейфы огненного
платья,
И по сродству имеют в добрый
час
Влиянье благотворное на нас...
А дай сойтись, так заварится каша, —
В кулачки, и... прощай планета
наша.*

48

И пусть они блестят до той по-
ры,
Как ангелов вечерние лампы.
Придет конец воздушной их игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Любил я с колокольни иль с горы,
Когда земля молчит и небо чи-
сто,
Теряться взором в их цепи огни-
стой, —
И мнится, что меж ними и зем-
лей
Есть путь, давно измеренный ду-
шой,
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вместе все лучи их
света.

49

Итак, герой наш спит, приятный
сон,
Покойна ночь, а вы, читатель ми-
лый,
Пожалуйте, — иначе принужден
Я буду удержатъ вас силой...
Роман, вперед!.. Не идет? Ну, так
он
Пойдет назад. Герой наш спит по-

куда,
Хочу я рассказать, кто он, откуда,
Кто мать его была, и кто отец,
Как он на свет родился, наконец
Как он попал в позорную обитель,
Кто был его лакей и кто учитель.

50

Его отец — симбирский дворянин,
Иван Ильич NN-ов муж дородный,
Богатого отца любимый сын.
Был сам богат; имел он ум природный
И, что ума полезней, важный чин;
С четырнадцати лет служил и с миром
Уволен был в отставку бригадиром;
А бригадир блаженных тех времен
Был человек и, следовательно, умен.
Иван Ильич наш слыл по крайней мере
Любезником в своей симбирской сфере.

51

Он был врагом писателей и книг,
В делах судебных почерпнул по-
знанья.

Спал очень долго, ел за четверых;
Ни на кого не обращал вниманья
И не носил приличия вериг.

Однако же пред знатью гордели-
вой

Умел он гнуться скромно и учти-
во.

Но в этот век учтивости закон
Для исполненья требовал поклон;
А кланяться закону иль вельмо-
же

Считалось тогда одно и то же.

52

Он старших уважал, зато и сам
Почтительность вознаграждал
улыбкой,

И, ревностный хотя угодник дам,
Женился, по словам его, ошибкой.

В чем он ошибся, не могу я вам
Открыть, а знаю только (не со-
врать бы),

Что был он грустен на другой
день свадьба

И что печаль его была одна

Из тех, какими жизнь мужей полна.

По мне они большие эгоисты —
Все жен винят, как будто сами
чисты.

53

Благодари меня, о женский пол!
Я — Демосфен твой: за твою свободу

Я рад шуметь; я непомерно зол
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть им дал?.. Восстаньте,
те, — час пришел!

Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда все девы! Прочь терпенье!

Конец всему есть! Беззаботно, явно

Идите вслед за Марьей Николавной!

Понять меня, я знаю, вам легко,
Ведь в ваших жилах — кровь, не
молоко,

И вы краснеть умеете уж кста-
ти

От взоров и намеков нашей бра-
тьи.

54

*Иван Ильич стерег жену свою
По старому обычаю. Без лести
Сказать, он вел себя, как я люблю,
По правилам тогдашней старой
чести.*

*Проказница ж жена (не утаю)
Читать любила жалкие романы
Или смотреть на светлый шар
Дианы,
В беседке темной сидя до утра.
А месяц и романы до добра
Не доведут, — от них мечты ро-
дятся...
А искушенью только бы добрать-
ся!*

55

*Она была прелакомый кусок
И многих дум и взоров стала це-
лью.
Как быть: пчела садится на цве-
ток,
А не на камень; чувствам и весе-
лью
Казенных не назначено дорог.
На брачном ложе Марья Николав-
на*

Была, как надо, ласкова, исправна.
Но, говорят (хоть, может быть,
и лгут),
Что долг супруги — только лиш-
ний труд.
Мужья у жен подобных (не в обиду
Будь сказано), как вывеска, для ви-
ду.

56

Иван Ильич имел в Симбирске
дом
На самой на горе, против собора.
При мне давно никто уж не жил в
нем,
И он дряхлел, заброшен без надзо-
ра,
Как инвалид, с георгьевским кре-
стом.
Но некогда, с кудрявыми главами,
Вдоль стен колонны высились ря-
дами.
Прозрачною решеткой окружен,
Как клетка, между них висел бал-
кон,
И над дверьми стеклянными в по-
рядке
Виднелися гардин прозрачных

складки.

57

Внутри все было пышно; на сто-
лах
Пестрели разноцветные клеенки,
И люстры отражались в зерка-
лах,
Как звезды в луже; моськи и бо-
лонки
Встречали шумно каждого в две-
рях,
Одна другой несноснее, а дале
Зеленый попугай, порхая в зале,
Кричал бесстыдно: «Кто при-
шел?.. Дурак!»
А гость с улыбкой думал: «Как не
так!»
И, ласково хозяйкой принимаем,
Через пять минут мирился с попу-
гаем.

58

Из окон был прекрасный вид кру-
гом:
Налево, то есть к западу, рядами
Блестали кровли, трубы и потом
Меж ними церковь с круглыми

главами,
И кое-где в тени — отрада днем
—

Уютный сад, обсаженный ряби-
ной,
С беседкою, цветами и малиной,
Как детская игрушка, если вам
Угодно, или как меж знатных
дам
Румяная крестьянка — дочь при-
роды,
Испуганная блеском гордой моды.

59

Под глинистой утесистой горой,
Униженной лачужками, направо,
Катилася широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, как табун, тесни-
лись,
И флюгера на длинных мачтах
бились
Жужжа на ветре, и скрипел ка-
нат
Натянутый; и, серой мглой объ-
ят,
Виднелся дальний берег, и белели

Вкруг острова края песчаной мели.

60

*Нестройный говор грубых голосов
Между судов перебежал порою;
Смех, песни, брань, протяжный
крик пловцов —*

Все в гул один сливалось над водою.

*И Марья Николавна, хоть суров
Казался ветер и день был на закате,*

*Накинув шаль или капот на вате,
С французской книжкой, часто,
сев к окну,*

*Следила взором сизую волну,
Прибрежных струй приливы и отливы,*

Их мерный бег, их золотые гривы.

61

Два года жил Иван Ильич с женой,

*И все не тесны были ей корсеты.
Ее ль сложенье было в том виной,
Или его немолодые леты?..*

Не мне в делах семейных быть су-

дъей!

Иван Ильич иметь желал бы сына

Законного: хоть правом дворянина

Он пользовался часто, но детей,
Вне брака прижитых, злодей,
Раскидывал по свету, где случит-
ся,

Страшась с своей деревней пород-
ниться.

62

Какая сладость в мысли: я отец!
И в той же мысли сколько муки
тайной —

Оставить в мире след и, наконец,
Исчезнуть! Быть злодеем, и слу-
чайно, —

Злодеем потому, что жизнь — ве-
нец

Терновый, тяжкий, — так по
крайней мере

Должны мы рассуждать по на-
шей вере...

К чему, куда ведет нас жизнь, о
том

Не с нашим бедным толковать

умом;
Но исключая два-три дня да дет-
ство,
Она бесспорно скверное наслед-
ство.

63

Бывало, этой думой удручен,
Я прежде много плакал, и слеза-
ми
Я жег бумагу. Детский глупый сон
Прошел давно, как туча над степ-
нями;
Но пылкий дух мой не был осве-
жен,
В нем родилися бури, как в пусты-
не,
Но скоро улеглись они, и ныне
Осталось сердцу, вместо слез,
бурь тех,
Один лишь отзыв — звучный,
горький смех.
Там, где весной белел поток игри-
вый,
Лежат кремни — и блещут, но не
живы!

64

Прилично б было мне молчать о том,
Но я привык идти против приличий
И, говоря всеобщим языком,
Не жду похвал. Поэт породы птичей,
Любовник роз, над розовым кустом
Урчит и свищет меж листов душистых.
Об чем? Какая цель тех звуков чистых?
Прошу хоть раз спросить у соловья.
Он вам ответит песнью... Так и я
Пишу, что мыслю, мыслю, что придется,
И потому мой стих так плавно льется,

65

Прошло два года. Третий год
Обрадовал супругов безнадежных:
Желанный сын, любви взаимной плод,
Предмет забот мучительных и нежных

У них родился. В доме весь народ
Был восхищен, и три дня были
пьяны
Все на подбор, от кучера до няни.
А между тем печально у ворот
Всю ночь собаки выли напролет,
И, что страшнее этого, ребенок
Весь в волосах был, точно медве-
жонок.

66

Старухи говорили: это знак,
Который много счастья обеща-
ет.
И про меня сказали точно так,
А правда ль это вышло? — небо
знает!
К тому ж полночный вой собак
И страшный шум на чердаке вы-
соком —
Приметы злые; но не быв проро-
ком,
Я только покачаю головой.
Гамлет сказал: «Есть тайны под
луной
И для премудрых», — как же мне,
поэту,
Не верить можно тайнам и Гам-

лету?..

67

Младенец рос милее с каждым
днем:

Живые, глазки, белые ручонки
И русый волос, вьющийся коль-
цом, —

Пленяли всех знакомых; уж пелен-
ки

Рубашечкой сменилися на нем;

И, первые проказы начиная,
Уж он дразнил собак и попугая...

Года неслись, а Саша рос, и в пять
Добро и зло он начал понимать;

Но, верно, по врожденному влече-
нию,

Имел большую склонность к раз-
рушенью.

68

Он рос... Отец его бранил и сек —
Затем, что сам был с детства
часто сечен,

А слава богу вышел человек:

Не стыд семьи, не туп, не изуве-
чен.

Понятья были низки в старый

век...

Но Саша с гордой был рожден душою

И желчного сложенья, — пред судьбою,

Перед бичом язвительной молвы

Он не склонял и после головы.

Умел он помнить, кто его обидел,

И потому отца возненавидел.

69

Великий грех!.. Но чем теплее кровь,

Тем раньше зреют в сердце беспокойном

Все чувства — злоба, гордость и любовь,

Как дерева под небом юга знойным.

Шалун мой хмурил маленькую бровь,

Встречаясь с нежным папенькой; от взгляда

Он вздрагивал, как будто б капля яда

Лилась по жилам. Это, может быть,

Смешно, — что ж делать! — он

не мог любить,
Как любят все гостинные собачки
За лакомства, побои и подачки.

70

Он был дитя, когда в тесовый
гроб
Его родную с пеньем уложили.
Он помнил, что над нею черный
поп
Читал большую книгу, что кади-
ли,
И прочее... и что, закрыв весь лоб
Большим платком, отец стоял в
молчанье.
И что когда последнее лобзанье
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кри-
чать,
И что отец, немного с ним поспо-
ря,
Велел его посечь... (конечно, с го-
ря).

71

Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,

Он жадному сомнению сердце пре-
дал
И, презрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир
воздушный
И в нем терялся мыслию послуш-
ной.
Таков средь океана островок:
Пусть хоть прекрасен, свеж, но
одинок;
Ладьи к нему с гостями не при-
станут,
Цветы на нем от зноя все увя-
нут...

72

Он был рожден под гибельной
звездой,
С желаньями безбрежными, как
вечность.
Они так часто спорили с душой
И отравили лучших дней беспеч-
ность.
Они летали над его головой,
Как царская корона; но без власти
Венец казался бременем, и стра-
сти,
Впервые пробудись, живым огнем

Прожгли алтарь свой, не найдя
кругом
Достойной жертвы, — и в пусты-
не света
На дружний зов не встретил он
ответа.

73

О, если б мог он, как бесплотный
дух,
В вечерний час сливаться с обла-
ками,
Склонять к волнам кипучим жад-
ный слух,
И долго упиваться их речами,
И обнимать их перси, как супруг!
В глуши степей дышать со всей
природой
Одним дыханьем, жить ее свобо-
дой!
О, если б мог он, в молнию одет,
Одним ударом весь разрушить
свет!..
(Но, к счастью для вас, читатель
милый,
Он не был одарен подобной силой.)

74

Я не берусь вполне, как психолог,
Характер Саши выставить нару-
жу
И вскрыть его, как с трюфлями
пирог.
Скорей судьей молчаньем я прину-
жу
К решению... Пусть суд их будет
строг!
Пусть журналист всеведущий
хлопочет,
Зачем тот плачет, а другой захо-
чет!..
Пусть скажет он, что бесом
одержим
Был Саша, — я и тут согласен с
ним,
Хотя, боюсь, приятель мой, по-
веса,
Взбесил бы иногда любого беса.

75

Его учитель чистый был француз,
Marquis de Tess.[288] Педант полу-
забавный,
Имел он длинный нос и тонкий
вкус.
И потому брал деньги преисправ-

но.

Покорный раб губернских дам и
муз,

Он сочинял сонеты, хоть порою
По часу бился с рифмою одною;
Но каламбуров полный лексикон,
Как талисман, носил в карманах
он

И, быв уверен в дамской благода-
ти,

Не размышлял, что кстати, что
некстати.

76

Его отец богатый был маркиз,
Но жертвой стал народного вол-
нения:

На фонаре однажды он повис,
Как было в моде, вместо украше-
нья.

Приятель наш, парижский Адо-
нис,

Оставив прах родителя судьбине,
Не поклонился гордой гильотине:

Он молча проклял вольность и
народ,

И натошак отправился в поход,
И, наконец, едва живой от муки,

Пришел в Россию поощрять науки.

77

И Саша мой любил его рассказ
Про сборища народные, про шумный
Напор страстей и про последний
час
Венчанного страдальца... Над
безумной
Парижскою толпою много раз
Носилося его воображенье:
Там слышал он святых голов па-
денье,
Меж тем как нищих буйный мил-
лион
Кричал, смеясь: «Да здравствует
закон!» —
И, в недостатке хлеба или злата,
Просил одной лишь крови у Мара-
та.

78

Там видел он высокий эшафот;
Прелестная на звучные ступени
Всходила женщина... Следы за-
бот,

Следы живых, но тайных угрызений
Виднелись на лице ее. Народ
Рукоплескал... Вот кудри золотые
Посыпались на плечи молодые;
Вот голова, носившая венец,
Склонилась на плаху... О, творец!
Одумайтесь! Еще момент, злодеи!
И голова оторвана от шеи...

79

И кровь с тех пор рекою потекла,
И загремела жадная секира...
И ты, поэт, высокого чела
Не уберег! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считал своей душою, —
Слова, мечты с надеждой и тоскою...
Напрасно!.. Ты прошел кровавый путь,
Не отомстив, и творческую грудь
Ни стих язвительный, ни смех холодный
Не посетил — и ты погиб бесплодно...

И Франция упала за тобой
 К ногам убийц бездушных и ничтожных.
 Никто не смел возвысить голос свой;
 Из мрака мыслей гибельных и ложных
 Никто не вышел с твердою душой, —
 Меж тем как втайне взор Наполеона
 Уж зрел ступени будущего трона...
 Я в этом тоне мог бы продолжать,
 Но истина — не в моде, а писать
 О том, что было двести раз в газетах,
 Смешно, тем боле об таких предметах.

К тому же я совсем не моралист, —
 Ни блага в зле, ни зла в добре не вижу,
 Я палачу не дам похвальный лист,

Но клеветой героя не унижу, —
Ни плеск восторга, ни насмешки
свист
Не созданы для мертвых. Царь
иль воин,
Хоть он отличья иногда достоин,
Но, верно, нам за тяжкий мавзо-
лей
Не благодарен в комнатке своей
И, длинным одам внемля понево-
ле,
Зевая вспоминает о престоле.

82

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнести свой труп в пустыню, и
высокий
Курган над ним насыпать, и —
любви
Символ ненарушимый — одино-
кий
Поставить крест: быть может,
издали,
Когда туман протянется в доли-
не
Иль свод небес взбунтуется, к вер-
шине
Гостеприимной нищий пешеход,

Его заметив, медленно придет,
И, отряхнувши посох, безнадеж-
ней
Вздохнет о жизни будущей и
прежней —

83

И проклянет, склонясь на крест
святой,
Людей и небо, время и природу, —
И проклянет грозы бессильный
вой
И пылких мыслей тщетную сво-
боду...
Но нет, к чему мне слушать плач
людской. —
На что мне черный крест, курган,
гробница?
Пусть отдадут меня стихиям!
Птица,
И зверь, огонь, и ветер, и земля
Разделят прах мой, и душа моя
С душой вселенной, как эфир с
эфиром,
Сольется и развеется над ми-
ром!..

84

Пускай от сердца, полного тоской
И желчью тайных тщетных со-
жалений
Подобно чаше, ядом налитой,
Следов не остается... Без волне-
ний
Я выпил яд по капле, ни одной
Не уронил; но люди не видали
В лице моем ни страха, ни печали
И говорили хладно: он привык.
И с той поры я облил свой язык
Тем самым ядом и по праву ме-
сти
Стал унижать толпу под видом
лести...

85

Но кончим этот скучный эпизод
И обратимся к нашему герою.
До этих пор он не имел забот
Житейских и невинною душою
Искал страстей, как пищи. Длин-
ный год
Провел он средь тетрадей, книг,
историй,
Грамматик, географий и теорий
Всех философий мира. Пять си-
стем

*Имел маркиз, а на вопрос: за-
чем? —*

*Он отвечал вам гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire»[289] —
так мне угодно!*

86

*Но Саша не внимал его словам, —
Рассеянно в тетради над строка-
ми
Его рука чертила здесь и там
Какой-то женский профиль, и оча-
ми,
Горящими подобно двум звездам,
Он долго на него взирал, и нежно
Вздыхал и хоронил его прилежно
Между листов, как тайный ми-
лый клад,
Залог надежд и будущих наград,
Как прячут иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булав-
ку...*

87

*Но кто ж она? Что пользы ей
вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный мир дыханьем возму-*

тить
И взволновать надежды огневые?
К чему?.. Он слишком молод,
чтоб любить,
Со всем искусством древнего Фо-
блаза.
Его любовь, как снег вершин Кав-
каза,
Чиста, — тепла, как небо южных
стран...
Ему ль платить обманом за об-
ман?..
Но кто ж она? Не модная вер-
тушка,
А просто дочь буфетчика,
Маврушка...

88

И Саша был четырнадцати лет.
Он привыкал (скажу вам под сек-
ретом,
Хоть важности большой во всем
том нет)
Толкаться меж служанок. Часто
летом,
Когда луна бросала томный свет
На тихий сад, на свод густых ака-
ции,

*И с шепотом толпа домашних
граций
В аллее кралась, — легкою стопой
Он догонял их; и, шутя, порой
Его невинность (вы поймете са-
ми)
Они дразнили дерзкими перста-
ми.*

89

*Но между них он отличал одну:
В ней было все, что увлекает ду-
шу,
Волнует мысли и мешает сну.
Но я, друзья, покой ваш не нарушу
И на портрет накинута пелену.
Ее любил мой Саша той любовью,
Которая по жилам с юной кровью
Течет огнем, клокочет и кипит.
Боролись в нем желание и стыд;
Он долго думал, как в любви от-
крыться, —
Но надобно ж на что-нибудь ре-
шиться.*

90

*И мудрено ль? Четырнадцать
лет*

Я сам страдал от каждой жен-
ской рожки
И простодушно уверял весь свет,
Что друг на дружку все они похо-
жи.
Волнующихся персей нежный
цвет
И алых уст горячее дыханье
Во мне рождали чудные желанья;
Я трепетал, когда моя рука
Атласных плеч касалась слегка,
Но лишь в мечтах я видел без по-
крова
Все, что для вас, конечно, уж не
ново...

91

Он потерял и сон и аппетит,
Молчал весь день и бредил в ночь,
бывало,
По коридору бродит и грустит,
И ждет, чтоб платье мимо про-
жужжало,
Чтоб ясный взор мелькнул... Суро-
вый вид
Приняв, он иногда улыбкой хлад-
ной
Ответствовал на взор ее отрад-

ный...

Любовь же неизбежна, как судьба,
А с сердцем страх невыгодна
борьба!

Итак, мой Саша кончил с ним во-
зиться

И положил с Маврушей объяс-
ниться.

92

Случилось это летом, в знойный
день.

По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. От труб высоких
тень

Ложилася на крышах полосами,
И пар с камней струился. Сон и
лень

Вполне Симбирском овладели; да-
же

Катилась Волга медленней и гла-
же.

В саду, в беседке темной и сырой,
Лежал полураздетый наш герой
И размышлял о тайне съединенья
Двух душ — предмет достойный
размышленья.

93

Вдруг слышит он направо, за ку-
стом
Сирени, шорох платья и дыханье
Волнующейся груди, и потом
Чуть внятный звук, похожий на
лобзанье.
Как Саше быть? Забилося сердце в
нем,
Запрыгало... Без дальних опасений
Он сквозь кусты пустился легче
тени.
Трещат и гнутся ветви под рукой.
И вдруг пред ним, с Маврушкой
молодой
Обнявшись в тени цветущей виш-
ни,
Иван Ильич... (Прости ему все-
вышний!)

94

Увы! покоясь на траве густой,
Проказник старый обнимал бес-
стыдно
Упругий стан под юбкою простой
И не жалел ни ножки миловид-
ной,
Ни круглых персей, дышащих вес-
ной!

*И долго, долго бился, но напрасно!
Огня и сил лишен уж был
несчастный.
Он встал, вздохнул (нельзя же не
вздохнуть)
Поправил брюки и пустился в
путь,
Оставив тут обманутую деву,
Как Ариадну, преданную гневу.*

95

*И есть за что, не спорю... Между
тем
Что делал Саша? С неподвижным
взглядом,
Как белый мрамор холоден и нем,
Как Аббадона грозный, новым
адам
Испуганный, но помнящий эдем,
С поникшею стоял он головою,
И на челе, наморщенном тоскою,
Качались тени трепетных вет-
вей...
Но вдруг удар проснувшихся стра-
стей
Перевернул неопытную душу,
И он упал как с неба на Маврушу.*

96

Упал! (Прости невинность!) Как
змея,
Маврушу крепко обнял он руками,
То холодея, то как жар горя,
Неустово впился в нее устами
И — обезумел... Небо и земля
Слились в туман. Мавруша про-
стонала
И улыбнулась; как волна, вставала
И упала грудь, и томный взор,
Как над рекой безлучный метеор,
Блуждал вокруг без цели, без пред-
мета,
Боясь всего: людей, деревьев, а больше
— света.

97

Теперь, друзья, скажите напрямик,
Кого винить?.. По мне всего пре-
красней
Сложить весь грех на черта, — он
привык
К напраслине; к тому же безопас-
ней
Рога и когти, чем иной язык...
Итак, заметим мы, что дух

незримый,
Но гордый, мрачный, злой, неот-
разимый
Ни ладаном, ни бранью, ни кре-
стом,
Играл судьбою Сашу, как мячом,
И, следуя пустейшему капризу,
Кидал его то вкось, то вверх, то
книзу.

98

Два месяца прошло. Во тьме ноч-
ной,
На цыпочках по лестнице ступая,
В чепце, платок накинув шерстя-
ной,
Являлась к Саше дева молодая;
Задув лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кроват-
ти,
Она искала жарких там объятий.
Потом, на мягкий пух привлече-
на,
Под одеяло пряталась она;
Тяжелый вздох из груди вырывал-
ся,
И в жарких поцелуях он сливался.

99

Казалось, рок забыл о них. Но раз
(Не помню я, в который день неде-
ли), —
Уж пролетел давно свиданья час,
А Саша все один был на постели.
Он сел к окну в раздумье. Тихо гас
На бледном своде месяц серебри-
стый,
И неподвижно бахромой волни-
стой
Вокруг его висели облака.
Дремало все, лишь в окнах изредка
Являлась свечка, силуэт рубча-
тый
Старухи, из картин Рембрандта
взятый;

100

Мелькая, рисовался на стекле
И исчезал. На площади пустын-
ной,
Как чудный путь к неведомой
земле,
Лежала тень от колокольни
длинной,
И даль сливалась в синеватой
мгле.
Задумчив Саша... Вдруг скрипнули

двери,
И вы б сказали — поступь райской
пери
Послышалась. Невольно наш ге-
рой
Вздрогнул. Пред ним, озарена лу-
ной,
Стояла дева, опустивши очи,
Бледнее той луны — царицы но-
чи...

101

И он узнал Маврушу. Но — тво-
рец! —
Как изменилось нежное создание!
Казалось, тело изваял резец,
А бог вдохнул не душу, но страда-
нье,
Она стоит, вздыхает, наконец
Подходит и холодными руками
Хватает руку Саши, и устами
Прижалась к ней, и слезы потекли
Все больше, больше и, казалось,
жгли
Ее лицо... Но кто не зрел картины
Раскаянья преступной Магдали-
ны?

102

И кто бы смел изобразить в словах,
Что дышит жизнью в красках
Гвидо-Рени?
Гляжу на дивный холст: душа в очах,
И мысль одна в душе, — и на колени
Готов упасть, и непонятный страх,
Как струны лютни, потрясает жилы;
И слышишь близость чудной тайной силы,
Которой в мире верует лишь тот,
Кто как в гробу в душе своей живет,
Кто терпит все упреки, все печали,
Чтоб гением глупцы его назвали.

103

И долго молча плакала она.
Рассыпавшись на кругленькие плечи,
Ее власы бежали, как волна.
Лишь иногда отрывистые речи,

Отзыв того, чем грудь была пол-
на,
Блуждали на губах ее; но звуки
Яснее были слов... И голос муки
Мой Саша понял, как язык родной;
К себе на грудь привлек ее рукой
И не щадил ни нежностей, ни лас-
ки,
Чтоб поскорей добратся до раз-
вязки.

104

Он говорил: «К чему печаль твоя?
Ты молода, любима, — где ж
страданье.
В твоих глазах — мой мир, вся
жизнь моя,
И рай земной в одном твоём лоб-
занье...
Быть может, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нет! И кто же
смеет
Тебя обидеть? Мой отец дряхле-
ет,
Француз давно не годен никуда...
Ну, полно! слезы прочь, и ляг сю-
да!»
Мавруша, крепко Сашу обнимая,

Так отвечала, медленно вздыхая:

105

«Послушайте, я здесь в последний раз.

Пренебрегла опасность, наказание,

Стыд, совесть — все, чтоб только видеть вас,

Поцеловать вам руки на прощанье

И выманить слезу из ваших глаз.

Не отвергайте бедную, — довольно

Уж я терплю, — но что же?..

Сердце вольно.. Иван Ильич проведет от людей

Завистливых... Все Ванька ваш, злодей, —

Через него я гибну... Все готово!

Молю!.. о, киньте мне хоть взгляд, хоть слово!

106

Для вашего отца впервые я
Забывла стыд, — где у рабы защита?

Грозил он ссылкой, бог ему судья!

Прошла неделя, — бедная забы-
та...

А все любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Он разбранил... Но что же перед
вами?

Раба? игрушка!.. Точно: день, два,
три

Мила, а там? — пожалуй, хоть
умри!.

Тут начались слезы, восклицанья,
Но Саша их оставил без вниманья.

107

«Ах, барин, барин! Вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердеч-
ной!..

Прощай, — тебя мне больше не
видать,

Зато уж помнить буду вечно, веч-
но...

Виновны оба, мне ж должно стра-
дать.

Но, так и быть, целуй меня в
грудь, в очи, —

Целуй, где хочешь, для последней
ночи!..

Чем свет меня в кибитке увезут

На дальний хутор, где Маврушу
ждут
Страданья и мужик с косматой
бородою...
А ты? — вздохнешь и слюбишься с
другою!»

108

Она заплакала. Так или нет
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смею; двух,
трех лет
Достаточно губительная сила,
Чтобы святейших слов загла-
дить след.
А тот, кто рассказал мне по-
весть эту, —
Его уж нет... Но что за нужда
свету?
Не веры я ищу, — я не пророк,
Хоть и стремлюсь душою на Во-
сток,
Где свиньи и вино так ныне редки
И где, как пишут, жили наши
предки!

109

Она замолкла, но не Саша: он

Кипел против отца негодованьем:
«Злодей! тиран!» — и тысячу
имен,
Таких же милых, с истинным вни-
маньем,
Он расточал ему. Но счастья сон,
Как ни бранись, умчался невоз-
вратно —
Уже готов был юноша разврат-
ный
В последний раз на ложе пуховом
Вкусить восторг, в забытии
немом
Уж и она, пылая в расслабленье
Раскинулась, как вдруг — о, прови-
денье! —

110

Удар ногою с треском растворил
Стеклянной двери обе половины,
И ночника луч бледный озарил
Живой скелет вошедшего мужчи-
ны.
Казалось, в страхе с ложа он вско-
чил, —
Растрепан, босиком, в одной ру-
башке, —
Вошел и строго обратился к Саш-

ке:

«Eh bien, monsieur, que vois-je?» —

«Ah, c'est vous!»

«Pourquoi ce bruit? Que faites-vous
done?» «Je f<...>!»[290]

И, молвив так (пускай простит
мне муза),

Одним тузом он выгнал вон
француза.

111

И вслед за ним, как лань кавказ-
ских гор,

Из комнаты пустилася бедняж-
ка,

Не распротись, но кинув нежный
взор,

Закрыв лицо руками... Долго Саш-
ка

Не мог унять волнение сердца.

«Вздор, —

Шептал он, — вздор: любовь не
жизнь!» Но утро.

Подернув тучки блеском перла-
мутра,

Уж начало заглядывать в окно,
Как милый гость, ожидаемый
давно,

*А на дворе, унылый и докучный,
Раздался колокольчик однозвуч-
ный.*

112

*К окну с волнением Сашка подбе-
жал:*

*Разгонных тройка у крыльца
большого.*

*Вот сел ямщик и возжжи подо-
брал;*

*Вот чей-то голос: «Что же, все
готово?» —*

*«Готово». Вот садится... Он
узнал:*

*Она!.. В чепце, платком окутав
шею,*

С обычною улыбкою своею,

Ему кивнула тихо головой

*И спряталась в кибитку. Бич ли-
хой*

*Взвился. «Пошел!»... Колесы засту-
чали.»*

*И вмиг... Но что нам до чужой пе-
чали?*

113

Давно ль?.. Но детство Саши про-

текло.

Я рассказал, что знать вам было
нужно...

Он стал с отцом браниться: не
могло

И быть иначе, — нежностью на-
ружной

Обманывать он почитал за зло,
За низость, — но правдивой ме-
сти знаки

Он не щадил (хотя б дошло до
драки)

И потому родитель, рассчитав,
Что укрощать не стоит этот
нрав,

Сынка, рыдая, как мы все умеем,
Послал в Москву с французом и
лакеем.

114

И там проказник был препоручен
Старухе тетке самых строгих
правил.

Свет утверждал, что резвый Ку-
пидон

Ее краснеть ни разу не заставил.
Она была одна из тех княжен,
Которые, страшась святого бра-

ка,
Не смеют дать решительного
знака
И потому в сомненье ждут да
ждут,
Покуда их на вист не позовут,
Потом остаток жизни, как уме-
ют, —
За картами клеветуют и желте-
ют.

115

Но иногда какой-нибудь лакей,
Усердный, честный, верный, остро-
рожный,
Имея вход к владычице своей
Во всякий час, с покорностью воз-
можной,
В уютной спальне заменяет ей
Служанку, то есть греет одеяло,
Подушки, руки, ноги... Разве мало
Под мраком ночи делается дел,
Которых знать и черт бы не хо-
тел,
И если бы хоть раз он был свиде-
тель,
Как сладко спит седая доброде-
тель.

116

Шалун был отдан в модный пансион,
Где много приобрел прекрасных правил.
Сначала пристрастился к книгам он,
Но скоро их с презрением оставил.
Он увидал, что дружба, как поклон —
Двусмысленная вещь; что добрый малый
Товарищ скучный, тягостный и вялый;
Чуть умный — и забавней и сносней,
Чем тысяча услужливых друзей.
И потому (считая только явных)
Он нажил в месяце сто врагов забавных.

117

И снимок их, как памятник святой,
На двух листах, раскрашенный отлично,
Носил всегда он в книжке записной,

Обернутой атласом, как прилично,
С стальным замком и розовой
каймой,
Любил он заговоры злобы тайной
Расстроить словом, будто бы
случайно;
Любил врагов внезапно удивлять,
На крик и брань — насмешкой от-
вечать,
Иль, притворись рассеянным
невеждой,
Ласкать их долго тщетною на-
деждой.

118

Из пансиона скоро вышел он,
Наскуча все твердить азы да бу-
ки,
И, наконец, в студенты посвящен,
Вступил надменно в светлый
храм науки.
Святое место! помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый
ром;

*Их гордый вид пред гордыми вла-
стями,
Их сюртуки, висящие клочками.*

119

*Бывало, только восемь бьет ча-
сов,
По мостовой валит народ ученый.
Кто ночь провел с лампадой средь
трудов,
Кто в грязной луже, Вакхом упо-
енный;
Но все равно задумчивы, без слов
Текут... Пришли, шумят... Про-
фессор длинный
Напрасно входит, кланяется чин-
но, —
Он книгу взял, раскрыл, прочел...
шумят;
Уходит, — втрое хуже. Суций
ад!..
По сердцу Сашке жизнь была та-
кая,
И этот ад считал он лучше рая.*

120

*Пропустим года два... Я не хочу
В один прием свою закончить по-*

весть

Читатель знает, что я с ним шу-
чу,

И потому моя спокойна совесть,
Хоть, признаюсь, много пропущу
Событий важных, новых и чудес-
ных.

Но час придет, когда, в пределах
тесны:

Не заключен и не спеша вперед
Чтоб сократить унылый эпизод,
Я снова обращаю вниманье ваше
На те года, потраченные Сашей...

121

Теперь героев разбудить пора,
Пора привести в порядок их одеж-
ды,

Вы вспомните, как сладостно
вчера

В объятьях неги и живой надеж-
ды

Уснула Тирза? Резвый бег пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась позд-
но...

Растрепанные волосы назад
Рукой откинув и на свой наряд

Взглянув с улыбкой сонною, сначала

Она довольно долго позевала.

122

*На ней измято было все, и грудь
Хранила знаки пламенных лобзаний.*

*Она спешит лицо водой сплеснуть
И кудри без особенных стараний*

*На голове гребенкою заткнуть;
Потом сорочку скинула, небрежно*

Водюю обмывает стан свой нежный...

Опять свежа, как персик молодой.

*И на плеча капот накинув свой,
Пленительна бесстыдной наготю,*

Она подходит к нашему герою.

123

*Садится в изголовье и потом
На сонного студенной влагой плещет.*

*Он поднялся, кидает взор кругом
И видит, что пора: светелка бле-*

щет,
Озарена роскошным зимним
днем;
Замерзших окон стекла серебрят-
ся;
В лучах пылинки светлые вер-
тятся;
Упругий снег на улице хрустит,
Под тяжестью полозьев и копыт,
И в городе (что мне всегда досад-
но)
Колокола трезвонят беспощад-
но...

124

Прелестный день! Как пышен бо-
жий свет!
Как небеса лазурны!.. Торопливо
Вскочил мой Саша. Вот уж он
одет,
Атласный галстук повязал лени-
во,
С кудрей ночных восторгов сгла-
дил след,
Лишь синеватый венчик под гла-
зами
Изобличал его... Но (между нами,
Сказать тихонько) это не порок.

У наших дам найти я то же б
мог,
Хоть между тем ручаюсь голо-
вою,
Что их невинней нету под луною.

125

Из комнаты выходит наш герой,
И, пробираясь длинным коридо-
ром,
Он видит Катерину пред собой,
Приветствует ее холодным взо-
ром —
И мимо. Вот он в комнате дру-
гой:
Вот стул с дрожащей ножкою и
рядом
Кровать; на ней, закрыта, кверху
задом
Храпит Параша, отвернув лицо.
Он плащ надел и вышел на крыль-
цо,
И вслед за ним несутся восклица-
нья,
Чтобы не смел забыть он обеща-
нья:

126

Чтоб приготовил модный он наряд
Для бедной, милой Тирзы и так
дале.
Сказать ли, этой выдумке был
рад
Проказник мой: в театре, в пестрой
зале
Заметят ли невинный маскарад?
Зачем еврейку не утешить тайно,
Зачем толпу не наказать случай-
но
Презреньем гордым всех ее при-
чуд?
И что молва? Глупцов крикливый
суд,
Коварный шепот злой старухи
или
Два-три намека в польском иль в
кадрили!

127

Уж Саша дома. К тетке входит
он,
Небрежно у нее целует руку.
«Чем кончился вчерашний ваш бо-
стон?»
Я б не решился на такую скуку,

Хотя бы мне давали миллион.
Как ваши зубы?.. А Фиделька где
же?

Она являться стала что-то ре-
же.

Ей надоел наш модный круг, —
уввы,

Какая жалость!.. Знаете ли вы,
На этих днях мы ждем к себе ко-
мету,

Которая несет погибель свету?..

128

И поделом, ведь новый магазин
Открылся на Кузнецком, — не
удовно ль

Вам посмотреть?.. Там есть
мамзель *Aline*,

Monsieur Dupre, Durand, француз
природный,

Теперь купец, а бывший дворянин;
Там есть мадам *Armand*; там
есть субретка

Fanchoux — плутовка, смуглая ко-
кетка!

Вся молодежь вокруг ее вертит-
ся.

Мне ж все равно, ей-богу, что слу-

чится!

*И по одной значительной причине
Я только зритель в этом магази-
не.*

129

*Причина эта вот — мой кошелек:
Он пуст, как голова француза, —
малость*

*Истратил я; но это мне урок —
Ценить дешевле ветреную ша-
лость!» —*

*И, притворись печальным сколько
мог,*

*Шалун склонился к тетке, два-
три раза*

*Воздохнул, чтоб удалась его про-
каза.*

Тихонько ларчик отперев, она

Заботливо дорылась до дна

*И вынула три беленьких бумаж-
ки.*

*И... вы легко поймете радость
Сашки.*

130

*Когда же он пришел в свой каби-
нет,*

То у дверей с недвижностью при-
мерной,
В чалме пунцовой, щегольски
одет,
Стоял арап, его служитель вер-
ный.
Покрыт, как лаком, был чугу-
нный цвет
Его лица, и ряд зубов перловых,
И блеск очей открытых, но суро-
вых,
Когда смеялся он иль говорил,
Невольный страх на душу наво-
дил;
И в голосе его, иным казалось,
Надменностью безумной отзыва-
лось.

131

Союз довольно странный заклю-
чен
Меж им и Сашей был давно. Их
разговоры
Казались таинственны, как сон;
Вдвоем, бывало, ночью, точно во-
ры,
Уйдут и пропадают. Одарен
Соображеньем бойким, наш прия-

тель
Восточных слов был страшный
обожатель,
И потому «Зафиром» наречен
Его арап. За ним повсюду он,
Как мрачный призрак, следовал, и
что же?
Все восхищались этой скверной
рожей!

132

Зафиру Сашка что-то прошеп-
тал.
Зафир кивнул курчавой головою,
Блеснул, как рысь, очами, денег
взял
Из белой ручки черною рукою;
Он долго у дверей стоял
И говорил все время, по несча-
стью,
На языке чужом, и тайной стра-
стью
Одушевлен казался. Между тем,
Облокотясь на стол, задумчив,
нем,
Герой печальный моего рассказа
Глядел на африканца в оба глаза.

133

И, наконец, он подал знак рукой,
И тот исчез быстрее китайской
тени.

Проворный, хитрый, с смелою ду-
шой,
Он жил у Саши как служебный ге-
ний,
Домашний дух (по-русски домо-
вой);
Как Мефистофель, быстрый и по-
слушный,
Он исполнял безмолвно, равно-
душно,
Добро и зло. Ему была закон
Лишь воля господина. Ведал он,
Что, кроме Саши, в целом бо-
жьем мире
Никто, никто не думал о Зафире.

134

Однако были дни давным-давно,
Когда и он на берегу Гвинеи
Имел родной шалаш, жену, пшено
И ожерелье красное на шее,
И мало ли?.. О, там он был звено
В цепи семей счастливых!.. Там
пустыня
Осталась неприступна, как свя-

тыня.
И пальмы там растут до обла-
ков,
И пена вод белее жемчугов.
Там жгут лобзанья, и пронзают
очи,
И перси дев черней роскошной но-
чи.

135

Но родина и вольность, будто сон,
В тумане дальнем скрылись
невозвратно...
В цепях железных пробудился он.
Для дикаря все стало непонятно
—

Блестящих городов и шум и звон.
Так облачко, оторвано грозой,
Бродя одно под твердью голубою,
Куда пристать не знает; для него
Все чуждо — солнце, мир и шум
его;
Ему обидно общее веселье, —
Оно, нахмурясь, прячется в уще-
лье.

136

О, я люблю густые облака,

Когда они толпятся над горю,
Как на хребте стального шишака
Колеблемые перья! Пред грозой,
В одеждах золотых, издалека
Они текут безмолвным карава-
ном,
И, наконец, одетые туманом,
Обнявшись, свившись будто куча
змей,
Беспечно дремлют на скамье сво-
ей.
Настанет день, — их ветер вновь
уносит;
Куда, зачем, откуда? — кто их
спросит?

137

И после них на свете нет следа,
Как от любви поэта безнадеж-
ной,
Как от мечты, которой никогда
Он не открыл вниманью дружбы
нежной.
И ты, чья жизнь как беглая звезда
Промчалася неслышно между на-
ми,
Ты мук своих не выразишь слова-
ми;

Ты не хотел насмешки выпить яд,
С улыбкою притворной, как Со-
крат;
И, не разгадан глупою толпою,
Ты умер чуждый жизни... Мир с
тобою!

138

И мир твоим костям! Они сгни-
ют,
Покрытые одеждою военной...
И сумрачен и тесен твой приют,
И ты забыт, как часовой бессмен-
ный.
Но что же делать? Жди, авось
придут,
Быть может, кто-нибудь из
прежних братии.
Как знать? — земля до молодых
объятий
Охотница... Ответствуй мне, пе-
вец,
Куда умчался ты?.. Какой венец
На голове твоей? И все ль, как
прежде,
Ты любишь нас и веруешь надеж-
де?

139

И вы, вы все, которым столько
раз
Я подносил приятельскую ча-
шу, —
Какая буря вдали умчала вас?
Какая цель убила юность вашу?
Я здесь один. Святой огонь погас
На алтаре моем. Желанье славы,
Как призрак, разлетелось. Вы пра-
вы:
Я не рожден для дружбы и пиров...
Я в мыслях вечный странник, сын
дубров,
Ущелий и свободы, и, не зная
Гнезда, живу, как птичка кочевая.

140

Я для добра был прежде гибнуть
рад,
Но за добро платили мне презре-
нием;
Я пробежал пороков длинный ряд
И пресыщен был горьким насла-
ждением...
Тогда я хладно посмотрел назад:
Как с свежего рисунка, сгладил
краску
С картины прошлых дней, вздох-

нул и маску
Надел, и буйным смехом заглу-
шил
Слова глупцов, и дерзко их казнил,
И, грубо пробуждая их беспеч-
ность,
Насмешливо указывал на веч-
ность.

141

О вечность, вечность! Что най-
дем мы там
За неземной границей мира?
Смутный,
Безбрежный океан, где нет векам
Названья и числа; где бесприют-
ны
Блуждают звезды вслед другим
звездам.
Заброшен в их немые хороводы,
Что станет делать гордый царь
природы,
Который, верно, создан всех ум-
ней,
Чтоб пожирать растенья и зве-
рей,
Хоть между тем (пожалуй,
клясться стану)

Ужасно сам похож на обезьяну.

142

*О суета! И вот ваш полубог —
Ваш человек: искусством завла-
девший
Землей и морем, всем, чем толь-
ко мог,
Не в силах он прожить три дня не
евши.
Но полно! злобный бес меня за-
влек
В такие толки. Век наш — век без-
божный;
Пожалуй, кто-нибудь, шпион ни-
чтожный,
Мои слова прославит, и тогда
Нельзя креститься будет без
стыда;
И поневоле станешь лицемерить,
Смеясь над тем, чему желал бы
верить.*

143

*Блажен, кто верит счастьем и
любви,
Блажен, кто верит небу и проро-
кам, —*

Он долголетен будет на земли
И для сынов останется уроком.
Блажен, кто думы гордые свои
Умел смирить пред гордою тол-
пою,
И кто грехов тяжелою ценою
Не покупал пурпурных уст и глаз,
Живых, как жизнь, и светлых, как
алмаз!
Блажен, кто не склонял чела
младого,
Как бедный раб, пред идолом дру-
гого!

144

Блажен, кто вырос в сумраке ле-
сов,
Как тополь дик и свеж, в тени зе-
леной
Играющих и шепчущих листов,
Под кровом скал, откуда ключ
студеный
По дну из камней радужных цве-
тов
Струей гремячей прыгает, свер-
кая,
И где над ним береза вековая
Стоит, как призрак позднюю по-

рой,
Когда едва кой-где сучок гнилой
Трещит вдали, и мрак между вет-
вями
Отвсюду смотрит черными оча-
ми!

145

Блажен, кто посреди нагих сте-
пей
Меж дикими воспитан табуна-
ми;
Кто приучен был на хребте коней,
Косматых, легких, вольных, как
над нами
Златые облака, от ранних дней
Носиться; кто, головой припав на
гриву.
Летал, подобно сумрачному диву,
Через пустыню, чувствовал, счи-
тал,
Как мерно конь о землю ударял
Копытом звучным, и вперед зем-
лею
Упругой был кидаем с быстро-
тою.

146

Блажен!.. Его душа всегда полна
Поэзией природы, звуков чистых;
Он не успеет вычерпать до дна
Сосуд надежд; в его кудрях волни-
стых
Не выглянет до время седина;
Он, в двадцать лет желающий че-
го-то,
Не будет вечной одержим зевотой,
И в тридцать лет не кинет край
родной
С больною грудью и больной ду-
шой,
И не решится от одной лишь ску-
ки
Писать стихи, марать в чернилах
руки, —

147

Или, трудясь, как глупая овца,
В рядах дворянства, с рабским
униженьем,
Прикрыв мундиром сердце подле-
ца, —
Искать чинов, мирясь с людским
презреньем,
И поклоняться немцам до кон-

ца...

И чем же немец лучше славянина?

Не тем ли, что куда его судьбина
Ни кинет, он везде себе найдет
Отчизну и картофель?.. Вот народ:

И без таланта правит и за деньги
служит,
Всех давит сам, а бьют его — не
тужит!

148

Вот племя: всякий черт у них барон!

И уж профессор — каждый их сапожник!

И смело здесь и вслух глаголет он,

Как Пифия, воссев на свой треножник!

Кричит, шумит... Но что ж? Он не рожден

Под нашим небом; наша степь святая

В его глазах бездушных — степь простая,

Без памятников славных, без сле-

дов,
Где б мог прочесть он повесть
тех веков,
Которые, с их грозными делами,
Унесены забвения волнами...

149

Кто недоволен выходкой моей,
Тот пусть идет в журнальную
контору,
С листком в руках, с оравой дру-
зей,
И, веруя их опытному взору,
Печатает анафему, злодей!..
Я кончил... Так! дописана страни-
ца.
Лампада гаснет... Есть всему гра-
ница —
Наполеонам, бурям и войнам,
Тем более терпенью и... стихам,
Которые давно уж не звучали
И вдруг с пера бог знает как упа-
ли!..

Начало поэмы

Я не хочу, как многие из нас,

Испытывать читателей терпе-
нье

И потому примусь за свой рассказ
Без предисловий. Сладкое смяте-
нье

В душе моей, как будто в первый
раз,

Ловлю прыгунью-рифму и, потея,
В досаде призываю Асмодея.

Как будто снова бог переселил
Меня в те дни, когда я точно
жил, —

Когда не знал я, что на слово
«младость»

Есть рифма гадость, кроме риф-
мы радость

Давно когда-то, за Москвой-рекой,
На Пятницкой, у самого канала,
Заросшего негодною травой,

Был дом угольный; жизнь играла
Меж стен высоких... Он теперь
пустой.

Внизу живет с беззубой половиной
Безмолвный дворник... Пылью, па-
утиной

Обвешаны, как инеем, кругом

Карнизы стен, расписанных огнем
И временем, и окна краской белой
Замазаны повсюду кистью сме-
лой.

В гостиной есть диван и круглый
стол
На витых ножках, вражеской ру-
кою
Исчерченный; но час их не при-
шел, —
Они гниют незримо, лишь порою
Скользит по ним играющий Эол
Или еще крыло жилиц развалин —
Летучей мыши. Жалок и печален
Исчезнувших пришельцев гордый
след.
Вот сабель их рубцы, а их уж нет:
Один в бою упал на штык крова-
вый,
Другой в слезах без гроба и без сла-
вы.
Ужель никто из них не добежал
До рубежа отчизны драгоценной?
Нет, прах Кремля к подошвам их
пристал,
И русский бог отметил за храм

священный.

Сердитый Кремль в огне их принимал

И проводил, пылая, светоч грозный...

Он озарил им путь в степи морозной —

И степь их поглотила, и о том,
Кто нам грозил и пленом и стыдом,

Кто над землей промчался как комета,

Стал говорить с насмешкой голос света.

И старый дом, куда привел я вас,
Его паденья был свидетель хладный.

На изразцах кой-где встречает глаз

Черты карандаша, стихи и жадно
В них ищет мысли — и бесплодный час

Проходит... Кто писал? С какою целью?

Грустил ли он, иль предан был веселью?

Как надписи надгробные, оне
Рисуются узором по стене —

Следы давно погибших чувств и
мнениц,
Эпиграфы неведомых творений.

И образы языческих богов —
Без рук, без ног, с отбитыми носами —
Лежат в углах низвергнуты с
столбов,
Раскрашенных под мрамор. Над
дверями
Висят портреты дедовских веков
В померкших рамах и глядят су-
рово;
И мнится, обвинительное слово
Из мертвых уст их излетит —
увы!
О, если б этот дом знавали вы
Тому назад лет двадцать пять и
боле!
О, если б время было в нашей во-
ле!..
Бывало, только утренней зарей
Осветятся церковей главы златые,
И сквозь туман заблещут над го-
рой
Дворец царей и стены вековые,

Отражены зеркальною волной;
Бывало, только прачка молодая
С бельем господским из ворот, зе-
вая,
Выходит, и сквозь утренний мо-
роз
Раздастся первый стук колес, —
А графский дом уж полон суетою
И пестрых слуг заботливой тол-
пою.
И каждый день идет в нем пир го-
рой.
Смеются гости, и бренчат ста-
каны.
В стекле граненом дар земли чу-
жой
Клокочет и шипит аи румяный,
И от крыльца карет недвижный
строй
Далеко тянется, и в зале длинной,
В толпе мужчин, услужливой и
чинной,
Красавицы, столицы лучший
цвет,
Мелькают... Вот учтивый мену-
эт
Рисуется вам; шепот удивленья,
Улыбки, взгляды, вздохи, изъясне-

нья...

*О, как тогда был пышен этот
дом!*

*Вдоль стен висели пестрые шпа-
леры,*

*Везде фарфор китайский с сереб-
ром,*

У зеркала ...

Монго

Садится солнце за горой,
Туман дымится над болотом,
И вот дорогой столбовой
Летят, склонившись над лукой,
Два всадника лихим полетом.
Один — высок и худощав,
Кобылу серую собрав,
То горячит нетерпеливо,
То сдержит вдруг одной рукой.
Мал и широк в плечах другой.
Храпя мотает длинной гривой
Под ним саврасый скакунок,
Степей башкирских сын счастли-
вый.

Устали всадники. До ног
От головы покрыты прахом.
Коней приезженных размахом
Они любят порой
И речь ведут между собой.
«Монго, послушай — тут напра-
во!
Осталось только три версты».
«Постой! уж эти мне мосты!
Дрожат и смотрят так лукаво».
«Вперед, Маешка! только нас
Измучит это приключенье,
Ведь завтра в шесть часов уче-
нье!»

«Нет, в семь! я сам читал приказ!»

Но прежде нужно вам, читатель,
Героев показать портрет:
Монго — повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был —
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немывтый целый день,
Носил фуражку набекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперед
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.
Но если, милый, вы езжали
Смотреть российский наш балет,
То, верно, в креслах замечали
Его внимательный лорнет.
Одна из дев ему сначала
Дней девять сряду отвечала,

В десятый день он был забыт —
С толпою смешан волокит.
Все жесты, вздохи, объясненья
Не помогли ничего...
И зародился пламень мщенья
В душе озлобленной его.
Маешка был таких же правил:
Он лень в закон себе поставил,
Домой с дежурства уезжал,
Хотя и дома был без дела;
Порою рассуждал он смело,
Но чаще он не рассуждал.
Разгульной жизни отпечаток
Иные замечали в нем;
Печалей будущих задаток
Хранил он в сердце молодом;

Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмешек гибельное жало
Броню железную встречало
Над самолюбием его.
Слова он весил осторожно
И опрометчив был в делах;
Порою: трезвый — врал безбожно,
И молчалив был — на пирах.
Характер вовсе бесполезный

И для друзей и для врагов...
Увы! читатель мой любезный,
Что делать мне — он был таков!
Теперь он следует за другом
На подвиг славный, роковой,
Терзаем пьяницы недугом, —
Изгагон мучим огневой.
Приюты неги и прохлады —
Вдоль по дороге в Петергоф,
Мелькают в ряд из-за ограды
Разнообразные фасады
И кровли мирные домов,
В тени таинственных садов.
Там есть трактир... и он от века
Зовется «Красным кабачком»,
И там — для блага человека
Построен сумасшедших дом,
И там приют себе смиренный
Танцорка юная нашла.
Краса и честь балетной сцены,
На содержании была:
N. N., помещик из Казани,
Богатый волжский старожил,
Без волокитства, без признаний
Ее невинности лишил.
«Мой друг! — ему я говорил, —
Ты не в свои садишься сани,
Танцоркой вздумал управлять!

Ну где тебе <...>».

Но обратимся поскорее
Мы к нашим буйным молодцам.
Они стоят в пустой аллее,
Коней привязывают там,
И вот, тропинкой потаенной,
Они к калитке отдаленной
Спешат, подобно двум ворам.
На землю сумрак ниспадает,
Сквозь ветви брезжит лунный
свет
И переливами играет
На гладкой меди эполет.
Вперед отправился Маешка;
В кустах прополз он, как черкес,
И осторожно, точно кошка,
Через забор он перелез.
За ним Монго наш долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-как.
Ну, лихо! сделан первый шаг!
Теперь душа моя в покое, —
Судьба окончит остальное!
Облокотившись у окна,
Меж тем танцорка молодая
Сидела дома и одна.

Ей было скучно, и, зевая,
Так тихо думала она:
«Чудна судьба! о том ни слова —
На матушке моей чепец
Фасона самого дурного,
И мой отец — простой кузнец!..
А я — на шелковом диване
Ем мармелад, пью шоколад;
На сцене — знаю уж заране —
Мне будет хлопнуть третий ряд.
Теперь со мной плохие шутки:
Меня сударыней зовут,
И за меня три раза в сутки
Каналью повара дерут,
Мой Pierre не слишком интересен,
Ревнив, упрям, что ни толкуй,

Не любит смеху он, ни песен,
Зато богат и глуп, <...>
Теперь не то, что было в школе:
Ем за троих, порой и боле,
И за обедом пью люнель.
А в школе... Боже! вот мученье!
Днем — танцы, выправка, ученье,
А ночью — жесткая постель.
Встаешь, бывало, утром рано,
Бренчит уж в зале фортепьяно,

Поют все врозь, трещит в ушах;
А тут сама, поднявши ногу,
Стоишь, как аист, на часах.
Флери хлопочет, бьет тревогу...
Но вот одиннадцатый час,
В кареты всех сажают нас.
Тут у подъезда офицеры,
Стоят все в ряд, порою в два...
Какие милые манеры
И все отборные слова!
Иных улыбкой ободряешь,
Других бранишь и отгоняешь,
Зато — вернулись лишь домой —
Директор порет на убой:
Ни взгляд не думай кинуть лиш-
ний,
Ни слова ты сказать не смей...
А сам, прости ему всевышний,
Ведь уж какой прелюбодей!..»
Но тут в окно она взглянула
И чуть не брякнулась со стула.
Пред ней, как призрак роковой,
С нагайкой, освещен луной,
Готовый влезть почти в окошко.
Стоит Монго, за ним Маешка.
«Что это значит, господа?
И кто вас звал прийти сюда?
Ворваться к девушке — бесчест-

но!..»

«Нам, право, это очень лестно!»

«Я вас прошу: подите прочь!»

«Но где же проведем мы ночь?»

Мы мчались, выбились из силы...»

«Вы неучи!» — «Вы очень милы!..»

«Чего хотите вы теперь?»

Ей-богу, я не понимаю!»

«Мы просим только чашку чаю!»

«Панфишка! отвори им дверь!»

Поклон отвесивши пренизко,

Монго ей бросил нежный взор,

Потом садится очень близко

И продолжает разговор.

Сначала колкие намеки,

Воспоминания, упреки,

Ну, словом, весь любовный вздор.

*И нежный вздох прилично том-
ный*

Порхнул из груди молодой...

Вот ножку нежную порой
Он жмет коленкою нескромной,
И говоря о том о сем,
Копаясь, будто бы случайно
Под юбку лезет, жмет корсет,
И ловит то, что было тайной,
Увы, для нас в шестнадцать лет!
Маешка, друг великодушный,
Засел поодаль на диван,
Угрюм, безмолвен, как султан.
Чужое счастье нам скучно,
Как добродетельный роман.
Друзья! ужасное мученье
Быть на пиру <...>
Иль адъютантом на сраженье
При генералишке пустом;
Быть на параде жалонером
Или на бале быть танцором,
Но хуже, хуже во сто раз
Встречать огонь прелестных
глаз
И думать: это не для нас!
Меж тем Монго горит и тает..
Вдруг самый пламенный пассаж

Зловещим стуком прерывает
На двор влетевший экипаж:

Девятиместная коляска
И в ней пятнадцать седоков...
Увы! печальная развязка,
Неотразимый гнев богов!..
То был Н. Н. с своею свитой:
Степаном, Федором, Никитой,
Тарасом, Сидором, Петром,
Идут, гремят, орут. Содом!
Все пьяны... прямо из трактира,
И на устах — <...>
Но нет, постой! умолкни лира!
Тебе ль, поклоннице мундира,
Поганых фрачных воспевать?..
В истерике младая дева...
Как защититься ей от гнева,
Куда гостей своих девать?..
Под стол, в комод иль под кро-
ватьь?
В комодѣ места нет и платью,
Урыльник полон под кроватью...
Им остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть в окно...
Опасен подвиг дерзновенный,
И не сносить им головы!
Но вмиг проснулся дух военный —
Прыг, прыг!.. и были таковы...
Уж ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершив побег обидный

Для самолюбья и любви,
Повесы на коней вскочили
И думы мрачные свои
Друг другу вздохом сообщили.
Дея печаль своих господ,
Их кони с рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ход,
Они <...> спотыкались,

И леньность их преодолеть
Ни шпоры не могли, ни плеть.
Когда же в комнате дежурной
Они сошлись поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тут было шуток, смеху было!
И право, Пушкин наш не врет,
Сказав, что день беды пройдет,
А что пройдет, то будет мило...
Так повесть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами,
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сделать сами?..

Боярин Орша
Глава 1

*Then burst her heart in one long shriek,
And to the earth she fell like stone
Or statue from its base o'erthrown.[291]
Byron*

*Во время оно жил да был[292]
В Москве боярин Михаил,
Прозваньем Орша. Важный сан
Дал Орше Грозный Иоанн;
Он дал ему с руки своей
Кольцо, наследие царей;
Он дал ему в веселый миг
Соболью шубу с плеч своих;
В день воскресения Христа
Поцеловал его в уста
И обещался в тот же день
Дать тридцать царских деревень
С тем, чтобы Орша до конца
Не отлучался от дворца.*

*Но Орша нравом был угрюм:
Он не любил придворный шум,
При виде трепетных льстецов
Щипал концы седых усов,
И раз, опричным огорчен,
Так Иоанну молвил он:*

«Надежда-царь!пусти меня
На родину — я день от дня
Всё старе — даже не могу
Обиду выместить врагу;
Есть много слуг в дворце твоём.
Пусти меня! — Мой старый дом
На берегу Днепра крутом
Близ рубежа Литвы чужой
Оброс могильною травой;
Пробудь я здесь еще хоть год —
Он догниет — и упадет;
Дай поклониться мне Днепру...
Там я родился — там умру!»

И он узрел свой старый дом.
Покои темные кругом
Уставил златом и серебром,
Икону в ризе дорогой
В алмазах, в жемчуге, с резьбой
Повесил в каждом он углу,
И запестрелись на полу
Узоры шелковых ковров.
Но лучшие царских всех даров
Был божий дар — молодая дочь;
Об ней он думал день и ночь,
В его глазах она росла
Свежа, невинна, весела,

Цветок грядущего святой,
Былого памятник живой!
Так средь развалин иногда
Растет береза: молода,
Мила над плитами гробов
Игрою шепчущих листов,
И та холодная стена
Ее красой оживлена!..

.....

Туманно в поле и темно,
Одно лишь светится окно
В боярском доме — как звезда
Сквозь тучи смотрит иногда.
Тяжелый звякнул уж затвор,
Угрюм и пуст широкий двор.
Вот, испытав замки дверей,
С гремячей связкою ключей
К калитке сторож подошел
И взоры на небо возвел.
«А завтра быть грозе большой! —
Сказал, крестясь, старик седой. —
Смотри-ка, молния вдали
Так и доходит до земли,
И белый месяц, как монах,
Завернут в черных облаках;
И воеет ветер, будто зверь.

Дай кучу злата мне теперь,
С конюшни лучшего коня
Сейчас седлайте для меня —
Нет, не отъеду от крыльца
Ни для родимого отца!»
Так рассуждая сам с собой,
Кряхтя, старик пошел домой.
Лишь вдалеке едва гремят
Его ключи — вокруг палат
Всё снова тихо и темно,
Одно лишь светится окно.

Всё в доме спит — не спит один
Его угрюмый властелин
В покое пышном и большом
На ложе бархатном своем.
Полусгоревшая свеча
Пред ним, сверкая и треща,
Порой на каждый льет предмет
Какой-то странный полусвет.
Висят над ложем образа;
Их ризы блещут, их глаза
Вдруг оживляются, глядят —
Он непонятней и страшней
Всех мертвых и живых очей!
Томит боярина тоска,
Уж поздно. Под окном река

Шумит, и с бурей заодно
Гремучий дождь стучит в окно.
Чернеет тень во всех углах,
И — странно — Оршу обнял
страх!
Бывал он в битвах, хоть и стар,
Против поляков и татар,
Слышал он грозный царский глас,
Встречал и взор, в недобрый час —
Ни разу дух его крутой
Не ослабел перед бедой;
Но тут — он свистнул, и взошел
Любимый раб его, Сокол.

И молвил Орша: «Скучно мне,
Всё думы черные одне.

Садись поближе на скамью
И речью грусть рассей мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежние златые дни,
И я, припомнив старину,
Под говор слов твоих засну».

И на скамью присел Сокол,
И речь такую он завел:

«Жил-был за тридевять земель
В тридцатом княжестве отсель
Великий и премудрый царь.
Ни в наше времечко, ни встарь
Никто не видывал пышной
Его палат, и много дней
В веселье жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.

Тот царь был слаб, и хил, и стар,
А дочь непрочный ведь товар!
Ее, как лучший свой алмаз,
Он скрыл от молодецких глаз;
И на его царевну-дочь
Смотрел лишь день да темна
ночь,
И целовать красоту мог
Лишь перелетный ветерок.

И царь тот раза три на дню
Ходил смотреть на дочь свою,
Но вздумал вдруг он в темну ночь
Взглянуть, как спит младая дочь.
Свой ключ серебряный он взял,
Сапожки шелковые снял

*И вот приходит в башню ту,
Где скрыл царевну-красоту!..*

*Вошел — в светлице тишина;
Дочь сладко спит, но не одна:
Припав на грудь ее главой,
С ней царский конюх молодой.
И прогневился царь тогда,
И повелел он без суда
Их вместе в бочку засмолить
И в сине море укатить...»*

*И быстро на устах раба,
Как будто тайная борьба
В то время совершалась в нем,
Улыбка вспыхнула — потом
Он очи на небо возвел,
Вздыхнул и смолк. «Ступай, Со-
кол! —
Махнув дрожащею рукой,
Сказал боярин. — В час иной
Расскажешь сказку до конца
Про оскорбленного отца!»*

И по морщинам старика,

Как тени облака, слегка
Промчались тени черных дум,
Встревоженный и быстрый ум
Вблизи предвидел много бед.
Он жил: он знал людей и свет,
Он злом не мог быть удивлен;
Добру ж давно не верил он,
Не верил... только потому,
Что верил некогда всему!

И вспыхнул в нем остаток сил,
Он с ложа мягкого вскочил,
Соболью шубу на плеча
Накинул он — в руке свеча,
И вот, дрожа, идет скорей
К светлице дочери своей.
Ступени лестницы крутой
Под тяжкою его стопой
Скряпят, и свечка раза два
Из рук не выпала едва.

Он видит: няня в уголке
Сидит на старом сундуке
И спит глубоко и порой
Во сне качает головой;
На ней, предчувствием объят,

На миг он удержал свой взгляд —
И мимо, но, послыша стук,
Старуха пробудилась вдруг,
Перекрестилась, и потом
Опять заснула крепким сном,
И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.

Стоит боярин у дверей
Светлицы дочери своей,
И чутким ухом он приник
К замку — и думает старик:
«Нет! непорочна дочь моя,
А ты, Сокол, ты раб, змея,
За дерзкий, хитрый свой намек
Получишь гибельный урок!»
Но вдруг... о горе, о позор!
Он слышит тихий разговор!..

1-й голос

О! погоди, Арсений мой!
Вчера ты был совсем другой.
День без меня — и миг со мной?..

2-й голос

Не плачь... утешься! Близок час —
И будет мир ничто для нас.

В чужой, но близкой стороне
Мы будем счастливы одне,
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
С тех пор, ты помнишь, как чер-
нец
Меня привез и твой отец
Вручил ему свой кошелек,
С тех пор, задумчив, одинок,
Тоской по вольности томим,
Но нежным голосом твоим
И блеском ангельских очей
Прикован у тюрьмы моей,
Задумал я свой край родной
Навек оставить, но с тобой!..
И скоро я в лесах чужих
Нашел товарищей лихих,
Бесстрашных, твердых как бу-
лат.
Людской закон для них не свят,
Война — их рай, а мир — их ад.
Я отдал душу им в заклад,
Но ты моя — и я богат!..

И голоса замолкли вдруг.
И слышит Орша тихий звук,
Звук поцелуя... и другой...

Он вспыхнул, дверь толкнул рукой
И исступленный и немой
Предстал пред бледною четой...

.....

Боярин сделал шаг назад,
На дочь он кинул злобный взгляд,
Глаза их встретились — и вмиг
Мучительный, ужасный крик
Раздался, пролетел — и стих.
И тот, кто крик сей услышал,
Подумал, верно, иль сказал,
Что дважды из груди одной
Не вылетает звук такой.
И тяжело на цветной ковер,
Как труп бездушный с давних пор.
Упало что-то. И на зов
Боярина толпа рабов,
Во всем послушная орда,
Шумя сбегалася тогда,
И без усилий, без борьбы
Схватили юношу рабы.

Нем и недвижим он стоял,
Покуда крепко обвивал
Все члены, как змея, канат;

*В них проникал могильный хлад,
И сердце громко билось в нем
Тоской, отчаяньем, стыдом.*

*Когда ж безумца увели
И шум шагов умолк вдали
И с ним остался лишь Сокол,
Боярин к двери подошел,
В последний раз в нее взглянул,
Не вздрогнул, даже не вздохнул,
И трижды ключ перевернул
В ее заржавленном замке...
Но... ключ дрожал в его руке!
Потом он отворил окно:
Всё было на небе темно,
А под окном меж диких скал
Днепр беспокойный бушевал.
И в волны ключ от двери той
Он бросил сильною рукой,
И тихо ключ тот роковой
Был принят хладною рекой.*

*Тогда, решив свою судьбу,
Боярин верному рабу
На волны молча указал,
И тот поклоном отвечал...*

*И через час уж в доме том
Всё спало снова крепким сном,
И только не спал в нем один
Его угрюмый властелин.*

Глава 2

The rest thou dost already know,
And all my sins, and half my woe,
But talk no more of penitence...[293]
Byron

*Народ кипит в монастыре;
У врат святых и на дворе
Рабы боярские стоят.
Их копья медные горят,
Их шапки длинные кругом
Опушены густым бобром;
За кушаком блестят у них
Ножны кинжалов дорогих.
Меж них стремянный молодой,
За гриву правую рукой
Держа боярского коня,
Стоит; по временам, звеня,
Стремена бьются о бока;
Истерт ногами седока,
В пыли малиновый чепрак;*

Весь в мыле, серый аргамак
Мотаёт гривую густой,
Бьёт землю жилистой ногой,
Грызёт с досады удила,
И пена легкая, бела,
Чиста, как первый снег в полях,
С железа падает на прах.

Но вот обедня отошла,
Гудят, режут колокола.
Вот слышно пенье — из дверей
Мелькает длинный ряд свечей;
Вослед игумену-отцу
Монахи сходят по крыльцу
И прямо в трапезу идут:
Там грозный суд, последний суд
Произнесет отец святой
Над бедной грешной головой!

Безмолвна трапеза была.
К стене налево два стола
И пышных кресел полукруг,
Изделье иноческих рук,
Блистали тканью парчевой;
В большие окна свет дневной,
Врываясь белой полосой,

Дробясь в искры по стеклу,
Играл на каменном полу.
Резьбою мелкою стена
Была искусно убрана,
И на двери в кружках золотых
Блестали образа святых.
Тяжелый, низкий потолок
Расписывал как знал, как мог
Усердный инок... Жалкий труд!
Отнявший множество минут
У бога, дум святых и дел:
Искусства горестный удел!..

На мягких креслах пред столом
Сидел в бездействии немом
Боярин Орша. Иногда
Усы седые, борода,
С игривым встретившись лучом,
Вдруг отливали серебром,
И часто кудри старика
От дуновенья ветерка
Приподымались слегка.
Движеньем пасмурных очей
Нередко он искал дверей,
И в нетерпении порой
Он по столу стучал рукой.

В конце противном залы той
Один, в цепях, к нему спиной,
Покрыт одеждою раба,
Стоял Арсений у столба.
Но в молодом лице его
Вы не нашли б ни одного
Из чувств, которых смутный рой
Кружится, вьется над душой
В час расставания с землей.
Хотел ли он перед врагом
Предстать с бесчувственным че-
лом,
С холодной важностью лица
И мстить хоть этим до конца?
Иль он невольно в этот миг
Глубокой мыслию постиг,
Что он в цепи существ давно
Едва ль не лишнее звено?..
Задумчив, он смотрел в окно
На голубые небеса, —
Его манила их краса,
И кудри легких облаков,
Небес серебряный покров,
Неслись свободно, быстро там,
Кидая тени по холмам.
И он увидел: у окна,
Заботой резвою полна,
Летала ласточка — то вниз,

То вверх под каменный карниз
Кидалась с дивной быстротой
И в щели пряталась сырой;
То, взвившись на небо стрелой,
Тонула в пламенных лучах...
И он вздохнул о прежних днях,
Когда он жил, страстям чуждой,
С природой жизнью одной.
Блеснули тусклые глаза,
Но это блеск был — не слеза;
Он улыбнулся, но жесток
В его улыбке был упрек!

И вдруг раздался звук шагов,
Невнятный говор голосов,
Скрып отворяемых дверей...
Они! — взошли! — толпа людей
В высоких, черных клобуках,
С свечами длинными в руках.
Согбенный тягостью вериг
Пред ними шел слепой старик,
Отец игумен: Сорок лет
Уж он не знал, что божий свет,
Но ум его был юн, богат,
Как сорок лет тому назад.
И крест держал перед собой;
И крест осыпан был кругом

Алмазами и жемчугом.
И трость игумена была
Слоновой кости, так бела,
Что лишь с седой его бородой
Могла равняться белизной.

Перекрестясь, он важно сел,
И пленника подвесьть велел,
И одного из чернецов
Позвал по имени, — суров
И холоден был вид лица
Того святого чернеца.
Потом игумен, наклонясь,
Сказал боярину, смеясь,
Два слова на ухо. В ответ
На сей вопрос или совет
Кивнул боярин головой...
И вот слепец махнул рукой!
И понял данный знак монах,
Укор готовый на устах
Словами книжными убрал
И так преступнику вещал:
«Безумный, бренный сын земли!
Злой дух и страсти привели
Тебя медовою тропой
К границе жизни сей земной.
Грешил ты много, но из всех

*Грехов страшней последний грех.
Простить не может суд земной,
Но в небе есть судья иной:
Он милосерд — ему теперь
При нас дела свои поверь!»*

Арсений

*Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел — благодарю!
Не понимаю, что была
У вас за мысль? — Мои дела
И без меня ты должен знать,
А душу можно ль рассказать?
И если б мог я эту грудь
Перед тобою развернуть,
Ты, верно, не прочел бы в ней,
Что я бессовестный злодей!
Пусть монастырский ваш закон
Рукою бога утвержден,
Но в этом сердце есть другой,
Ему не менее святой:
Он оправдал меня — один
Он сердца полный властелин!
Когда б сквозь бедный мой наряд
Не проникал до сердца яд,
Тогда я был бы виноват.
Но всех равно влечет судьба:
И под одеждою раба,*

Но полный жизнью молодой,
Я человек, как и другой.
И ты, и ты, слепой старик,
Когда б ее небесный лик
Тебе явился хоть во сне,
Ты позавидовал бы мне,
И, в исступленье, может быть,
Решился б также согрешить,
И клятвы б грозные забыл,
И перенести бы счастлив был
За слово, ласку или взор
Мое мученье, мой позор!..

Орша

Не поминай теперь об ней, —
Напрасно!.. У груди моей,
Хоть ныне поздно вижу я,
Согрелась, выросла змея!..
Но ты заплатишь мне теперь
За хлеб и соль мою, поверь.
За сердце ж дочери моей
Я заплачу тебе, злодей,
Тебе, найденыйш без креста,
Презренный раб и сирота!..

Арсений

Ты прав... не знаю, где рожден!
Кто мой отец, и жив ли он?

Не знаю... люди говорят,
Что я тобой ребенком взят,
И был я отдан с ранних пор
Под строгий иноков надзор,
И вырос в тесных я стенах
Душой дитя — судьбой монах!
Никто не смел мне здесь сказать
Священных слов: «отец» и
«мать»!

Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен?
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Но нынче сам я не хочу
Предать их имя палачу
И всё, что славно было б в нем,
Облить и кровью и стыдом:
Умру, как жил, твоим рабом!..
Нет, не грози, отец святой;
Чего бояться нам с тобой?
Обоих нас могила ждет...
Не всё ль равно, что день, что
год?
Никто уж нам не господин;

Ты в рай, я в ад — но путь один!
С тех пор, как длится жизнь моя,
Два раза был свободен я,

Последний ныне. В первый раз,
Когда я жил еще у вас,
Среди молитв и пыльных книг,
Пришло мне в мысли хоть на миг
Взглянуть на пышные поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы!
И в час ночной, в ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
При блеске молний роковых
Я убежал из стен святых;
Боязнь с одеждой кинул прочь,
Благословил и хлад и ночь,
Забыл печали бытия
И бурю братом назвал я.
Восторгом бешеным объят,
С ней унесись я был бы рад,
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил!
О старец, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен

*Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?..*

Игумен

*На что нам знать твои мечты?
Не для того пред нами ты!
В другом ты ныне обвинен,
И хочет истины закон.
Открой же нам друзей своих,
Убийц, разбойников ночных,
Которых страшные дела
Смывает кровь и кроет мгла,
С которыми, забывши честь,
Ты мнил несчастную увезть.*

Арсений

*Мне их назвать? Отец святой,
Вот что умрет во мне, со мной.
О нет, их тайну — не мою —
Я неизменно сохраню,
Пока земля в урочный час
Как двух друзей не примет нас.
Пытай железом и огнем,
Я не признаюся ни в чем;
И если хоть минутный крик
Изменит мне... тогда, старик,
Я вырву слабый мой язык!..*

Монах

*Страшишься упорствовать, глупец!
К чему? Уж близок твой конец,
Скорее тайну нам предай.
За гробом есть и ад и рай,
И вечность в том или другом!..*

Арсений

*Послушай, я забылся сном
Вчера в темнице. Слышу вдруг
Я приближающийся звук,
Знакомый, милый разговор,
И будто вижу ясный взор...
И, пробудясь во тьме, скорей
Ищу тех звуков, тех очей...
Увы! они в груди моей!
Они на сердце как печать,
Чтоб я не смел их забывать,
И жгут его, и вновь живут...
Они мой рай, они мой ад!
Для вспоминания об них
Жизнь — ничего, а вечность —
миг!*

Игумен

*Богохулителю, удержишься!
Пади на землю, плачь, молись,*

Прими святую в грудь боязнь...
Мечтанья злые — божья казнь!
Молись ему...

Арсений

Напрасный труд!
Не говори, что божий суд
Определяет мне конец:
Все люди, люди, мой отец!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжит их бытия,
И дни грядущие мои
Им не присвоить, и в крови,
Неправой казнью пролитой,
В крови безумца молодой
Им разогреть не суждено
Сердца, увядшие давно;
И гроб без камня и креста,
Как жизнь их ни была свята,
Не будет слабым их ногам
Ступенью новой к небесам;
И тень несчастного, поверь,
Не отперет им рая дверь!..
Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине,
Но с жизнью жаль расстаться
мне!

Я молод, молод, — знал ли ты,
Что значит молодость, мечты?
Или не знал? Или забыл,
Как ненавидел и любил?
Как сердце билось живею
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой трещине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?..
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл... ты слеп, ты сед,
И от желаний ты отвык...
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил — я также мог бы
жить!..

Но тут игумен с места встал,
Речь нечестивую прервал,
И негодую все вокруг
На гордый вид и гордый дух,
Столь непреклонный пред судь-
бой,
Шептались грозно меж собой,

*И слово «пытка» там и там
Вмиг пробежало по устам,
Но узник был невозмутим,
Бесчувственно внимал он им.
Так, бурей брошен на песок,
Худой, увязнувший челнок,
Лишенный весел и гребцов,
Недвижим ждет напор валов.*

.....

.....

.....

*...Светает. В поле тишина.
Густой туман, как пелена
С посеребренной каймой,
Клубится над Днепром-рекой.
И сквозь него высокий бор,
Рассыпанный по скату гор,
Безмолвно смотрится в реке,
Едва чернея вдалеке.
И из-за тех густых лесов
Выходят стаи облаков,
А из-за них, огнем горя,
Выходит красная заря.
Блестят кресты монастыря;
По длинным башням и стенам
И по расписанным вратам*

Прекрасный, чистый и живой,
Как счастье жизни молодой,
Играет луч ее златой.

Унылый звон колоколов
Созвал уж в храм святых отцов;
Уж дым кадил между столбов,
Вился струей, и хор звучал...
Вдруг в церковь служка прибежал,
Отцу игумену шепнул
Он что-то скоро — тот вздрог-
нул
И молвил: «Где же казначей?
Поди спроси его скорей,
Не затерял ли он ключей!»
И казначей из алтаря
Пришел, дрожа и говоря,
Что все ключи еще при нем,
Что не виновен он ни в чем!
Засуетились чернецы,
Забегали во все концы,
И свод нередко повторял
«Бежал! кто? как бежал?»
И в монастырскую тюрьму
Пошли один по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой!..

Пришли, глядят: распилена
Решетка узкого окна,
Во рву притоптанный песок
Хранил следы различных ног;
Забывший на песке лежал
Стальной, зазубренный кинжал,
И польский шелковый кушак
Изорван, скручен кое-как,
К ветвям березы под окном
Привязан крепким был узлом.

Пошли прилежно по следам:
Они вели к Днепру — и там
Могли заметить на мели
Рубец отчалившей лады.
Вблизи, на прутьях тростника
Лоскут того же кушака
Висел, в воде одним концом,
Колблем ранним ветерком.

«Бежал! Но кто ж ему помог?
Конечно, люди, а не бог!..
И где же он нашел друзей?» —
Так, собираясь, меж собой
Твердили иноки порой.

Глава 3

*'Tis he! 'tis he! I know him now;
I know him by his pallid brow...[294]
Byron*

*Зима! Из глубины снегов
Встают, чернея, пни дерёв,
Как призраки, склонясь челом
Над замерзающим Днепром.
Глядится тусклый день в стекло
Прозрачных льдин — и занесло
Овраги снегом. На заре
Лишь заяц крадется к норе
И, прыгая назад, вперед,
Свой след запутанный кладет,
Да иногда, во тьме ночной,
Раздастся псов протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходит волк вокруг гумна.
И если в поле тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрип, и щелканье зубов;
И каждый вечер меж кустов
Сто ярких глаз, как свечи в ряд,
Во мраке прыгают, блестят...*

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды в ранний утра час
Боярин Орша дал приказ
Собратся челяди своей,
Точить ножи, седлать коней,
И разнеслась везде молва,
Что беспокойная Литва
С толпою дерзких воевод
На землю русскую идет.
От войска русского гонцы
Во все помчались концы,
Зовут бояр и их людей
На славный пир — на пир мечей!

Садится Орша на коня,
Дал знак рукой, — гремя, звеня,
Средь вопля женщин и детей,
Все повскакали на коней,
И каждый с знаменьем креста
За ним проехал в ворота;
Лишь он, безмолвный, не креп-
тясь,
Как бусурман, татарский князь,
К своим приближась воротам,
Возвел глаза — не к небесам;
Возвел он их на терем тот,

Где прежде жил он без забот,
Где нынче ветер лишь живет
И где, качая изредка
Дверь без ключа и без замка,
Как мать качает колыбель,
Поет гульливая метель!..

*

.....

.....

.....

Умчался дале шумный бой,
Оставляя след багровый свой...
Между поверженных коней,
Обломков копий и мечей
В то время всадник разъезжал;
Чего-то, мнилось, он искал,
То низко голову склоня
До гривы черного коня,
То вдруг привстав на стремях...
Кто ж он? Не русский! и не лях —
Хоть платье польское на нем
Пестрело ярко серебром,
Хоть сабля польская, звеня,
Стучала по ребрам коня!
Чела крутого смуглый цвет,
Глаза, в которых мрак и свет
В борьбе сменялися не раз,

Почти могли б уверить вас,
Что в нем кипела кровь татар...
Он был не молод — и не стар.
Но, рассмотрев его черты,
Не чуждые той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блеск печальный свой
Мысль неизменная дала,
Где всё, что есть добра и зла
В душе, прикованной к земле,
Отражено как на стекле, —
Вздохнувши, всякий бы сказал,
Что жил он меньше, чем стра-
дал.

Среди долины был курган.
Корнистый дуб, как великан,
Его пятою попирал
И горделиво расстилал
Над ним по прихоти своей
Шатер чернеющих ветвей.
Тут бой ужасный закипел,
Тут и затих. Громада тел,
Обезображенных мечом,
Пестрела на кургане том,
И снег, окрашенный в крови,
Кой-где протаял до земли;

Кора на дубе вековом
Была изрублена кругом,
И кровь на ней видна была,
Как будто бы она текла
Из глубины сих новых ран...
И всадник въехал на курган,
Потом с коня он соскочил
И так в раздумье говорил:
«Вот место — мертвый иль жи-
вой
Он здесь... вот дуб — к нему спи-
ной
Прижавшись, бешеный старик
Рубился — видел я хоть миг,
Как, окружен со всех сторон,
С пятью рабами бился он,
И дорого тебе, Литва,
Досталась эта голова!..
Здесь, сквозь толпу, издалека
Я видел, как его рука
Три раза с саблей поднялась
И опустилась, — каждый раз,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьем бежала кровь...
Четвертый взмах я долго ждал!
Но с поля он не побежал,
Не мог бежать, хотя б желал!..»
И вдруг он внемлет слабый стон,

Подходит, смотрит: «Это он!»
Главу, омытую в крови,
Боярин приподнял с земли
И слабым голосом сказал:
«И я узнал тебя! узнал!
Ни время, ни чужой наряд
Не изменят зловещий взгляд
И это бледное чело,
Где преступление и зло
Печать оставили свою.
Арсений! Так, я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою
И в ней шипящую змею!
Я узнаю и голос твой
Меж звуков стороны чужой,
Которыми ты, может быть,
Его желаешь изменить.
Твой умысел постиг я весь,
Я знаю, для чего ты здесь,
Но, верный родине моей,
Не отверну теперь очей,
Хоть ты б желал, изменник-лях,
Прочесть в них близкой смерти
страх,
И сожаленье, и печаль...
Но знай, что жизни мне не жаль,
А жаль лишь то, что час мой

бил,
Покуда я не отомстил,
Что не могу поднять меча,
Что на руках моих, с плеча
Омытых кровью до локтей
Злодеев родины моей,
Ни капли крови нет твоей!..»

«Старик! о прежнем позабудь...
Взгляни сюда, на эту грудь,
Она не в ранах, как твоя,
Но в ней живет тоска-змея!
Ты отомщен вполне, давно,
А кем и как — не всё ль равно?
Но лучше мне скажи, молю,
Где отыщу я дочь твою?
От рук врагов земли твоей,
Их поцелуев и мечей,
Хоть сам теперь меж ними я,
Ее спасти я поклялся!»

«Скачи скорей в мой старый дом,
Там дочь моя; ни ночь ни днем
Не ест, не спит, всё ждет да
ждет,
Покуда милый не придет!

Спешу... Уж близок мой конец,
Теперь обиженный отец
Для вас лишь страшен как мерт-
вец!»

Он дальше говорить хотел,
Но вдруг язык оцепенел;
Он сделать знак хотел рукой,
Но пальцы сжались меж собой.
Тень смерти мрачной полосой
Промчалась на его челе,
Он обернул лицо к земле,
Вдруг протянулся, захрипел,
И — дух от тела отлетел!

К нему Арсений подошел,
И руки сжатые развел,
И поднял голову с земли:
Две яркие слезы текли
Из побелевших мутных глаз,
Собой лишь светлы, как алмаз.
Спокойны были все черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.

И долго юноша над ним

Стоял, раскаяньем томим,
Невольно мысля о былом,
Прощая — не прощен ни в чем!
И на груди его потом
Он тихо распахнул кафтан:
Старинных и последних ран
На ней кровавые следы
Вились, чернели, как бразды.
Он руку к сердцу приложил,
И трепет замиравших жил
Ему неясно возвестил,
Что в буйном сердце мертвеца
Кипели страсти до конца,
Что блеск печальный этих глаз
Гораздо прежде их погас!..

Уж время шло к закату дня,
И сел Арсений на коня,
Стальные шпоры он в бока
Ему вонзил — и в два прыжка
От места битвы роковой
Он был далёко. Пеленой
Широкою за ним луга
Тянулись, — яркие снега
При свете косвенных лучей
Сверкали тысячью огней.
Пред ним стеной знакомый лес

Чернеет на краю небес.
Под сень дерев въезжает он:
Всё тихо, всюду мертвый сон,
Лишь иногда с седого пня,
Послыша близкий храп коня,
Тяжелый ворон, царь степной,
Слетит и сядет на другой,
Свой кровожадный чистя клёв
О сучья жесткие дерёв;
Лишь отдаленный вой волков,
Бегущих жадною толпой
На место битвы роковой,
Терялся в тишине степей...
Сыпучий иней вокруг ветвей
Берез и сосен, над путем
Прозрачным свившихся шатром,
Висел косматой бахромой,
И часто, шапкой иль рукой
Когда за них он задевал,
Прах серебристый осыпал
Его лицо... И быстро он
Скакал, в раздумье погружен.
Измучил непривычный бег
Его коня — в глубокий снег
Он вязнет часто... труден путь!
Как печь, его дымится грудь,
От нетерпенья седока
В крови и пене все бока.

Но близко, близко... Вот и дом
На берегу Днепра крутом
Пред ним встает из-за горы,
Заборы, избы и дворы
Приветливо между собой
Теснятся пестрою толпой,
Лишь дом боярский между них,
Как призрак, сумрачен и тих!..

Он въехал на широкий двор.
Всё пусто... будто глад иль мор
Недавно пировали в нем.
Он слез с коня, идет пешком...
Толпа играющих детей,
Испуганных огнем очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И бледностью его лица,
Его встречает у крыльца
И с криком убегает прочь...
Он входит в дом — в покоях ночь,
Закрывают ставни, пол скрипит,
Пустая утварь дребезжит
На старых полках, лишь порой,
Широкой, белой полосой
Рисуясь на печи большой,
Проходит в трещину ставней
Холодный свет дневных лучей!

И лестницу Арсений зрит
Сквозь сумрак; он бежит, летит
Наверх, по шатким ступеням.
Вот свет блеснул его очам,
Пред ним замерзшее окно:
Оно давно растворено,
Сугробом собрался большим
Снег, не растаявший под ним.
Увы! знакомые места!
Налево дверь — но заперта.
Как кровью, ржавчиной покрыт,
Большой замок на ней висит,
И, вынув нож из кушака,
Он всунул в скважину замка,
И, затрещав, распался тот...
И, тихо дверь толкнув вперед,
Он входит робкою стопой
В светлицу девы молодой.

Он руку с трепетом простер,
Он ищет взором милый взор,
И слабый шепчет он привет, —
На взгляд, на речь ответа нет!
Однако смято ложе сна,
Как будто бы на нем она
Тому назад лишь день, лишь час

Главу покоила не раз,
Младенческий вкушая сон.
Но, приближаясь, видит он
На тонких белых кружевах
Чернеющий слоями прах
И ткани паутин седых
Вкруг занавесок парчевых.

Тогда в окно светлицы той
Упал заката луч златой,
Играя, на ковер цветной;
Арсений голову склонил...
Но вдруг затрясся, отскочил
И вскрикнул, будто на змею
Поставил он пяту свою...
Увы! теперь он был бы рад,
Когда б быстрее, чем мысль иль
взгляд,
В него проник смертельный яд!..

Громаду белую костей
И желтый череп без очей
С улыбкой вечной и немой —
Вот что узрел он пред собой.
Густая, длинная коса,

Плеч беломраморных краса,
Рассыпавшись, к сухим костям
Кой-где прилипнула... и там,
Где сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно без пищи уж бродил
Кровавый червь — жилец могил!
.....

«Так вот всё то, что я любил!
Холодный и бездушный прах,
Горевший на моих устах,
Теперь без чувства, без любви
Сожмут объятия земли.
Душа прекрасная ее,
Приняв другое бытие,
Теперь парит в стране святой,
И как укор передо мной
Ее минутной жизни след!
Она погибла в цвете лет
Средь тайных мук иль без тревог,
Когда и как, то знает бог.
Он был отец — но был мой враг:
Тому свидетель этот прах,
Лишенный сени гробовой,
На свете признанный лишь мной!

Да, я преступник, я злодей —
Но казнь равна ль вине моей?
Ни на земле, ни в свете том
Нам не сойтись одним путем...
Разлуки первый грозный час
Стал веком, вечностью для нас.
О, если б рай передо мной
Открыт был властью неземной,
Клянусь, я прежде, чем вступил,
У врат священных бы спросил,
Найду ли там среди святых
Погибший рай надежд моих.
Творец! отдай ты мне назад
Ее улыбку, нежный взгляд,
Отдай мне свежие уста
И голос сладкий, как мечта,
Один лишь слабый звук отдай...
Что без нее земля и рай?
Одни лишь звучные слова,
Блестящий храм — без божества!..
Теперь осталось мне одно:
Иду! — куда? Не всё ль равно,
Та иль другая сторона?
Здесь прах ее, но не она!
Иду отсюда навсегда
Без дум, без цели и труда,

*Один с тоской во тьме ночной,
И вьюга след завевает мой!..»*

1855 или 1836

Два брата

*«Ах, брат! ах, брат! стыдись, мой
брат! [295]*

*Обеты теплые с мольбами
Забыл ли? Год тому назад
Мы были нежными друзьями...
Ты помнишь, помнишь, верно, бой,
Когда рубились мы с тобой
Против врагов родного края
Или, заботы удаляя,
С новорожденною зарей
Встречали вместе праздник Ла-
ды.*

*И что ж? Волнение досады,
Неугомонная вражда
Нас разделили навсегда!..» —
«Не называй меня как прежде,
В благополучные года.
В те дни, как верил я надежде,
Любви и дружбе... Я знавал
Волненья сердца дорогие*

И очи, очи голубые...
Я сердцем девы обладал:
Ты у меня его украл!..
Ты завладел моей прекрасной,
Ее любовью и красотой,
Ты обманул меня... ужасно!
И посмеялся надо мной».

Умолкли. Но еще стоят,
В душе терзаемы враждою.
На каждом светлые блестят
Мечи с насечкой золотою,
На каждом панцирь и шелом,
Орлиным осенен крылом.
Всё пусто вокруг в дали туманной.
Пред ними жертвенник. На нем
Кумир белеет деревянный.
И только плющ, вивась, молодой
Лелеет жертвенник простой.
Они колена преклонили,
Взаимной злобой поклялись.
Вот на коней своих вскочили
И врозь стрелою понеслись.

Давно ль? Давно ли друг без друга
[296]

Их край родимый не видал?
Давно ль, когда один страдал
В изнеможении недуга,
Другой прикованный стоял
Нежнейшей дружбой к изголо-
вью?
Вдруг, горьким мщением дыша,
Кипят! Надменная душа
Чем раздражилась? — любовью!
Аскар, добычу бранных сил,
Финляндку юную любил.
Она лила в неволе слезы
И помнила среди грустных дней
Скалы Финляндии своей.

Скалы Финляндии пустой,
Озер стеклянные заливы
И бор печальный и глухой,
Как милы вы, как вы счастливы
Своею дикой красотой...
Дымятся низкие долины,
Где кучи хижин небольших
С дворами грязными. Вкруг их
Растут кудрявые рябины,
На высотах чернеют пни
Иль стебли обгорелых сосен.
В стране той кратки дни весны

1⁸²⁹

Две невольницы

Beware, my Lord, of jealousy.[297]
«Othello». W. Shakespeare

1

«Люблю тебя, моя Заира![298]
Гречанка нежная моя!
У ног твоих богатства мира
И правоверная земля.
Когда глазами голубыми
Ты водишь медленно кругом,
Я молча следую за ними,
Как раб с мечтами неземными
За неземным своим воздем.
Пусть пляшет бойкая Гюльнара,
Пускай под белою рукой
Звенит испанская гитара —
О, не завидуй, ангел мой!
Все песни пламенной Гюльнары,
Все звуки трепетной гитары,
Всех роз восточных аромат,
Топазы, жемчуг и рубины

Султан Ахмет оставит рад
За поцелуя звук единый
И за один твой страстный
взгляд!» —

«Султан! Я в дикой, бедной доле,
Но с гордым духом рождена.
И в униженье и в неволе
Я презирать тебя вольна!
Старик, забудь свои желанья:
Другой уж пил мои лобзанья —
И первой страсти я верна!
Конечно, грозному султану
Сопротивляться я не стану,
Но знай: ни пыткой, ни мольбой
Любви из сердца ледяного
Ты не исторгнешь: я готова!
Скажи, палач готов ли твой?»

2

Тиха, душиста и светла
Настала ночь. Она была
Роскошнее, чем ночь Эдема.[299]
Заснул обширный Цареград,
Лишь волны дальные шумят
У стен крутых. Окно гарема
Отворено, и свет луны,
Скользя, мелькает вдоль стены;
И блещут стекла расписные

Холодным, радужным огнем;
И блещут стены парчевые,
И блещут кисти золотые,
Диваны мягкие кругом.
Дыша прохладою nocturnoю,
Сложивши ноги под собою,
Облокотившись на окно,
Сидела смуглая Гюльнара.
В молчанье всё погружено,
Из белых рук ее гитара
Упала тихо на диван;
И взор чрез шумный океан
Летит: туда ль, где в куцах мира
Она ловила жизни сон?
Где зреет персик и лимон
На берегу Гвадалкивира?
Нет! Он боязненно склонен
К подножью стен, где пена дрем-
лет!
Едва дыша, испанка внемлет,
И светит ей в лицо луна:
Не оттого ль она бледна?

Чу! томный крик... волной плесну-
ло...
И на кристалле той волны
Заколебалась тень стены...

*И что-то белое мелькнуло —
И скрылось! Снова тишина.
Гюльнары нет уж у окна;
С улыбкой гордости ревнивой
Она гитару вновь берет
И песнь Испании счастливой
С какой-то дикостью поет;*

*И часто, часто слово «мщенье»
Звучит за томною струной,
И злобной радости волненье
Во взорах девы молодой!*

1829 или 1830

Джюлио

Повесть

Вступление

*Осенний день тихонько угасал
[300]
На высоте гранитных шведских
скал.
Туман облек поверхности озер,
Так что едва заметить мог бы
взор*

Бегающий белый парус рыбака.
Я выходил тогда из рудника,
Где золото, земных трудов предмет,
Там люди достают уж много лет;
Здесь обратились страсти все в одну,
И вечный стук тревожит тишину,
Между столпов гранитных и аркад
Блестит огонь трепещущих лампад,
Как мысль в уме, подавленном тоской,
Кидая свет бессильный и пустой!..

Но если очи, в бесприветной мгле
Угасшие, морщины на челе,
Но если бледный, вялый цвет ланит
И равнодушный молчаливый вид,
Но если вздох, потерянный в тиши,
Являют грусть глубокую души, —
О! не завидуйте судьбе такой.

Печальна жизнь в могиле золотой.

*Поверьте мне, немногие из них
Могли собрать плоды трудов своих.*

*Не нахожу достаточных речей,
Чтоб описать восторг души моей,
Когда я вновь взглянул на небеса,
И освежила голову роса.*

*Тянулись цепью острые скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носились, крича средь высоты.
Я зрел вдали кудрявые кусты
У озера спокойных берегов
И стебли черные сухих дубов.
От рудника вился, желтея,
путь...
Как я желал скорей в себя вдохнуть
Прохладный воздух, вольный, как народ
Тех гор, куда сей узкий путь ведет.*

Вожатому подарок я вручил.
Но, признаюсь, меня он удивил,
Когда не принял денег. Я не мог
Понять зачем, и снова в кошелек
Не смел их положить... Его чер-
ты

(Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости оне),
Казалось, знакомы были мне.

И, подойдя, взяв за руку меня:
«Напрасно б, — он сказал, — скры-
вался я!

Так, Джюлио пред вами, но не
тот,

Кто по струям венецианских вод
В украшенной гондоле пролетал.
Я жил, я жил и много испытал;
Не для корысти я в стране чужой:
Могилы тьма сходна с моей ду-
шой,

В которой страсти, лета и меч-
ты

Изрыли бездну вечной пустоты...
Но я молю вас только об одном,
Молю: возьмите этот свиток. В

нем,
В нем мир всю жизнь души моей
найдет —
И, может быть, он вас остере-
жет!»
Тут скрылся быстро пасмурный
чудак,
И посмеялся я над ним; бедняк,
Я полагал, рассудок потеряв,
Не потерял еще свой пылкий нрав.
Но, пробегая свиток (видит бог),
Я много слез остановить не мог.
.....
Есть край: его Италией зовут.
Как божьи птицы, мнится, там
живут

Покойно, вольно и беспечно. И про-
шлец,
Германии иль Англии жилец,
Дивится часто счастью людей,
Скрывающих улыбкою очей
Безумный пыл и тайный яд стра-
стей.
Вам, жителям холодной сторо-
ны,
Не перенять сей ложной тишины,

Хотя ни месть, ни ревность, ни
любовь
Не могут в вас зажечь так силь-
но кровь,
Как в том, кто близ Неаполя
рожден:
Для крайностей ваш дух не сотво-
рен!..
Спокойны вы!.. На ваш унылый
край
Навек я променял сей южный рай,
Где тополи, обвитые лозой,
Хотят шатер достигнуть голу-
бой,
Где любят моря синие валы
Баюкать тень береговой скалы...

Вблизи Неаполя мой пышный дом
Белеется на берегу морском,
И вокруг него веселые сады;
Мосты, фонтаны, бюсты и пруды
Я не могу на память перечесть.
И там у вод, в лимонной роще,
есть
Беседка, всех других она милей,
Однако вспомнить я боюсь об ней.
Она душистым запахом полна,

Уединенна и всегда темна.
Ах! здесь любовь моя погребена;
Здесь крест, нагнутый временем,
торчит
Над холмиком, где Лоры труп со-
крыт.

При верной помощи теней ноч-
ных,
Бывало, мы, укрывшись от род-
ных,
Туманною озарены луной,
Спешили с ней туда рука с рукой,
И Лора, лютню взяв, певала мне...
Ее плечо горело как в огне,
Когда к нему я голову склонял
И пойманные кудри целовал...
Как гордо волновалась грудь твоя,
Коль, очи в очи томно устремя,
Твой Джюлио слова любви твер-
дил;
Лукаво милый пальчик мне гро-
зил,
Когда я, у твоих склоняясь ног,
Восторг в душе остановить не
мог...
Случалось, после я любил сильнее,

Чем в этот раз, но жалость лишь
о сей
Любви живет, горит в груди мо-
ей.
Она прошла, таков судьбы закон,
Неумолим и непреклонен он,
Хотя щадит луны любезный свет,
Как памятник всего, чего уж нет.

О тень священная! простишь ли
ты
Тому, кто обманул твои мечты,
Кто обольстил невинную тебя
И навсегда оставил, не скорбя?
Я страсть твою употребил во
зло,
Но ты взгляни на бледное чело,
Которое изрыли не труды, —
На нем раскаянья и мук следы;
Взгляни на степь, куда я убежал,
На снежные вершины шведских
скал,
На эту бездну смрадной темно-
ты,
Где носятся, как дым, твои чер-
ты,
На ложе, где с рыданием, с тос-

кой

Клянусь себя с минутой роковой...
И сжался, сжался, сжался на-
до мной!..

.....

Когда мы женщину обманем,
тайный страх
Живет для нас в младых ее очах;
Как в зеркале, вину во взоре том
Мы различив, укор себе прочтем.
Вот отчего, оставя отчий дом,
Я поспешил, бессмысленный, бе-
жать,
Чтоб где-нибудь рассеянье сыс-
кать!

Но с Лорой я проститься захотел.
Я объявил, что мне в чужой пре-
дел

Отправиться на много должно
лет,
Чтоб осмотреть великий божий
свет.

«Зачем тебе! — воскликнула
она. —

Что даст тебе чужая сторона,
Когда ты здесь не хочешь быть
счастливым?..

Подумай, Джюлио! — тут, взор

склонив,

Она меня рукою обняла. —
Ах, я почти уверена была,
Что не откажешь в просьбе мне
одной:

Не покидай меня, возьми с собой,
Не преступи вторично свой
обет...

Теперь... ты должен знать!..» —

«Нет, Лора, нет! —

Воскликнул я. — Оставь меня, за-
будь;

Привязанность былую не вдох-
нуть

В холодную к тебе отныне
грудь, —

Как странники на небе, облака,
Свободно сердце и любовь легка».

И, побледнев как будто бы сквозь
сна,

В ответ сказала тихо мне она:
«Итак, прости навек, любезный
мой;

Жестокий друг, обманщик доро-
гой,

Когда бы знал, что оставляешь

ты...

Однако прочь безумные мечты,
Надежда! сердце это не смущай...
Ты более не мой... прощай!.. про-
щай!..

Желаю, чтоб тебя в чужой стра-
не

Не мучила бы память обо мне...»

То был глубокой вещью скорби
глас.

Так мы расстались. Кто жалчей
из нас,

Пускай в своем уме рассудит
тот,

Кто некогда сии листы прочтет.

Зачем цену утраты на земле
Мы познаем, когда уж в вечной
мгле

Сокровище потонет и никак
Нельзя разгнать его покрывший
мрак?

Любовь молодых, прелестных жен-
ских глаз,

По редкости, сокровище для нас

(Так мало дев, умеющих любить),
Мы день и ночь должны его хра-
нить,
И горе! если скроется оно:
Навек блаженства сердце лишено.
Мы только раз один в кругу зем-
ном
Горим взаимной нежности огнем.
Пять целых лет провел в Париже
я.
Шалил, именье с временем губя;
Первоначальной страсти жар
святой
Я называл младенческой мечтой.
Дорога славы, заманив мой взор,
Наскучила мне. Совесть укор
Убить любовью новой захотев,
Я стал искать беседы юных дев;
Когда же охладел к ним наконец,
Представила мне дружба свой ве-
нец;
Повеселив меня немного дней,
Распался он на голове моей...
Я стал бродить, печален и один;
Меня уверили, что это сплин;
Когда же надоели доктора,
Я хладнокровно их согнал с двора.

Душа моя была пуста, жестка.
Я походил тогда на бедняка:
Надеясь клад найти, глубокий ров
Он ископал среди своих садов,
Испортить не страшась гряды
цветов,
Рыл, рыл — вдруг что-то засту-
чало — он
Вздрогнул... предмет трудов его
найден —
Приблизился... торопится... гля-
дит:
Что ж? — перед ним гнилой ске-
лет лежит!
«Заботы вьются в сумраке ночей
Вкруг ложа мягкого, золотых ки-
стей;
У изголовья совесть-скорпион
От вежд засохших гонит сладкий
сон;
Как ветер преследует по небу
вдаль
Оторванные тучки, так печаль,
В одну и ту же с нами сев ладью,
Не отстаёт ни в куще, ни в бою»
—
Так римский говорит поэт-муд-
рец.

Ах! это испытал я наконец,
Отправившись, не зная сам куда,
И с Сеною простившись навсегда!..
Ни диких гор Швейцарии снега,
Ни Рейна вдохновенные брега
Ничем мне ум наполнить не мог-
ли

И сердцу ничего не принесли

.....

.....

Венеция! о, как прекрасна ты,
Когда, как звезды спавши с высо-
ты,
Огни по влажным улицам твоим
Скользят и с блеском синим, зо-
лотым
То затрепещут и погаснут вдруг,
То вновь зажгутся; там далекий
звук,
Как благодарность в злой душе,
порой
Раздастся и умрет во тьме ноч-
ной:
То песнь красавицы, с ней друг ея;
Они поют, и мчится их ладья.
Народ, теснясь на берегу, кипит.
Оттуда любопытный взор сле-
дит

Какой-нибудь красивый навильон,
Который бегло в волнах отражен.
Разнообразный плеск и вёсел шум
Приводят много чувств и много
дум;
И много чудных случаев рождает
Ничем не нарушимый карнавал.

Я прихожу в гремящий маскарад,
Нарядов блеск там ослепляет
взгляд;
Здесь не узнает муж жены своей.
Какой-нибудь лукавый чичисбей,
[301]
Под маской, близ него проходит с
ней,
И муж готов божиться, что же-
на
Лежит в доме отчаянно больна...
Но если всё проник ревнивый взор

—
Тотчас кинжал решит недолгий
спор,
Хотя ненужно пролитая кровь
Уж не воротит женскую лю-
бовь!..
Так мысля, в зале тихо я блуждал

И разных лиц движенья наблюдал,
Но, как пустые грезы снов пу-
стых,
Чтоб рассказать, я не запомню
их.

И вижу маску: мне грозит она.
Огонь паров застольного вина
Смутил мой ум, волнуя кровь
мою.

Я домино окутался, встаю,
Открыл лицо, за тайным чуда-
ком
Стремлюсь и покидаю шумный
дом.

Быстрее ног преследуют его
Мои глаза, не помня ничего;
Вослед за ним, хотя и не хотел,
На лестницу крутую я взлетел!..

Огромные покои предо мной,
Отделаны с искусственной кра-
сой;
Сияли свечи яркие в углах,
И живопись дышала на стенах.
Ни блеск, ни сладкий аромат цве-
тов
Желаньем ускоряемых шагов

Остановить в то время не могли:
Они меня с предчувствием несли
Туда, где, на диване опустясь,
Мой незнакомец, бегом утомясь,
Сидел; уже я близко у дверей —
Вдруг (изумление души моей
Чьи краски на земле изобразят?)
С него упал обманчивый наряд —
И женщина единственной красоты
Стояла близ меня. Ее власы
Катились на волнуемую грудь
С восточной негой... Я не смел
дохнуть,
Покуда взор, весь слитый из огня,
На землю томно не упал с меня.
Ах! он стрелой во глубь мою про-
ник!
Не выразил бы чувств моих в сей
миг
Ни ангельский, ни демонский
язык!..
Средь гор Кавказских есть, слышал
я, грот,
Откуда Терек молодой течет,
О скалы неприступные дробясь;
С Казбека в пропасть иногда ска-
тясь,
Отверстие лавина завалит,

Как мертвый, он на время замол-
чит...
Но лишь враждебный снег промо-
ет он,
Быстрее его не будет Аквилон;
[302]
Беги сайгак от берега в тот час
И жаждающий табун — умчит он
вас,
Сей ток, покрытый пеною густой,
Свободный, как чеченец удалой.
Так и любовь, покрыта скуки
льдом,
Прорвется и мучительным огнем
Должна свою разрушить колы-
бель,
Достигнет или не достигнет
цель!..
И беден тот, кому судьбина, дав
И влюбчивый и своевольный нрав,
Позволила узнать подробно мир,
Где человек всегда гоним и сир,

Где жизнь — измен взаимных веч-
ный ряд,
Где память о добре и зле — всё яд
И где они, покорствуя страстям,

Приносят только сожаленье
нам!

Я был любим, сам страстию пы-
лал
И много дней Мелиной обладал,
Летучих наслаждений властелин.
Из этих дён я не забыл один:
Златило утро дальний небосклон,
И запах роз с берегов был разнесен
Далёко в море; свежая волна,
Играющим лучом пробуждена,
Отзывы песни рыбаков несла...
В ладье, при верной помощи весла,
Неслися мы с Мелиною сам-друг,
Внимая сладкий и небрежный
звук;
За нами, в блеске утренних лучей,
Венеция, как пышный мавзолей
Среди песков Египта золотых,
Из волн поднявшись, озирала их.
В восторге я твердил любви слова
Подруге пламенной; моя глава,
Когда я спорить уставал с водой,
В колена ей склонялася порой.
Я счастлив был; не ведомый ни-
кем,

Казалось, я покоен был совсем
И в первый раз лишь мог о том за-
быть,
О чем грустил, не зная возвра-
тить.
Но дьявол, сокрушитель благ зем-
ных,
Блаженство нам дарит на крат-
кий миг,
Чтобы удар судьбы сразил силь-
ней,
Чтобы с жестокой тягостью сво-
ей
Несчастье унесло от жадных глаз
Всё, что ему еще завидно в нас.

Однажды (ночь на город уж легла,
Луна как в дыме без лучей плыла
Между сырых туманов; ветер ноч-
ной,
Багровый запад с тусклою луной

Всё предвещало бури, но во мне
Уснули, мнилось, навсегда оне)
Я ехал к милой. Радость и любовь
Мою младую волновали кровь, —

Я был любим Мелиной, был бо-
гат,
Всё вокруг мне веселило слух и
взгляд:
Роптанье струй, мельканье чел-
ноков,
Сквозь окна освещение домов
И баркарола мирных рыбаков.
К красавице вошел я; целый дом
Был пуст и тих, как завоеван
сном.
Вот проникаю в комнаты — и
вдруг
Я роковой вблизи услышал звук,
Звук поцелуя... Праведный творец,
Зачем в сей миг мне не послал ко-
нец?
Зачем, затрепетав как средь ог-
ня,
Не выскочило сердце из меня?
Зачем, окаменевший, я опять
Движенье жизни должен был при-
нять?..
Бегу, стремлюсь — трещит — и
настежь дверь!..
Кидаясь, как разъяренный зверь,
В ту комнату, и быстрый шум
шагов

Мой слух мгновенно поразил —
без слов,
Схватив свечу, я в темный коридор,
Где, ревностью пылая, встретил
взор
Скользящую, как некий дух ночной,
По стенам тень. Дрожащею рукой
Схватив кинжал, машу перед собой!
И вот настиг; в минуту удержу
—

Рука... рука... хочу схватить —
гляжу:
Недвижная, как мертвая бледна,
Мне преграждает дерзкий путь она!
Подъемлю злобно очи... страшный вид!..
Качая головой, призрак стоит.
Кого ж я в нем, встревоженный, узнал?
Мою обманутую Лору!..
...Я упал!

Печален степи вид, где без препон
Скитается летучий Аквилон
И где кругом, как зорко ни смот-
ри,
Встречаете березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пу-
стой, —
Так жизнь скучна, когда боренья
нет;
В ней мало дел мы можем в цве-
те лет,

В минувшее проникнув, разли-
чить,
Она души не будет веселить,
Но жребий я узнал совсем иной;
Убит я не был раннею тоской...
Страстей огонь, неизлечимый яд,
Еще теперь в душе моей кипят...
И их следы узнал я в этот раз.
В беспамятстве, не открывая
глаз,
Лежал я долго; кто принес меня
Домой, не мог узнать я. День от
дня
Рассудок мой свежей и тверже

был;
Как вновь меня внезапно посетил
Томительный и пламенный недуг.
Я был при смерти. Ни единый друг
Не приходил проведать о боль-
ном...
Как часто в душном сумраке ноч-
ном
Со страхом пробегал я жизнь
мою,
Готовясь предстать пред судию;
Как часто, мучим жаждой огне-
вой,
Я утолить ее не мог водой,
Задохшейся, и теплой, и гнилой;
Как часто хлеб перед лишенным
сил
Черствел, хотя еще не тронут
был;
И скольких слез, стараясь мужем
быть,
Я должен был всю горечь прогло-
тить!..

И долго я томился. Наконец,
Родных полей блуждающий бег-
лец,

Я возвратился к ним.
В большом саду
Однажды я, задумавшись, иду,
И вдруг пред мной беседка. Узнаю
Зеленый свод, где я сказал «люб-
лю»
Невинной Лоре (я еще об ней
Не спрашивал соседственных лю-
дей),
Но страх пустой мой ум преодо-
лел.
Вхожу, и что ж бродящий взгляд
узрел?
Могилу! — свежий, летний вете-
рок
Порою нес увялый к ней листок,
И, незабудками испещрена,
Дышала сыростью и мглой она.
Не ужасом, но пасмурной тоской
Я был подавлен в миг сей роковой!

Презренье, гордость в этой тиши-
не
Старались жалость победить во
мне.
Так вот что я любил!.. Так вот о
ком

Я столько дум питал в уме моем!..

*И стоило ль любить и покидать,
Чтобы странам чужим нести казнь*

Испорченное сердце (плод страстей),

В чем недостатка нет между людей?..

*Так вот что я любил! Клянусь,
мой бог,*

Ты лучшую ей участь дать не мог;

*Пресечь должна кончина бытие:
Чем раньше, тем и лучше для нее!*

И блещут, дева, незабудки над тобой,

Хотя забвенья стали пеленой;

Сплела из них земля тебе венец...

Их вырастили мать и отец,

На дерн роняя слезы каждый день,

Пока туманная, ложася, тень

С холодной сладкою росой ночей

Не освежала старых их очей...

.....

И я умру! — но только ветр сте-

ней
Восплачет над могилою моей!..

Преодолеть стараясь дум борьбу,
Так я предчувствовал свою судь-
бу...

.....

.....

И я оставил прихотливый свет,
В котором для меня веселья нет
И где раскаянье бежит от нас,
Покуда юность не оставит глаз.
Но я был стар, я многое свершил!
Поверьте: не одно лишенье сил,
Последствие толпой протекших
дней,
Браздит чело и гасит жизнь
очей!..

Я потому с досадой их кидал
На мир, что сам себя в нем прези-
рал!

Я мнил: в моем лице легко про-
честь,
Что в сей груди такое чувство
есть.

Я горд был, и не снес бы, как позор,
Пытающийся, нескромный, хитрый

взор.

Как мог бы я за чашей хохотать
И яркий дар похмелья выпивать,
Когда всечасно мстительный ме-
талл

В больного сердца струны ударял?
Они меня будили в тьме ночной,
Когда и ум, как взгляд, подернут
мглой,

Чтобы нагнать еще ужасней сон;
Не уходил с зарей багровой он.

Чем боле улыбалось счастье мне,
Тем больше я терзался в глубине,
Я счастье, казалось, привлек,
Когда его навеки отнял рок,
Когда любил в огне мучений злых
Я женщин мертвых более живых.

Есть сумерки души во цвете лет,
Меж радостью и горем полусвет;
Жмет сердце безотчетная тоска;
Жизнь ненавистна, но и смерть
тяжка.

Чтобы спастись от этой пусто-
ты,

Воспоминаньем иль игрой мечты
Умножь одну или другую ты.
Последнее мне было легче! Я
Опять бежал в далекие края;
И здесь, в сей бездне, в северных го-
рах,
Зароют мой изгнаннический прах.
Без имени в земле он должен
гнить,
Чтоб никого не мог остановить.
Так я живу. Подземный мрак и
хлад,
Однообразный стук, огни лампад
Мне нравятся. Товарищей толпу
Презреннее себя всегда я чту,
И самолюбье веселит мой нрав:
Так рад кривой, слепого увидав!

.....

.....

И я люблю, когда немая грусть
Меня кольнет, на воздух выйти.
Пусть,
Пусть укорит меня обширный
свод,
За коим в славе восседает тот,
Кто был и есть и вечно не
прейдет.
Задумавшись, нередко я сижу

Над дикою стремниной и гляжу

*В туманные поля передо мной,
Отдохшие под свежесою росой.*

« »

Тогда, как я, воскликнешь к небесам,

*Ломая руки: «Дайте прежним
дням*

*Воскреснуть!» — но ничто их не
найдет,*

И молодость вторично не придет!..

*Ах! много чувств и мрачных и
живых*

*Открыть хотел бы Джюлио. Но
их*

*Пускай обнимет ночь, как и
меня!..*

*Уже в лампаде нет почти огня,
Страница кончена — и (хоть чудна)*

*С ней повесть жизни, прежде чем
она...*

Исповедь

1

День гас; в наряде голубом,
Крутясь, бежал Гвадалкивир,
И, не заботясь о том,
Что есть под ним какой-то мир,
Для счастья чуждый, полный
злом,
Светило южное текло,
Беспечно, пышно и светло,
Но в монастырскую тюрьму
Игривый луч не проникал.
Какую б радость одному
Туда принес он, если б знал.
Главу склоня, в темнице той
Сидел отшельник молодой,
Испанец родом и душой;
Таков был рок! Зачем, за что, —
Не знал и знать не мог никто,
Но, в преступленье обвинен,
Он оправданья не искал;
Он знал людей и знал закон...
И ничего от них не ждал.
Но вот по лестнице крутой
Звучат шаги, открылась дверь,

*И старец дряхлый и седой
Взошел в тюрьму, — зачем те-
перь,
Что сожаленья и привет
Тому, кто гибнет в цвете лет?*

2

*«Ты здесь опять! Напрасный
труд!..
Не говори, что божий суд
Определяет мне конец.
Всё люди, люди, мой отец...
Пускай погибну, смерть моя
Не продолжит их бытия,
И дни грядущие мои
Им не присвоить — и в крови,
Неправой казнью пролитой,
В крови безумца молодой,*

*Согреть им вновь не суждено
Сердца, увядшие давно;
И гроб без камня и креста,
Как жизнь их ни была свята,
Не будет слабым их ногам
Ступенью новой к небесам.
И тень невинного, поверь,
Не отперет им рая дверь.*

Меня могила не страшит.
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине,
Но с жизнью жаль расстаться
мне.

Я молод, молод, — знал ли ты,
Что значит молодость, мечты?

Или не знал — или забыл,
Как ненавидел и любил,

Как сердце билось живею

При виде солнца и полей

С высокой башни угловой,

Где воздух свеж и где порой

В глубокой скважине стены

Дитя неведомой страны,

Прижавшись, голубь молодой

Сидит, испуганный грозой!

Пускай теперь прекрасный свет

Тебе постыл — ты слеп, ты сед

И от желаний ты отвык.

Что за нужда? — ты жил, старик;

Тебе есть в мире что забыть!

Ты жил! Я также мог бы жить!

3

Ты слушать исповедь мою

Сюда пришел — благодарю;

Не понимаю: что была
У них за мысль? Мои дела
И без меня ты должен знать —
А душу можно ль рассказать?
И если б мог я эту грудь
Перед тобою развернуть,
Ты, верно, не прочел бы в ней,
Что я преступник иль злодей.
Пусть монастырский ваш закон
Рукою неба утвержден,
Но в этом сердце есть другой,
Ему не менее святой;
Он оправдал меня — один
Он сердца полный властелин.
И тайну страшную мою
Я неизменно сохраню,
Пока земля в урочный час
Как двух друзей не примет нас.
Доселе жизнь была мне плен
Среди угрюмых этих стен,
Где детства ясные года
Я проводил — бог весть куда!
Как сон, без радости и бед,
Промчались тени лучших лет,
И воскресить те дни едва ль
Желал бы я — а всё их жаль!
Зачем, молчание храня,
Так грозно смотришь на меня?

Я волен... я не брат живых.
Судей бесчувственных моих
Не проклиная... но, старик,
Я признаюсь, мой язык
Не станет их благодарить
За то, что прежде, может быть,
Чем луч зари на той стене
Погаснет в мирной тишине,
Я, свежий, пылкий, молодой,
Который здесь перед тобой
Живу, как жил тому пять лет,
Весь превращуся в слово «нет»!
И прах, лишенный бытия,
Уж будет прах один — не я!

4

И мог ли я во цвете лет,
Как вы, душой оставить свет
И жить, не ведая страстей,
Под солнцем родины моей?
Ты позабыл, что седина
Меж этих кудрей не видна,

Что пламень в сердце молодом
Не остудить мольбой, постом!
Когда над бездною морской
Свирепой бури слышен вой

И гром гремит по небесам,
Вели не трогаться волнам
И сердцу бурному вели
Не слушать голоса любви!..
Да если б черный сей наряд
Не допускал до сердца яд,
Тогда я был бы виноват,
Но под одеждой власяной
Я человек, как и другой!
И ты, бесчувственный старик,
Когда б ее небесный лик
Тебе явился хоть во сне,
Ты позавидовал бы мне
И в исступленье, может быть,
Решился б также согрешить,
Отвергнув всё — закон и честь,
Ты был бы счастлив перенести
За слово, ласку или взор
Мое страданье, мой позор!..

5

Я о спасенье не молюсь,
Небес и ада не боюсь;
Пусть вечно мучусь: не беда!
Ведь с ней не встречу никогда!
Разлуки первый, грозный час
Стал веком, вечностью для нас!
И если б рай передо мной

Открыт был властью неземной,
Клянусь, я, прежде чем вступил,
У врат священных бы спросил,
Найду ли там, среди святых,
Погибший рай надежд моих?
Нет, перестань, не возражай...
Что без нее земля и рай?
Пустые звонкие слова,
Блестящий храм без божества!
Увы! отдай ты мне назад

Ее улыбку, милый взгляд,
Отдай мне свежие уста
И голос сладкий, как мечта...
Один лишь слабый звук отдай...
О! старец! что такое рай?..

6

Смотри, в сырой тюрьме моей
Не видно солнечных лучей,
Но раз на мрачное окно
Упал один — давным-давно;
И с этих пор между камней,
Ничтожный след веселых дней,
Забыв, как узник одинок,
Растет бледнеющий цветок,
Но вовсе он не расцветет

И где родился — там умрет.
И не сходна ль, отец святой,
Его судьба с моей судьбой?
Знай, может быть, ее уж нет...
И вот последний мой ответ:
Поди, беги, зови скорей
Окровавленных палачей:
Судить и медлить вам начто?
Она не тут — и всё ничто!
Прощай, старик; вот казни час:
За них молись... В последний раз
Тебе клянусь перед творцом,
Что не виновен я ни в чем.
Скажи, что умер я как мог,
Без угрызений и тревог,
Что с тайной гибельной моей
Я не расстался для людей...
Забудь, что жил я... что любил
Гораздо более, чем жил!
Кого любил? Отец святой,
Вот что умрет во мне, со мной.
За жизнь, за мир, за вечность вам
Я тайны этой не продам!»
.....
.....

7

...И он погиб — и погребен.

И в эту ночь могильный звон
Был степи ветром принесен
К стенам обители другой,
Объятой сонной тишиной,
И в храм высокий он проник...
Там, где сиял мадонны лик
В дыму трепещущих лампад,
Как призраки стояли в ряд
Двенадцать дев, которых свет
Причел к умершим с давних лет.
Неслась мольба их к небесам,
И отвечал старинный храм
Их песни мирной и святой,
И пели все, кроме одной.
Как херувим, она была
Обворожительно мила.
В ее лице никто б не мог
Открыть печали и тревог.
Но что такое женский взгляд?
В глазах был рай, а в сердце ад!
Прилежным ухом у окна
Шум ветра слушала она,
Как будто должен был принести
Он речь любви иль смерти весть!..
Когда ж унылый звон проник
В обширный храм — то слабый
крик
Раздался, пролетел и вмиг

*Утих. Но тот, кто услышал,
Подумал, верно, иль сказал,
Что дважды из груди одной
Не вылетает звук такой!..
Любовь и жизнь он взял с собой.*

Вторая половина 1831

Мцыри

Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю.

1-я Книга Царств

1

*Немного лет тому назад,[303]
Там, где, сливаясь, шумят,[304]
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,*

*Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных
плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.*

.....

*И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.*

2

*Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести,
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.*

Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Гоним неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругам.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной

Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной

*Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.*

4

*Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, —
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. И видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь*

Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться
мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живею
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет

Тебе постыл; ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежесю толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял.
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятая каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтиться никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,

*Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних
стран!*

*Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...*

7

*И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров*

Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножон
Кинжалов длинных... и как сон
Все это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождем
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал, и наконец, устал,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал,
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной

Поток усиленный грозой
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудью камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листья;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж деревьев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голо-
сам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всуе, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно,
опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет

Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал.
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — легкий шум ша-

гов...

Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе все звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры

Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять! ..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:

Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятая жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!

Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Все лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста.
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на деревья;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,

И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный
лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг во ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,

Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...

Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь:
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.

Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к ли-
цу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...

Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И все зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой

Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут все ясно стало мне...
О, я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!

Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, все ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печально тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжиг
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И как его, палил меня

Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры, с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью золотой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок.
Скользила бережно, потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

И было все на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатую стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...

А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне.
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
Он говорил:

«Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

*Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.*

*

*Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.*

*

*О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»*

*И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред*

24

*Так я найден и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне все равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.*

25

*Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожест свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой*

Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в
раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне при-

шет,
Пришет с прохладным ветер-
ком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо
мною,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну..
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1⁸³⁹

Олег

1

Во мгле языческой дубравы[305]
В года забытой старины
Когда-то жертвенник кровавый
Дымился божеству войны.[306]
Там возносился дуб высокой,
Священный древностью глубокой.

Как неподвижный царь лесов,
Чело до самых облаков
Он подымал. На нем висели
Кольчуги, сабли и щиты,
Вокруг сожженные кусты
И черепа убитых тлели...
И песня Лады никогда
Не приносилась сюда!.. [307]

Поставлен веры теплым чув-
ством,
Блестел кумир в тени ветвей,
И лик, расписанный искусством,
Был смыт усилием дождей.
Вдали лесистые равнины
И неприступные вершины
Гранитных скал туман одел,
И Волхов за лесом шумел.
Склонен невольню к удивленью,
Пришелец чуждый, в наши дни
Не презирай сих мест: они
Знакомы были вдохновенью!.. [308]
И скальдов северных не раз [309]
Здесь раздавался смелый глас...

Утихло озеро. С стремниной
Молчат туманные скалы,
И вьются дикие орлы,
Крича над зеркальной пучиной.
Уж челнока с давнишних пор
Волна глухая не лелеет,
Кольцом вокруг угрюмый бор,
Подняв вершины, зеленеет,
Скрываясь за хребтами гор.

Давно ни пес, ни всадник смелый
Страны глухой и опустелой
Не посещал. Окрестный зверь
Забыл знакомый шум ловитвы.
Но кто и для какой молитвы
На берегу стоит теперь?..
С какою здесь он мыслью стран-
ной?
С мечом, в кольчуге, за спиной
Колчан и лук. Шишак стальной
Блестит насечкой иностранной...
Он тихо красный плащ рукой
На землю бросил, не спуская
Недвижных с озера очей,
И кольца русые кудрей
Бегут, на плечи ниспадая.
В герое повести моей

Следы являлись кратких дней,
Но не приметно впечатлений:
Ни удовольствий, ни волнений,
Ни упоительных страстей.

И, став у пенистого берега,
Он к духу озера воззвал:
«Стрибог! я вновь к тебе пред-
стал,[310]
Не мог ты позабыть Олега.
Он приносил к тебе врагов,
Сверша опасные набеги.
Он в честь тебе их пролил кровь.
И тот опять средь сих лесов,
Пред кем дрожали печенеги.
Как в день разлуки роковой,
Явись опять передо мной!»

И шумно взволновались воды,
Растут свинцовые валы,
Как в час суровой непогоды,
Покрылись пеною скалы.
Восстал в середине столб туман-
ный...
Тихонько вид меняя странный,
Ясней, ясней, ясней... и вот

Стрибог по озеру идет.
Глаза открытые сияли,
Подъялась влажная рука,
И мокрые власы бежали
По голым персям старика.

3

Ах, было время, время боев
На милой нашей стороне.
Где ж те года? Прошли оне
С мгновенной славою героев.
Но тени сильных я видал
И громкий голос их слышал:
В часы суровой непогоды,
Когда, бушуя, плещут воды,
И вихрь, клубя седую пыль,
Волнует по полям ковыль,
Они на темно-сизых тучах
Разнообразною толпой
Летят. Щиты в руках могучих,
Их тешит бурь знакомый вой.
Сплетаясь цепью воздушной,
Они вступают в грозный бой.
Я зрел их смутною душой,
Я им внимал неравнодушно.
На мне была тоски печать,

Бездействием терзалась совесть,
И я решился начертать
Времен былых простую повесть.

Жил-был когда-то князь Олег,
Владелец русского народа,
Варяг, боец (тогда свобода[311]
Не начинала свой побег).
Его рушительный набег

Почти от Пскова до Онеги
Поля и веси покорил...[312]
Он всем соседям страшен был:
Пред ним дрожали печенеги,[313]
С ним от Каспийских берегов
Казары дружества искали,[314]
Его дружины побеждали
Свирепых жителей дубров.
И он искал на греков мести,
Презреньем гордых раздражен...
Царь Византии был смущен
Молвой ужасной этой вести...
Но что замедлил князь Олег
Свой разрушительный набег?..

Корсар

Longtemps il eut le sort prospere
Dans ce metier si dangereux.
Las! il devient trop temeraire
Pour avoir ete trop heureux.[315]
La Harpe

Часть 1

*Друзья, взгляните на меня![316]
Я бледен, худ, потухла радость
В очах моих, как блеск огня.
Моя давно увяла младость,
Давно, давно нет ясных дней,
Давно нет цели упованья!..
Исчезло всё!.. Одни страданья
Еще горят в душе моей.*

*Я не видал своих родимых —
Чужой семьей воскормлен я;
Один лишь брат был у меня,
Предмет всех радостей любимых.
Его я старе годом был,
Но он равно меня любил,*

Равно мы слезы проливали,
Когда всё спит во тьме ночной,
Равно мы горе поверяли
Друг другу жаркою душой!..

Нам очарованное счастье
Мелькало редко иногда!..
Увы! — не зрели мы ненастья,
Нам угрожавшего тогда.

Мой умер брат! Перед очами
Еще теперь тот страшный час,
Когда в ногах его с слезами
Сидел! Ах! я не зрел ни раз
Столь милой смерти хладной му-
ки:
Сложив крестообразно руки,
Несчастный тихо угасал
И бледны впалые ланиты
И смертный взор, тоской убитый,
В подушке бедный сокрывал.
«Он умер!» — страшным восклицаньем
Сражен я вдруг был с содрога-
нием,
Но сожаленье, не любовь

Созрели жизнь мою и кровь...

С тех пор с обманутой душою
Ко всем я недоверчив стал.
Ах! не под кровлею родною
Я был тогда — и увядал.
Не мог с улыбкою смиренья
С тех пор я всё переносить:
Насмешки, гордости презренья...
Я мог лишь пламенней любить.
Самим собою недоволен,
Желая быть спокоен, волен,
Я часто по лесам бродил
И только там душою жил,
Глядел в раздумий глубоком,
Когда на дереве высоком
Певец незримый напевал
Веселье, радость и свободу,
Как нежно вдруг ослабевал,
Как он, треща, свистал, щелкал,
Как по лазоревому своду
На легких крыльях порхал,
И непонятное волненье
В душе я сильно ощущал.
Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свет,

Узнав неверной жизни цену,
В сердцах людей нашед измену,
Утратив жизни лучший цвет,
Ожесточился я — угрюмой
Душа моя смутилась думой;
Не могши более страдать,
Я вдруг решился убежать.

Настала ночь... Я встал печально
С постели, грустью омрачен.
Во всем доме глубокий сон.
Хотелось мне хоть взор прощаль-
ный
На место бросить то, где я
Так долго жил в тиши безвест-
ной,
Где жизни тень всегда прелест-
ной
Беспечно встретила меня.
Я взял кинжал; два пистолета
На мне за кожаным ремнем
Звенели. Я страшился света
Луны в безмолвии ночном...

Но вихорь сердца молодого
Меня влачил к седым скалам,

Где между берега крутого
Дунай кипел, ревел; и там,
Склонясь на камень головою,
Сидел я, озарен луною...
Ах! как она, томна, бледна,
Лила лучи свои златые
С небес на рощи береговые.
Везде знакомые места,
Всё мне напоминало младость,
Всё говорило мне, что радость
Навеки здесь погребена.
Хотел проститься с той моги-
лой,
Где прах лежал столь сердцу ми-
лый.
Перебежавши через ров,
Пошел я тихо по кладбищу,
Душе моей давало пищу
Спокойствие немых гробов.
И долго, долго я в молчанье
Стоял над камнем гробовым...
Казалось, веяло в страданье
Каким-то холодом сырым.

Потом... неверными шагами
Я удалился — но за мной,
Казалось, тень везде бежала...

Я ночь провел в глуши лесной;
Заря багряно освещала
Верхи холмов; ночная тень
Уже редела надо мною.
С отягощенною главою
Я там сидел, склонясь на пень...
Но встал, пошел к брегам Дуная,
Который издали ревел,
Я в Грецию идти хотел,
Чтоб турок сабля роковая
Пресекла горестный удел.
(В душе сменялося мечтанье) —
Ярчее дневное сиянье,
И вот Дунай уж предо мной
Синел с обычной красотой.
Как он, прекрасный, величавый,
Играл в прибережных скалах.
Воспоминанье о делах
Живет здесь, и протекшей славой
Река гордится. Сев на брег,
Я измерял Дуная бег.
Потом бросаюсь в быстры волны,
Они клубятся под рукой
(Я спорил с быстрою рекой),
Но скоро на берег безмолвный
Я вышел. Всё в душе моей
Мутилось пеною Дуная;
И бросив взор к стране своей:

«Прости, отчизна золотая! —
Сказал. — Быть может, в этот
раз
С тобой навеки мне проститься,
Но этот миг, но этот час
Надолго в сердце сохранится!..»
Потом я быстро удалился...

Зачем вам сказывать, друзья,
Что было как потом со мною;
Скажу вам только то, что я
Везде с обманутой душою
Бродил один как сирота,
Не смея ввериться, как прежде,

Всё изменяющей надежде.
Мир был чужой мне, жизнь пуста

Уж я был в Греции прекрасной,
А для души моей несчастной
Ее лишь вид отравой был.
День приходил — день уходил...
Уже с Балканския вершины
Открылись Греции долины,
Уж море синее, блестя
Под солнцем пламенным Восто-

ка,
Как шум нагорного потока,
Обрадовало вдруг меня...
Но как спастися нам от рока!
Я здесь нашел, здесь погубил
Почти всё то, что я любил.

Часть 2

Где Геллеспонт седой, широкий,
[317]
Плеская волнами, шумит,
Покрытый лесом, одинокий,
Афос задумчивый стоит.[318]
Венчаный грозными скалами,
Как неприступными стенами
Он окружен. Ни быстрых волн,
Ни свиста ветров не боится.
Беда тому, чей бранный челн
Порывом их к нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохом заросло.
Между стремнин, между куста-
ми,
Изрезан узкими тропами,
С востока ряд зубчатых гор
К подошве тянутся Афоса,

И башни гордые Лемоса[319]
Встречает удивленный взор...
Порою корабли водами
На быстрых белых парусах
Летали между островами
Как бы на лебедя крылах.
Воспоминанье здесь одною
Прошедшей истиной живет.
Там Цареградский путь идет[320]
Чрез поле черной полосою.

(Я шел, не чувствуя себя;
Я был в стремительном волне-
нье,
Увидев, Греция, тебя!)...
Кустарник дикий в отдаленье
Терялся меж угрюмых скал,
Меж скал, где в счастья упоенье
Фракиец храбрый пировал;
Теперь всё пусто. Воспоминанье
Почти изгладил ток времен,
И этот край обременен
Под игом варваров. Страданье
Осталось только в той стране,
Где прежде греки воспевали
Их храбрость, вольность, но оне
Той страшной участи не знали,

*И дышит всё здесь стариной,
Минувшей славой и войной.*

*Когда ж народ ожесточенный
Хватался вдруг за меч военный —
В пещере темной у скалы,
Как будто горные орлы,
Бывало, греки в ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турок нападать,
Пленить, рубить, в морях летать*
—

*И часто барка в тьме у берега
Была готова для побега
От неприятельских полков;
Не страшен был им плеск валов.
И, в той пещере отдыхая,
Как часто ночью я сидел,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокий свой удел,
И что-то новое пылало
В душе неопытной моей,
И сердце новое мечтало
О легком вихре прежних дней.
Желал я быть в боях жестоких,
Желал я плыть в морях широких
(Любить кого, не находил).*

*Друзья мои, я молод был!
Зачем губить нам нашу мла-
дость,
Зачем стареть душой своей,*

*Прости навек тогда уж радость,
Когда исчезла с юных дней.*

*Нашед корсаров, с ними в море
Хотел я плыть. «Ах, — думал я, —
Война, могила, но не горе,
Быть может, встретят там ме-
ня».*

*Простясь с печальными берегами,
Я с маврским опытным пловцом
Стремил мой «бег» меж острова-
ми,
Цветущими над влажным дном
Святого старца океана;
Я видел их — но жребий мой
Где свел нас с буйною толпой,
Там власть дана мне атамана,
И так уж было решено,
Что жизнь и смерть — всё за од-
но!!!*

Как весело водам предаться,
Друзья мои, в морях летать,
Но должен, должен я признаться,
Что я готов теперь бы дать
Всё, что имею, за те годы,
Которые уж я убил
И невозвратно погубил.
Прекрасней были бы мне воды,
Поля, леса, луга, холмы
И все, все прелести природы...
Но! — так себе неверны мы!! —
Живем, томимся и желаем,
А получивши — забываем
О том. Уже предмет другой
Играет в нашем воображенье
И — в непрерывном так томле-
нье
Мы тратим жизнь, о боже мой!

Мы часто на берег сходили
И часто по степям бродили,
Где конь арабский вороной
Играл скачками подо мной,
Летая в даль степи широкой,
Уже терялся брег далекой,
И я с веселою толпой
Как в море был в степи сухой.

Или в лесу в ночи глубокой,
Когда всё спит, то мы одни,
При полной в облаках луне,
В пещере темной, припевая,
Сидим, и чаша между нас
Идет с весельем круговая;
За нею вслед за часом час,
И светит пламень, чуть блистая,
Треща, синяя и мелькая...

Потом мы часто в корабли
Опять садились, в быстры волны
С отважной дерзостью текли,
Какой-то гордостью полны.
Мы правы были: дом царей
Не так велик, как зыбь морей.

Я часто, храбрый, кровожадный,
Носился в бурях боевых,
Но в сердце юном чувств иных
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшного я ждал,
Грустил, томился и желал.
Я слушал песни удалые
Веселой шайки средь морей,

Тогда, вспомнив золотые
Те годы юности моей,
Я слезы лил. Не зная бога,
Мне жизни дальняя дорога
Была скользка; я был, друзья,
Несчастный прах из бытия.
Как бы сражаясь с судьбою,
Мятежной ярости полна,
Душа, терзанью предана,
Живет утратою самою.
Узнав лишь тень утраты сей,
Я ждал ее еще мятежней,
Еще печальней, безнадежней,
Как лишь начало страшных дней,
Опять пред мной всё исчезало,
Как свет пред тению ночной,
И сердце тяжело изнывало,
Исчез и кроткий мой покой,

Исчезло милое волненье
И благородное стремленье
И чувств и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых.

Часть 3

Однажды в ночь сошлись тучи,
Катился гром издалика
И гнал, стоная, вихрь летучий
Порывом бурным облака.
Надулись волны, море плещет,
И молния во мраке блещет.
Но наших храбрых удалцов
Ничто б тогда не испугало,
И море синее стонало
От резких корабля следов.
Шипящей пеною белеет
Корабль. Вдруг рвется к небесам
Волна, качается, чернеет
И возвращается волнам.
Нам в оном ужасе казалось,
Что море в ярости своей
С пределами небес сражалось,
Земля стонала от зыбей,
Что вихри в вихри ударялись,
И тучи с тучами слетались,
И устремлялся гром на гром,
И море билось с влажным дном,
И черна бездна загоралась
Открытой бездною громов,
И наше судно воздымалось
То вдруг до тяжких облаков,
То вдруг, треща, вниз опускалось.
Но храбрость я не потерял.

На палубе с моей толпою
Я часто гибель возвещал
Одною пушкой вестовою.
Мы скоро справились! Кругом
Лишь дождь шумел, ревел лишь
гром.
Вдруг слышен выстрел отдален-
ный,
Блеснул фонарь как бы зажжен-
ный
На мачте в мрачной глубине...

И скрылся он в туманной мгле,
И небо страшно разразилось
И блеском молний озарилось,
И мы узрели: быстро к нам
Неслося греческое судно.
Всё различить мне было трудно.
Предавшись глухим волнам,
Они на помощь призывали,
Но ветры вопли заглушали.
«Скорей ладью, спасите их!» —
Раздался голос в этот миг.
О камень судно ударяет,
Трещит и с шумом утопает.

Но мы иных еще спасли,
К себе в корабль перенесли.
Они без чувств, водой покрыты,
Лежали все как бы убиты;
И ветер буйный утихал,
И гром почаще умолкал,
Лишь изредка волна вздымалась,
Как бы гора, и опускалась.

.....

.....

Всё смолкло! Вдруг корабль вол-
ной
Был брошен к мели береговой.

Хотел я видеть мной спасенных,
И к ним поутру я взошел.
Тогда на тучах озлащенных
Вскатилось солнце. Я узрел,
Увы, гречанку молодую.
Она почти без чувств, бледна,
Склонившись на руку главою,
Сидела, и с тех пор она
Доныне в памяти глубоко...
Она из стороны далекой
Была сюда привезена.
Свою весну, златые лета
Вспоминала. Томный взор

*Чернее тьмы, ярче света
Глядел, казалось, с давних пор
На небо. Там звезда, блистая,*

*Давала ей о чем-то весть
(О том, друзья, что в сердце
есть).*

*Звезду затмила туча злая,
Звезда померкла, и она
С тех пор печальна и грустна.
С тех пор, друзья, и я стенаю,
Моя тем участь решена,
С тех пор покоя я не знаю,
Но с тех же пор я омертвел,
Для нежных чувств окаменел.*

1⁸²⁸

**Песня про царя Ивана Васильевича,
молодого опричника и удалого купца
Калашникова**

*Ох ты гой еси, царь Иван Василье-
вич! [321]*

*Про тебя нашу песню сложили
мы,
Про твоево любимого опричника*

Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гусларский звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи
И все слушали — не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
Не любятся им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники,
Супротив его все бояре да князья,
И пирует царь во славу божию,

В удовольствии свое и веселие.

*Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
— И все пили, царя славили.*

*Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку
грудь —
А в груди его была дума крепкая.*

*Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты
небес
На младого голубя сизокрыло-
го, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул пал-
кою,*

И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечни-
ком —
Да не вздрогнул и тут молодой
боец,
Вот промолвил царь слово гроз-
ное —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кири-
беевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная приску-
чила?
Когда входит месяц — звезды ра-
дуются,
Что светлей им гулять по подне-
бесью;
А которая в тучу прячется,
Та стремглав на на землю пада-
ет...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушатися;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малюти-
ной!..»

*Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:*

*«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал тебя — воля царская;
Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонит-
ся».*

*И сказал ему Царь Иван Васильевич:
«Да об чем тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевый кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?»*

Или конь захромал, худо кован-
ный?
Или с ног тебя сбил на кулачном
бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдован-
ная
Ни в боярском роду, ни в купече-
ском;
Аргамак мой степной ходит весе-
ло;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоею ми-
лостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатится,
Кушачком подтянуся шелковым,
Заломлю на бочок шапку бархат-
ную,

Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки
И любят, глядя, перешепты-
ваясь;
Лишь одна не глядит, не любит-
ся,
Полосатой фатой закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой кра-
савицы:
Ходит плавно — будто лебедуш-
ка;
Смотрит сладко — как голубуш-
ка;
Молвит слово — соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе божием;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитрев-
ной.

Как увижу ее, я сам не свой,
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи буйные;
Скучно, грустно мне, православ-
ный царь,
Одному по свету маяться
Опустыли мне кони легкие,
Опустыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь те-
перь?
Перед кем покажу удальство
свое?
Перед кем я нарядом похваста-
юсь?
Отпусти меня в степи приволж-
ские,
На житье на вольное, на казац-
кое,
Уж сложу я там буйную головуш-
ку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаро-
вья
Коня доброго саблю острую
И седельце бранное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклю-
ет,

Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой
яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитриевне:
Как полюбишься — праздную свадьбу,
Не полюбишься — не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,

Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианско-
му.

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли
стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разу-
мейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой ку-
пец,
Статный молодец Степан Пара-
монович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он замани-
вает,

Злато, серебро пересчитывает,
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых
церквах;
За Кремлем горит заря туман-
ная;
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваячи;
Опустел широкий гостиный двор,
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружи-
ною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумав-
шись,
К молодой хозяйке за Москва-ре-
ку.

И приходит он в свой высокий
дом,
И дивится Степан Парамонович:

Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой
скатертью,
А свеча перед образом еле теп-
лится.

И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмит-
ревна?»

А что детки мои любезные —
Чай забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой, Степан Пара-
монович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена
Дмитревна;
Вот уж поп прошел с молодой по-
падьей,
Засветили свечу, сели ужси-
нать, —
А по сю пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернула-
ся.
А что детки твои малые

Почивать не легли, не играть по-
шли —
Плачем плачут, все не унимают-
ся».

И смутился тогда думой креп-
кою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу
—
А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Замечает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью
хлопнули,
Потом слышит шаги торопли-
вые;
Обернулся, глядит — сила крест-
ная! —
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безум-
ные;

Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена шаталась?

На каком подворье, на площади,

Что растрепаны твои волосы,

Что одежда твоя вся изорвана?

Уж гуляла ты, пиновала ты,

Чай, с сынком все боярским!..

Не на то пред святыми иконами

Мы с тобой, жена, обручались,

Золотыми кольцами менялись!..

Как запру я тебя за железный замок,

За дубовую дверь окованную,

Чтобы свету божьего ты не видела,

Моя имя честное не порочила...»

И услышав то Алена Дмитриевна

Задрожала вся, моя голубушка,

*Затряслась как листочек осино-
вый,*

Горько-горько она восплакалась,

В ноги мужу повалилась.

«Государь ты мой, красно сол-
нышко,
Иль убей меня или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинешенька.
И послышалось мне, будто снег
хрустит;
Оглянулась — человек бежит.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылась.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шепо-
том:
«Что пужаешься, красная краса-
вица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малюти-
ной...»
Испугалась я пуще прежнего;

*Закружилась моя бедная голо-
вушка.*

*И он стал меня целовать-лас-
кать*

*И, целуя, все приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!*

*Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цвет-
ной парчи?*

*Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смер-
тью грешною;*

*Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»*

*И ласкал он меня, целовал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...*

*А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показы-
вали...*

Как из рук его я рванулася

И домой стремглав бежать бро-
силась
И остались в руках у разбойникоа
Мой узорный платок, твой пода-
рочек,
И фата моя бухарская,
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки,
И кому на глаза покажусь те-
перь?

Ты не дай меня, свою верную же-
ну,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне наде-
яться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой зем-
ле,
Рядом с ним лежит мою матуш-
ка,
А мой старший брат, ты сам ве-
даешь,
На чужой сторонушке пропал без
вести,

А меньшей мой брат — дитя ма-
лое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючими слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклони-
лись
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш
брат,
Что с тобой случилось, приключи-
лось,
Что послал ты за нами во тем-
ную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключи-
лась:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибее-

вич;

А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецко-
му.

Уж как завтра будет кулачный
бой

На Москва-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до послед-
них сил;

А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.

Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежей силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось вас господь помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов
убирать,
К нему малые орлята слетают-
ся:

Ты наш старший брат, нам вто-

рой отец;
Делай сам, как знаешь, как веда-
ешь,
А уж мы тебя, родного, не выда-
дим».

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли
стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разу-
мейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златогла-
вою,
Над стеной кремлевской белока-
менной
Из-за дальних лесов, из-за синих
гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;

Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалась?
На какой ты радости разыгралась?

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотничьего бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Василье-

вич

Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего ба-
тюшку!

Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь на-
градит;

А кто будет побит, тому бог про-
стит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бар-
хатную,

Подпершился в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...

Трижды громкий клич проклика-
ли —

Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга потал-
кивают.

На просторе опричник похажива-
ет,

Над плохими бойцами подсмеивает:

«Присмирели, небось, призадумались!

Так и быть, обещаюсь, для праздника,

Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —

И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,

По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,

После белому Кремлю да святым церквам,

А потом всему народу русскому,
Горят очи его соколиные,

На опричника смотрит пристально.

Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,

Могучие плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

*И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого-роду племени,
Каким именем прозываешься?
Чтоб знать, по ком панихиду слу-
жить,
Чтобы было чем похвастаться».*

*Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калаш-
никовым,
А родился я от честного отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истин-
ную:
По одном из нас будут панихиду
петь,
И не позже как завтра в час полу-
денный;
И один из нас будет хвастаться,
С судальми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей сме-
шить*

*К тебе вышел я, басурманский
сын, —
Вышел я на страшный бой, на по-
следний бой!»*

*И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний
снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал
мороз,
На раскрытых устах слово замер-
ло...*

*Вот молча оба расходятся,-
Богатырский бой начинается.*

*Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил в первой купца Калашни-
кова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамоно-
вич;
На груди его широкой висел мед-*

ный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в
грудь;
Как роса из-под него кровь закапа-
ла;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбуди-
тся;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, изготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего пле-
ча.

И опричник молодой застонал
слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка во сыром бору
Под смолистый под корень под-
рубленная,
И, увидев то, царь Иван Василье-
вич
Прогневался гневом, топнул о

землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватит удалова куп-
ца
И привести его пред лицо свое.

Как возговорил православный
царь:
«Отвечай мне по правде, по сове-
сти,
Волной волей или нехотя
Ты убил мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибееви-
ча?»

«Я скажу тебе, православный
царь:
Я убил его вольною волей,
А за что, про что — не скажу те-
бе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на
плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову

Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по сове-
сти.

Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же
дня
По всему царству русскому широ-
кому
Торговать безданно, безошлин-
но.

А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наост-
рить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу зво-
нить,
Чтобы знали все люди москов-
ские,

Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному[322]
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене
Дмитревне,

Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не ска-
зывать;
Поклонитесь дому родительско-
му,
Поклонитесь всем нашим това-
рищам,
Помолитесь сами в церкви божи-
ей
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила.

Схоронили его за Москва-рекой
На чистом поле промеж трех до-
рог:
Промеж Тульской, Рязанской, Вла-
димирской,
И бугор земли сырой тут насыпа-
ли,
И кленовый крест тут постави-
ли,
И гуляют-шумят ветры буйные

Над его безымянной могилкою,
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекре-
стится,
Пройдет молодец — приосанится;
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют пе-
сенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусяры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кон-
чайте,
Каждому правдою и честью воз-
дайте.
Тороватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому
слава!

1837².

Преступник

Повесть

«Скажи нам, атаман честной,
[323]

Как жил ты в стороне родной,
Чай, прежний жар в тебе и ныне
Не остывает от годов.
Здесь под дубочком ты в пустыне
Потетишь добрых молодцов!»

«Отец мой, век свой доживая,
Был на второй жене женат;
Она красotka молодая,
Он был и знатен и богат...
Перетерпевши лет удары,
Когда захочет сокол старый
Подругу молодую взять,
Так он не думает, не чует,
Что после будет проклинать.
Он все голубит, все милует;
К нему ласкается она,
Его хранит в минуту сна.
Но вдруг увидела другого,
Не старого, а молодого.
Лишь первая приходит ночь,
Она без всякого зазренья
Клевком лишит супруга зренья

И от гнезда уж мчится прочь!

*Пирьы, веселья забывая,
И златострунное вино,
И дом, где, чашу наполняя,
Палило кровь мою оно,
Как часто я чело покоил
В коленах мачехи моей
И с нею вместе козни строил
Против отца, среди ночей.
Ее пронзительных лобзаний
Огонь впивал я в грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаний,
Мольбы, угроз и заклинаний,
По слезы злобы только лью!..
Бог вестъ: меня она любила,
Иль это был притворный жар?
И мысль печально утаила,
Чтобы верней свершить удар?
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстию дыша?
Кто знает: женская душа,
Как океан, неисследима!..*

И дни летели. Час настал!

Уж греховодник в дни младые,
Я, как пред казнию, дрожал.
Гремят проклятья роковые.
Я принужден, как некий тать,
Из дому отчего бежать.
О, сколько мук! потеря чести!
Любовь, и стыд, и нищета!
Вражда непримиримой мести
И гнев отца!.. за ворота
Бежал <я> сырый, одинокий,
И, обратившись, бросил взор
С проклятием на дом высокий,
На тот пустой, унылый двор,
На пруд заглохший, сад широкий!.
В безумье мрачном и немом
Желал, чтоб сжег небесный гром
И стол, — за коим я с друзьями
Пил чашу радости и нег,
И речки безыменной брег,
Всегда покрытый табунами,
Где принял он удар свинца,

И возвышенные стремнины,
И те коварные седины
Неумолимого отца;
И очи, очи неземные,
И грудь, и плечи молодые.,

*И сладость тайную отрад,
И уст неизлечимый яд;
И ту зеленую аллею,
Где я в лобзаннях утопал;
И ложе то, где я... и с нею,
И с этой мачехой лежал!..*

*В лесах, изгнанник своевольный,
Двумя жидами принят я:
Один властями недовольный,
Купец, обманщик и судья;
Другой служитель Аарона,
Ревнитель древнего закона;
Алмазы прежде продавал,
Как я, изгнанник, беден стал.
Как я, искал по миру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на удар лихой,
На поцелуи сладострастья.
Но скрытен, недоверчив, глух
Для всяких просьб, как адский
дух!..*

*Придет ли ночи мрак печальный,
Идем к дороге столбовой;
Там из страны проезжий дальний*

Летит на тройке почтовой.
Раздастся выстрел. С быстротой
Свинец промчался непомерной.
Удар губительный и верный!..
С обезображенным лицом
Упал ящик! Помчались кони!..
И редко лишь удар погони
Их не застигнет за леском.

Раз — подозрительна, бледна,
Катилась на небе луна.
Вблизи дороги, перед нами,
Лежал застреленный прошлец, —

О, как ужасен был мертвец,
С окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мне —
Кого ж при трепетной луне
Я узнаю?.. Великий боже!
Я узнаю его... кого же?
Кто сей погубленный прошлец?
Кому же роется могила?
На чьих седилах кровь застыла?
О!.. други!..
Это мой отец!..
Я ослабел, упал на землю;

Когда ж потом очнулся, внемлю:
Стучат... Жидовский разговор.
Гляжу: сырой еще бугор,
Над ним лежит топор с лопатой,
И конь привязан под дубком,
И два жида считают злато
Перед разложенным костром!..

Промчались дни. На дно речное
Один товарищ мой нырнул.
С тех пор, как этот утонул,
Пошло житье-бытье плохое:
Приему не было в корчмах,
Жить было негде. Отовсюду
Гоняли наглого Иуду.
В далеких дебрях и лесах
Мы укрывались. Без страха
Не мог я спать, мечтались мне:
Остроги, пытки в черном сне,
То петля гладная, то плаха!..

Исчезли средства прокормленья,
Одно осталось: зажигать
Дома господские, селенья
И в суматохе пировать.
В заре снедающих пожаров

*И дом родимый запылал;
Я весь горел и трепетал,
Как в шуме громовых ударов!*

*Вдруг вижу, раздраженный жид
Младую женщину тащит.
Ее ланиты обгорели
И шелк каштановых волос;
И очи полны, полны слез
На похитителя смотрели.
Я не слышал его угроз,
Я не слышал ее молений;
И уж в груди ее торчал —
Кинжал, друзья мои, кинжал!..
Увы! дрожат ее колени,
Она бледнее стала тени,
И перси кровью облились,
И недосказанные пени
С уст посинелых пронеслись.*

*Пришло Иуде наказанье:
Он в ту же самую весну
Повешен мною на сосну,
На пищу вранам. Состраданья
Последний год меня лишил.
Когда ж я снова посетил*

Родные, мрачные стремнины,
Леса, и речки, и долины,
Столь крепко ведомые мне,
То я увидел на сосне:
Висит скелет полуистлевший,
Из глаз посыпался песок,
И коршун, тут же отлетевший,
Тащил руки его кусок...

Бегут года, умчалась младость
—

Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчит в груди моей
Порыв болезненных страстей.
Одни холодные остатки:
Несчастной жизни отпечатки,
Любовь к свободе золотой,
Мне сохранил мой жребий чуд-
ный.
Старик преступный, безрассуд-
ный,
Я всем далек, я всем чужой.
Но жар подавленный очнется,
Когда за волюшку мою
В кругу удалых приведется,

*Что чашу полную налью,
Поминки юности забвенной
Прославлю я и шум крамол;
И нож мой, нож окровавленный
Воткну, смеясь, в дубовый стол!..»*

Черкесы

*Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ:
Забудет брани вещей глас,
Оставит стрелы боевые...
И к тем скалам, где крылись вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы!..
А. Пушкин.*

I

*Уж в горах солнце исчезает,[324]
В долинах всюду мертвый сон,
Заря, блистая, угасает,
Вдали гудит протяжный звон,
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещет в небесах,
В долинах стад не видно боле,
Лишь серны скачут на холмах.
И серый волк бежит чрез горы;*

Его свирепо блещут взоры.
В тени развесистых дубов
Влезает он в свою берлогу.
За ним бежит через дорогу
С ружьем охотник, пара псов
На сворах рвутся с нетерпенья;
Все тихо; и в глуши лесов
Не слышно жалобного пенья
Пустынной иволги; лишь там
Весенний ветерок играет,
Перелетая по кустам;
В глуши кукушка занывает;
И на дупле как тень сидит
Полночный ворон и кричит.
Меж диких скал крутит, сверкает
Подале Терек за горой;
Высокий берег подмывает,
Крутяся, пеною седой.

II

Одето небо черной мглою,
В тумане месяц чуть блестит;
Лишь на сухих скалах травую
Полночный ветер шевелит.
На холмах маяки блистают;
Там стражи русские стоят;
Их копья острые блестят;

Друг друга громко окликают:
«Не спи, казак, во тьме ночной;
Чеченцы ходят за рекой!»
Но вот они стрелу пускают,
Взвилась! — и падает казак
С окровавленного кургана;
В очах его смертельный мрак:
Ему не зреть родного Дона,
Ни милых сердцу, ни семью:
Он жизнь окончил здесь свою.

III

В густом лесу видна поляна,
Чуть освещенная луной,
Мелькают, будто из тумана,
Огни на крепости большой.
Вдруг слышен шорох за кустами,
Въезжают несколько людей;
Обкинув все кругом очами,
Они слезают с лошадей.
На каждом шашка, за плечами
Ружье заряжено висит,
Два пистолета, борзы кони;
По бурке на седле лежит.
Огонь черкесы зажигают,
И все садятся тут кругом;
Привязанные к деревьям
В лесу кони траву щипают,

*Клубится дым, огонь трещит,
Кругом поляна вся блестит.*

IV

*Один черкес одет в кольчугу,
Из серебра его наряд,
Уздени вокруг него сидят;[325]
Другие ж все лежат по лугу.
Иные чистят шашки остры
Иль наостряют стрелы быстры.
Кругом все тихо, все молчит.
Восстал вдруг князь и говорит:
«Черкесы, мой народ военный,
Готовы будьте всякий час,
На жертву смерти — смерти
славной
Не всяк достоин здесь из вас.
Взгляните: в крепости высокой
В цепях, в тюрьме, мой брат си-
дит,
В печали, в скорби, одинокой,
Его спасу иль мне не жить».*

V

*Вчера я спал под хладной мглой
И вдруг увидел будто брата,
Что он стоял передо мной —
И мне сказал: «Минуты траты,*

И я погиб, — спаси меня»;
Но призрак легкий вдруг сокрылся;
С сырой земли поднялся я;
Его спасти я устремился;
И вот ищущи и ночь и день;
И призрак легкий не являлся
С тех пор, как брата бледна тень
Меня звала, и я старался
Его избавить от оков;
И я на смерть всегда готов!
Теперь, клянуся Магометом,
Клянусь, клянусь целым светом!..
Настал неизбежимый час,
Для русских смерть или мученье
Иль мне взглянуть в последний
раз
На ярко солнце восхожденье».
У молкнул князь. И все трикратно
Повторили его слова:
«Погибнуть русским невозвратно
Иль с тела свалится глава».

VI

Восток, алея, пламенеет,
И день заботливый светлеет.
Уже в селах кричит петух;

Уж месяц в облаке потух.
Денница, тихо поднимаясь,
Златит холмы и тихий бор;
И юный луч, со тьмой сражаясь,
Вдруг показался из-за гор.
Колосья в поле под серпами
Ложатся желтыми рядами.
Все утром дышит; ветерок
Играет в Тереке на волнах,
Вздымает зыблемый песок.
Свод неба синий тих и чист;
Прохлада с речки повеваает,
Прелестный запах юный лист
С весенней свежестью сливает.
Везде, кругом сгустился лес,
Повсюду тихое молчанье;
Струей, сквозь темный свод дре-
вес
Прокравшись, дневное сиянье
Верхи и корни золотит.
Лишь ветра тихим дуновеньем
Сорван листок летит, блестит,
Смущая тишину паденьем.
Но вот, приметя свет дневной,
Черкесы на коней садятся,
Быстрее стрел по лесу мчатся,
Как пчел неутомимый рой,
Сокрылися в тени густой.

VII

О, если б ты, прекрасный день,
Гнал так же горесть, страх, смя-
тенья,
Как гонишь ты ночную тень
И снов обманчивых виденья!
Заутрень в граде дальний звон
По роще ветром разнесен;
И на горе стоит высокой
Прекрасный град, там слышен
громкий
Стук барабанов, и войска,
Закинув ружья на плеча,
Стоят на площади. И в параде
Народ весь в праздничном наряде
Идет из церкви. Стук карет,
Колясок, дрожек раздается;
На небе стая галок вьется;
Всяк в дом свой завтракать идет;
Там — тихо ставни растворяют;
Там по улице гуляют
Иль идут войско посмотреть
В большую крепость. Но чернеть
Уж стали тучи за горами,
И только яркими лучами
Блистало солнце с высоты;
И ветер бежал через кусты.

VIII

*Уж войско хочет расходиться
В большую крепость на горе;
Но топот слышен в тишине.
Вдали густая пыль клубится.
И видят, кто-то на коне
С оглядкой боязливой мчится.
Но вот он здесь уж, вот слезает;
К начальнику он подбегает
И говорит: «Погибель нам!
Вели готовиться войскам;
Черкесы мчатся за горами,
Нас было двое, и за нами
Они пустились на конях.
Меня объял внезапный страх;
Насилу я от них умчался;
Да конь хорош, а то б попался».*

IX

*Начальник всем полкам велел
Сбираться к бою, зазвенел
Набатный колокол; толпятся,
Мянутся, строятся, делятся;
Ворота крепости сперлись.
Иные вихрем понеслись
Остановить черкесску силу
Иль с славою вкусить могилу.
И видно зарево кругом;*

Черкесы поле покрывают,
Ряды, как львы, перебегают;
Со звоном сшибся меч с мечом;
И разом храброго не стало.
Ядро во мраке прожужжало,
И целый ряд бесстрашных пал;
Но все смешались в дыме черном.
Здесь бурный конь с копьем вон-
зенным,
Вскочивши на дыбы, заржал,
Сквозь русские ряды несетя,
Упал на землю, сильно рвется,
Покрывши всадника собой,
Повсюду слышен стон и вой.

Х

Пушек гром везде грохочет;
А здесь изрубленный герой
Воззвать к дружине верной хо-
чет;
И голос замер на устах.
Другой бежит на поле ратном;
Бежит, глотая пыль и прах;
Трикрat сверкнул мечом булат-
ным,
И в воздухе недвижим меч;
Звеня, падет кольчуга с плеч;
Копье рамена прободает,

И хлещет кровь из них рекой.
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой.
Еще ружье свое он ищет;
Повсюду стук, и пули свищут;
Повсюду, слышен пушек вой;
Повсюду смерть и ужас мещет
В горах, и в долах, и в лесах;
Во граде жители трепещут;
И гул несется в небесах.
Иный черкеса поражает;
Бесплодно меч его сверкает.
Махнул еще; его рука,
Подъята вверх, окостенела.
Бежать хотел. Его нога
Дрожит недвижима, замлела;
Встает и пал. Но вот несется
На лошади черкес лихой
Сквозь ряд штыков; он сильно
рвется
И держит меч над головой;
Он с казаком вступает в бой;
Их сабли остры ярко блещут;
Уж лук звенит, стрела трепе-
щет;
Удар несется роковой.
Стрела блестит, свистит, мель-
кает

*И вмиг казака убивает.
Но вдруг, толпою окружен,
Копьями острыми пронзен,
Князь сам от раны издыхает;
Падет с коня — и все бегут
И бранно поле оставляют.
Лишь ядры русские ревут
Над их, ужасно, головой.
Помалу тихнет шумный бой.
Лишь под горами пыль клубится.
Черкесы побежденные мчатся,
Преследуемые толпой
Сынов неустрашимых Дона,
Которых Рейн, Лоар и Рона
Видали на своих берегах,
Несут за ними смерть и страх.*

XI

*Утихло все: лишь изредка
Услышишь выстрел за горою;
Редко видно казака,
Несущегося прямо к бою,
И в стане русском уж покой.
Спасен и град, и над рекой
Маяк блестит, и сторож бродит,
В окружность быстрым оком
смотрит
И на плече ружье несет.*

*Лишь только слышно: «Кто
идет»,
Лишь громко «слушай» раздается;
Лишь только редко пронесется
Лихой казак чрез русский стан.
Лишь редко крикнет черный вран
Голодный, трупы пожирая;
Лишь изредка мелькнет, блистая,
Огонь в палатке у солдат.
И редко чуть блеснет булат,
Заржавый от крови в сраженье,
Иль крикнет вдруг в уединенье
Близ стана русский часовой;
Везде господствует покой.*

Кавказский пленник

«Geniesse und leide!
Dulde und entbehre!
Liebe, hoff' und glaube!»[326]
Conz.

Часть первая

I

*В большом ауле, под горою, [327]
Близ саклей дымных и простых,
Черкесы позднюю порою*

Сидят — о конях удалых
Заводят речь, о метких стрелах,
О разоренных ими селах;
И с ними как дрался казак,
И как на русских нападали,
Как их пленили, побеждали.
Курят беспечно свой табак,
И дым, вясь, летит над ними
Иль, стукнув шашками своими,
Песнь горцев громко запоют.

Иные на коней садятся,
Но перед тем как расставаться,
Друг другу руку подают.

II

Меж тем, черкешенки молодые
Взбегают на горы крутые
И в темну даль глядят — но пыль
Лежит спокойно по дороге;
И не шелохнется ковыль,
Не слышно шума ни тревоги.
Там Терек издали кружит,
Меж скал пустынных протекает
И пеной зыбкой орошает

Высокий берег — лес молчит;
Лишь изредка олень пугливый
Через пустыню пробежит;
Или коней табун игривый
Молчанье дола возмутит.

III

Лежал ковер цветов, узорный,
По той горе и по холмам;
Внизу сверкал поток нагорный,
И тек струисто по кремням...
Черкешенки к нему сбежались,
Водю чистой умывались.
Со смехом младости простым
На дно прозрачное иные
Бросали кольца дорогие;
И к волосам своим густым
Цветы весенние влетали;
Гляделися в зеркало вод,
И лица их в нем трепетали.
Сплетаясь в тихий хоровод,
Восточны песни напевали;
И близ аула, под горой
Сидели резвою толпой;
И звуки песни произвольной
Ущелья вторили невольно.

IV

Последний солнца луч златой
На льдах серебристых догорает,
И Эльборус своей главой
Его, как туча, закрывает.

.....

Уж раздалось мычанье стад,
И ржанье табунов веселых;
Они с полей идут назад...
Но что за звук цепей тяжелых?
Зачем печаль сих пастухов?
Увы! то пленники молодые,
Утратив годы золотые,
В пустыне гор, в глуши лесов,
Близ Терека пасут уныло
Черкесов тучные стада:
Вспоминая то, что было,
И что не будет никогда!
Как счастье тщетно их ласкало,
Как оставляло наконец,
И как оно мечтою стало!...
И нет к ним жалостных сердец!
Они в цепях, они рабами!
Сливалось все как в мутном сне,
Души не чувствуя, оне
Уж видят гроб перед очами.

*Несчастливые! в чужом краю!
Исчезли сердца упованьи;
В одних слезах, в одном страда-
нии
Отраду зрят они свою.*

V

*Надежды нет им возвратиться,
Но сердце поневоле мчится
В родимый край. Они душой
Тонули в думе роковой.*

.....

*Но пыль взвивалась над холмами
От стад и борзых табунов;
Они усталыми шагами
Идут домой. Лай верных псов
Не раздавался вокруг аула;
Природа шумная уснула;
Лишь слышен дев издалика
Напев унылый. Вторят горы,
И нежен он как птичек хоры,
Как шум приветный ручейка:*

Песня

I

Как сильной грозой,
Сосну вдруг согнет;
Пронзенный стрелой,
Как лев заревет;
Так русский средь бою
Пред нашим падет;
И смелой рукою
Чеченец возьмет
Броню золотую
И саблю стальную,
И в горы уйдет.

II

Ни конь оживленный
Военной трубой,
Ни варвар смятенный
Внезапной борьбой,
Страшней не трепещет,
Когда вдруг заблещет
Кинжал роковой.

Внимали пленники уныло
Печальной песни сей для них,
И сердце в грусти страшно ныло...
Ведут черкесы к сакле их;
И, привязавши у забора,
Ушли. Меж них огонь трещит;

*Но не смыкает сон их взора,
Не могут горесть дня забыть.*

VI

*Льет месяц томное сиянье.
Черкесы храбрые не спят;
У них шумливое собранье:
На русских нападать хотят.
Вокруг оседланные кони;
Серебряные блещут брони;
На каждом лук, кинжал, колчан,
И шашка на ремнях наборных,
Два пистолета и аркан,
Ружьё; и в бурках, в шапках чер-
ных,
К набегу стар и млад готов,
И слышен топот табунов.
Вдруг пыль взвилася над горами,
И слышен стук издалика;
Черкесы смотрят: меж кустами
Гирея видно, ездока!*

VII

Он понуждал рукой могучей

Коня, приталкивал ногой,
И влек за ним аркан летучий
Младого пленника с собой.
Гирей приблизился — веревкой
Был связан русский, чуть живой.
Черкес прыгнул, рукою ловкой
Разрезывал канат; но он
Лежал на камне — смертный сон
Летал над юной головою...

.....

Черкесы скачут уж — как раз
Сокрылись за горой крутою;
Уроком бьет полночный час.

VIII

От смерти лишь из сожаленья
Младого русского спасли;
Его к товарищам снесли.
Забывши про свои мученья,
Они, не отступая прочь,
Сидели близ него всю ночь...

.....

И бледный лик, в крови омытый,
Горел в щеках — он чуть дышал,
И смертным холодом облитый,
Протягшись на траве лежал.

IX

Уж полдень, прямо над аулом,
На светло-синей высоте,
Сиял в обычной красоте.
Сливались с протяжным гулом
Стадов черкесских — по холмам
Дыханье ветерков проворных
И ропот ручейков нагорных
И пенье птичек по кустам.
Хребта Кавказского вершины
Пронзали синеву небес,
И оперял дремучий лес
Его зубчатые стремнины.
Обложен степенями гор
Расцвел узорчатый ковер;
Там под столетними дубами,
В тени, окованный цепями,
Лежал наш пленник на траве.
В слезах склонясь к молодой главе,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить;
(Но ах! утраченного счастья
Никто не мог уж вернуть...)
.....
Вот он вздохнувши приподнялся,
И взор его уж открывался!

Вот он взглянул!... затрепетал.
... Он с незабытыми друзьями! —
Он вспыхнув загремел цепями...
Ужасный звук все, все сказал!!
Несчастный залился слезами,
На грудь к товарищам упал,
И горько плакал и рыдал.

X

Счастлив еще: его мученья
Друзья готовы разделять
И вместе плакать и страдать...
Но кто сего уж утешенья
Лишен в сей жизни слез и бед,
Кто в цвете юных пылких лет
Лишен того, чем сердце льстило,
Чем счастье издали манило...
И если годы унесли
Пору цветов искать как прежде
Минутной радости в надежде, —
Пусть не живет тот на земли.

XI

Так пленник мой, с родной стра-

ною

Почти навек: прости сказал!

Терзался прошлою мечтою,

Ее места воспоминал:

Где он провел златую младость,

Где испытал и жизни сладость,

Где много милого любил,

Где знал веселье и страданья,

Где он, несчастный, погубил

Святые сердца упованья...

.....

XII

Он слышал слово: «навсегда!»

И обреченный тяжкой долей,

Почти дружился он с неволей,

С товарищами иногда

Он пас черкесские стада.

Глядел он с ними, как лавины

Катятся с гор и как шумят;

Как лавой снежною блестят,

Как ими кроются долины;

Хотя цепями скован был,

Но часто к Тереку ходил.

И слушал он, как волны воют,

Подожвы скал угрюмых роят,

Текут, средь дебрей и лесов...
Смотрел, как в высоте холмов
Блестят огни сторожевые;
И как вокруг них казаки
Глядят на мутный ток реки,
Склонясь на копья боевые.
Ах! как желал бы там он быть;
Но цепь мешала переплыть.

XIII

Когда же полдень над главою
Горел в лучах, то пленник мой
Сидел в пещере, где от зною
Он мог сокрыться. Под горой
Ходили табуны. Лежали
В тени другие пастухи,
В кустах, в траве, и близ реки,
В которой жажду утоляли...
И там-то пленник мой глядит:
Как иногда орел летит,
По ветру крылья простирает,
И видя жертвы меж кустов,
Когтьми хватает вдруг, — и
вновь
Их с криком кверху поднимает...
«Так! — думал он, — я жертва та,

Котора в пищу им взята».

XIV

*Смотрел он также, как кустами,
Иль синей степью, по горам,
Сайгаки, с быстрыми ногами,
[328]*

*По камням острым, по кремням,
Летят, стремнины презирая...
Иль как олень и лань младая,
Услыша пенье птиц в кустах,
Со скал, не шевелясь внимают —
И вдруг, внезапно исчезают,
Взвивая вверх песок и прах.*

XV

*Смотрел, как горцы мчатся к
бою;
Иль скачут смело над рекою;
Остановились — лошадей
Толкают смелою ногою...
И вдруг припав к луке своей,
Близ берегов они мелькают,
Стремят — и снова поскакав,*

С утеса падают стремглав
И...

... шумно в брызгах исчезают —
Потом плывут, и достигают
Уже противных берегов,
Они уж там, и в тьме лесов
Себя от казаков скрывают...
Куда глядите, казаки?
Смотрите, волны у реки
Седую пеной забелели!
Смотрите, враны на дубах
Вострепенулись, улетели,
Сокрылись с криком на холмах!
Черкесы путника арканом
В свои ущелья завлекут...
И, скрытые ночным туманом,
Оковы, смерть вам нанесут.

XVI

И часто, отгоняя сон,
В глухую полночь смотрит он
Как иногда черкес чрез Терек
Плывет на верном тулуке, [329]
Бушуют волны на реке,
В тумане виден дальний берег;
На пне пред ним висят кругом

Его оружия стальные:
Колчан, лук, стрелы боевые;
И шашка острая, ремнем
Привязана, звенит на нем,
Как точка в волнах он мелькает,
То виден вдруг, то исчезает...
Вот он причалил к берегам.
Беда беспечным казакам!
Не зреть уж им родного Дона,
Не слышать колоколов звона!
Уже чеченец под горой,
Железная кольчуга блещет;
Уж лук звенит, стрела трепещет,
Удар несется роковой!..
Казак! казак! увы, несчастный!
Зачем злодей тебя убил?
Зачем же твой свинец опасный
Его так быстро не сразил?..

XVII

Так пленник бедный мой уныло,
Хоть сам под бременем оков,
Смотрел на гибель казаков.
Когда ж полночное светило
Восходит, близ забора он

*Лежит в ауле — тихий сон
Лишь редко очи закрывает.
С товарищами — вспоминает
О милой той родной стране;
Грустит; но больше чем оне...
Оставив там залог прелестный,
Свободу, счастье, что любил,
Пустился он в край неизвестный,
И... все в краю том погубил.*

Часть вторая XVIII

*Однажды погрузась в мечтанье,
Сидел он позднею порой;
На темном своде без сиянья
Бесцветный месяц молодой
Стоял, и луч дрожащий бледной
Лежал на зелени холмов,
И тени шаткие дерев
Как призраки на крыше бедной,
Черкесской сакли прилегли.
В ней огонек уже зажгли,
Краснея он, в лампаде медной,
Чуть освещал большой забор...
Все спит: холмы, река и бор.*

XIX

Но кто в ночной тени мелькает?
Кто легкой тенью, меж кустов
Подходит ближе, чуть ступает,
Все ближе... ближе... через ров
Идет бредучею стопою?..
Вдруг видит он перед собою:
С улыбкой жалости немой
Стоит черкешенка младая!
Дает заботливой рукой
Хлеб и кумыс прохладный свой,
Пред ним колена преклоняя.
И взор ее изобразил
Души порыв, как бы смятенной.
Но пищу принял русский пленный.
И знаком ей благодарил.

XX

И долго, долго, как немая,
Стояла дева молодая.
И взгляд как будто говорил:
«Утешь себя, невольник милый;
Еще не все ты погубил».
И вздох не тяжкий, но унылый
В груди раздался молодой;

Потом чрез вал она крутой
Домой пошла тропею мишистой,
И скрылась вдруг в дали тени-
стой,

Как некий призрак гробовой.
И только девы покрывало
Еще очам вдали мелькало,
И долго, долго пленник мой
Смотрел ей вслед — она сокры-
лась.

Подумал он: но почему
Она к несчастью моему
С такую жалостью склонилась —
Он ночь всю не смыкал очей;
Уснул за час лишь пред зарей.

XXI

Четверту ночь к нему ходила
Она и пищу приносила;
Но пленник часто все молчал,
Словам печальным не внимал;
Ах! сердце полное волнений
Чуждалось новых впечатлений;
Он не хотел ее любить.
И что за радости в чужбине,
В его плену, в его судьбине?

*Не мог он прежде забыть...
Хотел он благодарным быть,
Но сердце жаркое терялось
В его страдании немом
И как в тумане зыбком, в нем
Без отголоска поглощалось!..
Оно и в шуме, и в тиши
Тревожит сон его души.*

XXII

*Всегда он с думою унылой
В ее блистающих очах
Встречает образ вечно милой.
В ее приветливых речах
Знакомые он слышит звуки...
И к призраку стремятся руки;
Он вспомнил все — ее зовет...
Но вдруг очнулся. Ах! несчастной,
В какой он бездне здесь ужасной;
Уж жизнь его не расцветет.
Он гаснет, гаснет, увядает,
Как цвет прекрасный на заре;
Как пламень юный, потухает
На освещенном алтаре!!!*

XXIII

Не понял он ее стремленья,
Ее печали и волненья;
Не думал он, чтобы она
Из жалости одной пришла,
Взглянувши на его мученья;
Не думал также, чтоб любовь
Точила сердце в ней и кровь;
И в страшном был недоуменьи...
.....

Но в эту ночь ее он ждал...
Настала ночь уж роковая;
И сон от очей отгоняя,
В пещере пленник мой лежал.

XXIV

Поднялся ветер той порою,
Качал во мраке дерева,
И свист его подобен вою —
Как воеет полночью сова.
Сквозь листья дождик пробирал-
ся;
Вдали на тучах гром катался;
Блестая, молния струей
Пещеру темну озаряла;
Где пленник бедный мой лежал,

Он весь промок, и весь дрожал...

.....

Гроза по-малу утихала;
Лишь капала вода с деревьев;
Кой-где потоки меж холмов
Струею мутною бежали
И в Терек с брызгами впадали.
Черкесов в темном поле нет...
И тучи врозь уж разбегают,
И кой-где звездочки мелькают;
Проглянет скоро лунный свет.

XXV

И вот над ним луна золотая
На легком облаке всплыла;
И в верх небесного стекла,
По сводам голубым играя,
Блестящий шар свой провела.
Покрылись пеленой серебристой
Холмы, леса и луг с рекой.
Но кто печальною стопой
Идет один тропой гористой?
Она... с кинжалом и пилой;
Зачем же ей кинжал булатный?
Ужель идет на подвиг ратный!
Ужель идет на тайный бой!..

Ах, нет! наполнена волнений,
Печальных дум и размышлений,
К пещере подошла она;
И голос раздался известной;
Очнулся пленник как от сна,
И в глубине пещеры тесной
Садятся... долго они там
Не смели воли дать словам...
Вдруг дева шагом осторожным
К нему вздохнувши подошла;
И руку взяв, с приветом нежным,
С горячим чувством, но мятеж-
ным,
Слова печальны начала:

XXVI

«Ах! русский! русский! что с то-
бою!
Почто ты с жалостью немою,
Печален, хладен, молчалив,
На мой отчаянный призыв...
Еще имеешь в свете друга —
Еще не все ты потерял...
Готова я часы досуга
С тобой делить. Но ты сказал,
Что любишь, русский, ты другую.

Ее бежит за мною тень,
И вот об чем, и ночь и день,
Я плачу, вот об чем тоскую!..
Забудь ее, готова я
С тобой бежать на край вселен-
ной!
Забудь ее, люби меня,
Твоей подругой неизменной...»
Но пленник сердца своего
Не мог открыть, в тоске глубо-
кой;
И слезы девы черноокой
Души не трогали его...
«Так, русский, ты спасен! но
прежде
Скажи мне: жить иль умереть?!
Скажи, забыть ли о надежде?...
Иль слезы эти утереть?»

XXVII

Тут вдруг поднялся он; блеснули
Его прелестные глаза,
И слезы крупные мелькнули
На них как светлая роса:
«Ах нет! — оставь восторг свой
нежный,

Спассти меня не льстись надеждой;
Мне будет гробом эта степь;
Не на остатках, славных, бранных,
Но на костях моих изгнанных
Заржавит тягостная цепь!»
Он замолчал, она рыдала;
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой;
Кинжал другою подавала.
И вот, под острою пилой
Скрыпит железо; распадает
Блистая цепь и чуть звенит.
Она его приподымает;
И так рыдая говорит:

XXVIII

«Да!.. пленник... ты меня забудешь...
Прости!.. прости же... навсегда;
Прости! навек!... Как счастлив будешь,
Ах!.. вспомни обо мне тогда...
Тогда!.. быть может, уж могилой
Желанной скрыта буду я;

Быть может... скажешь ты уны-
ло:

«Она любила и меня!..»
И девы бледные ланиты,
Почти потухшие глаза,
Смущенный лик, тоской убитый;
Не освежит одна слеза!..
И только рвутся вопли муки...
Она берет его за руки,
И в поле темное спешит,
Где чрез утесы путь лежит.

XXIX

Идут, идут; остановились,
Вздыхнув, назад оборотились;
Но роковой ударил час...
Раздался выстрел — и как раз
Мой пленник падает. Не муку,
Но смерть изображает взор;
Кладет на сердце тихо руку...
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.
Как вместе с ним поражена,
Без чувства падает она;
Как будто пуля роковая

Одним ударом, в один миг,
Обеих вдруг сразила их.

.....

XXX

Но очи русского смыкает
Уж смерть, холодною рукой;
Он вздох последний испускает,
И он уж там — и кровь рекой,
Застыла в жилах охладевших;
В его руках оцепеневших
Еще кинжал блестя лежит;
В его всех чувствах онемевших
Навеки жизнь уж не горит,
Навеки радость не блестит.

.....

XXXI

Меж тем черкес, с улыбкой злоб-
ной,
Выходит из глуши дерев.
И волку хищному подобный,
Бросает взор... стоит... без слов,
Ногою гордой попирает
Убитого... увидел он,

*Что тщетно потерял патрон;
И вновь чрез горы убегает.*

XXXII

*Но вот она очнулась вдруг;
И ищет пленника очами.
Черкешенка! где, где твой друг...
Его уж нет. —
Она слезами
Не может ужас выразить,
Не может крови омыть.
И взор ее, как бы безумный
Порыв любви изобразил;
Она страдала. Ветер шумный
Свистя, покров ее клубил!..
Встает... и скорыми шагами
Пошла с потупленной главой,
Через поляну — за холмами
Сокрылась вдруг в тени ночной.*

XXXIII

*Она уж к Тереку подходит;
Увы, зачем, зачем она
Так робко взором вкруг обводит,*

Ужасной грустию полна?..
И долго на бегущи волны
Она глядит. И взор безмолвный
Блестит звездой в полночной
тьме.
Она на каменной скале:
«О, русский! русский!!!» — восклицает.
Плеснули волны при луне,
Об берег брызнули оне!..
И дева с шумом исчезает.
Покров лишь белый выплывает,
Несется по глухим волнам;
Остаток грустный и печальный
Плывет, как саван погребальный,
И скрылся к каменным скалам.

XXXIV

Но кто убийца их жестокой?
Он был с седою бородой;
Не видя девы черноокой,
Сокрылся он в глуши лесной.
Увы! то был отец несчастный!
Быть может он ее сгубил;
И тот свинец его опасный
Дочь вместе с пленником убил?

*Не знает он, она сокрылась,
И с ночи той уж не явилась.
Черкес! где дочь твоя? глядишь,
Но уж ее не возвратишь!!..*

XXXV

*Поутру труп оледенелый
Нашли на пенистых берегах.
Он хладен был, окостенелый;
Казалось, на ее устах
Остался голос прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губах;
Узнали все. Но поздно было!
— Отец! убийца ты ее;
Где упование твое?
Терзайся век! живи уныло!..
Ее уж нет. И за тобой
Повсюду призрак роковой
Кто гроб ее тебе укажет?
Беги! ищи ее везде!!!
«Где дочь моя?» — и отзыв ска-
жет:
Где?..*

Демон

Восточная повесть

Часть I

I

*Печальный Демон, дух изгнанья,
[330]*

*Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!*

*Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы!*

II

*Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему.*

III

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, — и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы
—
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!

*И дик и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.*

IV

*И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины, [331]
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голосих любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!*

И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды, яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

V

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке, по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой,[332]
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

VI

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем —
Звучит зурна,[333] и льются вины

Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,

*Веселья детского полна.
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, жи-
вой.*

VII

*Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.*

VIII

*В последний раз она плясала.
Увы! завтра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто тайное сомненье
Темнило светлые черты;
И были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны милой простоты,
Что если б Демон, пролетая,
В то время на нее взглянул,
То, прежних братьий вспоминая,
Он отвернулся б — и вздохнул...*

IX

*И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук —
И вновь постигнул он святыню*

Любви, добра и красоты!..
И долго сладостной картиной
Он любовался — и мечты
О прежнем счастье цепью длин-
ной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забуть? — забвенья не дал бог:
Да он и не взял бы забвенья!..

.....

Х

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый.
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,

За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван.
Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи,[334] — кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушьми и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный!
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман...
Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почитет в боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на бит-
ву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал:
Он в мыслях, под ночную тьмою,
Уста невесты целовал.
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше — выстрел! — что та-
кое?..
Привстав на звонких[335] стреме-
нах,
Надвинув на брови папах,[336]
Отважный князь не молвил сло-
ва;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк — и, как орел,

Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик и стон глухой
Промчались в глубине долины —
Недолго продолжался бой:
Бежали робкие грузины!

XII

Затихло все; теснясь толпой,
На трупы всадников порой
Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван;
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица!
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт;
Не придут сестры с матерями,
Покрыты длинными чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами,
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги, над скалою
На память водрузится крест;
И плющ, разросшийся весною,

*Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Не раз усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет...*

XIII

*Несется конь быстрее лани.
Храпит и рвется, будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая;
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчали-
вый!
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинув ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес как стрела,*

*Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!*

XIV

*В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
Недолго жениха молодого,
Невеста, взор твой ожидал:
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...
Увы! но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого!..*

XV

*На беззаботную семью
Как гром слетела божья кара!*

Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!

Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!

На воздушном океане,

Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они!
Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным
словом
Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травю,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распустится ночной;

Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, —
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

XVI

Слова умолкли в отдаленье,
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг...
Невыразимое смятенье
В ее груди; печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравне-
нье.
Все чувства в ней кипели вдруг;
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробежал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, все еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,

Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!..

Часть II

I

«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы,
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Немало в Грузии невест;
А мне не быть ничьей женою!..
О, не брани, отец, меня.

Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимую мечтой;
Я гибну, сжался надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня...»

II

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницу смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Все беззаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моленья,

*Ей часто слышалася речь.
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но — куда?..*

III

*В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинар и тополей рядами
Он окружен был — и порой,
Когда ложилась ночь в ущелье,
Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени деревьев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц,
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной,
И под нависшею скалой,
Сливаясь дружески в ущелье,*

*Катились дальше, меж кустов,
Покрытых инеем цветов.*

IV

*На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины,
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,[337]
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались,
И в час заката одевались
Они румяной пеленой;
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.*

V

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгам чистым. Перед ней
Весь мир одет угрюмой тенью;
И все ей в нем предлог мученью —
И утра луч и мрак ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумье упадет
И плачет; и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье;
И мыслит он: «То горный дух
Прикованный в пещере стонет!»
[338]
И чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит.

VI

Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумье одиноком

И смотрит вдаль прилежным
оком,
И целый день, вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.
Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться —
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна:
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она;
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...

.....
.....

VII

Вечерней мглы покров воздушный

Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел.
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой
Он бродит: от его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно,
Озарено лампадой, блещет;
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингура[339] стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье

Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!
И, чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден ка-
мень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!..

VIII

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой.
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит — перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной

Приосенил ее крылом;
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор:

IX

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полноч-
ной?
Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?» Ему в ответ

Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностью взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.
«Она моя! — сказал он грозно, —
Оставь ее, она моя!
Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,

*Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!»
И Ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.
.....*

Х

Тамара

*О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..*

Демон

Ты прекрасна!

Тамара

Но молви, кто ты? отвечай...

Демон

*Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,*

Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, — я у ног твоих!
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои.
О! выслушай — из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю, —
Я раб твой, — я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел —
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертные и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;
Не жить, как ты, мне стало
больно,
И страшно — розно жить с то-

бой.

*В бескровном сердце луч неждан-
ный*

*Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилася, как змей.
Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм — без божества!*

Тамара

*Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! я не могу
Молиться... гибельной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова — огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!*

Демон

*Зачем, красавица? Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я все бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.*

Люблю тебя нездешней стра-
стью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлен,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало.
О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все
видеть,
Стараться все возненавидеть
И все на свете презирать!..
Лишь только божие проклятье

Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство;
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно...
Они текли в венцах из злата;
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы! я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался — но куда? зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!

И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил,
Все благородное бесславил
И все прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,
Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,
Обманут близким огоньком;
И в бездну падая с конем,
Напрасно звал — и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Недолго нравились мне!
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятеж-
ной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лише-

ний,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть — ждет правый
суд:
Простить он может, хоть осу-
дит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пла-
мень,
То давит мысль мою, как камень
—
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..

Тамара

Зачем мне знать твой печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Демон

Против тебя ли?

Тамара

Нас могут слышать!..

Демон

Мы одни.

Тамара

А бог!

Демон

*На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!*

Тамара

А наказание, муки ада?

Демон

*Так что ж? Ты будешь там со
мною!*

Тамара

*Кто б ни был ты, мой друг слу-
чайный, —
Покой навеки погубя,
Невольно я с отрадой тайной,*

Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая...
О! пощади! Какая слава?
На что душа тебе моя?
Ужели небу я дороже
Всех, не замеченных тобой?
Они, увы! прекрасны тоже;
Как здесь, их девственное ложе
Не смято смертною рукой...
Нет! дай мне клятву роковую...
Скажи, — ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женские мечты!
Невольно страх в душе ласка-
ешь...
Но ты все понял, ты все знаешь —
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мне... от злых стяжаний
Отречься ныне дай обет.
Ужель ни клятв, ни обещаний
Ненарушимых больше нет?..

Демон

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,

Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братьий мне подвласт-
ных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взгля-
дом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страда-
нием,
Клянусь любовью моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня —

И мир в неведенье спокойном
Пусть доцветает без меня!
О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только
жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, —
Но дни бегут и стынет кровь!
Кто устоит против разлуки,

Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
Нет! не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча в тесном круге
Ревнивой грубости работой,
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!
Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,
Среди молитв, равно далеко
От божества и от людей.
О нет, прекрасное созданье,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познанья
Взамен открою я тебе.
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной

Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивною игрою
Твои слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе все, все земное —
Люби меня!..

XI

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!

*Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный, ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.*

*В нем было все: любовь, страда-
нье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой.*

XII

*В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,
Бродил с чугуною доской,
И возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугуной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Минутный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье,
И стихло все; издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло*

*Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитатъ,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнатъ;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.*

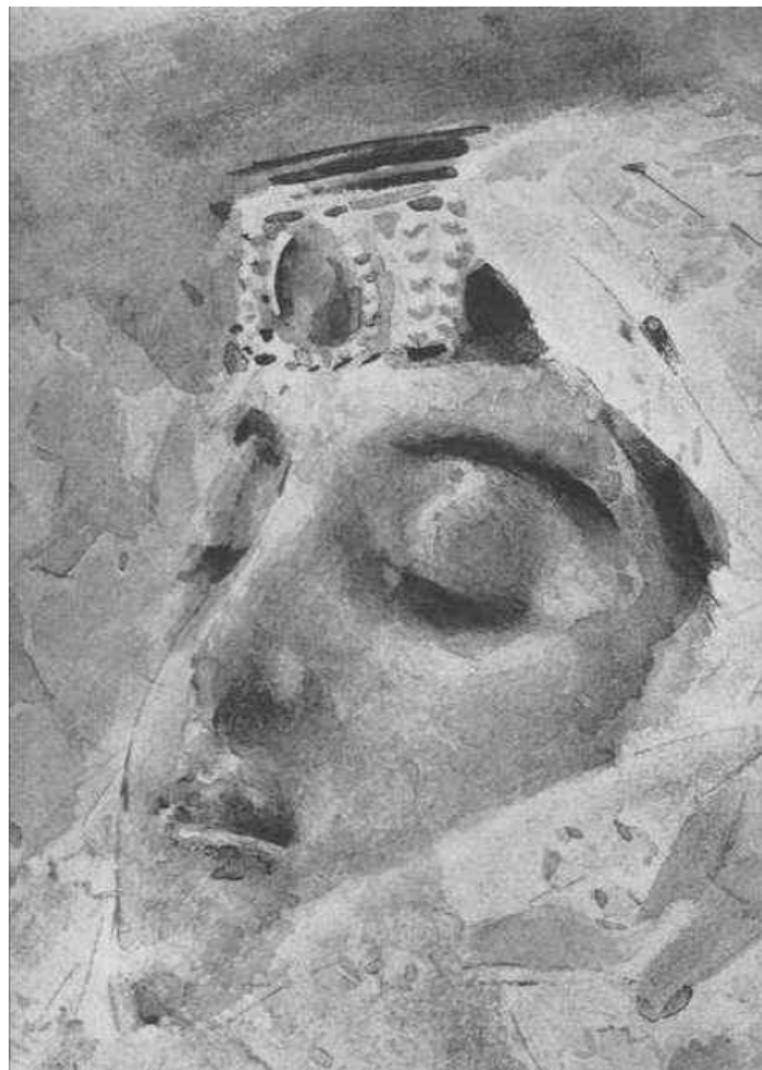
.....

XIII

*Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...
Но кто б, о небо! не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя, иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! смерти вечную печать*

Ничто не в силах уж сорвать!

XIV

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею!
И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отцвести,
Последней мысли выраженья,
Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни преж-
ней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней

Навек угаснувших очей.
Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье
Отлив румяный сохраня,
Сияют в темном отдаленье.
Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встретит,
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

XV

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И поезд тронулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сел,

Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там;
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам:
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?..
Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится...
Напрасно! мертвым не приснится
Ни грусть, ни радость прошлых
дней.

XVI

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,

И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих.
И сладкой речью упованья
Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
Издали уж звуки рая
К ним доносились — как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух.
Он был могущ, как вихорь шум-
ный,
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»

К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,
Но, боже! — кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным
взглядом,
Как полон был смертельным
ядом
Вражды, не знающей конца, —

*И вяло могильным хладом
От неподвижного лица.*

*«Исчезни, мрачный дух сомне-
нья! —*

Посланник неба отвечал: —

Довольно ты торжествовал;

Но час суда теперь настал —

И благо божие решение!

Дни испытания прошли;

С одеждой брэнною земли

Оковы зла с нее ниспали.

Узнай! давно ее мы ждали!

Ее душа была из тех,

Которых жизнь — одно мгновенье

Невыносимого мученья,

Недосягаемых утех:

Творец из лучшего эфира

Соткал живые струны их,

Они не созданы для мира,

И мир был создан не для них!

Ценой жестокой искупила

Она сомнения свои...

Она страдала и любила —

И рай открылся для любви!»

*И Ангел строгими очами
На искушителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья и любви!..*

*На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолв-
ный,
Свидетель тех волшебных дней,*

Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут, звеня, издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботная дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в[340] очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает

На плиту старого крыльца,
То вдруг совется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забывший в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Все дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят, нахмурившись, вокруг.
И там метель дозором ходит,

Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

Юнкерские стихи

Ода к нужнику

О ты, вонючий храм
неведомой богини!

*К тебе мой глас... к тебе взываю
из пустыни,
Где шумная толпа теснится
столько дней
И где так мало я нашел еще лю-
дей.
Прими мой фимиам летучий и*

свободный,
Незрелый слабый цвет поэзии на-
родной.
Ты покровитель наш, в святых
стенах твоих
Я не боюсь врагов завистливых и
злых,
Под сению твоей не причинит
нам страха
Ни взор Михайлова[341], ни голос
Шлиппенбаха[342]
Едва от трапезы восстанут юн-
кера,
Хватают чубуки, бегут, кричат:
пора!
Народ заботливо толпится за
дверями.
Вот искры от кремня посыпались
звездами,
Из рукава чубук уж выполз, как
змея,
Гостеприимная отдушина твоя
Открылась бережно, огонь табак
объемлет.
Приемная труба заветный дым
приемлет.
Когда ж Ласковского[343] прихо-
дит грозный глаз,

От поисков его ты вновь скрыва-
ешь нас,
И жопа белая красавца молодого
Является в тебе отважно без по-
крова.

Но вот над школою ложится
мрак ночной,
Клерон[344] уж совершил дозор
обычный свой,
Давно у фортепьян не раздаётся
Феня...

Последняя свеча на койке Белове-
ня[345]

Угасла, и луна кидает бледный
свет

На койки белые и лаковый паркет.
Вдруг шорох, слабый звук и легкие
две тени

Скользят по каморе к твоей же-
ланной сени,

Вошли... и в тишине раздался по-
цалуй,

Краснея поднялся, как тигр го-
лодный, х...й,

Хватают за него нескромною ру-
кою,

Прижав уста к устам, и слышно:
«Будь со мною,

Я твой, о милый друг, прижмись
ко мне сильней,
Я таю, я горю... « И пламенных ре-
чей
Не перечтешь. Но вот, подняв по-
дол рубашки,
Один из них открыл атласный
зад и ляжки,
И восхищенный х...й, как страст-
ный сибарит,
Над пухлой жопой надулся и дро-
жит.
Уж сблизжились они... еще лишь
миг единый...
Но занавес пора задернуть над
картиной,
Пора, чтоб похвалу неумолимый
рок
Не обратил бы мне в язвитель-
ный упрек.

Жрец нужника,
Инвалид Николай Иванович

Разлука

Я виноват перед тобою,
Цены услуг твоих не знал.
Слезами горькими, тоскою

Я о прощеньи умолял,

*Готов был, ставши на колени,
Проступком называть мечты:
Мои мучительные пени
Бессмысленно отвергнул ты.*

*Зачем так рано, так ужасно
Я должен был узнать людей
И счастьем жертвовать напрасно
Холодной гордости твоей?..*

*Свершилось! вечную разлуку
Трепеща вижу пред собой...
Ледяную встречаю руку
Моей пылающей рукой.*

*Желаю, чтоб воспоминанье
В чужих людях, в чужой стране
Не принесло тебе страданье
При сожаленье обо мне...*

Посвящено М. И. Сабурову

К Т***

Не води так томно оком,
Круглой жопкой не верти,
Сладострастьем и пороком
Своенравно не шути.

Не ходи к чужой постеле
И к своей не подпускай,
Ни шутя, ни в самом деле
Нежных рук не пожимай.

Знай, прелестный наш чухонец,
Юность долго не блестит!

Знай: когда рука господня
Разразится над тобой
Все, которых ты сегодня
Зришь у ног своих с мольбой,

Сладкой влагой поцелуя
Не уймут тоску твою,
Хоть тогда за кончик х...я
Ты бы отдал жизнь свою.

От Редакции

В первый том настоящего собрания сочинений М. Ю. Лермонтова входят его стихотворения, во второй — поэмы, в третий — драмы, в четвертый — прозаические произведения, письма, материалы записных книжек (планы, наброски, дневниковые записи).

Сам Лермонтов, как известно, при составлении первого и единственного сборника своих произведений, выпущенного в свет в 1840 году, включил в него всего двадцать шесть стихотворений и две поэмы. Из трехсот с лишним стихотворений, написанных до 1836 года, Лермонтов поместил в этот сборник только одно («Русалка»). Из двадцати двух поэм (не считая незаконченных) напечатал всего три («Тамбовскую казначейшу» — в «Современнике» 1838 г.; «Песню про царя Ивана Васильевича...» и «Мцыри» — в сборнике 1840 г.) и боролся за публикацию четвертой («Демон»); из пяти драм отдал в театр одну — «Маскарад» (1835); из прозаических произведе-

дений опубликовал только «Героя нашего времени».

Однако за сто с лишним лет, отделяющих нас от первых изданий Лермонтова, в собрания его сочинений постепенно были включены все его юношеские произведения, зачастую очень слабые в художественном отношении, наброски, отрывки, которые поэт рассматривал лишь как заготовки для будущих сочинений. Общее число произведений, печатающихся в полных собраниях сочинений Лермонтова, в наше время примерно в двенадцать раз превышает то, с чем обращался к читателю сам поэт. Таким образом, обычное хронологическое размещение материала внутри каждого тома, необходимое в академических собраниях сочинений, в массовых изданиях Лермонтова оказалось в разительном несоответствии с интересами широкого читателя. Принцип строгой хронологии, механически понятый, привел к тому, что в этих изданиях произведения, не предназначенные для печати, а также шутки, экспромты заслоняют высшие достижения гения Лермонтова, создания его зрелой поры. При-

общаясь к поэтическому наследию Лермонтова, массовый читатель полных собраний сочинений вынужден следить за творческой эволюцией поэта, начиная с первых ученических опытов и подражаний.

Поэтому с особым вниманием редакция издания отнеслась к его структуре. Принцип композиции, положенный в его основу, преследует обе цели: и учет воли автора — выскательного художника — и обеспечение полноты издания. Датой, отделяющей в политической и литературной биографии Лермонтова период его поэтического становления от времени, когда он вошел в литературу как автор «Смерти Поэта», «Бородина», «Песни про царя Ивана Васильевича...», является 1837 год. Эта дата и положена в настоящем издании в основу композиции томов стихотворений и поэм.

Первый том открывается «Смертью Поэта», второй — «Песнью про царя Ивана Васильевича...». В основной раздел третьего тома вошел «Маскарад» — сочинение, которое Лермонтов избрал для своего литературного дебюта, с которым хотел впервые обратиться к

широкой публике. Четвертый том открывает «Герой нашего времени». Это — произведения художественно наиболее совершенные и общественно значимые. Второй раздел каждого тома составляют ранние произведения, не предназначавшиеся поэтом к печати. В особый раздел первого тома впервые выделены шутки, экспромты, эпиграммы. В приложениях даны наброски неоконченных произведений и редакции, представляющие интерес для широкого читателя. В приложениях к первому тому даны также стихотворения на французском языке и «Коллективное». Внутри каждого раздела хронологический принцип сохраняется.

Такое распределение материала предлагается в настоящем издании впервые. Поиски подобного рода — отказ от принципа строгой хронологии в массовом издании сочинений Лермонтова — уже были предприняты в одном из последних изданий Гослитиздата (Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова под ред. Б. М. Эйхенбаума, 1947).

Тексты в настоящем издании сочинений М. Ю. Лермонтова вновь выверены по руко-

писям и печатным первоисточникам. В ряде случаев уточнены тексты и датировки собрания сочинений Лермонтова, выпущенного Институтом русской литературы Академии наук СССР в 1953-1956 годах. Письма Лермонтова, написанные по-французски, даются в переводах, тексты оригинала не воспроизводятся. Отдельные слова и строки, зачеркнутые в рукописи самим поэтом, но не замененные другими, воспроизводятся в тех случаях, когда это требуется для понимания произведения (они даются в квадратных скобках). В угловые скобки заключены названия произведений, самим автором не озаглавленные, и слова, чтение которых предположительно.

В примечаниях к каждому тому приведены исторические, литературные и библиографические справки, необходимые как для понимания самого текста, так и для уяснения условий его создания и публикации. В последнем томе дается «Хронологическая канва жизни и творчества М. Ю. Лермонтова».

Так называемые «юнкерские поэмы», не вполне удобные для печати и, по-видимому,

представляющие собою плод коллективного сочинительства, в настоящее — массовое — издание сочинений М. Ю. Лермонтова не включены.

[^^^]

Примечания

Поэзия Лермонтова, связанная с поэтической традицией Пушкина и декабристов, вобравшая опыт мировой поэтической культуры, представляет собой великое явление русской и мировой литературы. Имя Лермонтова давно уже стоит рядом с именем Пушкина. Продолжая традиции гражданской лирики Пушкина и декабристов в новых исторических условиях, Лермонтов открывал в поэзии собственный путь.

Уже в юношеской лирике сложилась центральная для всего творчества Лермонтова тема трагической судьбы человека в условиях николаевской России. Его юношеские стихи — это романтическая исповедь, поэтический дневник, непрерывный монолог героя, выражение сложных противоречий мыслей и чувств передового интеллигента той эпохи, человека последекабристского поколения, поколения Герцена, Огарева, Белинского.

Неудовлетворенный окружающей дей-

ствительностью, лермонтовский герой мечтает о счастье и о свободе; они немыслимы для него без счастья и свободы всего человечества. Наделенный силой духа и мысли, громадной жаждой жизни, непримиримой ненавистью ко лжи и несправедливости, он — человек действия, борьбы.

В поэтическом дневнике Лермонтова нет резких границ между личными и общественными темами: в интимных стихотворениях поднимаются философские вопросы; в послании, обращенном к любимой женщине, звучат политические мотивы, говорится о высоком назначении человека, о гибели в борьбе за общее дело.

В юношеский период сложилась и другая особенность творчества Лермонтова: «резко ощутительное присутствие мысли в художественной форме» (Белинский). Развитие мысли, «борение дум» служат композиционной основой многих лермонтовских стихотворений. И это придает поэзии Лермонтова особое своеобразие. Однако юношеские стихи — поэзия во многом еще условная, романтически отвлеченная.

Ранние стихотворения не предназначались поэтом для печати, хотя и распространялись в кругу его друзей и товарищей. С 1837 года Лермонтов начинает выступать со своими стихотворениями в печати. Этим годом открывается период творческой зрелости поэта. Намечаются существенные изменения в подходе к явлениям жизни, расширяется круг тем в творчестве Лермонтова. Это сказывается в языке и стиле поэзии.

Герой лермонтовской лирики по-прежнему противопоставлен окружающему обществу, однако его взаимоотношения со средою рисуются теперь конкретно и получают социально-историческое осмысление. Трагедия одинокой личности, неудовлетворенной существующим порядком вещей, рассматривается поэтом уже как судьба целого поколения. Это сразу отметил Белинский. «...Кто же из людей нового поколения, — писал он о стихотворении „Дума“, — не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?..»

Лермонтовское беспощадное отрицание,

отвергавшее всякие надежды на примирение противоречий действительности, играло в эти годы прогрессивную роль.

В лирике последних лет (1840-1841) усиливаются мотивы одиночества, разрыва связей с окружающим обществом. Такие стихотворения, как «Завещание», «Они любили друг друга», «Листок», не означали утраты интереса к общественным темам: наоборот, они свидетельствовали о социальном неблагополучии. В последние годы жизни Лермонтов выступил со стихотворениями, содержащими суровое обвинение современному обществу («Последнее новоселье»). Такое стихотворение, как «Спор», полно большой исторической значимости. В эти же годы все отчетливее проявляются истинные симпатии Лермонтова. Если «Прощай, немытая Россия...» лаконично и беспощадно характеризует политический строй и систему феодально-крепостнических отношений «страны рабов, страны господ», то стихотворение «Родина» воссоздает образ русской земли, столь дорогой сердцу поэта.

Многие юношеские стихотворения, пред-

ставлявшие собой раскрытие с разных сторон единого сознания героя, воспринимаются как часть лирических циклов. Особенность зрелой лирики — в идейной значимости каждого отдельного стихотворения. Недаром Белинский утверждал, что в них «выразился исторический момент русского общества». Отличаясь законченностью мысли и чувства, они обладают громадной силой воздействия. Такие стихотворения, как «Смерть Поэта», «Бородино», «Дума», «И скучно и грустно», сразу же становились событием в сознании передовых людей русского общества.

Многие стихотворения Лермонтова были напечатаны в самом прогрессивном русском журнале того времени — «Отечественных записках». Они читались и горячо обсуждались молодежью наряду со статьями Белинского и Герцена. В 1840

году на страницах этого журнала появилось стихотворение «Журналист, читатель и писатель» — размышление о судьбах русской литературы. К этому произведению Лермонтова вполне применимы слова Белинского по поводу «Театрального разъезда» Гоголя: кВ

этой пьесе, поражающей мастерством изложения» автор «является столько же мыслителем-эстетиком, глубоко постигающим законы искусства, которому он служит с такой славой, сколько поэтом и социальным писателем».

Наряду с «субъективными» (по выражению Белинского) стихотворениями, такими, как «Дума», выросшими из юношеских монологов, Лермонтов все чаще и чаще обращается к объективным стихотворениям — эпическим и фольклорным, — в которых глубокая философская мысль часто выражена в аллегорических образах («Три пальмы», «Утес», «Листок», «Дары Терека», «Пленный рыцарь» и др.).

Поэзия Лермонтова сыграла громадную роль в дальнейшем развитии русской лирики, отразилась в творчестве многих поэтов — от Некрасова до Маяковского, до современных советских поэтов, лучшие из которых унаследовали от классической русской поэзии — в том числе и от Лермонтова — глубокий психологизм, силу мысли, высокий гражданский пафос.

Основными источниками текстов стихотворений Лермонтова являются: сборник «Стихотворения М. Лермонтова», вышедший в Петербурге в 1840 году; прижизненные публикации в журналах и альманахах; автографы и авторизованные копии; наиболее авторитетные копии, сделанные при жизни поэта и после его смерти, посмертные публикации стихотворений, автографы которых не сохранились.

Для сборника стихотворений 1840 года Лермонтов произвел самый строгий отбор. Сборник открывает «Песня про царя Ивана Васильевича...» и завершают «Тучи» — последнее стихотворение, написанное Лермонтовым в Петербурге перед отъездом на Кавказ во вторую ссылку.

Вскоре после смерти Лермонтова были опубликованы стихотворения, написанные им в последние месяцы жизни. Большая часть автографов этих стихотворений находится в записной книжке, подаренной Лермонтову его другом — писателем В. Ф. Одоевским 13 апреля 1841 года, перед последним отъездом поэта на Кавказ. На книжке над-

пись: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную. К<нязь> В.Одоевский. 1841 г. Апреля 13-е.Сиб». В настоящем издании для краткости она называется «Записная книжка Одоевского». Хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Там же находится альбом, который Лермонтов заполнял на Кавказе в 1840 году и в начале 1841 года в Петербурге. Из рукописных источников текстов стихотворений Лермонтова следует назвать еще тетрадь Чертковской библиотеки (ныне Государственного исторического музея в Москве). Историю тетради раскрывает надпись ее владельца Л. И. Арнольди на первом листе: «Собственноручные, черновые бумаги покойного Лермонтова, доставшиеся мне от его двоюродного брата Шан-Гирея». В «Чертковскую тетрадь» переплетены отдельные автографы Лермонтова разных лет.

Многие автографы Лермонтова сохранились в альбомах современников и в письмах поэта.

Источником текста для юношеских стихотворений являются автографы и авторизованные копии, содержащиеся в тетрадях Лермонтова, пронумерованных позднее собирателями архива поэта (хранятся в отделе рукописей Института русской литературы Академии наук СССР) Эти тетради позволяют довольно точно датировать ранние стихотворения на основе помет на обложках, сделанных рукой Лермонтова, дат в заглавиях стихотворений или, наконец, по их содержанию.

Тетради II, III относятся к 1828-1829 годам, тетради V, VI, VII, VIII — к 1830 году, X, XI — к 1831 году, тетрадь IV — к концу 1831 — началу 1832 года (рубежом является цикл новогодних стихотворений, относящихся к маскараду в Московском благородном собрании в ночь на 1 января 1832 года).

Наиболее трудно датируются стихи, тексты которых известны нам по XX тетради, представляющей собою писарскую копию избранных стихотворений Лермонтова 1829-1832 годов. Автографы целой группы этих стихотворений, относящихся к 1830—1831 годам, до нас не дошли, и поэтому тексты их точной

датировке пока что не поддаются. В настоящем издании, как это принято и в других изданиях, они печатаются под рубрикой «1830-1831». Исключение составляют те стихотворения из этой группы, заглавия которых содержат даты их написания — «1831-го января», «1831-го июня 11 дня».

Часть стихотворений 1832 года в автографах содержится в так называемой «казанской тетради», представлявшей прежде одно целое с XX тетрадью, последние листы которой Лермонтов использовал для черновики. Листы эти впоследствии затерялись и только недавно были обнаружены в Казани (см. статью Б. Эйхенбаума в «Литературном наследстве», тт. 45-46).

В связи с тем, что год, под которым печатается то или иное юношеское стихотворение, сам по себе указывает, что его текст воспроизводится по одной из юношеских тетрадей — в примечаниях к разделу ранних стихотворений источник текста и аргументация датировок не указываются. Исключение составляют те случаи, когда текст воспроизводится по другим источникам.

Датировка зрелых стихотворений определяется по авторским пометам в автографах, по палеографическим признакам, по прижизненным публикациям, мемуарам современников, по содержанию. В каждом отдельном случае это

отоваривается в примечаниях.

Что касается публикации юношеских стихотворений, то при жизни Лермонтова были опубликованы только «Весна» («Атеней», 1830), «Ангел» («Одесский альманах на 1840 г.») и «Русалка» (в сборнике 1840 г., с датой «1836»). Другие остались неизвестными современникам и большими группами появлялись в печати главным образом уже во второй половине прошлого века — в «Библиотеке для чтения» (1844 и 1845), в «Отечественных записках» (1841-1843 и 1859), в книге «Стихотворения М. Ю. Лермонтова, не вошедшие в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862). В 1875 году юношеские стихотворения Лермонтова публиковал «Саратовский справочный листок». Многие впервые появились в издании под ред. П. А. Висковатова (1889-1891) и в «Северном вестнике» (1889 и 1891).

Остальные печатались в «Русском сборнике», в «Русском архиве», в «Русской мысли», в «Русском библиофиле», в «Литературной газете» (1939).

Сведения о публикации зрелых стихотворений приводятся в комментариях к каждому стихотворению.

В настоящем издании приняты следующие условные сокращения:

Белинский — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, изд. Академии наук СССР, М. 1953-1956.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Добролюбов — Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в шести томах, ГИХЛ, М. — Л. 1934-1941.

«Записки» Сушковой — Е. Сушкова (Е. А. Хвостова), Записки. Первое полное издание под ред. Ю. Г. Оксмана, Л. 1928.

ИРЛИ — Институт русской литературы АН СССР.

ЛБ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

Сборник 1840г. — «Стихотворения М. Лермонтова», Спб. 1840.

Соч. под ред. Висковатова — «Сочинения М. Ю. Лермонтова», первое полное издание под ред. П. А. Висковатова, в шести томах, М. 1889-1891.

Соч. изд. «Academia» — М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений в пяти томах под редакцией Б. М. Эйхенбаума, изд. «Academia», 1935-1937.

Соч. изд. АН — М. Ю. Лермонтов, Сочинения в шести томах, изд. Академии наук СССР, М. — Л. 1954-1956.

Соч. изд. «Огонек» — М.Ю.Лермонтов, Собрание сочинений в четырех томах под ред. И. Л. Андроникова, изд. «Правды», М. 1953.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГИАЛ — Центр. Гос. историч. архив в Ленинграде.

[^^^]

Комментарии

Осень

Стихотворение сохранилось неполностью:
следующий лист тетради вырван.

[^^^]

Заблуждение Купидона

Стихотворение относится к числу ученических упражнений на заданную тему. Поэтические опыты «в древнем роде» (см. ниже «Цевница», «Пир», «Пан»), очевидно, связаны с уроками А. Ф. Мерзлякова, преподававшего Лермонтову литературу.

[^^^]

Поэт

Написано в декабре 1828 г. Лермонтов включил стихотворение в письмо к Марии Акимовне Шан-Гирей (урожд. Хастатовой, 1799-1845), своей двоюродной тетке. Относится к периоду литературного ученичества, соответствует интересам и направлению литературного кружка в Московском университетском благородном пансионе, которым руководил Семен Егорович Раич (1792-1855), поэт и переводчик античных и итальянских авторов, преподаватель словестности в пансионе.

Печатается по автографу ГПБ (в письме Лермонтова к М. А. Шан-Гирей от декабря 1828 г.).

[^^^]

К П...ну («Забудь, любезный Пн...»)

Печатается по тетради А. С. Солоницкого.

Обращено к Дмитрию Васильевичу Петерсону, учившемуся в Университетском благородном пансионе в одном классе с Лермонтовым. Лермонтов зашифровывал имена адресатов своих стихотворений согласно поэтической традиции XIX века. Поэтому в заглавиях стихотворений имена не раскрываются, кроме случаев, когда зашифровка вызвана условиями цензуры.

[^^^]

К Д...ву («Я пробежал страны России ...»)

Печатается по тетради А. С. Солоницкого.

Обращено к Дмитрию Дмитриевичу Дурнову, товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону.

Стихотворение является подражанием посланию Рылеева к А. А. Бестужеву (посвящение к поэме «Войнаровский»).

[^^^]

Посвящение Н. Н. («Вот, друг, плоды моей небрежной музыки!»)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «При случае ссоры с Сабуровым». Обращено к товарищу Лермонтова по Университетскому благородному пансиону Михаилу Ивановичу Сабурову.

Этим стихотворением открывается тетрадь (II), озаглавленная Лермонтовым «Мелкие стихотворения. Москва в 1829 г.», в которую поэт собрал стихотворения 1828-1829 гг.

[^^^]

Пир

В автографе — позднейшая помета Лермонтова «К Сабурову. (Как он не понимал моего пылкого сердца?)» — см. прим. к предыдущему стихотворению.

Веселый час

В литературе о Лермонтове высказано предположение, что стихотворение написано в связи с известием об осуждении французского поэта Пьера-Жана Беранже, приговоренного к тюремному заключению за его сатирические песни (см. статью Н. Любович в «Литературном наследстве», №58).

[^^^]

Романс («Коварной жизнью недовольный...»)

Написан, очевидно, в связи с отъездом в Италию в феврале 1829 г. С. П. Шевырева. С. П. Шевырев (позднее — реакционный критик «Москвитянина») был в то время сотрудником журнала «Московский вестник» и подвергался резким нападкам Ф. Булгарина. Об отъезде Шевырева Лермонтов мог узнать от участника этого журнала С. Е. Раича (см. прим. к стихотворению «Русская мелодия»).

[^^^]

Портреты.

Первое стихотворение печатается по автографу в тетради II (поздняя редакция), где оно озаглавлено «Портрет». Остальные — по автографу в тетради А. С. Солоницкого.

Во II тетради позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня — вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта». Во втором «портрете», возможно, изображен И. Р. Грузинов, бездарный поэт, пансионский товарищ Лермонтова.

Очевидно, и в других «портретах» даны эпиграммы на товарищей Лермонтова по пансиону.

[^^^]

К Гению

Вероятно, связано с именем Софьи Ивановны Сабуровой (1816-1864), сестры пансионского товарища Лермонтова Михаила Ивановича Сабурова (1813-?).

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Напоминание о том, что было в ефремовской деревне в 1827 году — где я во второй раз полюбил 12 лет — и поныне люблю».

Ефремовская деревня — имение отца Лермонтова (Кропотовка, в Ефремовском уезде Тульской губ.).

[^^^]

Письмо

В автографе — позднейшая помета Лермонтова: «Это вздор». По всей вероятности, это означает, что стихотворение представляет собой художественный вымысел, не связанный с каким-либо биографическим фактом.

[^^^]

Война

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «В пансионе».

Стихотворение написано в связи с началом действий русских войск на Балканах в 1829 г.

[^^^]

Русская мелодия

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг, которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и последний». Дмитрий Дмитриевич Дурнов (1813-?) — ближайший товарищ Лермонтова по пансиону, адресат нескольких юношеских стихотворений поэта.

[^^^]

К... («Не привлекай меня красой!»)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «(А. С.) (Хотя я тогда этого не думал)» свидетельствует об автобиографической основе стихотворения.

А. С. — Анна Григорьевна Столыпина, двоюродная сестра матери Лермонтова, сверстница поэта.

[^^^]

Романс («Невинный нежною душою...»)

В автографе — позднейшая помета Лермонтова в скобках «Дурнову» (см. прим. к стихотворениям «К Д...ву» и «Русская мелодия»).

[^^^]

Три ведьмы

Перевод отрывка из трагедии Шекспира «Макбет» (1 акт, 4 явление) в переделке Шиллера.

[^^^]

К Нине

Перевод стихотворения Шиллера «An Emma» («К Эмме», 1796).

[^^^]

К N. N. («Ты не хотел! но скоро волю рока...»)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «К Сабурову — наша дружба смешана с столькими разрывами и сплетнями — что воспоминания об ней совсем невеселы. Этот человек имеет женский характер. Я сам не знаю, отчего так дорожил им» (см. прим. к стихотворению «Посвящение. N. N.»).

[^^^]

Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...»)

Первое обращение Лермонтова к наполеоновской теме. Заметно влияние Пушкина («Наполеон на Эльбе», 1815; «Наполеон», 1821;) и Тютчева («Могила Наполеона», 1827).

Стихотворение открывает цикл, посвященный Наполеону. Образ Наполеона в юношеской лирике Лермонтова освещается двояко. В стихотворениях «Поле Бородина», «Два великана» Лермонтов показывает бессилие Наполеона перед русским народом, отстаивающим свою независимость. В ряде других стихотворений Лермонтов стремится объяснить причины величия и могущества Наполеона. Имя Наполеона у Лермонтова было тесно связано с темой революции и свободы. См. стихотворения: «Наполеон (Дума)» (1830), «Эпитафия Наполеона» (1830). «Св. Елена» (1831), «Воздушный корабль» (1840), «Последнее новоселье» (1841).

Пан

В автографе — позднейшая помета Лермонтова в скобках: «В Середникове».

Середниково — подмосковное имение брата бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой, Дмитрия Алексеевича Столыпина.

[^^^]

Жалобы турка

Турция воспринималась как образец деспотического государства; это представление в особенности укрепилось после начала освободительной борьбы греков. Несомненен иносказательный характер стихотворения, в котором отразилось отношение Лермонтова к русской политической системе и крепостному праву как одному из наиболее уродливых его проявлений.

Политический смысл стихотворения замаскирован заглавием. Прием иносказания был обычен для передовой русской литературы того времени (ср. Пушкин «К Лицинию», Рылеев «К временщику», Полежаев «Песнь пленного ирокезца», Ф. Глинка «Плач плененных иудеев» и др.).

А вот мнение 14-летнего подростка о политическом устройстве России, я так думаю, никого вообще не интересует.

[^^^]

К N. N.*** («Не играй моей тоской...»)

И. Л. Андроникашвили предполагает, что стихотворение обращено к Михаилу Сабурову, к которому относятся «Посвящение. N. N.» и «К N. N.», находящиеся в одной тетради с настоящим стихотворением («Мелкие стихотворения. Москва в 1829 г.»).

[^^^]

Грузинская песня

В автографе — приписка в скобках: «Слышано мною что-то подобное на Кавказе». Первый у Лермонтова опыт подражания народной песне.

[^^^]

Мой демон

Написано одновременно с началом работы Лермонтова над поэмой «Демон».

Лермонтов развивает образ, намеченный Пушкиным в стихотворении «Демон» (1828); у Пушкина Лермонтов взял и самое название (первоначально пушкинское стихотворение было напечатано под заглавием «Мой демон»). В 1831 г. Лермонтов переработал это стихотворение (см. «Мой демон», стр. 251).

[^^^]

К другу («Взлелеянный на лоне вдохнове-
нья...»)

Первоначальное заглавие «Эпилог (к
Д...ву)», то есть к Дурнову.

[^^^]

Монолог

В этом отроческом стихотворении намечена развернутая позднее в «Думе» тема трагической судьбы лермонтовского поколения — передовых русских людей, вступивших в жизнь после разгрома декабрьского восстания 1825 г.

[^^^]

Встреча

Перевод двух первых строф стихотворения Шиллера «Eine Begegnung» (1797).

Размер и строфика оригинала (октавы) сохранены, но в тексте много отступлений и неточностей. Как и предыдущие переводы, это — ученическое упражнение.

[^^^]

Баллада («Над морем красавица дева сидит...»)

Подражание балладам Шиллера: «Der Taucher» («Водолаз») — в известном переводе Жуковского («Кубок») — и «Der Handschuh» («Перчатка»).

[^^^]

Перчатка

Перевод баллады Шиллера «Der Handschuh» с пропуском одиннадцати стихов оригинала. Стихотворение интересно как одна из первых в русской поэзии попыток в области чисто тонического стиха.

[^^^]

Дитя в люльке

Перевод стихотворения Шиллера «Das Kind in der Wiege» (1796).

К* («Делись со мною тем, что знаешь...»)

Вольный перевод стихотворения Шиллера «An*». («Teile mit mir, was du weisst...», 1796.)

Классическую «надпись» Лермонтов преобразовал в острую эпиграмму.

[^^^]

Кавказ

Одно из первых обращений к кавказской теме.

*В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.*

— С этими строками соотносится автобиографическая запись, сделанная Лермонтовым в 1830 г.: «Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал... Ее певала мне покойная мать». Пять лет пронеслось... Там видел я пару божественных глаз; И сердце лепечет, помня тот вздор... — Лето 1825 г. Лермонтов провел на Кавказе. Одно из наиболее сильных впечатлений этого времени — знакомство с девятилетней девочкой, «дочерью одной дамы»: «...белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность... я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны...» (Автобиографическая заметка от 8 июля 1830 г.).

Датируется весной 1830 г., так как находится в одной тетради с поэмой «Джюлио», имеющей дату: «(1830 года. Великим постом и после)». В заметке 1830 г. Лермонтов писал: «Кто мне поверит, что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду?».

[^^^]

Н. Ф. И...вой

Первое стихотворение, обращенное к Наталье Федоровне Ивановой (в замужестве Обресковой; 1813-1875), дочери московского драматурга Ф. Ф. Иванова (1777-1816). Окончившиеся разрывом драматические отношения Лермонтова с Н. Ф. Ивановой запечатлены в лирическом цикле 1830-1832 гг. и пьесе «Странный человек» (1831). В первой публикации («Отечественные записки», 1859, №11) было озаглавлено «М. Ф. М...вой» — возможно, по настоянию самой Ивановой.

[^^^]

«Ты помнишь ли, как мы с тобою...»

Печатается по ОЗ (1842, №3), где было опубликовано впервые.

Вольный перевод стихотворения английского поэта-романтика Томаса Мура (1779-1352) «The evening gun...» («Вечерний выстрел»).

Датируется 1830 г. на основании свидетельства В. С. Межевича, который писал, что в одном из рукописных журналов, издаваемых воспитанниками Московского университетского пансиона, находился перевод Лермонтова из Томаса Мура под названием «Выстрел» («Северная пчела», 1840, №284, стр. 1134...1135). Лермонтовский перевод очень близок к прозаическому переводу, помещенному в журнале «Атеней» (1829, ч. 3).

[^^^]

Весна

Печатается по копии XX тетради, представляющей более позднюю редакцию по сравнению с текстом, опубликованным в 1830 г. в «Атенее» (ч. 4) за подписью «L».

Это — первое стихотворение Лермонтова, появившееся в печати. Посвящено Екатерине Александровне Сушковой. Лермонтов посвятил Сушковой целый ряд стихотворений: «Нищий», «Стансы», «Свершилось! Полно ожидать...», «Итак, прощай! Впервые этот звук...» (см. о ней в предисловии Ю. Г. Оксма-на к «Запискам» Сушковой).

[^^^]

Ночь. I («Я зрел во сне, что будто умер я...»)

Стихотворение написано под впечатлением чтения Байрона («The Dream», «Darkness» — «Сон», «Мрак»). Е. А. Сушкова, описывая лето 1830 г., вспоминает, что Лермонтов «был неразлучен с огромным Байроном».

[^^^]

Разлука

Высказывалось предположение, что стихотворение обращено к М. Сабурову (см. соч. изд. «Огонек», т. I, стр. 364).

[^^^]

Незабудка

Переделка стихотворения немецкого поэта Августа Платена (1796-1835) «Vergissmeinnicht» («Незабудка»), переосмыслено эмоциональное содержание: сентиментально-романтическая тональность заменена иронической.

[^^^]

В альбом («Нет! — я не требую вниманья ...»)

Стихотворение навеяно произведением Байрона «Lines written in an Album at Malta» («Строки, написанные в альбом на Мальте»). В 1836 г. Лермонтов переработал это стихотворение (см. «В альбом. Из Байрона»), приблизив его к оригиналу.

[^^^]

К глупой красавице («Тобой пленяться издали...»)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Меня спрашивали, зачем я не говорю с одной девушкой, а только смотрю...»

[^^^]

Крест на скале

Печатается по копии ИРЛИ. Датируется предположительно 1830 г., когда Лермонтов познакомился с семейством Сушковых. В копии стихотворения — надпись: «M-lle Souschkoff».

Биограф Лермонтова П. А. Висковатов предполагал, что оно адресовано Е. П. Сушковой, впоследствии Ростопчиной.

[^^^]

«Оставленная пустынь предо иной...»

В автографе пометы Лермонтова в скобках: «В Воскресенске». «Написано на стенах [пустыни] жилища Никона», «1830 года». Перед второй частью стихотворения — помета тоже в скобках: «Там же в монастыре».

Монастырь в Воскресенске (ныне г. Истра) назывался «Новый Иерусалим» и был основан патриархом Никоном; к западу от монастыря находилась пустынь (скит) Никона (1658).

[^^^]

Ночь. III («Темно. Все спит. Лишь только жук
ночной ...»)

В автографе — позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Сидя в Середникове у окна».

[^^^]

Прощай (англ.).

[^^^]

Farewell

Перевод стихотворения Байрона «Farewell!
if ever fondest prayer», очень близкий к подлиннику.

[^^^]

Элегия («Дробись, дробись, волна ночная...»)

В центре стихотворения образ «добровольного изгнанника», покинувшего берег родной земли. Противопоставление «палатки рыба-рей» — «блеску обманчивой столицы» возникло у Лермонтова под воздействием поэмы Пушкина «Цыганы».

[^^^]

Эпитафия («Простосердечный сын свободы...»)

По-видимому, посвящена памяти Дмитрия Владимировича Веневитинова, поэта и философа, умершего в 1827 г., в возрасте двадцати двух лет.

Для чувств он жизни не щадил... — перефразировка стиха из предсмертного стихотворения Веневитинова «Поэт и друг» — «Кто жизни не щадил для чувства».

*Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви... —*

подразумевается цикл стихотворений Веневитинова, посвященных кн. З. А. Волконской (она подарила поэту перстень-талисман).

[^^^]

Сентенция (англ.).

[^^^]

Гроб Оссиана

В автографе позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «Узнав от путешественника описание сей могилы».

Оссиан — легендарный поэт, которому шотландский писатель Макферсон приписал созданные им самим в духе народных шотландских песен поэмы; они были изданы в 1760-1763 гг.

В горах Шотландии моей. — По преданию, один из предков Лермонтова был выходцем из Шотландии.

[^^^]

Посвящение («Прими, прими мой грустный труд...»)

Вероятно, это посвящение к трагедии «Испанцы». На одном листе с ним находится список действующих лиц трагедии.

[^^^]

Кладбище

Приписка в автографе в скобках: «На кладбище написано» и дата: «1830».

[^^^]

К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаления...»)

В автографе приписка Лермонтова: «Прочитав жизнь Байрона, <написанную> Муром». Под текстом дата: «1830». Лермонтов имеет ввиду книгу Т. Мура «Letters and Journals of Lord Byron with Notices of his Life», vol 1-2 («Письма и дневники лорда Байрона...», тт. 1-2).

Биография Байрона, составленная его другом, поэтом Томасом Муром, вышла в 1830 г. в Лондоне.

О, если б одинаков был удел... — Байрон погиб в 1824 г. в Греции, куда он приехал, чтобы принять участие в борьбе греческого народа за свою независимость.

Как рн, в ребячестве пылал уж я душой. — Источником этой строки послужил рассказ Мура о детской любви Байрона.

[^^^]

Дереву

В автографе дата: «1830». На следующем листе помета: «Мое завещание. (Про дерево, где я сидел с А. С.)».

А. С. — очевидно, Анна Григорьевна Столыпина.

[^^^]

Предсказанье

В автографе — позднейшая приписка: «Это мечта» — в значении «видение», «фантазия». Написано под впечатлением крестьянских восстаний, участвовавших в 1830 г. в связи с эпидемией холеры. Выражение «черный год» в литературе XVIII-XIX веков относилось к восстанию Пугачева. Стихотворение свидетельствует о том, что в это время Лермонтов считал революцию в России неизбежной.

3 июня 1830 г. в Севастополе был убит губернатор — родной брат бабушки Лермонтова Н. А. Столыпин.

И будет все ужасно, мрачно в нем, Как плащ его с возвышенным челом. — Эта характеристика «мощного человека» сближает его с Наполеоном: «Сей острый взгляд с возвышенным челом» («Наполеон», 1830).

[^^^]

Булевар

Под текстом помета: «(Продолжение впрредь)» — и запись: «В следующей сатире всех разругать, и одну грустную строфу. Под конец сказать, что я напрасно писал и что, если б это перо в палку обратилось, а какое-нибудь божество новых времен приударило в них, оно — лучше». Объект сатирического изображения в данном стихотворении — московское барство, в обычае которого были прогулки по Тверскому бульвару.

Подале в креслах там другой... — В четвертой строфе имеется в виду князь Петр Иванович Шаликов (1767-1852), поэт, издатель «Дамского журнала» и редактор «Московских ведомостей».

И сам Башуцкий объяснит тотчас. — Вероятно Александр Павлович Башуцкий (1801-1876) — писатель, журналист.

О женихи! о бедный Мосолов... — Генерал Федор Иванович Мосолов проживал на Тверском бульваре. В 1828...1832 гг. председатель комиссии военного суда при московском ордонанс-гаузе.

[^^^]

10 июля. (1830)

Сохранились только начальные восемь строк (очевидно, первая строфа) стихотворения. Следующий лист тетради, на котором находилось продолжение, вырван.

1830 год был ознаменован Июльской революцией во Франции и усилением национально-освободительного движения в Европе. В литературе о Лермонтове был выдвинут ряд предположений о том, каким событиям стихотворение посвящено:

- 1) Июльской революции во Франции,
- 2) восстанию 1830 г. в Польше,
- 3) восстанию горцев на Кавказе,
- 4) восстанию албанских патриотов.

Однако все эти предположения противоречат либо дате в заглавии, либо самому тексту стихотворения.

Знамя вольности кровавой. — Реминисценция из пушкинской «Полтавы» (1829).

[^^^]

К Су ...

В автографе рядом с заглавием позднейшая приписка Лермонтова в скобках: «При выезде из Середникова к Miss black-eyes. Шутка, преположенная от М. Kord».

«Miss black-eyes» («Черноокая») — так называли Е. А. Сушкову.

Мистер Корд — гувернер Аркадия Столыпина, двоюродного брата матери Лермонтова.

[^^^]

Благодарю!

Печатается по «Запискам» Сушковой.

Под текстом, приведенным Сушковой, дата: «Середниково. 12 августа».

Во всех изданиях в первой строке заключительной строфы вместо «укажет» печатается «покажет». Считая это исправление необоснованным, возвращаемся к тексту Сушковой.

Обращено к Е. А. Сушковой. В стихотворении запечатлены действительные черты внутреннего облика Сушковой и характер ее отношений к юному поэту (насмешливость, «острота речей», «притворное вниманье»).

[^^^]

Нищий

Обращено к Е. А. Сушковой. Написано после посещения Троице-Сергиевской.

Об одном эпизоде этой прогулки, послужившим сюжетом стихотворения, Сушкова рассказала в своих воспоминаниях: «На паперти мы встретили слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услышав звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: „Пошли вам господь счастье, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!“

Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой, в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги <...> Окончив писать, он вскочил, тряхнув головою, сел на оставшийся стул против меня и передал мне ново-

вышедшие из-под его карандаша стихи».

[^^^]

Чума в Саратове

В автографе рядом с заглавием помета рукой Лермонтова в скобках:

«Cholera — morbus» — и дата: «1830 года августа 15 дня».

[^^^]

30 июля. — (Париж). 1830 года

Стихотворение написано под впечатлением Июльской революции во Франции.

30 июля 1830 г. — на третий день народного восстания — отрекся от престола король Карл X.

[^^^]

Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...»)

В автографе рядом с текстом нарисован пером портрет девушки в профиль, по всей вероятности Е. Сушковой, к которой обращено стихотворение.

Я жертвовал другим страстям; Я не могу любить другой. — В этих строках варьируются мотивы стихотворения Байрона «Stanzas to a Lady on leaving England» («Станцы к ***, написанные при отплытии из Англии»).

[^^^]

Чума

Против первого стиха в автографе — дата: «(1830. Августа)».

Стихотворение написано во время холерной эпидемии. Лермонтов вместе с бабушкой Е. А. Арсеньевой в дни холерной эпидемии оставался в Москве.

[^^^]

Баллада («Берегись! берегись! над бургосским путем...»)

Вольный перевод баллады из XVI песни «Дон-Жуана» Байрона. Переведены строфы первая, третья и первая половина четвертой. После текста приписка в скобках: «Продолжение впереди».

Бургос — город в Испании.

[^^^]

«Когда к тебе молвы рассказ ...», «Передо мной лежит листок...», «Свершилось! Полно ожидать...», «Итак, прощай!»

Эти стихотворения посвящены Е. А. Сушковой и воспроизводятся по ее «Запискам».

[^^^]

Новгород

В автографе дата: «3 октября 1830 г.». Стихотворение не закончено и зачеркнуто.

Обращение «Сыны снегов, сыны славян» относится скорее всего к современникам Лермонтова «упавшим мужеством» в годы реакции. Имеется также предположение, что стихотворение обращено к декабристам. Древний Новгород в декабристской литературе был символом политической свободы.

[^^^]

Глупой красавице («Амур спросил меня однажды...»)

В автографе под текстом позже приписана дата: «1830 года, 4 октября».

[^^^]

Могила бойца

В автографе под текстом дата: «1830 год — 5 октября. Во время холеры — morbus».

[^^^]

Смерть («Закат горит огнистой полосой ...»)

Печатается по копии ИРЛИ.

Под текстом в копии — дата: «1830. Октября 9». Относится к циклу стихотворений, написанных в связи с холерой (ср. «Чума в Саратове» и «Чума»).

[^^^]

Черны очи

Печатается по автографу ЛБ.

Датируется предположительно 1830 г. Относится к циклу стихотворений, посвященных Е. А. Сушковой, которую называли «Черноокой» (ср. прим. к стихотворению «К Су...»).

[^^^]

«Послушай! вспомни обо мне...»

Печатается по автографу ИРЛИ (альбом Н. И. Поливанова).

Вслед за этим стихотворением в альбоме приписка рукою Поливанова, товарища Лермонтова по университету:

«23-го марта 1831 г. Москва. Михаил Юрьевич Лермонтов написал эти строки в моей комнате во флигеле нашего дома на Молчановке, ночью; когда вследствие какой-то университетской шалости он ожидал строгого наказания.

Н. Поливанов».

Университетская шалость, о которой пишет Поливанов, — это известная «маловская история»: 16 марта 1831 г. студенты выгнали из университетской аудитории «глупого, грубого и необразованного» профессора М. Я. Малова. (Об этом подробно рассказано А. И. Герценом в «Былом и думах», ч. I, гл. VI.) Лермонтов принимал участие в «маловской истории», но тогда, по-видимому, не пострадал за нее.

[^^^]

1831-го июня 11 дня

В пятой строфе поэт обращается к Наталье Федоровне Ивановой. Строфы первая, вторая, пятая вошли в драму «Странный человек» как стихотворение героя драмы Владимира Арбенина.

[^^^]

Романс к И... («Когда я унесу в чужбину ...»)

Печатается по авторизованной копии ИРЛИ.

Стихотворение обращено к Наталье Федоровне Ивановой. В измененном виде включено в драму «Странный человек» как стихи Владимира Арбенина («Когда одни воспоминанья»). Варьирует (особенно в «Странном человеке») лирическую тему стихотворения Т. Мура «When he who adores thee» («Когда тот, кто обожает тебя...») из цикла «Ирландские мелодии».

[^^^]

Завещание («Есть место: близ тропы глухой...»)

В автографе приписка в скобках: «Середниково, ночью; у окна».

В авторизованной копии есть одзаголовок «(Из Гете)», однако ни одно из произведений Гете не может рассматриваться в качестве оригинала. Существует предположение, что Лермонтов облек в стихотворную форму предсмертное письмо героя романа Гете «Страдания молодого Вертера» (1774).

[^^^]

«Сижу я в комнате старинной...»

В автографе приписка рукой Лермонтова:
«(Средниково) (В мыльне) (Ночью, когда мы
ходили по па пугать)».

[^^^]

К*** («Всевышний произнес свой приговор...»)

Стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой (ср. в стихотворении «К Н. И...» слова: «Прощальный поцелуй однажды. Я сорвал с нежных уст твоих»).

[^^^]

Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...»)

В автографе приписка: «(Средниково. Вечер на бельведере (29 июля))».

Написано под впечатлением семейной легенды о шотландских предках Лермонтовых. Здесь развита тема, намеченная раньше в стихотворении «Гроб Оссиана».

[^^^]

Св. Елена

Написан, по-видимому, в связи с десятилетием смерти Наполеона.

Св. Елена — остров в Атлантическом океане, куда был сослан Наполеон и где скончался в 1821 г.

[^^^]

К другу В. Ш.

В. Ш. — Владимир Александрович Шеншин, один из товарищей Лермонтова университетской поры.

[^^^]

«Блистая, пробегают облака...»

Написано в Середникове. В автографе на месте заглавия — надпись: «7-го августа. В деревне на холме; у забора».

[^^^]

Видение

Относится к циклу стихотворений, связанных с Н. Ф. Ивановой. С некоторыми изменениями повторено в трагедии «Странный человек».

Поэтическим образом для стихотворения послужил «The Dream» («Сон») (1816) Дж. Байрона, который несколько ранее Лермонтов предполагал перевести. В основу положены действительные события летних месяцев 1831 г.

*Пылали смуглые его ланиты, И черный
взор искал чего-то все В туманном отдале-
нье... — Герою стихотворенья приданы черты
внешнего облика самого Лермонтова.*

*...темно, смутно являлося минувшее
ему — Призрак остерегающий, который Пуга-
ет сердце страшным предсказаньем, Но верил
он — одной своей любви. — Летом 1831 г. Лер-
монтов был увлечен Н. Ф. Ивановой.*

*И всадник примечает огонек, Трепещущий
на берегу противном, И различил окно и дом,
но мост изломан... и несетя быстро Клязь-
ма. — На берегу Клязмы находилось имение*

Ивановых...

Ее сестра идет к нему навстречу. — Речь идет о Дарье Федоровне Ивановой.

[^^^]

К Л. («У ног других не забывал...»)

В основу положено стихотворение Байрона «Stanzas to a lady on leaving England» («Стансы к даме при отъезде из Англии»).

Вопрос об адресате окончательно не решен. Возможно, стихотворение обращено к Варваре Александровне Лопухиной (В замужестве Бахметевой; 1815-1851), московской приятельнице Лермонтова, младшей дочери в семействе Лопухиных, живших по соседству с бабушкой поэта на Малой Молчановке. По словам троюродного брата Лермонтова Акима Павловича Шан-Гирея (1818-1883), чувство Лермонтова к В. А. Лопухиной «було... истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...». Существует предположение, что стихотворение связано с именем Н. Ф. Ивановой (в этом случае «Л» расшифровывается как «Любимой»). Е. А. Сушкова утверждала, что стихи посвящены ей.

[^^^]

К Н. И... («Я не достоин, может быть...»)
Обращено к Н. Ф. Ивановой

[^^^]

Воля

Одно из первых обращений Лермонтова к фольклору; воспроизводит форму и содержание народных разбойничьих песен.

Стихотворение с некоторыми изменениями в тексте вошло в повесть «Вадим».

[^^^]

Сентября 28

Стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

«Зови надежду — сновиденьем...»

К кому обращено стихотворение, не установлено. Е. А. Сушкова, опубликовавшая текст в составе подборки «Из альбома Е. А. Сушковой» («Библиотека для чтения», 1844, т. 64), называла адресатом себя. Вместе с тем вторая строфа стихотворения (с некоторыми изменениями) введена в посвящение к третьей редакции «Демона», обращенное к В. А. Лопухиной.

Е. А. Сушкова в своих «Записках» сообщает, что после стихотворения «Весна» «внизу очень мелко было написано карандашом как будто противоядие этой едкой по его мнению правде» — далее следует текст стихотворения.

Обычно воспроизводится другая редакция стихотворения (по автографу):

К*

*Не верь хвалам и увереньям,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновиденьем...
Но верь, о верь моей любви.*

*Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего;
Ты не способна лицемерить —
Ты слишком ангел для того.*

Анализ текста показывает, что это более ранняя редакция.

[^^^]

«Прекрасны вы, поля земли родной...»

И позабытый прах, но мне, но мне бесценный. — Речь идет об отце Лермонтова Юрии Петровиче, который скончался 1 октября 1831г. в деревне Кропотово Тульской губернии.

В заключительных строках этого стихотворения говорится о могиле отца Лермонтова (умер 1 октября 1831 г.). (Ср. со стихотворениями «Ужасная судьба отца и сына», «Эпитафия»)

[^^^]

«Я видел тень блаженства; но вполне...»

Здесь Лермонтов говорит, по-видимому, о своей безответной любви к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

К** («Ты слишком для невинности мила...»)

Перед стихотворением в автографе немецкий оригинал первых четырех стихов:

*Sie ist zu schon um tugendhaft zu
sein,
Um treu zu lieben, ist zu lieblich sie;
Wohl tausend Herzen konnte sie
erfreun,
Doch selbst, — sclbst glucklich wird
sie nie.*

Автор немецкого текста не установлен. На полях приписка рукой Лермонтова:

«L'ame de mon ame» («Душа моей души»).

[^^^]

Ангел

Стихотворение опубликовано Лермонтовым в «Одесском альманахе на 1840 г.» (Одесса, 1839). Однако в сборник 1840 г. включено не было.

[^^^]

Стансы («Я не могу ни произнести...»)

Печатается по копии XX тетради. В автографе XI тетради — в заглавии после «Стансов» написано «К Д.».

[^^^]

«Ужасная судьба отца и сына...»

Написано в связи со смертью отца поэта.

...ты свершил свой подвиг, мой отец. —

Здесь выражение «вершить подвиг» — идиома, означающая «завершить тяжелый, страдальческий жизненный путь».

...люди угасить в душе моей хотели Огонь божественный... Однако ж тщетны были их желанья: Мы не нашли вражды один в другом. — Намек на семейные распри, приведшие к разлуке с отцом.

[^^^]

Из Паткуля

Иоганн Рейнгольд Паткуль (1660—1707) — лифляндский политический деятель, возглавившим борьбу против шведского господства в Прибалтике и казненный Карлом XII.

В августе 1831 г. вышел из печати I том романа Лажечникова «Последний Новик», в котором Паткуль изображается как борец за свободу своей страны. Лермонтов, по всей вероятности, был знаком и с романом Лажечникова и с книгой «Письма несчастного графа Иоганна Рейнгольда Паткуля, полководца и посланника российского императора Петра Великого» (М. 1806). Очевидно, этим и объясняется заглавие.

Письма Паткуля, написанные перед казнью, были изданы (в русском переводе) в 1806 г.

[^^^]

«Я не для ангелов и рая...»

Судя по расположению автографа в тетради, это стихотворение написано по окончании второй редакции «Демона» и является своего рода послесловием к поэме.

[^^^]

К Д. («Будь со мною, как преагде бывала...»)
Адресат стихотворения не установлен.

[^^^]

Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске...»)

Этюд к задуманной Лермонтовым исторической поэме о князе Мстиславе Черном, поклявшемся освободить Родину от татар.

[^^^]

Баллада («В избушке позднею норою...»)

Печатается по копии ИРЛИ.

Связано с относящимся к этому времени замыслом исторической поэмы о Мстиславе Черном и его борьбе с татарами.

[^^^]

«Я не люблю тебя; страстей...»

В 1837 г. Лермонтов переработал это стихотворение (см. «Расстались мы, но твой портрет...»).

[^^^]

Стансы («Мгновенно пробежав умом...»)

Печатается по копии в альбоме М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ). В альбоме дата: «1832». Впервые — в «Литературной газете» (1939, 15 октября, №57). В VI тетради находится автограф первоначальной редакции «Стансов», относящийся к 1830 г:

*Я не крушуся о былом,
 Оно меня не усладило.
 Мне нечего запомнить в рем,
 Чего б тоской не отравило!
 Как настоящее, оно
 Страстями чудными обито
 И вьюгой зла занесено,
 Как снегом крест в степи забы-
 тый!
 Ответа на любовь мою
 Напрасно жаждал я душою,
 И если о любви пою —
 Она была моей мечтою.
 Я к одиночеству привык,
 Я б не умел ужиться с другом;
 Я б с ним препровожденный миг
 Почел потерянным досугом.
 Мне скучно в день, мне скучно в*

ночь,
Надежды нету в утешенье:
Она навек умчалась прочь,
Как жизни каждое мгновенье.
На светлый запад удалюсь:
Вид моря грусть мою рассеет.
Ни с кем в отчизне не прощусь —
Никто о мне не пожалеет!..
Быть может, будет мне о ком
Тогда вздохнуть. — и провиденье
Заплотит мне спокойным днем
За долгое мое мученье.

[^^^]

Звезда

В некоторых изданиях текст этого стихотворения воспроизводится по копии из альбома Верещагиной (см., например, соч. АН СССР). В настоящем томе дается его другая редакция, которую считаем позднейшей (авторизованная копия XX тетради).

По утверждению Е. А. Сушковой, стихотворение посвящено ей.

[^^^]

Венеция

Стихотворение связано с поэмой «Джюлио» (1830) и относится, вероятно, к 1830 г.

[^^^]

«Я видел раз ее в веселом вихре бала...»

Написано под воздействием стихотворения Пушкина «Дорида» (1819).

[^^^]

Подражание Байрону

Подражание стихотворению Байрона «Послание к другу в ответ на стихи, увещающие автора быть веселым» («Epistle to a friend in answer to some lines exhorting the author to be cheerful...»).

[^^^]

Пир Асмодея

Датируется предположительно 1830 г. на основании содержания.

Подарок второго демона — «вино свободы» — намек на Июльскую революцию 1830 г. во Франции и революционное движение в Европе.

Подарок третьего демона — стакан хлорной воды — отклик на эпидемию холеры в Москве в 1830 г.

Имя царя Павла I, занимающего почетное место на пире у главного демона, Асмодея, в рукописи обозначено звездочками. Оно восстанавливается предположительно.

Подзаголовок — «Сатира». Ее объектом Лермонтов избрал, с одной стороны, человеческие пороки (слова первого демона), с другой — явления социального характера. В речи второго демона — отзвук революционных событий 1830 г. во Франции, Бельгии, Польше; в словах третьего демона — отголосок эпидемии холеры и холерных бунтов.

По правую руку сидел приезжий <Павел>. — В рукописи имя заменено звездочками и вос-

становливается по рифме. Предполагается, что речь идет о царе павле I.

Распространять сужденья дураков Он средство нам превечное доставил. — Лермонтов ошибочно отождествляет (в соответствии с русской и европейской литературной традицией) доктора фауста с первопечатником Иоганном Фаустом (иначе Фустом).

[^^^]

Это слишком банально! (фр.)

[^^^]

На картину Рембрандта

Картина великого голландского художника Рембрандта, которая вдохновила Лермонтова, «Молодой монах-капуцин в высоком капюшоне», находилась в 30-х годах XIX века в художественной галерее Строгановых.

Быть может, ты писал с природы... — Предположение Лермонтова правильно: Рембрандту позировал его сын Титус.

[^^^]

К*** («О, полно извинять разврат!»)

По-видимому, обращено к Пушкину (эту мысль высказал в 1909 г. М. Горький). Лермонтов, высоко ценивший вольнолюбивую лирику и южные поэмы Пушкина, подобно многим другим современникам, не смог сразу правильно оценить пушкинские произведения второй половины 20-х годов. «Стансы», «Друзьям», «Чернь», поэму «Полтава», «Граф Нулин» он воспринимал как отход от традиций гражданской поэзии и называл этот период в творчестве Пушкина «продолжительным сном» (в стихотворении «Опять, народные витии...» он писал о Пушкине как о поэте, «восставшем в блеске новом от продолжительного сна»).

Возможно, что непосредственным поводом для лермонтовского стихотворения явилось послание Пушкина «К вельможе» (1830), вызвавшее резкие нападки со стороны некоторых представителей прогрессивной журналистики.

Под «изгнанием из страны родной» Лермонтов разумел ссылку Пушкина в Бессара-

бию и Одессу.

[^^^]

Звуки

Стихотворение, по-видимому, посвящено известному гитаристу и сочинителю музыки для семиструнной гитары Михаилу Тимофеевичу Высотскому, у которого Лермонтов часто бывал в студенческие годы.

[^^^]

К*** («Не ты, но судьба виновата была...»)
Обращено к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

Ночь («В чугу́н печальный сторож бьет...»)

Относится к циклу стихотворений, связанных с Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

Из Андрея Шенье

У французского поэта А. Шенье такого стихотворения нет, но общие мотивы его предсмертного лирического цикла близки к стихотворению Лермонтова.

Возможно, что это название дано Лермонтовым для того, чтобы зашифровать политический смысл стихотворения. Юный поэт следовал Пушкину, который выступил с элегией «Андрей Шенье», воспринятой современниками как отклик на декабрьские события 1825 г. В связи с распространением отрывка из элегии Пушкина (в некоторых копиях он был озаглавлен «На 14 декабря») возник политический процесс в 1826-1828 гг., о котором, очевидно, знал Лермонтов, так как главный обвиняемый штабс-капитан Алексеев, приговоренный в первой инстанции к смертной казни, был хорошим знакомым Е. А. Сушковой.

[^^^]

Стансы «Не могу на родине томиться...»
Обращено к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

Мой демон

Переработка одноименного стихотворения 1829 г. Связано с дальнейшей работой над поэмой «Демон».

[^^^]

Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой...»)

По наблюдению И. Л. Андроникашвили стихотворение представляет собой первоначальный вариант сцены прощания Зары с Измаилом из поэмы «Измаил-Бей».

[^^^]

«Она была прекрасна, как мечта...»

Использовано для стихотворения «Девятый час; уж темно...».

«Время сердцу быть в покое...»

Первые шесть стихов являются вольным переводом начала стихотворения Байрона 1824 г. «On this day I complete my thirty sixth year» («В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет»).

[^^^]

К*** («Я не унижусь пред тобою...»)
Обращено к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

<В альбом Н. Ф. Ивановой> («Что может краткое свиданье...»)

Печатается по копии из альбома М. Д. Жердинской (ЦГАЛИ), где обозначена дата: «1832». Впервые — в «Литературной газете» (1939, 15 октября, №57).

[^^^]

<В альбом Д. Ф. Ивановой> («Когда судьба тебя захочет обмануть...»)

Печатается по копии из альбома М. Д. Жедринской (ЦГАЛИ), где обозначена дата. «1832». Впервые — в «Литературной газете» (1939, 15 октября, №57).

Обращено к Дарье Федоровне Ивановой, сестре Н. Ф. Ивановой.

«Синие горы Кавказа, приветствую вас!»

Строка «Воздух там чист, как молитва ребенка...» перефразирована в «Герое нашего времени»: «Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка» («Княжна Мери», запись 11 мая).

Отрывок представляет собой опыт ритмической прозы. Высказывалось предположение, что это не самостоятельное произведение, а заготовка для будущего стихотворного текста (см. статью Т. Левита в «Литературном наследстве», №45-46). Действительно: многие образы этой записи почти дословно повторены во вступительных строфах поэмы «Измаил-Бей», над которой Лермонтов работал как раз в это время (см. соч. изд. «Огонек», т. I, стр. 381).

[^^^]

Прелестнице

В 1841 г. Лермонтов переделал это стихотворение (см. «Договор»).

[^^^]

Если б мы не любили так нежно (англ.).

[^^^]

Had we never Icred so kindly

Стихотворение представляет перевод эпиграфа к поэме Байрона «Абидосская невеста», взятого из стихотворения Роберта Бернса «Прощальная песнь к Кларинде» («Parting song to Clarinda»). В первом стихе Лермонтов слово «kindly» перевел — «дитя», производя его от немецкого слова «kind».

По-английски «kindly» — «нежно».

[^^^]

Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова?»)
Посвящена отцу поэта Ю. П. Лермонтову.

[^^^]

«Излученный тоскою и недугом...»

Обращено к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

«Болезнь в груди моей, и нет мне исцеления...»

В этом стихотворении Лермонтов говорит о своей любви к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

К* («Мы случайно сведены судьбою ...»)

Обращено к Варваре Александровне Лопухиной (1815-1851), которую Лермонтов глубоко любил и которой посвятил много стихотворений.

[^^^]

Баллада («На ворот выезжают три витязя и ряд ...»)

Первые два стиха являются переводом начальных стихов старинной немецкой народной песни «Die drei Ritter». Дальнейший текст — оригинальный.

[^^^]

«Я жить хочу! хочу печали...»

Датируется летом 1832 г. на том основании, что отрывок из этого стихотворения процитирован Лермонтовым в письме к его приятельнице, воспитаннице Е. А. Арсеньевой Софье Александровне Бахметевой от августа 1832 г. с примечанием, что стихи написаны «месяц тому назад»

[^^^]

**«Приветствую тебя, воинственных сла-
вян...»**

Написано в связи с посещением в августе 1832 г. Новгорода, где Лермонтов останавливался на пути из Москвы в Петербург.

*...вольности одной Служил тот колокол
на башне вечевой.* — Лермонтов вслед за декабристами воспринимал вечевой колокол как символ древней вольности новгородцев, ассоциировавшейся с идеалом политической свободы.

[^^^]

Желанье («Отворите мне темницу...»)

В 1837 г. Лермонтов переделал это стихотворение (см. «Узник»).

[^^^]

Два великана

В этом стихотворении в фольклорно-аллегорических образах изображается борьба русского народа с Наполеоном.

Нарисано по поводу двадцатилетней годовщины Отечественной войны 1812 г. В иносказательной форме изображено поражение Наполеона («трехнедельный удалец») в борьбе с Россией («старый русский великан»).

Но упал он в дальнем море... — Наполеон был отправлен в ссылку на остров Св. Елены.

[^^^]

К* («Прости! — мы не встретимся боле...»)

Написано в августе 1832г. перед отъездом из Москвы в Петербург. Стихотворение относится, по-видимому, к Н. Ф. Ивановой; по другому предположению — к Варваре Лопухиной

Есть звуки — значенье ничтожно... Но их позабыть невозможно. — В измененном виде эти строки повторяются в стихотворении «Есть речи — значенье...».

[^^^]

«Безумец я! вы правы, правы!..»

В автографе вычеркнуто заглавие «Толпе». Слово *толпа* употреблено здесь в значении «свет» (близко понятию «светская чернь» у А. С. Пушкина).

[^^^]

«Она не гордой красотой...»

Относится к В. А. Лопухиной.

[^^^]

«Примите дивное посланье...»

Приведено в письме Лермонтова к С. А. Бахметевой от начала августа 1832 г.

В первых строках игра слов: под «Павловым писаньем» разумеется писание апостола Павла. Павел же, который должен был доставить Бахметевой письмо Лермонтова с этим стихотворением, — родственник поэта Павел Александрович Евреинов, двоюродный дядя Лермонтова, офицер лейб-гвардии Измайловского полка.

[^^^]

Челнок («Но произволу дивной власти...»)

Печатается по автографу «казанской тетради». Другой автограф — в письме к С. А. Бахметевой (август 1832).

[^^^]

«Для чего я не родился...»

В письме к М. А. Лопухиной от 28 августа 1832 г. Лермонтов сообщает, что написал это стихотворение накануне 27 августа, во время небольшого наводнения в Санкт-Петербурге.

[^^^]

Парус

Приведено в письме Лермонтова к М. А. Лопухиной от 2 сентября 1832 г.

Это одно из лучших юношеских стихотворений Лермонтова было напечатано уже после смерти поэта и стало популярным в русском обществе как выражение передовых гражданских идей того времени.

Белеет парус одинокой... — Эта строка совпадает с 19-м стихом первой главы поэмы А. А. Бестужева (Марлинского) «Андрей, князь Переяславский» (отд. изд. 1828). Образ белеющего в морском тумане паруса получил в творчестве Лермонтова и живописное воплощение — в акварельном рисунке, относящемся к концу 1820-х — началу 1830-х годов. Несколько лет спустя Лермонтов вновь вернулся к этому образу, используя его в концовке «Княжны Мери».

«Он был рожден для счастья, для надежд...»

Приведено в письме Лермонтова к М. А. Лопухиной около 15 октября 1832 г.

Первые пять стихов были перенесены в стихотворение «Памяти А. И. О<доевско>го», 1839. Следующие четыре стиха с некоторыми изменениями вошли в стихотворение «Дума», 1838.

[^^^]

Русалка

Печатается по сборнику 1840 г., где напечатано с датой «1836 г.»

Однако датируется 1832 г., так как в «казанской тетради» имеется ранняя редакция текста, относящаяся к 1832 г., в которую были внесены лишь незначительные изменения.

[^^^]

Юнкерская молитва

Печатается по копии ИРЛИ (с пометой: «1833»).

Относится ко времени пребывания Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Известно по воспоминаниям Александра Матвеевича Меринского (?-1873), товарища Лермонтова по юнкерской школе.

Другая редакция стихотворения сохранилась в «Записках неизвестного гусара», принадлежащих другому соученику Лермонтова по Школе юнкеров — Александру Францевичу Тирану (1815-1865), позднее служившему вместе с поэтом в лейб-гвардии Гусарском полку. По воспоминаниям А. Ф. Тирана, «Юнкерская молитва» была помещена в рукописном журнале «Школьная заря».

Пускай в манеже Алехин глас Как можно реже тревожит нас. — «Алеха» — имеется в виду преподаватель юнкерской школы Алексей Степанович Стунеев — командир кавалерийского эскадрона в Школе юнкеров (1832...1840). Известны два графических порт-

рета Стунеева, принадлежащих Лермонтову.
На одном из них Стунеев изображен в мане-
же с бичом в руках.

[^^^]

«На серебряные шпоры...»

Это и следующее стихотворение датируются 1833...1834 гг. — временем пребывания Лермонтова в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

[^^^]

«В рядах стояли безмолвной толпой...»

Печатается по копии ИРЛИ («Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» В. Хохрякова).

По предположению М. Ф. Никелевой, в стихотворении говорится о похоронах Егора Сиверса, обучавшегося одновременно с Лермонтовым в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Сивере числился юнкером лейб-гвардии Уланского полка; умер 5 декабря 1833 г.

В стихотворении ощущается воздействие известного стихотворения И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура» («Не бил барабан перед смутным полком...»).

[^^^]

«Опять, народные витии...»

В черновом автографе, по которому печатается стихотворение, после стиха «Мы чужды ложного стыда» зачеркнуты следующие семь строк:

*Так нераздельны в деле славы
Народ и царь его всегда.
Веленьям власти благотворной
Мы повинuemся покорно
И верим нашему царю!
И будем все стоять упорно
За честь его, как за свою.*

Датируется предположительно 1834-1835 гг. по содержанию и на основании свидетельства С. А Раевского, который в показаниях на следствии по делу о стихотворении «Смерть Поэта» сообщал, что «Опять, народные витии...» написаны, «кажется, в 1835 году» в связи с опубликованием статьи «в каком-то французском журнале» (см. «Вестник Европы», 1887, №1, стр. 339-340).

Лермонтовское стихотворение, так же как

и «Клеветникам России» Пушкина, направлено против выступлений депутатов французского парламента, поддерживавших польскую эмиграцию и призывавших к войне с Россией.

[^^^]

«Когда надежде недоступный...»

Датируется предположительно 1834-1835 гг., так как находится в одной тетради с черновыми набросками поэмы «Сашка».

[^^^]

Я вижу пред собой лежащего гладиатора...

Байрон (англ.).

[^^^]

Умиравший гладиатор

В копии ИРЛИ (тетрадь XV), по которой печатается текст стихотворения, последние две строфы зачеркнуты неизвестной рукой. Под стихотворением — дата: «2 февраля 1836 г.». Год и эпиграф к стихотворению вписаны рукой Лермонтова.

Начало стихотворения представляет свободное переложение строф 139-141 песни IV поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд»; но Лермонтов, продолжая традиции декабристской поэзии, значительно усилил здесь гражданские политические мотивы.

Эпиграф — из поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд», песнь IV, строфа 110.

Надменный временщик и льстец его сенатор. — Строка навеяна началом стихотворения К. Ф. Рылеева «К временщику» (Надменный временщик... Монарха хитрый льстец...).

Когда-то пламенных мечтателей кумир... Осмеянный ликующей толпою. — Речь идет о гибели надежд, возлагавшихся на революционные движения в Европе (конец XVIII в., первая треть XIX в.), о духовном кризисе, ко-

торый переживал «европейский мир» в условиях послереволюционной реакции.

[^^^]

Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!»)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1836 г. Впервые — в ОЗ (1839, №6).

Вольный перевод стихотворения Байрона «My soul is dark» («Hebrew melodies») — «Моя душа темна» из цикла «Еврейские мелодии» (1815).

[^^^]

В альбом («Как одинокая гробница...»)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1836 г. Впервые — в ОЗ (1839, №6).

Перевод стихотворения Байрона «Lines written in an album at Malta» («Строки, написанные в альбом на Мальте»).

[^^^]

«Великий муж! Здесь нет награды...»

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в «Русской старине» (1875, №9).

В рукописи оторвана часть листа, на котором были написаны первая строфа и название стихотворения и где, возможно, значилось имя «великого мужа». Высказывался ряд предположений о том, кому посвящено стихотворение. Назывались имена Чаадаева, Барк-лая де Толли, Радищева, Рылеева, Пестеля. Вопрос этот до сих пор не решен.

[^^^]

Смерть Поэта

Печатается по беловому автографу ГПБ (кончая словами «И на устах его печать...»); заключительные шестнадцать строк — по копии, приложенной к «Делу о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским» (ИРЛИ).

На автографе помета В. Ф. Одоевского: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано».

Впервые — в «Полярной звезде» на 1856 год» (Лондон, кн.2). В России впервые — в «Библиографических записках» (1858, т. I, №20).

Стихотворение (без заключительных шестнадцати строк) было написано сразу после того, как Лермонтов узнал о смерти Пушкина (29 января 1837 г.). Оно разошлось по Петербургу и за его пределами во множестве списков.

Современник Лермонтова писал позднее: «Помню один приятельский вечер, куда Раев-

ский принес только что написанные Лермонтовым стихи на смерть Пушкина, которые и переписывались на том же вечере в несколько рук» («Русский архив», 1873, т. I, стр. 528).

Вскоре Лермонтову стало известно, что высшее общество столицы защищает Дантеса и клеветает на Пушкина. Передавая мнение светских кругов, двоюродный брат поэта камер-юнкер Н. А. Столыпин, чиновник министерства иностранных дел, говорил Лермонтову, что Дантес и Геккерен «не подлежат ни законам, ни суду русскому» (П. Е. Щеголев, Книга о Лермонтове, вып. I, 1929, стр. 263). Как бы в ответ на это Лермонтов написал заключительные шестнадцать строк стихотворения, в которых были названы главные виновники гибели Пушкина — придворная знать. Эти стихи также быстро разошлись по городу и произвели большое впечатление в русском обществе. Николай I получил по почте копию заключительных стихов с надписью: «Воззвание к революции».

21 февраля Лермонтов и его друг С. А. Раевский были арестованы. 25 февраля последовал приказ Николая I о переводе Лермонтова

на Кавказ в действующую армию и о ссылке С. А. Раевского в Олонецкую губернию.

В некоторых списках стихотворения есть эпиграф, взятый из трагедии французского писателя Ротру (1609-1650) «Венцеслав» в переделке А. Жандра:

*Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возве-
стила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.*

Эпиграф появился после написания заключительных строк; он отсутствует в большинстве дошедших до нас копий, в том числе в тексте, опубликованном в «Полярной звезде». Весьма вероятно, что текст стихотворения с эпиграфом предназначался для определенного круга читателей, связанного со двором; не случайно эпиграф есть в списке, находящемся в «Деле о непозволительных стихах...» Вряд ли эпиграф, который взывает к великодушию

монарха и тем самым уничтожает революционное значение лермонтовской патетики, входил в замысел поэта. Поэтому в настоящем издании по решению редколлегии (как и в ряде предшествующих изданий) эпиграф не воспроизводится.

[^^^]

Бородино

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1837 г. Впервые — в журнале «Современник» (1837, №2).

Написано, по-видимому, после стихотворения «Смерть Поэта». В ином случае, надо думать, Раевский упомянул бы «Бородино» в своих показаниях по делу о «непозволительных» стихах, в которых он говорит о патриотических чувствах Лермонтова и ссылается на его стихотворения. Написано в связи с двадцатипятилетней годовщиной Отечественной войны 1812 г.

В стихотворении историческая тема сочетается с острым злободневным смыслом. «Вся основная идея стихотворения выражена во втором куплете:

*...Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!...*

Эта мысль — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и

великих дел», — писал Белинский. Он подчеркивал и большую художественную удачу «Бородина»: «В каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии. Ровность и выдержанность тона делают осязаемо ощутительною основную мысль поэта» (Белинский, т. IV, стр. 503). Первоначальный замысел этого стихотворения относится к 1830-1831 гг. (см. прим. к стихотворению «Поле Бородина», стр. 381).

[^^^]

Ветка Палестины

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1836 г. Впервые — в ОЗ (1839, №5).

В копии ИРЛИ под заглавием написано: «Посвящается А. М—ву». Писатель А. Н. Муравьев в своих воспоминаниях сообщает, что стихотворение Лермонтов сочинил у него на квартире 20 февраля 1837 г.: «Долго ожидая меня, написал он... чудные свои стихи „Ветка Палестины“, которые по внезапному вдохновению у него исторглись в моей образной, при виде палестинских пальм, принесенных мною с Востока» (А. Н. Муравьев, Знакомство с русскими поэтами, Киев, 1871, стр. 24). Вместе с тем существует еще одно свидетельство того же А. Н. Муравьева (видать заврался пацан и забыл, что плел раньше) относительно истории возникновения стихотворения, которое никак не соотносится с событиями 1837 г.; текст датируется 1836 г. В настоящее время ни та, ни другая версия не может быть окончательно доказанной. Традиционно стихотворение относится к 1837 г.

Солима бедные сыны... — Солим — Иеруса-

ЛИМ.

Прозрачный сумрак, луч лампы... Вокруг тебя и над тобой. — эта строфа напоминает стихи из поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»: «Лампады свет уединенный, кивот, печально озаренный, Пречистой девы кроткий лик И крест, любви символ священный».

[^^^]

Узник

Печатается по сборнику 1840 г. Впервые — в «Одесском альманахе на 1840 г.» (Одесса, 1839).

Написано в феврале 1837 г., когда Лермонтов находился под арестом за стихотворение «Смерть Поэта». По словам родственника Лермонтова А. П. Шан-Гирея, поэт «велел завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках, с помощью вина, печной сажи и спички, написал несколько пьес, а именно: „Когда волнуется желтеющая нива...“, „Я, мать божия, ныне с молитвою...“, „Кто б ни был ты, печальный мой сосед...“, и переделал старую пьесу „Отворите мне темницу...“ („Русское обозрение“, 1890, №8, стр. 740).

Первые 4 строки перенесены из стихотворения «Желанье»: ...за дверями, Звучно-мерными шагами Ходит в тишине ночной Безответный часовой. — Эти строки обнаруживают знакомство со стихотворением Н. М. Языкова «Конь»: Лермонтов варьирует типичный языковский неологизм (у Языкова: «стройно-верными»)

[^^^]

Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...»)

Печатается по сборнику 1840 г., где появилось впервые. Написано в феврале 1837 г. (см. прим. к стихотворению «Узник»).

[^^^]

«Когда волнуется желтеющая нива...»

Печатается по сборнику 1840 г., где появилось впервые. Написано в феврале 1837 г. (см. прим. к стихотворению «Узник»).

[^^^]

Молитва («Я, мать божия, ныне с молитвою...»)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1837 г. Впервые — в ОЗ (1840, №7). По воспоминанию А. П. Шан-Гирея, стихотворение написано в феврале 1837 г. (см. прим. к стихотворению «Узник»); однако до нас дошел автограф (в письме от 15 февраля 1838 г.), в котором стихотворение озаглавлено «Молитва странника». Посылая этот текст М. А. Лопухиной, Лермонтов сообщает ей: «В завершение моего письма я посылаю вам стихотворение, которое я нашел случайно в ворохе своих путевых бумаг и которое мне в какой-то степени понравилось, потому что я его забыл — но это вовсе ничего не доказывает». Поэтому можно предположить, что стихотворение было написано позднее, уже в ссылке на Кавказе; это подтверждает и заглавие: «Молитва странника». Относится, по-видимому, к В. А. Лопухиной.

«Расстались мы, но твой портрет...»

Печатается по сборнику 1840 г., где появилось впервые с датой «1837».

Переработка юношеского стихотворения 1831 г. «Я не люблю тебя; страстей...», обращено к Е. А. Сушковой.

[^^^]

«Я не хочу, чтоб свет узнал...»

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1) с пропуском двух стихов, вероятно цензурного характера:

*«И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мое мученье».*

Датируется 1837 г., так как написано на обороте листа с автографом стихотворения «Не смейся над моей пророческой тоскою...»

[^^^]

«Не спейся над моей пророческой тоскою...»

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в сборнике «Вчера и сегодня» (1846, кн. 2) без последней строки и с пропуском слова «плаха» в строке 4-й, вероятно цензурного характера.

Датируется предположительно 1837 г. по содержанию; написано, очевидно, в связи с преследованием Лермонтова за стихотворение «Смерть Поэта» («Я знал: удар судьбы меня не обойдет...»). Первые строки восходят к юношескому стихотворению 1830 г. «Когда твой друг с пророческой тоскою...»

[^^^]

«Прощай, немытая Россия...»

Автограф стихотворения не сохранился, до нас дошел ряд позднейших копий, содержащих существенные разночтения. К. В. Пигарев указывает на список этого стихотворения, сделанный рукой П. И. Бартенева и обнаруженный в архиве Н. В. Путьяты. 4-я строка читается в нем: «И ты, им преданный народ»; 6-я строка — «Укроюсь от твоих царей». В конце приписка: «С подлинника руки Лермонтова» («Известия АН СССР, отд. литературы и языка», 1955, т. XIV, вып. 4, июль-август). Однако тот же П. И. Бартенев писал библиографу П. А. Ефремову (9 марта 1873 г.): «Вот еще стихи Лермонтова, списанные с подлинника», — но сообщал при этом другой текст, в котором строка 4-я читается: «И ты, послушный им народ».

В 1890 г. тот же П. И. Бартенев поместил в «Русском архиве» (№11) третий текст, сопроводив его примечанием: «Записано со слов поэта современником» (4-я строка читается в нем: «И ты, им преданный народ»; 6-я — «Укроюсь от твоих пашей»). Таким образом,

Бартенев отказался от публикации первых двух редакций, якобы «списанных с подлинника», в пользу третьей. Этой редакции, публикуемой в настоящем издании, отдано предпочтение ввиду того, что при чтении «царей» исчезает смысловая связь между первой и второй строфой: в России «пашами» называли жандармов, которые носили «голубые мундиры» (о них говорится в первой строфе); неоправдано и множественное число слова «царей». Не характерна для Лермонтова и неполноценная рифма («царей — ушей»). Что же касается чтения 4-й строки: «И ты, им преданный народ», то оно проходит через все списки (кроме сообщенного в письме П. И. Бартенева к П. А. Ефремову).

Соображения о том, что в тексте Лермонтова было слово «царей», замененное впоследствии словом «пашей» из опасения цензуры, отпадают, так как с точки зрения царской — цензуры стихотворение было неприемлемо в целом и поправки подобной» рода не делали его более приемлемым.

Впервые стихотворение напечатано в «Русской старине» (1887, №12). В этой публикации

строка 4-я читается: «И ты, им преданный народ», а строка 6-я — «Укроюсь от твоих вождей». (Последнее разночтение-искажение цензурного характера. Ясно, что в копии было: «царей»).

П. Висковатов, впервые опубликовавший это стихотворение, отнес его без всякой мотивировки к 1841 г. В издании сочинений Лермонтова, вышедшем в 1891 г., Висковатов снабдил стихотворение примечанием, источником которого послужил, по-видимому, лишь текст самого стихотворения. Из примечания следует, что оно написано «в досаде на некоторых недоброжелателей» поэта, не допустивших его добиться отставки в 1841 г. Однако эта дата не согласуется с основным смыслом стихотворения, ибо обращение к «немытой России» и написанное весной 1841 г. стихотворение «Родина» вряд ли могли быть созданы в течение одного месяца: слишком отчетлива разница в трактовке патриотической темы. Между тем стихотворение «Прощай, немытая Россия...» гораздо легче сближается с пафосом заключительной строфы «Смерти Поэта» и позволяет по-новому по-

нять идейную эволюцию Лермонтова. В связи с этим стихотворение относится в нашем издании к 1837 г. — времени первой ссылки поэта.

Примечание к этому стихотворению принадлежит редколлегии издания.

[^^^]

«Спеша на север издалека...»

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1).

Написано, по всем признакам, в конце 1837 г. на пути из Тифлиса во Владикавказ, когда Лермонтов получил перевод по службе из Нижегородского в Гродненский полк, стоявший тогда в Новгороде.

В первой публикации в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1) было озаглавлено «Казбеку».

И прах бездомный по ущелью Без сожаления развей. — Реминисценция из стихотворения А. И. Одоевского «Куда несетесь вы, крылатые станицы?..» (1837...1838).

[^^^]

Кинжал

Печатается по 03 (1841, №6), где появилось впервые. Судя по содержанию, написано, вероятно, после возвращения Лермонтова в Россию из первой ссылки (в начале 1838 г.).

Стихотворение находится на одном листе с автографом посвящения к поэме «Тамбовская казначейша».

В копии зачеркнуто первоначальное заглавие «Подарок» и заменено названием «Кинжал». Известно, что среди вещей Лермонтова находился, подаренный ему кинжал, привезенный из первой ссылки.

[^^^]

«Гляжу на будущность с боязнью...»

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1).

Датируется началом 1838 г., так как находится на одном листе с автографом посвящения к поэме «Тамбовская казначейша», написанным, видимо, в начало этого года.

[^^^]

«Слышу ли голос твой...»

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. 1).

Датируется 1838 г., так как находится на обороте листа с записью: «Я в Тифлисе...», относящейся к 1838 г. и представляющей собой набросок к «Тамани» (см. И. Л. Андроникашвили, Лермонтов, М. 1951, стр. 204 и далее).

Вместе со стихотворениями «Как небеса, твой взор блистает...» и «Она поет — и звуки тают...» образует как бы единый цикл, обращенный к одному и тому же лицу и написанный в одно и то же время — в конце 1837 — начале 1838 г. Адресатом названных трех стихотворений, возможно является Прасковья Арсеньевна Бартенева (1811-1872), известная певица, камер-фрейлина (с 1835 г.). Бартенева была хорошо знакома с близким Лермонтову семейством Карамзиных, в их доме неоднократно встречалась с поэтом. Предполагалось совместное участие Лермонтова и Бартеневой в любительском спектакле (август...сентябрь 1838 г.).

[^^^]

«Как небеса, твой взор блистает...»

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в «Библиографических записках» (1859, №1).

Датируется началом 1838 г., так как находится на одном листе с черновым автографом последних строф поэмы «Тамбовская казначейша».

[^^^]

«Она поет — и звуки тают...»

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в «Библиографических записках» (1859, №1)

Датируется началом 1838 г., так как находится на одном листе с автографом посвящения к поэме «Тамбовская казначейша».

[^^^]

Вид гор из степей Козлова

Печатается по сборнику «Вчера и сегодня» (1846, кн. 2), где появилось впервые. Датируется 1838 г. на основании воспоминаний Л. И. Арнольди («Литературное наследство», т. 58, стр. 464).

Перевод одноименного стихотворения А. Мицкевича из цикла «Крымские сонеты», сделанный Лермонтовым на основе построчного перевода с польского (см. воспоминания Л. И. Арнольди). Возможно, что Лермонтов выбрал для перевода именно этот сонет потому, что на него обратил внимание Белинский в известной статье «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (1835). К творчеству Мицкевича Лермонтов больше не обращался. Написано в период службы Лермонтова в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку по подстрочнику, сделанному однополчанином поэта корнетом Николаем Александровичем Краснокутским (1819-1891). Другим источником для Лермонтова послужил перевод стихотворения, выполненный в 1828 г. И. И. Козловым; Лермонтов взял за образец его размер и строфику

и даже повторил некоторые неточности, в том числе неверный перевод польского «luna» (зареве) как «луна».

Козлов (Гёзлев) — старинное название Евпатории.

Застывших волн... твердыни — Крымские горы; самая высокая точка их — Чатырдаг.

Иль дивы, словом роковым, Стеной умели так высоко Громады скал нагромоздить... — В польском тексте самим Мицкевичем сделано примечание, разъясняющее значение слова «Diwy» — «злые гении, некогда царствовавшие на земле, потом изгнанные ангелами и ныне живущие на краю света за горою Краф». В переводе Козлова упоминания о «дивах» нет — ну и черт с ними.

[^^^]

<К Н. И. Бухарову> («Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...»)

Печатается по автографу ЦГАЛИ. Впервые — в украинском литературном сборнике «Молодик на 1844 г.» (Спб. 1844).

Датируется 1838 г., так как в послании есть почти текстуальное совпадение со строками из стихотворения «<К портрету старого гусара>», тоже посвященного Бухарову и написанного в 1838 г. (см. стр. 316).

Столетия прошлого обломок... Пиров и битвы гражданин. — Парафраза из стихотворения Пушкина «Моя родословная» (1830).

[^^^]

<А. Г. Хомутовой> («Слепец, страданьем вдохновенный...»)

Печатается по украинскому литературному сборнику «Молодик на 1844 г.» (Спб. 1844), где опубликовано впервые. Автограф — в Берлинской Государственной библиотеке.

Анна Григорьевна Хомутова (1784-1856) — двоюродная сестра поэта Ивана Ивановича Козлова (1779-1840). Встреча с Хомутовой в 1838 г. после двадцатилетней разлуки вдохновила Козлова, который был в это время уже тяжело болен и слеп, на стихотворение «К другу весны моей после долгой, долгой разлуки».

И я, поверенный случайный Надежд и дум его живых... — Лермонтов часто бывал у Хомутовых. В одно из таких посещений Анна Григорьевна показала поэту посвященные ей стихи Козлова. глубоко тронутый ими Лермонтов попросил разрешения взять рукопись и вскоре вернул ее вместе со своим стихотворением.

По словам современницы, Лермонтов узнал об их встрече «в это же время» «из

оживленного рассказа самого поэта Козлова»
и под впечатлением написал послание А. Г.
Хомутовой («Русский архив», 1867, №7).

[^^^]

Дума

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1838 г. Впервые — в ОЗ (1839, №2).

Строки: *Перед опасностью позорно малодушны И перед властью — презренные рабы...* — изъяты цензурой в журнальной публикации и в первом отдельном издании, восстанавливаются по «Библиографическим запискам» (1859, №12) и изданию: «Стихотворения М. Ю. Лермонтова, не вошедшие в последнее издание его сочинений» (Берлин, 1862).

В «Думе», посвященной судьбам своего поколения, Лермонтов продолжил традицию политической поэзии декабристов. Стихотворение перекликается со знаменитым «Гражданином» Рылеева (1824). Само название лермонтовского стихотворения невольно ассоциировалось с рылеевскими думами. Вместе с тем названию стихотворения точно соответствует его характер — это действительно «дума», размышление, та самая «рефлексия», о которой писал Белинский как о характерной черте современного ему поколения.

[^^^]

Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»)

Печатается по ОЗ (1839, №3), где появилось впервые. В этом стихотворении Лермонтов, говоря о высоком гражданском назначении поэзии и поэта, пользуется образами и терминологией, широко распространенными в революционной поэзии того времени («кинжал», «вечевой колокол», «пророк», «клинок», «мщение»).

[^^^]

«Ребенка милого рожденье...»

Печатается по ОЗ (1843, №12), где появилось впервые.

Датируется февралем 1839 г.; написано по поводу рождения сына (13 февраля 1839 г.) у друга и родственника Лермонтова — Алексея Александровича Лопухина (1813-1872) и включено в текст поздравительного письма к нему от февраля — марта 1839 г.

[^^^]

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Какое нам в конце концов дело до грубого крика всех этих горланящих шарлатанов,
торговцев пафосом, мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе?
О. Барбье: (фр.)

[^^^]

Не верь себе

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1839 г. Впервые — в ОЗ (1839, №8).

Эпиграф взят из стихотворения французского поэта Огюста Барбье «Пролог», которым открывался его сборник «Ямбы». Однако поэт сделал существенное изменение в первом стихе: вместо «Que me font» («Какое дело мне») — у Лермонтова «Que nous font» («Какое дело нам»).

В этом стихотворении Лермонтов выступает против поэтов, отгородившихся от действительной жизни и чуждых интересам общества. Их поэзия, основанная на ложном вдохновении и ограниченная собственными переживаниями, не имеет ничего общего с истинным искусством.

[^^^]

Три пальмы

Печатается по сборнику 1810 г., где датировано 1839 г. Впервые — в ОЗ (1839, №8).

По словам Белинского, относится к группе стихотворений, где «личность поэта исчезает за роскошными видениями явлений жизни». «Пластицизм и рельефность образов, выпуклость форм и яркий блеск восточных красок — сливаются в этой пьесе поэзию с живописью: это картина Брюллова, смотря на которую хочешь еще и осязать ее» (Белинский, т. IV, стр. 534).

Стихотворение аллегорично.

Отрывки из него были взяты Н. А. Добролюбовым в качестве эпиграфа и заключения к одному из разделов статьи «Темное царство», характеризующей трагическое положение личности в темном царстве произвола и угнетения.

Соотносится с IX «подражанием Корану» А. С. Пушкина («И путник усталый на бога роптал...») — по линии сюжета, ориентальной окраске, характеру строфики и стиха.

Фарис — всадник, наездник (араб.).

[^^^]

Молитва («В минуту жизни трудную...»)

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1839 г. Впервые — в ОЗ (1839, №11).

По свидетельству А. О. Смирновой, написано для княгини Марии Алексеевны Щербатовой (урожд. Штерич; 1820-1879), которой Лермонтов был увлечен в 1839-1841 гг.: «Машенька велела ему молиться, когда у него тоска. Он обещал и написал эти стихи». Имя Щербатовой называли в связи с разговорами о дуэли Лермонтова с Эрнестом де Барантом (1818-1859), атташе французского посольства, сыном французского посла А. Г. П. Баранта.

[^^^]

Дары Терека

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1839 г. Впервые — в ОЗ (1839, №12).

В стихотворении отразилось знакомство Лермонтова с песнями живущих на Тереке гребенских казаков.

[^^^]

Памяти А. И. О<доевско>го

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1839 г. Впервые — в ОЗ (1839, №12).

Посвящено памяти поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского (1802-1839), автора знаменитого стихотворения «Струн вещей пламенные звуки...», написанного в ответ на «Послание в Сибирь» Пушкина. (Строки из стихотворения Одоевского — «Из искры возгорится пламя» — были взяты эпиграфом к большевистской газете «Искра».)

В 1837 г. А. И. Одоевский был переведен из Сибири на Кавказ рядовым солдатом Нижегородского драгунского полка, где встретился и подружился с Лермонтовым. А. И. Одоевский умер 15 августа 1839 г. от лихорадки, находясь в действующей армии на берегу Черного моря.

[^^^]

«На буйном пиршестве задумчив он сидел...»

Печатается по автографу из тетради Чертовской библиотеки с воспроизведением последней, зачеркнутой автором строфы, без которой стихотворение не существует как художественное целое. Впервые две начальные строфы напечатаны в «Современнике» (1854, №1); полностью (с зачеркнутой строфой) — там же (1857, №10).

Датируется 1839 г., так как написано на одном листе с окончанием стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го».

Связано с рассказом французского писателя Лагарпа «Пророчество Казота» (опубликован в 1806г.). Ж. Казот — французский писатель-монархист, казненный в 1792 г. Лагарп рассказывает, что на обеде у одного знатного вельможи Казот якобы предсказал в 1788 г. Французскую революцию и казнь на гильотине присутствующих на пире гостей, в том числе и собственную судьбу.

Следуя легенде Лагарпа, Лермонтов создал злободневное политическое стихотворение. В

конце 1839 г. в связи с неурожаем усилилась волна крестьянских восстаний. В «нравственно-политическом отчете» Николаю I за этот год шеф жандармов Бенкендорф писал, что «Россия представляла в продолжение целого лета ряд происшествий, дотоле беспрецедентных». «В народе толкуют... что всему злу причиной господа, т. е. дворяне!.. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством...» («Крестьянское движение 1827-1869 годов», Подготовил к печати Е. А. Мороховец». Вып. I, Соцэкгиз, 1931, стр. 36, 31).

По своему настроению стихотворение близко к юношескому «Предсказанию» 1830 г.

[^^^]

«Как часто, пестрою толпою окружен...»

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, №1).

Дата «1 января» перед текстом стихотворения позволяет считать, что Лермонтов подчеркивает его связь с новогодним маскарадным балом в дворянском собрании. И. С. Тургенев вспоминал, что Лермонтову, присутствовавшему на этом балу, «не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества» (И. С. Тургенев, Собр. соч., М. 1956, т. 10, стр. 331).

Стихотворение звучало особенно остро еще и потому, что на балу присутствовали члены царской семьи.

И скучно и грустно

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в «Литературной газете» (1840, №6).

Стихотворение выражало настроение передовых людей 30-х годов прошлого века — периода политической реакции. Белинский об этом стихотворении писал, что это «потрясающий душу реквием всех надежд, всех чувств человеческих, всех обаяний жизни!.. Тот, кто не раз слышал внутри себя ее могильный напев, а в ней увидел только художественное выражение давно знакомого ему ужасного чувства, тот припишет ей слишком глубокое значение, слишком высокую цену, даст ей почетное место между величайшими созданиями поэзии...» (Белинский, т. IV, стр. 525-526).

[^^^]

Казачья колыбельная песня

Печатается по сборнику 1840 г., где датирована 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, №2).

Стихотворение близко по содержанию и стилю к песням гребенских казаков. Сохранилось предание, что Лермонтов написал это стихотворение в станице Червленной, на Тереке, услышав, как молодая казачка напевала песню над колыбелью ребенка (см. Л. П. Семенов, Лермонтов на Кавказе, Пятигорск, 1939, стр. 132-133).

[^^^]

<М. А. Щербатовой> («На светские цепи ...»)

Печатается по автографу ЦГАЛИ. Впервые — в ОЗ (1842, №1), где датировано 1840 г.

Обращено к княгине Марии Алексеевне Щербатовой (урожденной Штерич). М. И. Глинка вспоминал, что М. А. Щербатова, «молодая вдова, была прелестна: хотя не красавица, была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина» (М. И. Глинка, Литературное наследие, М. — Л. 1952, т. I, стр. 192).

А. И. Тургенев, знакомый Лермонтова, встретив Щербатову в Москве 10 мая 1840 г., записал в дневнике: «Был у кн. Щер<батовой>. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонт<ова>» («Литературное наследство», тт. 45-46, стр. 420).

Родственник поэта М. Н. Лонгинов назвал это стихотворение Лермонтова «вдохновенным портретом нежно любимой им женщины».

Но юга родного На ней сохранилась примета... — М. А. Щербатова была украинкой по происхождению. Импульсом к созданию стихотворения, возможно, послужило напеча-

танное в 1839 г. в «Отечественных записках» стихотворение Е. П. Гребенки «Признание»: Малороссия изображается в аллегорическом образе женщины.

[^^^]

«Есть речи — значенье...»

Печатается по ОЗ (1841, №1), где появилось впервые.

Датируется 1840 т., так как цензурное разрешение на выпуск в свет №1 «Отеч. зап.» получено 1 января 1841 г. После смерти Лермонтова в сборнике «Вчера и сегодня» (1816, кн. 2) появилась другая редакция стихотворения (судя по всему более ранняя) под заглавием «Волшебные звуки».

*Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Тоскою желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья...
Их кратким приветом,
Едва он домчится,
Как божьим светом.
Душа озарится
Средь шума мирского
И где я ни буду,*

Я сердцем то слово
Узнаю повсюду;
Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.
Надежды в них дышат,
И жизнь в них играет, —
Их многие слышат,
Один понимает,
Лишь сердца родного
Коснутся в дни муки
Волшебного слова
Целебные звуки,
Душа их с молением,
Как ангела, встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.

[^^^]

Соседка («Не дожидаться мне, видно, свободы...»! Гете.)

Печатается по автографу ИРЛИ. Впервые — в ОЗ (1842, №2).

Датируется мартом — апрелем 1840 г., на основании воспоминаний А. П. Шан-Гирея, который указывал, что Лермонтов писал это стихотворение в ордонанс-гаузе, где он сидел под арестом за дуэль с де Барантом («Русское обозрение», 1890, №8, стр. 749): «Здесь написана была пьеса „Соседка“, только с маленьким прибавлением. Она действительно была интересная соседка, я ее видел в окно, но решеток у окна не было, и она были вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника служащего при Ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем точно стоял у двери...» По свидетельству биографа Лермонтова П. А. Висковатого, писатель В. А. Сологуб, знакомый Лермонтова, «видел даже изображение этой девушки, нарисованной Лермонтовым, с подписью: „La jolie fille d'un sous-officier“ (Хорошенькая дочь одного унтер-офицера). Поэт с нею действительно пе-

реговаривался через окно».

[^^^]

Пленный рыцарь

Печатается по ОЗ (1841, №8), где опубликовано впервые.

Датируется по содержанию предположительно мартом — апрелем 1840 г., когда Лермонтов находился под арестом за дуэль с де Барантом.

[^^^]

*Поэты похожи на медведей, которые
кормятся тем, что сосут свою лапу.
Неизданное (фр.).*

[^^^]

Журналист, читатель и писатель

Печатается по сборнику 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, №4). На копии помета рукою В. А. Соллогуба: «С. —Петербург, 20 марта 1840. Под арестом, на Арсенальной гауптвахте».

Эпиграф — прозаический перевод двустишия Гете, из его «Изречений в стихах» («Sprüche in Reimen»).

Подобно «Разговору книгопродавца с поэтом» Пушкина, стихотворение построено как драматическая сцена, характеризующая сложность положения писателя в современных Лермонтову общественных условиях. В словах читателя и писателя выражены размышления, близкие самому Лермонтову. Сатирически очерченный образ журналиста сходен с обликом Н. А. Полевого, превратившегося в 30-е годы в беспринципного официозного критика.

В «Отечественных записках» и в стихотворениях 1840 г. в третьей реплике читателя строка «Живое свежее творенье» печаталась: «Живое светлое творенье». В последних изданиях исправляется по беловому автографу

Лермонтова.

[^^^]

<М. П. Соломирской> («Над бездной адскою блуждая...»)

Печатается по ОЗ (1842, №10), где опубликовано впервые.

Находясь под арестом за дуэль с де Барантом, Лермонтов получил от Марии Петровны Соломирской (урожд. графине Апраксиной; 1811-1859; жена камер-юнкера В. Д. Соломирского, брата П. Д. Соломирского, полковника лейб-гвардии Гусарского полка (с 1833 г.), сослуживца Лермонтова), увлеченной его поэзией, записку без подписи.

Стихотворение написано, очевидно, вскоре после освобождения из-под ареста, поэтому датируется предположительно весной 1840 г.

[^^^]

Воздушный корабль

Печатается по сборнику 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, №5).

Датируется мартом 1840 г. В. Г. Белинский, навестивший Лермонтова, когда тот находился под арестом за дуэль с де Барантом, писал В. П. Боткину 15 марта 1840 г., что Лермонтов «переводит Зейдлица» (Белинский, т. XI, стр. 496).

Стихотворение представляет переделку баллады австрийского поэта-романтика И. Х. Цедлица «Das Geisterschiff» («Корабль призраков»).

Написано в связи с решением французского правительства о перенесении праха Наполеона с острова св. Елены в Париж.

[^^^]

Отчего

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, №6).

Принято считать, что стихотворение обращено к М. А. Щербатовой.

[^^^]

Благодарность

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, №6).

В этом стихотворении Лермонтов обращается к богу. В сборнике 1840 г. в местоимении «ты» было строчное «т», благодаря чему стихотворение воспринималось как обращение к женщине и не привлекло внимания цензуры.

Стихотворение полемично по отношению к религиозно-сентиментальному стихотворению В. И. Красова «Молитва» (напечатано в 12-й книжке «Отечественных записок» 1839 г), которое заканчивалось словами: «Благодарю, творец, за все благодарю» (см. статью Б. Бухштаба «Благодарность» в «Литературном наследстве», т. 58, стр. 406-409).

[^^^]

Из Гете

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, №7).

Вольный перевод стихотворения И. В. Гете «Ночная песнь странника»: «Wanderers Nachtlied» («Über alien Gipfeln...») (1780). История создания стихотворения отражена в воспоминаниях поэта и переводчика Гете А. Н. Струговщикова: «На вопрос его (Лермонтова — И. Ч.): не перевел ли я „Молитву путника“ Гете?» — я отвечал, что с первой половиной сладил, а во второй — недостает мне ее певучести и неуловимого ритма. «А я, напротив, мог только вторую половину перевести», — сказал Лермонтов и тут же по моей просьбе, набросал мне на клочке бумаги свои «Горные вершины». Свой разговор Струговщиков ошибочно относил к концу ноября 1840 г.: в это время Лермонтов уже был на Кавказе.

Ребенку

Печатается по сборнику 1840 г., где датировано 1840 г. Впервые — в ОЗ (1840, №9).

Биографы относят стихотворение к дочери В. А. Лопухиной-Бахметевой, несмотря на то, что речь здесь идет о мальчике. Выражая свои настроения и чувства, Лермонтов не стремился к точному биографическому соответствию, тем более что данное стихотворение предназначалось для печати.

[^^^]

А. О. Смирновой

Печатается по ОЗ (1840, №10), где появилось впервые. Датировано 1840 г. по времени опубликования.

Александра Осиповна Смирнова (урожд. Россет; 1809-1882), одна из блестящих дам петербургского света, красота и ум которой были воспеты в поэзии современниками, была в дружеских отношениях с Пушкиным, Гоголем, Жуковским. Лермонтов во время непродолжительного пребывания в Петербурге в 1840-1841 гг. часто посещал ее литературный салон, а также встречался с нею в доме своих друзей Карамзиных.

Написано в альбом А. О. Смирновой (ИР-ЛИ). В рукописи текст стихотворения имеет еще одну (первую) строфу:

*В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.*

Этот эпизод отмечен в воспоминаниях владелицы альбома: «Софи Карамзина мне раз

сказала, что Лермонтов был обижен тем, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся наверх, открыл альбом и написал эти стихи».

[^^^]

К портрету

Печатается по ОЗ (1840, №12), где появилось впервые.

Посвящено известной петербургской красавице графине А. К. Воронцовой-Дашковой (урожд. Нарышкиной; 1818-1856). В 1840 г. она получила из Парижа свой портрет, гравированный Греведоном.

«...Никогда я не встречал, — писал В. А. Сологуб — такого соединения самого тонкого вкуса, изящества, грации с такой неподдельной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью. Живым ключом была в ней жизнь и оживляла, скрашивала все ее окружающее».

[^^^]

Тучи

Печатается по сборнику 1840 г., где появилось впервые, — на последней странице, с датой: «Апрель 1840». По свидетельству В. А. Соллогуба, написано в день отъезда в ссылку на Кавказ, в доме Карамзиных, где собрались друзья, чтобы проститься с поэтом. Как вспоминал впоследствии В. А. Сологуб, «друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим, и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение „Тучки небесные, вечные странники!..“ Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и попросили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез...»

<Валерик> («Я к вам пишу случайно; право...»)

Печатается по черновому автографу ЛБ. Впервые — в альманахе «Утренняя заря на 1843 г.» (Спб. 1843), с рядом неточностей и пропусков, с заголовком «Валерик». В черновом автографе заглавия нет. В списке, принадлежавшем Ю. Ф. Самарину и с его пометой «Подарено автором», — заголовок «Валерик». Оттуда и взято название стихотворения.

Датируется летом 1840 г.; в стихотворении описано сражение 11 июля 1840 г., в котором принимал участие Лермонтов, находясь в составе отряда генерала Галафеева ДО время похода в Чечню.

Сохранился «Журнал военных действий» отряда генерала Галафеева (ИРЛИ), свидетельствующий о точности лермонтовского описания похода. В «Журнале» сообщается об «отменном мужестве», хладнокровии и храбрости Лермонтова, представленного за бой при Валерике к награде. Николай I не утвердил это представление.

По свидетельству К. Х. Мамацева, офице-

ра-артиллериста, так же, как и Лермонтов, участника Валерикского сражения, поэт, «заметив опасное положение артиллерии, подошел... со своими охотниками. Но едва начался штурм, как он уже бросил орудия и верхом на белом коне, ринувшись вперед, исчез за завалами».

Валерик — приток реки Сунжи, впадающей в Терек. Название возникло от туземного «Валериан хи» — «Смерти река».

Завещание («Наедине с тобою, брат...»)

Печатается по ОЗ (1841, №2), где появилось впервые. Датируется предположительно концом 1840 г., когда Лермонтов участвовал в походах в Большую и Малую Чечню.

[^^^]

Оправдание

Печатается по ОЗ (1841, №3), где появилось впервые.

Датируется началом 1841 г. по времени опубликования.

В «Отечественных записках» слово «иной» (в строке «Скажи, что судит нас иной») согласно правописанию того времени начиналось с прописной буквы.

Возникло на основе переработки юношеского «Романс к И...» («Когда я унесу в чужбину...») и стихов Владимира Арбенина из драмы «Странный человек» («Когда одни воспоминанья...»). К кому обращено стихотворение, окончательно не установлено. Существует предположение, что адресат его — В. А. Бахметева (урожд. Лопухина).

[^^^]

Родина

Печатается по ОЗ (1841, №4), где появилось впервые.

Первоначальное заглавие (в автографе ИРЛИ) — «Отчизна».

В. Г. Белинский 13 марта 1841 г. писал В. П. Боткину: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его „Родина“ — то, аллах-керим (Mein Got! Еврей — мусульманин?), — что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских» (Белинский, т. XII, стр. 35).

Демократические симпатии, выраженные в этом стихотворении, позволили Н. А. Добролюбову в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» (1858) сделать важнейший вывод об эволюции лермонтовского творчества: «Лермонтов... умевши рано постичь недостатки современного общества, умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе. Доказательством служит его удивительное стихотворение „Родина“, в котором он... понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно». (Добролюбов, т. 1, стр. 238).

[^^^]

Последнее новоселье

Печатается по ОЗ (1841, №5), где появилось впервые. Датируется 1841 г. по времени опубликования.

Написано в связи с перенесением праха Наполеона с острова св. Елены в Париж, 15 декабря 1840 г.

*Из славы сделал ты игрушку лице-
мерья,
Из вольности — орудье палача. —*

Лермонтов, как и декабристы, считал, что террор якобинцев погубил завоевания Французской революции. Наполеон казался ему спасителем революции от диктатуры якобинцев («Ты погибал... и он явился, с строгим взором...»).

Вы сына выдали врагам. — Сын Наполеона I и Марии-Луизы — Наполеон II после падения Наполеона (в 1814 г.) был привезен в Австрию. В 1832 г. он умер от чахотки в возрасте двадцати одного года.

В большинстве изданий, начиная с «Отече-

ственных записок», слова, относящиеся к Наполеону, печатаются с прописных букв («Он», «перед Ним», «Его», «Столица», «Скала», «Океан»). В настоящем издании такое написание не воспроизводится.

Резко отрицательная оценка современной Франции внешне сближала «Последнее новоселье» со стихами славянофильской и официально-патриотической ориентации (А. С. Хомякова, А. И. Подолинского, Е. П. Ростопчиной): «Какую дрянь написал Лермонтов о Наполеоне и французах, — писал Виссарион Г. Белинский... — жаль думать, что это Лермонтов, а не Хомяков».

Ты жалкий и пустой народ? — Эта характеристика французского обывателя опирается на формулу из пушкинской статьи «Последний из свойственников Иоанны д'Арк»: «Жалкий век! жалкий народ!»

Из вольности — орудье палача, И все заветные отцовские поверья Ты им рубил, рубил сплеча... — Речь идет о якобинском терроре.

В стенах египетских, у стен покорной Вены, В снегах пылающей Москвы! — Речь идет о Египетской экспедиции 1798...1799 гг., разгро-

ме Австрии, закончившемся Венским миром (1809 г.), и пожаре Москвы 1812 г.

Вы потрясали власть избранную, как бремя, Точили в темноте кинжал! — Общественно-политическая обстановка во Франции к моменту возвращения в Париж Наполеона после окончившегося разгромом французской армии военного похода в Россию характеризовалось ростом оппозиционных настроений.

Лишенный прав и места гражданина... Забытый, он угас один... — 31 марта 1814 г. союзники вступили в Париж, в апреле Наполеон отрекся от престола, сохранив титул императора; после окончившейся неудачей попытки восстановить свою власть 22 июня 1815 г. последовало окончательное отречение в пользу сына.

[^^^]

Любовь мертвеца

Печатается по авторизованной копии ИРЛИ. Впервые — в альманахе «Утренняя заря на 1842 г.» (Спб. 1842).

Датируется весной 1841 г. по положению чернового автографа в альбоме Лермонтова (ГПБ) — между «Последним новосельем» и предисловием ко второму изданию «Героя нашего времени».

Написано в альбом М. А. Бартеневой с авторской датой: «Марта 10-го 1841». Несколькими страницами ранее рукою графини Е. Н. фон Барановой вписано стихотворение французского поэта и романиста Альфонса Карра (1808-1890) «La mort amoureuse» («Влюбленный мертвец») с пометой «14 сентября 1839 года». Стихотворение «La mort amoureuse», впервые опубликованное в мае 1841 г., было известно в светских литературных кругах до его публикации — видимо, по рукописи. Увидев запись, сделанную фон Барановой, Лермонтов предложил свой вариант на тему стихотворения А. Карра.

[^^^]

<Из альбома С. Н. Карамзиной> («Любил и я в былые годы ...»)

Печатается по фотокопии с автографа, хранящейся в ИРЛИ (автограф утрачен). Впервые без последней строфы — в сборнике «Русская беседа» (1841, т. 2), полностью — в «Русском библиофиле» (1916, №6).

Датируется предположительно по содержанию началом 1841 г.

Софья Николаевна Карамзина (1802-1865) — старшая дочь писателя и историка Николая Михайловича Карамзина. Лермонтов во время своих приездов в Петербург часто посещал Карамзиных и подружился с С. Н. Карамзиной, «умной и вдохновенной руководительницей и душой... гостеприимного салона» (А. Ф. Тютчева, При дворе двух императоров, 1828, стр. 71). Здесь он встречал друзей Пушкина — В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, В. Ф. Одоевского, А. И. Тургенева и других выдающихся литераторов своего времени.

Это альбомное стихотворение, написанное в интимном тоне и заключающееся шуткой, представляет своеобразную литературную де-

кларацию; Лермонтов заявляет здесь об отказе от романтического метода творчества и своем переходе к методу реалистического изображения жизни; оно, очевидно, связано со спорами, которые велись в салоне.

Смирнова А. О. — см. прим. к стихотворению «А. О. Смирновой» на стр. 354.

Саша — Александр Николаевич Карамзин, сын историка.

Ишка Мятлев — И. П. Мятлев — поэт (см. прим. к стихотворению «И. П. Мятлеву» на стр. 396).

[^^^]

<Графике Ростопчиной> («Я верю: под одной звездой...»)

Печатается по сборнику «Русская беседа» (Спб. 1841, т. 2), где опубликовано впервые.

Датируется апрелем 1841 г. на основании воспоминаний Евдокии Петровны Ростопчиной (урожденная Сушкова, 1811-1858) («Стихотворения графини Ростопчиной», изд. 2-е, Спб. 1857, т. 2, стр. 85).

Лермонтов был знаком с Ростопчиной, известной поэтессой, еще в годы ранней молодости, когда она разделяла взгляды передовой молодежи и писала стихи к сосланным декабристам. Во время последнего приезда в Петербург поэт почти ежедневно встречался с Ростопчиной; уезжая на Кавказ в середине апреля 1841 г., он подарил ей альбом, в который вписал стихотворение «Я верю: под одной звездой...»

[^^^]

Договор

Печатается по копии ИРЛИ. Впервые в ОЗ (1842, №3). Переработка юношеского стихотворения «Прелестнице». Датируется предположительно 1841 г.

[^^^]

«На севере диком стоит одиноко...»

Печатается по копии ИРЛИ. Впервые — в ОЗ (1842, №1) под заглавием «Сосна» и с датой «1840». Однако стихотворение датируется весной 1841 г., так как черновой автограф его находится в альбоме Лермонтова (ГПБ) среди записей 1841 г.

Перевод стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam» из «Книги песен». Первоначальная редакция перевода (автограф ГПБ) ближе к подлиннику и значительно отличается от окончательного текста:

*Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf Kahler Hoh
Heine.*

*На холодной и голой вершине
Стоит одиноко сосна
И дремлет... под снегом сыпучим,
Качаясь, дремлет она.
Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,*

*Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.*

[^^^]

Утес

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, №4).

В рецензии «Стихотворения М. Лермонтова» (1844) Белинский писал: «Сон», «Тамара», «Утес», «Выхожу один я на дорогу», «Морская царевна», «Из-под таинственной холодной полумаски», «Дубовый листок оторвался от ветки родимой», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Не плачь, не плачь, мое дитя», «Пророк», «Свидание» — одиннадцать пьес, все высокого, хотя не равного, достоинства, потому что «Тамара», «Выхожу один я на дорогу» и «Пророк» даже и между сочинениями Лермонтова принадлежат к блестящим исключениям...» (Белинский, т. VIII, стр. 339).

[^^^]

Спор

Печатается по беловому автографу ЛБ. Впервые — в «Москвитянине» (1841, №6).

Датируется апрелем 1841 г. на основании свидетельства Ю. Ф. Самарина в письме к И. С. Гагарину от 3 августа 1841 г. и его записи в дневнике 1841 г. (см. Ю. Ф. Самарин, Сочинения, М. 1911, т. 12, стр. 55-57).

Еще один автограф этого стихотворения имеется в записной книжке Одоевского. На обороте предшествующего листа написано: «Восток». И. Л. Андроникашвили высказал предположение, что «Спор», «Тамара» и «Свидание», автографы которых следуют далее в альбоме, должны были войти в цикл стихотворений, посвященных Востоку.

Стихотворение явилось как бы ответом Лермонтова на споры, которые велись в это время по вопросу об исторической роли России, об отношении России к Востоку и Западу. В стихотворении в аллегорической форме говорится о победах русской армии на Кавказе.

Непосредственный повод к возникновению стихотворения — вступление на Кавказ

русских войск под командованием Алексея Петровича Ермолова (1777-1861). Текст «Спора» Лермонтов передал своему другу, критику-славянофилу Юрию Федоровичу Самарину (1819-1870) в день отъезда из Москвы на Кавказ 23 апреля 1841 г. для публикации в журнале «Московитянин».

Их ведет, грозя очами, Генерал седой. — речь идет об А. П. Ермолове.

[^^^]

Шат — Элбрус. (Прим. Лермонтова.)

[^^^]

Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека.

(Прим. Лермонтова.)

[^^^]

Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...»)

Печатается по автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, №4).

Возможно, что стихотворение навеяно песней терских казаков «Ох, не отстать-то тоске-кручинушке», в которой рассказывается, как казак видит себя во сне убитым, лежащим с простреленным сердцем.

[^^^]

*Они любили друг друга, но ни один не
желал признаться этом другому.
Гейне (нем.).*

[^^^]

«Они любили друг друга так долго и нежно...»

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, №12).

Вольный перевод стихотворения Гейне «Sie liebten sich beide, doch heiner» («Они любили друг друга: но никто из них...») из сборника «Книги песен» (1827).

Лермонтов изменил концовку стихотворения Гейне: у Гейне влюбленные не знают о смерти друг друга, у Лермонтова — они встречаются в загробной жизни, но друг друга не узнают. В той же записной книжке имеется другая редакция перевода:

*Они любили друг друга так нежно,
С тоской глубокой и страстью
мятежной!
Но как враги опасались встречи,
И были пусты и хладны их речи.
Они расстались в безмолвном
страданье
И милый образ во сне лишь вида-*

ли.

Но смерть пришла, им настало свиданье...

И что ж? Друг друга они не узнали.

[^^^]

Тамара

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, №4).

В основу этой баллады положена грузинская легенда о царице Дарье. Очевидно, Лермонтов слышал вариант этой легенды, в котором имя Дарьи заменено именем царицы Тамары, героини многих грузинских сказаний.

Написано в мае — начале июля 1841 г. на материале кавказских легенд и преданий. В двухтомном труде известного путешественника, французского посла в Тифлисе Жана Франсуа Гамба (1763-1833) «*Voyage dans la Russie meridionale...*» («Путешествие в Южную Россию») (1826) — он упомянут в романе Лермонтова «Герой нашего времени» — приведена легенда о коварной царице Дарье, которая заманивала путешественников в свой замок в Дарьяльском ущелье и после ночи любви убивала их, сбрасывая затем трупы в Терек. Возможно, что Лермонтову был знаком другой вариант легенды, связанный с именем имеретинской царицы Тамары (вторая поло-

вина XVII в.), отличавшейся редкой красотой в сочетании с хитростью и вероломством.

Свиданье

Печатается по автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1844, №2).

Написано между маем и началом июля 1841 г. под впечатлением от пребывания в Тифлисе и поездке по Военно-Грузинской дороге.

Уж за горой дремучею Погас вечерний луч...
— Эта картина открывается с расположенной на правом берегу Куры горы с развалинами старинной крепости Нарикала. Слева — Ортачальские сады.

[^^^]

Листок

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, №6).

Образ листка, гонимого бурей, является здесь символом изгнанника. Этот образ был распространен в поэзии XIX века.

[^^^]

«Нет, не тебя так пылко я люблю...»

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, №6).

По предположению, высказанному В. И. Масальским (см. Лермонтов, Избранные произведения, «Московский рабочий», 1949, стр. 492), стихотворение обращено, по-видимому, к дальней родственнице поэта, Екатерине Григорьевне Быховец. Это же предположение выдвигает В. В. Баранов (Ученые записки Калужского педагогического института, вып. IV, 1957, стр. 182-192).

[^^^]

«Выхожу один я на дорогу...»

Печатается по автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, №4).

Написано между маем и началом июля 1841 г.

Сквозь туман кремнистый путь блестит... — Л. Н. Толстой характеризовал эту строку как «замечательно выраженное впечатление кавказского пейзажа».

[^^^]

Морская царевна

Печатается по автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1843, №5).

Написано между маем — началом июля 1841 г. существует определенное сходство стихотворения (в изобразительных деталях) с балладой А. С. Пушкина «Яныш-королевич» (из цикла «Песни западных славян», опубл. 1836).

[^^^]

Пророк

Печатается по беловому автографу из записной книжки Одоевского. Впервые — в ОЗ (1844, №2).

Развивая тему стихотворения Пушкина «Пророк» о великом назначении поэзии и поэта, Лермонтов пишет о трагическом разрыве, конфликте между обществом и передовой личностью, провозглашающей «любви и правды чистые ученья».

Написано между маем и началом июля 1841 г.

[^^^]

«Ах! ныне я не тот совсем...»

Печатается по «Библиографическим запискам» (1861, №16), где появилось впервые.

[^^^]

**«Никто моим словам не внимлет... я од-
ни...»; «Мое грядущее в тумане...»**

Печатаются по автографу ЦГАЛИ. Впер-
вые — в «Литературном наследстве» (тт. 19-
21).

[^^^]

«Из-под таинственной холодной полумаски...»

Печатается по ОЗ (1843, №5), где опубликовано впервые.

[^^^]

«Тебе, Кавказ, суровый царь земли...»

Печатается по факсимиле (с автографа из частного собрания в Париже) в «Литературном наследстве» (тт. 43-44). Впервые — с неточностями в «Молодике на 1844 г.» (СПб. 1844). Комментируемый текст, по-видимому, представляет собой посвящение к одной из двух «кавказских» редакций «Демона», 1838 года (см. соч. изд. «Огонек», т. II, стр. 498-499).

Существует еще одна редакция посвящения к поэме:

*Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небреж-
ный.*

*Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
Еще ребенком, чуждый и любви
И дум честолюбивых, я беспечно
Бродил в твоих ущельях, грозный,
вечный,
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережно, как пестун, юных сил
Хранитель верный — [и мечтою
Я страстно обнимал тебя по-*

рою].
И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, сбирались облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые, как перья шишака;
И вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих виде-
ний,
Зубчатую тянулись полосой,
Таинственной, синей одна другой,
Все горы, чуть приметные для
глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.

[^^^]

«Не плачь, не плачь, мое дитя...»

Печатается по ОЗ (1843, №6), где появилось впервые.

[^^^]

Эпиграммы.

Датируются 1829 г., так как находятся в тетради II.

Эпиграммы 1, 2, 5-я текстуально близки к «Мыслям, выпискам и замечаниям», напечатанным в альманахе «Цефей на 1829 г.», в котором участвовали воспитанники пансиона при Московском университете (см. статью Т. Левита в «Литературном наследстве», тт. 45-46, стр. 225-254). Эпиграмма 3-я относится, по-видимому, к писателю П. И. Шаликову (см. о нем на стр. 393), 4-я — к писателю Н. Ф. Павлову (см. о нем на стр. 391).

[^^^]

К Грузинову

Датируется 1829 г., так как находится в тетради II.

Иосиф Романович Грузинов — пансионский товарищ Лермонтова. Сборник его стихотворений «Цитра» (1830) подвергся критике в «Литературной газете»

[^^^]

Моя мольба

Датируется 1830 г., так как находится в тетради VI.

В автографе — приписка: «После разговора с одной известной очень мне старухой, которая восхищалась, и читала, и плакала над Грандиссоном».

Грандиссон — «благородный» герой сентиментального романа «История кавалера Грандиссона» английского писателя Ричардсона (1689-1761).

[^^^]

А. Д. З....

Датируется 1831 г., так как находится в тетради XI.

Это шутовское послание обращено к Андрею Дмитриевичу Закревскому, товарищу Лермонтова по университету. В стихотворении упоминаются студенты словесного отделения: кн. Валериан Павлович Гагарин и Дмитрий Павлович Теличев (см. статью Н. Бродского «Лермонтов-студент и его товарищи» в сборнике «Жизнь и творчество Лермонтова», М. 1941).

[^^^]

Новогодние мадригалы и эпиграммы

Датируются последними днями 1831 г. по положению в тетради IV (за исключением мадригала «Бартеньевой»).

Написаны Лермонтовым к новомуднему маскараду в Московском благородном собрании.

[^^^]

Н. Ф. И.

Адресовано Н. Ф. Ивановой (см. о ней на стр. 367).

[^^^]

Бухариной

Вера Ивановна Бухарина (1812-1902) была дочерью московского сенатора Ивана Яковлевича Бухарина, В 1832 г. она вышла замуж за Н. Н. Анненкова.

[^^^]

Трубецкому

Трубецкой — вероятно, Николай Николаевич (1812-1879), служивший в это время в Межевой канцелярии. В 1833 г. он женился на Елизавете Александровне Лопухиной (см. письмо Лермонтова к М. А. Лопухиной от 4 августа 1833г. в т. 4 наст, издания).

[^^^]

Г<-ну> Павлову

Николай Филиппович Павлов (1805-1864) — писатель, автор «Трех повестей».

В начале 30-х годов Павлов был известен как переводчик и поэт. Лермонтов был знаком с ним и его женой, поэтессой Каролиной Павловой (Яниш).

[^^^]

Алябьевой

Александра Васильевна Алябьева (1812-1891) славилась в Москве своей красотой (см. стихотворение Пушкина «К вельможе»),. В 1832 г. Алябьева вышла замуж за А. Н Киреева.

[^^^]

Л. Нарышкиной

Адресат стихотворения не установлен.

[^^^]

Толстой

Адресат стихотворения не установлен.

[^^^]

Бартеневой

Печатается по беловому автографу ИРЛИ (альбом П. А. Бартеневой).

Лермонтов ошибся, написав «Бартеневой» через «ь». Прасковья Арсеньевна Бартенева (1811-1872) — известная певица.

[^^^]

Мартыновой

Мадригал адресован одной из сестер Н. С. Мартынова — Елизавете или Екатерине,

[^^^]

Додо

Додо — Евдокия Петровна Сушкова-Ростопчина (1811 — 1858), поэтесса. В 1830 г. Лермонтов посвятил ей стихотворение «Крест на скале». В этом же году П. А. Вяземский напечатал в альманахе «Северные цветы на 1831 год» ее стихотворение «Талисман», о котором Лермонтов и упоминает в своем мадригале.

О первых московских встречах с Лермонтовым Ростопчина рассказала в своем письме к А. Дюма (см. «Записки» Сушковой).

[^^^]

Баталову

Александр Александрович Баталов — тайный советник, сенатор, директор комиссии строения в Москве.

В другом автографе стихотворение носило заглавие: «A Son Excellence M-r Bachiloff» («Его превосходительству г-ну Баталову»).

[^^^]

Кропоткиной

Адресат стихотворения не установлен.

[^^^]

Щербатовой

Относится к княжне Анне Александровне Щербатовой, славившейся своей красотой (см. стихотворение «<М. А. Щербатовой>», стр. 39),

[^^^]

Булгакову

Константин Александрович Булгаков — сын московского почт-директора А. Я. Булгакова, гуляка и повеса. Лермонтов учился с ним в Московском благородном пансионе.

[^^^]

Сабуровой

Адресат стихотворения не установлен.

[^^^]

Уваровой

Адресат стихотворения не установлен.

[^^^]

«Вы не знавали князь Петра...»

Эпиграмма относится, вероятно, к кн. П. И. Шаликову. Он писал чувствительные стихи и повести, подражая Карамзину. В критике Шаликова называли «кондитером литературы», «князем вралей» и проч.

[^^^]

<Н. Н. Арсеньеву>

Датируется предположительно. Печатается по автографу ЦГАЛИ.

Н. Н. Арсеньев (род. в 1809 г.) — двоюродный брат матери Лермонтова. Учился в кадетском корпусе, потом служил в кавалергардах.

[^^^]

<Эпиграмма на Н. Кукольника>

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые — в «Русской старине» (1875, №9). Датируется на основании автографа, на одном листке с которым написаны «Молитва», «Расстались мы, но твой портрет...», датированные самим Лермонтовым 1837 г. Дело, однако, в том, что глубоко реакционная по содержанию псевдопатриотическая пьеса Н. Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский» была поставлена на сцене Александрийского театра в Петербурге в январе 1835 г. Ю. Г. Оксман предполагает, что к этому времени относится и эпиграмма, записанная позднее — в 1837 г.

[^^^]

<Эпиграммы на Булгарина. I, II>

Эпиграммы печатаются по автографу ГПБ. Впервые — в «Литературном наследстве» (т. 58).

Датируются 1837 г. по содержанию. В 1837 г. вышли три части книги реакционного писателя, агента III Отделения Ф. В. Булгарина «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях...», которая, несмотря на рекламу и дешевую цену, не находила сбыта. В апреле этого года Булгарин напечатал в «Северной пчеле» пространное объявление о продаже книги, в котором, не зная меры, расхваливал «свой труд». Объявление Булгарина, очевидно, послужило непосредственным поводом для эпиграммы Лермонтова.

В первой строке — игра слов. Под продажей России подразумевается и вся антипатриотическая деятельность Булгарина, и его измена русским войскам (переход на сторону противника во время Отечественной войны) и продажа книги под названием «Россия».

[^^^]

«Се Маккавей-водопийца...»

Печатаются по автографам ГПБ. Впервые — в «Литературном наследстве» (т. 58).

Датируются 1837 г., так как речь идет о посетителе Кавказских минеральных вод («водопийца», «приехал на воды»), где Лермонтов был в 1837 г., а также и по связи с эпиграммой на Булгарина (написаны на обороте того же листа).

[^^^]

<А. Петрову>

Печатается по «Русскому архиву» (1867, №7). Впервые — в «Русском архиве» (1864, №10) с неточностями.

Датируется 1837 г. на основании свидетельства А. П. Петрова, опубликовавшего стихотворение в «Русском архиве» в 1867 г.»

Написано в альбом родственника М. Ю. Лермонтова — Аркадия Петрова, у отца которого, генерала П. И. Петрова, начальника штаба войск Кавказской линии и Черноморья, поэт бывал во время своего пребывания в Ставрополе в 1837 г. Сыну Петрова было в то время двенадцать лет.

[^^^]

Скорей! (фр.)

[^^^]

И я вас поздравляю (фр.).

[^^^]

<К М. И. Цейдлеру>

Печатается по «Библиографическим запискам» (1859, №1). Впервые — в «Атенее» (1858, №48).

С М. И. Цейдлером, товарищем по юнкерской школе, поэт встретился в 1838 г. в лейб-гвардии Гродненском полку. Экспромт написан во время проводов Цейдлера в армию на Кавказ 3 марта 1838 г. В концовке («но иной, не бранной сталью») — игра слов: Цейдлер был влюблен в жену дивизионного командира Софью Николаевну Стааль фон Гольштейн.

[^^^]

<К портрету старого гусара>

Печатается по ОЗ (1843, №11), где появилось впервые. В авторизованной копии текст находится под рисунком А. Долгорукова, изображающим Н. И. Бухарова верхом на коне. Ручкой Лермонтова помета: «Рис. князь Долгорукий 2, 1838 г.» — и подпись.

Кн. Долгорукий А. Н. — товарищ Лермонтова по полку.

[^^^]

«Посреди небесных тел...»

Печатается по автографу ЦГАЛИ. Впервые — в «Библиографических записках» (1858, №20). В недавно поступившей в ИРЛИ фотоконпии с автографа, хранящегося в Германии, имеется точная дата, поставленная рукою Лермонтова:

«16 мая 1840 г.» (в автографе ЦГАЛИ даты нет).

[^^^]

<Эпиграмма> («Под фирмой иностранной иноземец...»)

Печатается по «Библиографическим запискам» (1861, №18), где опубликовано впервые.

Датируется по содержанию началом 1841 г. По предположению И. Л. Андроникова, направлено против реакционных журналистов Греча, Булгарина и Сенковского, сотрудничавших в «Сыне отечества» (для них — «фирме иностранной»).

Бранится пошло: ясно, немец... — очевидно, Н. И. Греч, допустивший в анонимной заметке о «Герое нашего времени» («Сын отечества», 1840) грубую брань.

Похвалит: видно, что поляк... — О. И. Сенковский в обычном для него развязном тоне, граничащем с издевательством, расхваливал роман Лермонтова (сначала в «Библиотеке для чтения», а затем в «Сыне отечества»). Несколько ранее Ф. В. Булгарин в «Северной пчеле» написал хвалебную статью о «Герое нашего времени» за крупную взятку, полученную от издателя Глазунова.

[^^^]

И. П. Мятлеву («На наших дам морозных...»)

Печатается по ОЗ (1842, №9), где появилось впервые. Датируется 1841 г. — временем выхода в свет юмористического романа в стихах Ивана Петровича Мятлева «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'этранже». Роман написан макароническим стилем, основанным на смешении разноязычных слов.

Лермонтов встречался с И. П. Мятлевым в салонах А. О. Смирновой и С. Н. Карамзиной, ценил его шуточные стихи.

В первой строке заключен каламбур, основанный на созвучии русского слова «мороз» с французским «moroze» — угрюмый, мрачный.

[^^^]

<А. А. Углицкой> («Ma chere Alexandrine...»)

Печатается по автографу ИРЛИ (из альбома А. А. Углицкой, по мужу — Альбрехт). Впервые — в альманахе «Радуга» (Пг., 1922). Обращено к кузине Лермонтова А. А. Углицкой (1822-1862) в связи с ее предстоящим замужеством (в апреле 1841 г.). Написано в макароническом стиле.

[^^^]

«Расписку просишь ты, гусар...»

Печатается по автографу из тетради Чертковской библиотеки. Впервые (третья строфа) — в «Русской старине» (1875, №9); целиком — в соч. под ред.

Высковатова, т. I. Дата не установлена.

[^^^]

«Надежда Петровна...»

Датируется 1841 г. По воспоминаниям Э. А. Шан-Гирей, экспромт сочинен Лермонтовым в доме П. С. Верзилина в Пятигорске и обращен к его младшей дочери — Н. П. Верзилиной.

Обычно печатается в разделе стихотворений, приписываемых Лермонтову.

Однако это единственный из его экспромтов 1841 г., который дошел до нас не в устной передаче, а в записи, внесенной в альбом Н. П. Верзилиной в 1842 г.

[^^^]

Вот стих, который хромает (фр.).

[^^^]

«Он был в краю святом...»

Печатается по «Библиографическим запискам» (1861, №1), где опубликовано впервые.

Пародия на стихотворение В. А. Жуковского «Старый рыцарь» (1832). Дата не установлена.

[^^^]

Югельский барон

Печатается по книге «Для избранных. Стихотворения Варвары Анненковой» (М. 1844), где появилось впервые. Окончание стихотворения, напечатанное в настоящем издании петитом, написано В. Н. Анненковой (1795-1866).

Датируется 1837 г. по содержанию. Стихотворение представляет пародию на балладу Жуковского «Иванова ночь» («Смальгольмский барон»), начинающуюся словами: «До рассвета поднявшись, коня оседлал...». Баллада посвящена А. М. Верещагиной, родственнице и близкой приятельнице Лермонтова. В июле 1837 г. она вышла замуж за министра иностранных дел Вюртембергского королевства барона Гюгеля (Hugel-Югель), от его имени произошло название баллады.

[^^^]

«Non, si j'en crois mon esperance...»

Стихотворение было написано в альбом А. М. Верещагиной, очевидно, накануне переезда Лермонтова в Петербург, Б 1832 г. Печатается по копии из альбома (ИРЛИ).

Перевод:

*Нет, если бы я верил моей надежде,
я ждал бы лучшего будущего.
Несмотря на расстояние, я буду с
вами воспоминанием.
Блуждая на другом берегу, я изда-
ли буду следить за вами;
В если над вами разразится гроза,
позовите меня, — и я приду.*

[^^^]

«О, как прохладно и весело нам...»

Печатается по автографу В. А. Соллогуба (ГПБ, фонд В. Ф. Одоевского).

Впервые — в «Литературном наследстве» (т. 58).

Датируется предположительно летом 1839 г., так как в это время Лермонтов и Соллогуб одновременно находились в Петербурге. Стихотворение было послано Соллогубом в письме к В. Ф. Одоевскому (лето 1839 г.) с указанием на то, что оно написано совместно с Лермонтовым, и с просьбою сочинить к нему музыку (см. «Литературное наследство», т. 58).

[^^^]

«Quand je te vois sourire...»

Печатается по «Библиографическим запискам» (1859, т. 2, №1). Дата написания не установлена.

Перевод:

*Когда я вижу тебя улыбающейся,
мое сердце расцветает,
И я хотел бы высказать тебе,
что говорит мне мое сердце.
Тогда вся жизнь моя встает пе-
ред моими глазами;
Я проклиная, и молюсь, и плачу
тайно.*

*Потому что без тебя, моего
единственного путеводителя,
Без твоего огненного взгляда, мое
прошедшее кажется пусто, как
небо без бога.*

*И потом — странная причуда! —
я ловлю себя на том, что благо-
словляю прекрасный день, — о ан-
гел мой! —
когда ты заставила меня стра-
дать.*

[^^^]

L'Attente

Послано С. Н. Карамзиной в письме от 10 мая 1841 г. (см. т. 4 наст, издания).

Перевод:

Ожидание

*Я жду ее в угрюмой долине.
 Вдали, вижу, белеет призрак,
 Который тихо приближается.
 Но нет! обманчива надежда!
 То старая ива колеблет свой су-
 хой и
 блестящий ствол.
 Я наклоняюсь и долго прислуши-
 ваюсь:
 мне кажется, что я слышу звук
 легких шагов по дороге. Нет, не
 то!
 Это лист шумит по мху, подни-
 маемый
 ароматным ветром ночи.
 Полный горькой тоски, я ложусь в
 густую траву
 И засыпаю глубоким сном.
 Вдруг я вздрагиваю и просыпаюсь:
 ее голос шепчет мне на ухо,
 Ее уста целуют мой лоб.*

[^^^]

«Забывши волнения жизни мятежной...»

Датируется 1829 г., так как находится в тетради III.

[^^^]

«В старинны годы жили-были...»

Датируется 1830 г., так как находится в тетради VI.

[^^^]

«Лилейной рукой поправляя...» («На бурке под тенью чинары...»)

Печатаются по автографам из записной книжки Одоевского, что позволяет датировать их маем — началом июля 1841 г. Впервые-в ОЗ (1844, №2).

Катар — слово написано небрежно; И. Л. Андроников предполагает, что его следует читать: Капгер. И. Х. Капгер — офицер Генерального штаба на Кавказе, с которым Лермонтов встретился в 1841 г.

Туксус — буквально: безбородый (тюрк.).

[^^^]

**«Это случилось в последние годы могучего
Рима...»**

Печатается по копии из тетради Чертковской библиотеки. Впервые (без последнего стиха) — в сборнике «Вчера и сегодня» (1845, кн. I). Дата не установлена.

[^^^]

Сказка для детей

Точная дата написания поэмы не установлена. В печати «Сказка для детей» появилась в 1842 г.; опубликована в журнале «Отечественные записки» (т. 20) с датой «1841». Однако поэма не могла быть написана позже 1840 г., так как перед отъездом в этом году на Кавказ Лермонтов передал А. А. Краевскому свои рукописи, в том числе и «Сказку для детей». На основании ряда косвенных свидетельств принято считать, что поэма создавалась в конце 1839 — начале 1840 г.

[^^^]

Это мило?.. (фр.)

[^^^]

*Когда такой герой рождается снова?
«Гяур» Байрон. (англ.).*

[^^^]

Сказание седых времен!..

Деянья прежних лет и дней!.. (Англ.)

[^^^]

*Вот край Востока: вот страна
Солнца —
Может ли оно улыбаться деяни-
ям своих детей?
О! неистовы, как возгласы любов-
ников при расставании,
Сердца у них в груди и их рассказы.*

«Абидонская невеста» Байрон (англ.)

[^^^]

По-черкесски: убийца. (Прим. Лермонтова.)

[^^^]

По-черкесски: убийца. (Прим. Лермонтова.)

[^^^]

Азраил

Впервые опубликована в 1876 г. в «Саратовском справочном листке», 26 февраля, №43, с.1—2.

Датируется 1831 годом. Приятель Лермонтова А. Д. Закревский вписал отрывки из «Азраила» в альбом Ю. Н. Бартенева с пометой: «15-го августа 1831г.».

Поэма своеобразна по форме: стихи чередуются с прозой, точнее с драматизированным диалогом между героем и героиней. Лермонтов вводит ремарки, рисующие место действия, внешний облик, одежду героев и пр. На замысел «Азраила» оказали воздействие «Каин» (1821) и «Небо и земля» (1822) Байрона. Образная и стиховая структура песни Девы построена на контрастном развитии фольклорных параллелизмов.

Лермонтов изобразил Азраила падшим ангелом (хотя у мусульман — это ангел смерти). Обращенные к героине слова Азраила о законе Моисея, т.е. о еврейской религии, и то, что действие поэмы происходит, по-видимому, в Палестине (Лермонтов рисует пустынный

пейзаж) до разрушения Иудейского царства (жених девы — воин), говорит о некоторой локализации, но ремарка «крест на груди у нее» (с.104) противоречит этому.

Тематически поэма «Азраил» связана с ранними редакциями «Демона» и «Ангелом смерти».

[^^^]

*Беспечной смелости, когда
Над радостными волнами синего
моря
Наши мысли так же безгранич-
ны,
а души так же свободны, как оно;
Куда бы ни занес нас ветер
и где бы ни пенились волны —
Там наши владения, там наша ро-
дина.*

«Корсар» Лорд Байрон (англ.).

[^^^]

*Они меня в младенчестве носили
Так шествовала по земле дочь
Черкесии,
Прелестнейшая птица Франги-
стана*

«Гяур» Байрон (англ.).

[^^^]

Две главные горы. (Прим. Лермонтова.)

[^^^]

Две горы, находящиеся рядом с Бештау.
(Прим. Лермонтова.)

[^^^]

*Высокие души, по природной гор-
дости и силе,
Глубже всех чувствуют твои
угрызения, Совесть!
Страх, словно бич, повелевает
низкой чернью,
Ты же — истязатель смелого!*

[^^^]

«Мармион» С. Вальтер Скотт (англ.).

[^^^]

*Она не сказала, ни откуда она, ни
почему оставила
Все ради того, кто не был, каза-
лось, даже ласков с нею.
За что она любила его? Пытли-
вый глупец! Молчи:
Разве по воле человека рождается
Человеческая любовь?..*

«Лара» Лорд Байрон (англ.).

[^^^]

Наездники, (Прим, Лермонтова.)

[^^^]

Маркиз де Тесе (фр.).

[^^^]

Сударь, это мое дело (фр.).

[^^^]

*«Ну, сударь, что я вижу?» — Ах,
это вы!»*

«Что это за шум? Что вы делаете?» —

«Я <З...>» (франц.)

[^^^]

И на землю она упала, как камень
Байрон (англ.). — Ред.

[^^^]

Боярин Орша

Впервые опубликована в 1842 г. в «Отечественных записках» (т.23, №7, отд. I, с.1—24) с изъятием по цензурным условиям многих стихов. Некоторые из них поэт также по цензурным соображениям сам не включил в авторизованную копию, по-видимому, предназначавшуюся для печати. В частности, в автографе (ГПБ) рукою Лермонтова сделана пометка «вымарать» против следующих стихов:

*Пусть монастырский ваш закон
 Рукою бога утверждён,
 Но в этом сердце есть другой,
 Ему не менее святой:
 Он оправдал меня — один
 Он сердца полный властелин!*

«Боярин Орша» датируется 1835—1836 годами. Публикуя ее впервые, А. А. Краевский писал: «Эта поэма принадлежит к числу первых опытов Лермонтова. Она написана была еще в 1835-м году, когда Лермонтов только что начинал выступать на литературном поприще. Впоследствии, строгий судья собственных произведений, он оставил намере-

ние печатать ее, и даже, взяв из нее целые тирады, преимущественно из II главы, включил их в новую свою поэму: „Мцѣри“... Рукопись поэмы, данная мне автором еще в 1837-м году и едва ли не единственная, хранилась у меня до сих пор, вместе с другими оставленными им пьесами» (Отечественные записки, 1842, т.23, №7, отд. I, с.1—2). В авторизованной копии на последнем листе обозначена дата: «1836», написанная позднее карандашом рукою Краевского.

«Боярин Орша» происходит в период царствования Ивана Грозного. Поединок Арсения и боярина Орши отнесен ко времени литовских войн XVI в. В поэме использован материал двух ранних произведений поэта: «Литвинки» и, в особенности, «Исповеди». Но, в отличие от них, в «Боярине Орше» острее звучит социальная тема: сюжет построен на столкновении и борьбе безродного бедняка Арсения со знатным и богатым отцом его возлюбленной.

История отношений Арсения и дочери боярина Орши обрисована в духе народных песен и сказок о любви «холопа» к боярской до-

чери. Мотивами народного творчества проникнута также сказка, которую рассказывает Орше Сокол (близкие по содержанию песни см. в кн.: А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т.1. СПб., 1895, с.34—47).

В. Г. Белинский, читавший поэму Лермонтова в рукописи (т.е. без цензурных купюр), 7 ноября 1842г. писал Н. А. Бакунину: «Читали ли Вы „Боярина Оршу“ Лермонтова? Какое страшно могучее произведение! Привезу его к Вам вполне, без выпусков» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т.12. М., 1956, с.115). В «Библиографических и журнальных известиях» Белинский, указывая, что «пафос поэзии Лермонтова заключается в нравственных вопросах о судьбе и правах человеческой личности», писал далее: «Для кого доступна великая мысль лучшей поэмы его „Боярин Орша“ и особенно мысль сцены суда монахов над Арсением, те поймут нас и согласятся с нами» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т.7. М., 1955, с.36—37).

Примечание по тексту:

Образ березы, растущей «среди развалин», см. в стихотворении «1831-го июня 11 дня»

(наст. изд., т.1, с.167) и в посвящении к драме «Испанцы» (наст. изд., т.3).

Стихи «Так бурей брошен на песок» и следующие ср. со стихотворением «Челнок» (1832; наст. изд., т.1, с.343).

[^^^]

*Остальное тебе уже известно:
Но не говори мне более о покая-
нии...*

Байрон (англ.). — Ред.

[^^^]

*Это он, это он! Я теперь узнаю
его;*

Я узнаю его по бледному челу...

Байрон (англ.). — Ред.

[^^^]

Два брата

Отрывок из поэмы впервые опубликован в 1859 г. в «Отечественных записках» (т.125, №7, с.35), полностью — в 1881г. в «Русской мысли» (кн.12, с.30—32).

Написана в 1829 г.

В русской романтической поэзии Финляндия, так же как и Кавказ, нередко избиралась в качестве места действия. Следует отметить, что в 10—20-е гг. XIX в. шло интенсивное освоение Финляндии как в административном, так и в культурном отношении.

Поэма осталась незаконченной.

[^^^]

Давно ль? давно ли друг без друга и следующие стихи ср. со стихами из «Евгения Онегина»: «Враги! Давно ли друг от друга» (гл. VI, строфа XXVIII).

Описания финской природы в последней строфе поэмы могли быть навеяны произведениями К. Н. Батюшкова («Отрывок из писем русского офицера о Финляндии») и Е. А. Баратынского («Эда», «Финляндия»).

[^^^]

Избави, боже, от ревности.

«Отелло». В. Шекспир (англ.). — Ред.

[^^^]

Две невольницы

Впервые опубликована в 1910 г. в газете «Русское слово» (21 марта, №66) и одновременно в собрании сочинений под редакцией Абрамовича (т.1, с.186—188).

Датируется предположительно 1830 годом.

На замысле поэмы сказалось воздействие «Бахчисарайского фонтана» Пушкина. (По свидетельству Е. А. Сушковой, Лермонтов в 1830г. цитировал эту поэму наизусть. — См.: Е. А. Сушкова-Хвостова. Записки. Л., 1928, с.122).

Имена Заира, Гюльнара часто встречались Лермонтову в художественной литературе, посвященной Востоку (имя Заиры носит героиня одноименной трагедии Вольтера; Гюльнара — героиня поэмы Байрона «Корсар»).

Эпиграф — из «Отелло» Шекспира (акт 3, сцена 3; слова Яго).

[^^^]

Эдем — мифическая страна, в которой, согласно библейскому рассказу, находился рай.

[^^^]

Джюлио

Отрывок из поэмы впервые опубликован в 1860г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина (т.2, с.91—92), полностью — в 1891г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т.3, с.184—199).

В автографе рукой Лермонтова написано: «Вступление (1830 года)», рядом запись: «(великим постом и после). Я слышал этот рассказ от одного путешественника». На следующем листе, после вступления, написано название поэмы: «Джюлио (повесть, 1830 год)». Предпоследний лист рукописи утерян, поэтому после стиха «Отдохшие под свежую росой» (с.73) строка точек.

«Джюлио» целиком или с небольшими изменениями перенесены в поэмы «Литвинка» и «Измаил-Бей», а также в стихотворение «1831-го июня 11 дня» (см. наст. изд., т.1, с.167).

Примечание по тексту:

Стихи, начиная от строки «Заботы вьются в сумраке ночей» и до «Не отстают ни в кущах, ни в бою» — вольное переложение двух строф оды XVI Горация (II книга), крупнейшего рим-

ского поэта (65—8 до н.э.).

В стихах, начиная от строки «Я прихожу в гремющий маскарад» и в следующих, подчеркивающих фальшь светского общества, содержится как бы зерно будущего замысла драмы «Маскарад» (см. наст. изд., т.3).

Стихи, начиная от строки «Средь гор кавказских есть, слышал я, грот» и следующие, тематически и стилистически близки к стихотворению Пушкина «Обвал» (1829).

[^^^]

Чичисбей — в XVI— XVIII вв. в Италии постоянный спутник богатой, знатной женщины, с которым она выходила на прогулку. Здесь это слово употреблено в значении «возлюбленный».

[^^^]

Быстрее его не будет аквилон. Аквилон — северный или северо-восточный ветер.

[^^^]

Мцъри — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Прим. Лермонтова)

[^^^]

Мцыри

Напечатана при жизни поэта в 1840 г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (с.121—159) с пропуском по цензурным условиям некоторых стихов.

Написана в 1839 г. (на обложке тетради имеется помета Лермонтова: «1839 года Августа 5»).

В автографе поэма была названа «Бэри» с примечанием: «Бэри, по-грузински монах». Там же, на л. 3 сначала был написан эпиграф: «On n'a qu'une seule patrie» («У каждого есть только одно отечество»), позже зачеркнутый Лермонтовым и замененный эпиграфом из 1-й Книги царств, гл. 14 («Вкушая вкусих мало меда, и се аз умираю»). Этот библейский эпиграф имеет символическое значение нарушения запрета. Самим же поэтом было заменено заглавие, и в сборник «Стихотворения М. Лермонтова» поэма вошла под названием «Мцыри». По-грузински «мцыри» означает, во-первых, «послушник», а во-вторых, «пришелец», «чужеземец», прибывший добровольно или привезенный насильственно из чужих краев,

одиноким человек, не имеющий родных, близких (см. В. Шадури. Заметки о грузинских связях Лермонтова. — Литературная Грузия, 1964, №10, с.102—103). Лермонтов выбросил многие стихи, которые имелись в первоначальной редакции. Так, он вычеркнул, например, 46 стихов после стиха «Люблю, как жизнь мою» (окончание песни золотой рыбки, с.423), в которых заключалось описание горцев — соотечественников Мццыри, в том числе и его отца), сражавшихся за свою свободу. Приводим их полностью:

*Но скоро вихорь новых грез
Далече мысль мою унес,
И пред собой увидел я
Большую степь... Ее края
Тонули в пасмурной дали,
И облака по небу шли
Косматой бурною толпой
С невыразимой быстротой:
В пустыне мчится не быстреей
Табун испуганных коней,
И вот я слышу: степь гудит,
Как будто тысячу копыт
О землю ударялись вдруг.
Гляжу с боязнию вокруг,*

И вижу: кто-то на коне,
Взвивая прах, летит ко мне,
За ним другой, и целый ряд...
Их бранный чуден был наряд!
На каждом был стальной шелом
Обернут белым башлыком,
И под кольчугою надет
На каждом красный был бешимет.
Сверкали гордо их глаза;
И с диким свистом, как гроза,
Они промчались близ меня.
И каждый, наклонясь с коня,
Кидал презренья полный взгляд
На мой монашеский наряд
И с громким смехом исчезал...
Томим стыдом, я чуть дышал,
На сердце был тоски свинец...
Последний ехал мой отец.
И вот кипучего коня
Он осадил против меня,
И тихо приподняв башлык,
Открыл знакомый бледный лик:
Осенней ночи был грустней
Недвижный взор его очей,
Он улыбался — но жесток
В его улыбке был упрек!
И стал он звать меня с собой,
Маня могучею рукой,

*Но я как будто бы прирос
К сырой земле: без дум, без слез,
Без чувств, без воли я стоял
И ничего не отвечал.*

«И кинул взоры я кругом» (глава 20), в которых Мцыри упрекает бога за то, что тот ему «Дал вместо родины тюрьму». Вот эти стихи:

*Тот край казался мне знаком...
И страшно, страшно стало мне!..
Вот снова мерный в тишине
Раздался звук: и в этот раз
Я понял смысл его тотчас:
То был предвестник похорон,
Большого колокола звон.
И слушал я, без дум, без сил,
Казалось, звон тот выходил
Из сердца, будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
О боже, думал я, зачем
Ты дал мне то, что дал ты всем,
И крепость сил, и мысли власть,
Желанья, молодость и страсть?
Зачем ты ум наполнил мой
Неутолимою тоской
По дикой воле? почему
Ты на земле мне одному
Дал вместо родины тюрьму?*

Ты не хотел меня спасти!
Ты мне желанного пути
Не указал во тьме ночной,
И ныне я как волк ручной.
Так я роптал. То был, старик,
Отчаянья безумный крик,
Страданьем вынужденный стон.
Скажи? Ведь буду я прощен?
Я был обманут в первый раз!
До сей минуты каждый час
Надежду темную дарил,
Молился я, и ждал, и жил.
И вдруг унылой чередой
Дни детства встали предо мной.
И вспомнил я ваш темный храм
И вдоль по треснувшим стенам
Изображения святых
Твоей земли. Как взоры их
Следили медленно за мной
С угрозой мрачной и немой!
А на решетчатом окне
Играло солнце в вышине...
О, как туда хотелось мне,
От мрака кельи и молитв,
В тот чудный мир страстей и
битв...
Я слезы горькие глотал,
И детский голос мой дрожал,

Когда я пел хвалу тому,
Кто на земле мне одному
Дал вместо родины — тюрьму...
О! Я узнал тот вещий звон,
К нему был с детства приучен
Мой слух. — И понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложит уж никогда.
И быстро духом я упал.
Мне стало холодно. Кинжал,
Вонзаясь в сердце, говорят,
Так в жилы разливает хлад.
Я презирал себя. Я был
Для слез и бешенства без сил.
Я с темным ужасом в тот миг
Свое ничтожество постиг
И задушил в груди моей
Следы надежды и страстей,
Как душит оскорбленный змей
Своих трепещущих детей...
Скажи, я слабою душой
Не заслужил ли жребий свой?

«Мцыри» повторены многие мысли и отдельные стихи из более ранних поэм — «Исповеди» и «Боярина Орши». Если в «Испове-

ди» характер героя раскрывается в основном в чувстве любви, то в «Боярине Орше» он усложняется, внутренний мир его расширяется: Арсений «тоской по вольности томим». Поведение Мцыри уже полностью определяется устремлениями к свободе. Мотив противопоставления природы законам общества, стесняющим свободу личности, оказался в «Мцыри» особенно устойчивым.

Образ Мцыри — оригинальное создание Лермонтова. В отличие от разочарованного героя романтической поэмы, Мцыри свойственно стремление к яркой и полноценной жизни. В его романтическом образе поэт создал героический характер борца против гнета и насилия над личностью. Мцыри противостоит монастырскому миру, так как монастырь — это символ действительности, враждебной природной естественности и простоте. Природа в поэме не только живописный фон, но и действенная сила. В ней — величие и красота, отсутствующие в человеческом обществе. Природа заключает в себе грозную опасность, но она же приносит радость наслаждения красотой, дикой вольностью, позво-

ляет герою в полной мере проявить себя. Позиция Лермонтова определяется руссоистским утверждением, что в природе человека — залог возможной гармонии, между тем как в обществе, напротив, — источник дисгармонии. Проблематика поэмы предвосхищает типично толстовскую литературную ситуацию: представление о простой патриархальной жизни как общественной норме и трагическая невозможность героя реализовать свое стремление к ней.

Существует рассказ П. А. Висковатова о возникновении замысла поэмы, основанный на свидетельствах А. П. Шан-Гирея и А. А. Хастатова. Поэт, странствуя в 1837г. по старой Военно-грузинской дороге, «наткнулся в Мцхете... на одинокого монаха или, вернее, старого монастырского служку, „Бэри“ по-грузински. Сторож был последний из братии упраздненного близлежащего монастыря. Лермонтов с ним разговорился и узнал от него, что родом он горец, плененный ребенком генералом Ермоловым во время экспедиции. Генерал его вез с собою и оставил заболевшего мальчика монастырской братии. Тут он и вы-

рос; долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытки к бегству в горы. Последствием одной такой попытки была долгая болезнь, приведшая его на край могилы. Излечившись, дикарь угомонился и остался в монастыре, где особенно привязался к старику монаху. Любопытный и живой рассказ „Бэри“ произвел на Лермонтова впечатление... и вот он решился воспользоваться тем, что было подходящего в „Исповеди“ и „Боярине Орше“, и перенес все действие из Испании и потом Литовской границы — в Грузию. Теперь в герое поэмы он мог отразить симпатичную ему удаль непреклонных свободных сынов Кавказа, а в самой поэме изобразить красоты кавказской природы» (Рус. старина, 1887, кн.10, с.124—125).

Если даже сведения, сообщенные Висковатовым, не совсем достоверны, нельзя не учитывать того обстоятельства, что захват русскими в плен горцев-детей был в период завоевания Кавказа типичным явлением. Известно, например, что художник-академик П. З. Захаров (из чеченцев) ребенком был взят в плен русскими и генерал Ермолов отвез его в

Тифлис. Лермонтов мог знать полную драматизма историю Захарова и другие, аналогичные ей (Н. Ш. Шабаньянц. Академик Захаров П. З. (художник из чеченцев) (1816—1846 гг.). Изд. 2-е, перераб. и доп. Грозный, 1974). Сюжетная ситуация и образы поэмы вполне конкретны, хотя одновременно они и символичны. Реальный образ томящегося в неволе героя-горца вместе с тем — символ современного Лермонтову молодого человека, переживающего в условиях после 14 декабря 1825г. подобного же рода драму.

«Мцыри» почти целиком представляет собой монолог героя, что является одной из характерных особенностей романтической поэмы. Стих поэмы чрезвычайно выразителен; «этот четырехстопный ямб с одними мужскими окончаниями, как в „Шильонском узнике“, по словам В. Г. Белинского, „звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву. Упругость, энергия и звучное, однообразное падение его удивительно гармонируют с сосредоточенным чувством, несокрушимую силою могучей природы и трагическим положением героя поэмы“ (В. Г. Белин-

ский. Полн. собр. соч., т.4. М., 1954, с.543).

В начале поэмы Лермонтов описал древний Мцхетский собор и могилы последних грузинских царей Ираклия II и Георгия XII, при котором состоялось в 1801г. присоединение Грузии к России. Кавказский материал в поэме насыщен фольклорными мотивами. Так, центральный эпизод «Мцыри» — битва героя с барсом — основан на мотивах грузинской народной поэзии, в частности хевсурской песни о тигре и юноше, тема которой нашла отражение и в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (см.: Ираклий Андроников. Лермонтов. М., 1951, с.144—145). Известны 14 вариантов древней грузинской песни «Юноша и тигр», опубликованные А. Г. Шанидзе (см.: Л. П. Семенов. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, 1941, с.60—62).

Сохранились воспоминания современников о чтении «Мцыри» самим автором.

«Мне случилось однажды, — пишет А. Н. Муравьев, — в Царском Селе уловить лучшую минуту его вдохновения. В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными гла-

зами, которые были у него особенно выразительны. „Что с тобою?“ спросил я. „Сядьте и слушайте“, — сказал он, и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю великолепную поэму Мцыри... которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера... Никогда никакая повесть не производила на меня столь сильного впечатления» (А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с.27).

Известно также, что Лермонтов 9 мая 1840г. (в день именин Гоголя) в Москве «читал наизусть Гоголю и другим, кто тут случился, отрывок из новой своей поэмы „Мцыри“, и читал, говорят, прекрасно» (С. Т. Аксаков. История моего знакомства с Гоголем. М., 1960, с.38).

«Мцыри» как романтическая поэма о герое-бунтаре имела своих предшественников в литературе. Указывалось на связь ее с «Чернецом» (1825) И. И. Козлова (внешнее сходство сюжетов и различное идейное содержание), с декабристской литературой. Отмечалась, в частности, близость «Мцыри» к «Войнаровскому», «Наливайко» и «Думам» Рылее-

ва (все — 1825).

Поэма Лермонтова обнаруживает также его знакомство с поэзией И.-В. Гете: в песне рыбки-русалки в известной степени воссоздана сюжетная ситуация стихотворений «Лесной царь» (1782) и «Рыбак» (1779).

Бунтарский пафос поэмы «Мцыри» оказался близким революционным демократам. «Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью», — отмечал Белинский (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т.4. М., 1954, с.537).

По мысли Н. П. Огарева, «Мцыри» у Лермонтова — «его самый ясный или единственный идеал» (Н. П. Огарев. Избранные произведения, т.2. М., 1956, с.485).

[^^^]

Олег

Впервые один из отрывков («Ах, было время, время боев...») опубликован в 1859г. в «Отечественных записках» (т.125, №7, с.34), другой (ст.15—22) — в «Русской мысли» (1881, №12 с.23), полностью — в 1889г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т.1, с.17—20).

Текст автографа представляет собою три варианта начала поэмы, которые создавались в 1829г. Возможно, что замысел поэмы возник у Лермонтова в связи с тем, что в 1829г. ареной войны России против Турции стал Балканский полуостров (осенью русские войска начали приближаться к Константинополю).

Героем поэмы сделан киевский князь Олег (ум. 912), который, согласно летописи, правил с 879г. в Новгороде, а в 882г. овладел Киевом. Укрепляя границы Киевской Руси, Олег покорил многие племена. В 907г. он совершил победоносный поход на Царьград (Константинополь), после чего заключил выгодный для Руси письменный договор с греками (в 911г.).

Трактовка образа Олега как мстителя (от-

рывок III) совпадает с изображением его в стихотворении Пушкина «Песнь о Вещем Олеге». Несомненно, знал Лермонтов и думу К. Ф. Рылеева «Олег Вещий».

[^^^]

*Когда-то жертвенник кровавый Дымился бо-
жеству войны. — Речь идет о боге грома и
молнии (Перуне), которому поклонялись
древние славяне. Перун считался богом-по-
кровителем войны.*

[^^^]

И песня Лады никогда Не приносилася сюда.
— Лада (ладо) — припев зимних, весенних и летних, а также свадебных песен славян («Ай дид, ой ладо», «ой ди ди ладу» и т.п.). В XVIII—XIX вв. некоторые фольклористы (М. Д. Чулков, А. Н. Афанасьев и др.) считали, что Лада — имя славянской богини веселья и всякого благополучия, жертвы которой приносили готовящиеся к вступлению в брак. А. А. Потебня в работе «Объяснения малорусских и сродных народных песен» (отдельный оттиск из «Русского филологического вестника»; Варшава, 1883, с.16—38) показал неосновательность такого предположения.

[^^^]

Не презирай сих мест: они Знакомы были вдохновенью. — Ср. у Пушкина в стихотворении «Домовому»: «Они знакомы вдохновенью».

[^^^]

И скальдов северных не раз Здесь раздавался
смелый глас. — Скальды — древнескандинавские певцы, слагавшие и собиравшие рассказы, стихотворения и песни о героях и их подвигах.

[^^^]

Стрибог! я вновь к тебе предстал. — Стрибог — бог ветра по представлениям древних славян (упоминается в «Слове о полку Игореве» и в «Повести временных лет»). Обращение к Стрибогу Лермонтов ввел во II отрывок, вероятно, под влиянием летописи, где рассказывается о том, как Олег, приплыв к столице Византии, «поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю» (см.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т.1. СПб., 1816, с.132).

[^^^]

Владелец русского народа, Варяг, боец. — Варяги — древнерусское и византийское название скандинавов. Здесь так назван Олег, родственник варяга Рюрика, якобы положившего начало Русскому государству (согласно антинаучной, так называемой «норманской», теории, имевшей распространение в XIX в.).

[^^^]

Поля и веси покори́л. — Веси — деревни, села (старинное название).

[^^^]

Пред ним дрожали печенеги. — Печенеги — тюркоязычный народ, кочевавший в VIII—IX вв. между низовьями Волги и Яиком (теперь река Урал). Здесь допущена историческая неточность: набеги печенегов начались только при Игоре, после смерти Олега.

[^^^]

Казары дружества искали. — Казары (правильно: хазары) — племена и народности, в основном тюркские, некогда жившие в низовьях Волги и на Дону. Олег подчинил себе некоторые племена, ранее платившие дань хазарам.

[^^^]

*Долго счастье ему благоприятствовало
В его опасном ремесле.
Увы! он становится слишком дерзким,
Потому что был слишком счастливым.*

Лагарп (фр.). — Ред.

[^^^]

Корсар

Впервые опубликована в отрывках в 1859 г. в «Отечественных записках» (т.125, №7, с.11—14), полностью — в 1891г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т.3, с.152—163) и тогда же в собрании сочинений под редакцией Введенского (т.2, с.329—336).

«Корсар» написан в 1828 г. Поэма помещена в одной тетради с «Кавказским пленником». Она создавалась под воздействием «Братьев разбойников» Пушкина. Название поэмы восходит к одноименному произведению Байрона. Ряд стихов для «Корсара» взят Лермонтовым из «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» Пушкина, «Андрея, князя Переяславского» А. А. Бестужева (Марлинского), «Княгини Натальи Борисовны Долгорукой» И. И. Козлова, «Абидосской невесты» Байрона в переводе И. И. Козлова и др.

В описании бури — семь строк из оды Ломоносова «На день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны» (1746).

Эпиграф — из романса Жана Лагарпа (1739—1803) «Hero et Leandre» («Геро и Ле-

андр»), французский текст изменен применительно к содержанию поэмы.

[^^^]

Геллеспонт — древнегреческое название Дарданелльского пролива. В данном случае Лермонтов употребил это географическое название не точно, имея в виду прилегающую к проливу северную часть Эгейского моря.

[^^^]

Афос — греческая форма названия горы Афон. Эта же форма встречается во всех западноевропейских языках (Athos).

[^^^]

Лемос (правильно: Лемнос) — остров в северной части Эгейского моря. С Афона виден город Кастрон (крепость) на западном берегу Лемноса.

[^^^]

Царьград — древнерусское название Константинополя, столицы бывшей Византийской империи (ныне г.Стамбул в Турции).

[^^^]

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова

«Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» (30 апр., №18, с.344—347) и в 1840г. в сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (с.1—31). Автограф не сохранился.

В издании «Стихотворений» поэма датирована 1837г., но возможно, что замысел ее возник несколько раньше. По содержанию она связана как со стихотворением «Бородино» (1836), пафос которого — мечта о богатырях духа, так и с «Думой» (1838), исполненной негодования на больное, бездеятельное поколение. В «Песне» отразились размышления Лермонтова о нравственных и политических проблемах своей эпохи, о судьбе и правах человеческой личности, в частности, о судьбе и трагической дуэли Пушкина.

Белинский писал, что здесь «поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошедшее, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его

духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвеялся его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размах его чувства...» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т.4, М., 1954, с.504).

Опубликование «Песни» встретило серьезные затруднения. Когда поэма была отправлена в цензуру, «цензор нашел совершенно невозможным делом напечатать стихотворение человека, только что сосланного на Кавказ за свой либерализм. Издатель „Прибавлений“ выручил стихотворение только тем, что обратился к Жуковскому, который был в великом восторге от стихотворения Лермонтова, находил, что его непременно надо напечатать, и дал г.Краевскому письмо к министру народного просвещения. Уваров нашел, что цензор был прав в своих опасениях, но разрешил печатание на своей ответственности, не позволив, однако, ставить имени Лермонтова, которое было заменено случайными буквами» (А. Н. Пыпин. Лермонтов. — В кн.: Сочинения Лермонтова под ред. П. А. Ефремова, т.1. СПб., 1873, с.LII).

С отроческих лет Лермонтову был свойствен интерес к народному творчеству (см.: М. Азадовский. Фольклоризм Лермонтова. — В кн.: Литературное наследство, т.43—44, М., 1941, с.227—262). Позже он еще более усилился под влиянием родственника и друга поэта — С. А. Раевского, который был знатоком и собирателем фольклора. В литературе о Лермонтове неоднократно указывалось на связь «Песни» с народной поэзией, в частности с былинами и историческими песнями (см.: М. Штокмар. Народно-поэтические традиции в творчестве Лермонтова (там же, с.263—352); В. Э. Вацуро. М. Ю. Лермонтов. — В кн.: Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л., 1976, с.227—238). Поэт несомненно знал, например, «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», изданные в 1804 и 1818 гг. Некоторые из них («Мастрюк Темрюкович», «Иван Годинович» и др.) в какой-то степени отразились в «Песне».

Возможно, что вспомнился Лермонтову и эпизод, рассказанный Н. М. Карамзиным и относящийся к эпохе Ивана IV, о чиновнике Мяс-

соеде Вислом, который «имел прелестную жену: ее взяли, обесчестили... а ему отрубили голову» (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т.9. СПб., 1834, с.160). Первый на это указал П. В. Владимиров (см. его книгу: Исторические и народно-бытовые сюжеты в поэзии М. Ю. Лермонтова. Киев, 1892, с.17). Обобщенный образ Ивана IV создан Лермонтовым в духе народной традиции — исторических песен об Иване Грозном — и отчасти «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

Современники высоко оценили поэму. Декабрист Н. А. Бестужев писал брату П. А. Бестужеву 4 июля 1838г. из Петровского завода: «Недавно прочли мы в приложении к Инвалиду „Сказку о купеческом сыне Калашникове“. Это превосходная маленькая поэма... вот так должно передавать народность и ее историю! Если тебе знаком и этот ... въ (подпись — анаграмма под „Песней“ в журнальной публикации. — Ред.) — объяви нам эту литературную тайну. Еще просим сказать: кто и какой Лермонтов написал „Бородинский бой“?» (Бунт декабристов. Юбилейный

сборник 1825—1925. Л., 1926, с.371). Белинский справедливо отмечал, что «поэт вошел в царство народности, как ее полный властелин, и, проникнувшись ее духом, слившись с нею, он показал только свое родство с нею, а не тождество» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т.4. М., 1954, с.517).

[^^^]

По высокому месту лобному. — Лобное место в Москве — «каменная подвысь против Спасских ворот; никогда не было местом казни, а царским и патриаршим, при беседе с народом, при народных торжествах и молебствиях; с него же читались указы, приговоры; казни происходили близ, на площади Китай-города». (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, т.2. И—О. М., 1955, с.261).

[^^^]

Преступник

Впервые опубликована в 1859 г. в «Отечественных записках» (т.125, №7, с.22—26).

Написана в 1829г. В ней имеются сходные по содержанию мотивы и композиционная общность с поэмой «Братья разбойники» Пушкина.324

[^^^]

Черкесы

Впервые опубликована в отрывках в 1860 г. в собрании сочинений под редакцией Дудышкина (т.2, с.3—4), полностью — в 1891г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т.3, с.164—172).

Поэма написана летом 1828 г., о чем свидетельствует надпись, сделанная Лермонтовым на обложке рукописи: «В Чембаре за дубом». В Чембаре (уездный город Пензенской губернии, теперь г.Белинский) поэт мог бывать лишь в летние месяцы 1828г., когда жил с бабушкой (Е. А. Арсеньевой) в ее имении Тарханы (ныне село Лермонтово), от которого до города считалось 12 верст. Позже, поступив в Московский университетский благородный пансион, Лермонтов уже не ездил в Тарханы, проводя лето под Москвой. По собственному признанию, он начал писать стихи в 1828г., и «Черкесы» принадлежат к числу самых ранних его произведений, открывая ряд написанных друг за другом кавказских романтических поэм. В «Черкесах» отразились впечатления Лермонтова от поездок на Кавказ и рассказы о быте и нравах кавказских горцев,

услышанные от родственников — Хастатовых и Шан-Гиреев.

Поэма свидетельствует о большой начитанности и исключительной литературной памяти юного автора. В тексте ее встречаются заимствования и переделки отдельных стихов из многих произведений. Не только из «Кавказского пленника» Пушкина, но и «Княгини Натальи Борисовны Долгорукой» И. И. Козлова, «Освобождения Москвы» и «Причудницы» И. И. Дмитриева, поэмы Парни «Иснель и Аслега» («Сон воинов») в переводе К. Н. Батюшкова, «Абидосской невесты» Байрона в переводе И. И. Козлова и др. На рисунке рукописной обложки к поэме «Черкесы» Лермонтов в виде эпиграфа приводит стихи Пушкина из «Кавказского пленника»:

*Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ, —
— Забудет брани вещей глас,
Оставит стрелы боевые...
...И к тем скалам, где крылись вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни*

Преданья темные молвы!..

А. Пушкин.

Эпиграфом подчеркнута то влияние, которое оказала на «Черкесов» поэма Пушкина. Но в литературе указывалось уже, что в полудетском произведении Лермонтова проявились также черты его самобытности и одаренности. Обращают на себя внимание отсутствие любовной интриги, характерной для романтической поэмы, изменение традиционной сюжетной ситуации: не европеец захвачен в плен горцами, а наоборот, черкес оказывается в русском плену.

[^^^]

Уздени вокруг него сидят. — Уздени — в Кабарде горцы-землевладельцы.

[^^^]

*Наслаждайся и страдай!
Терпи и смиряйся!
Люби, надейся и верь!*

Конц (нем.). — Ред.

[^^^]

Кавказский пленник

Впервые опубликована в отрывках в 1859 г. в «Отечественных записках» (т.125, №7, с.5—11), полностью — в 1891г. в собрании сочинений под редакцией Висковатова (т.3, с.133—151).

Поэма написана в 1828 г. В ней отразился живой и ранний интерес Лермонтова к быту и нравам кавказских горцев. Этому во многом способствовали детские впечатления поэта от Кавказа и рассказы родственников о нем (см. примеч. к «Черкесам»). Значительную роль сыграли и литературные впечатления. Поэма создана под сильным воздействием одноименной поэмы Пушкина. Некоторые стихи Пушкина целиком вошли в поэму, другие — в несколько измененном виде; отдельные стихи поэмы Лермонтова близки к «Бахчисарайскому фонтану» и «Евгению Онегину» Пушкина, встречаются также стихи из «Андрея, князя Переяславского» А. А. Бестужева (Марлинского), «Обуховки» В. В. Капниста, «Чернеца» И. И. Козлова и др. Сюжетно «Кавказский пленник» близок к одноименному произведе-

нию Пушкина, но у Лермонтова увеличено количество персонажей, различны их характеры. Пленник лишен черт разочарованности и пресыщенности жизнью. Герой тоскует по родине и свободе, ищет поддержки друзей. У черкешенки — более решительный характер, нежели у пушкинской героини, она требует любви пленника. Лермонтов усилил также драматичность развязки: у него погибают и герой, и героиня. Следуя традиции романтической (в основном пушкинской) поэмы, юный поэт ввел этнографический материал (в том числе вставную песню).

В качестве эпиграфа к поэме взяты (в переработанном виде) строки из стихотворения немецкого поэта Карла-Филиппа Конца (1762—1827) «Das Orakel der Weisheit» («Оракул мудрости», 1791).

[^^^]

Сайгаки, с быстрыми ногами. — Сайгак (сайга) — разновидность диких коз, встречается в степях Северного Кавказа,

[^^^]

Плывет на верном тулуке. — Тулук (бурдюк) — мешок из шкур животных для хранения вина и других жидкостей; использовался для переправы через мелкие, но быстрые кавказские речки.

[^^^]

Демон

При жизни Лермонтова поэма не печаталась, но получила довольно широкое распространение благодаря множеству списков. Они восходили к различным редакциям поэмы и иногда искусственно комбинировались переписчиками. Автографа или авторизованных копий последней редакции «Демона» не сохранилось. Поэтому долгое время вопросы текста и датировки поэмы вызывали затруднение: ее завершение чаще всего относилось к 1841г.

Теперь документально установлено, что Лермонтов окончил работу над «Демоном» в начале 1839г. (не позднее 8 февраля) и что дошедшая до нас копия, сделанная родственником поэта А. И. Философовым, достаточно точно воспроизводит автограф этой редакции (см. об этом: Э. Э. Найдич. Последняя редакция «Демона». — Рус. лит., 1971, №1, с.72—78).

Выяснено также, что 10 марта 1839г. рукопись «Демона» получила цензурное разрешение, но по каким-то причинам поэма не была напечатана (Вацуро В. Э. К цензурной исто-

рии «Демона» — В кн.: Лермонтов. Исследования и материалы. Л., 1979, с.410—414).

Впервые отрывки из «Демона» опубликованы в «Отечественных записках» (1842, №6, отд. I, с.187—201) по списку, собственноручно изготовленному В. Г. Белинским и представляющему соединение текстов двух редакций (8 сентября 1838 г. и последней). Однако на этот раз даже публикация отрывков проходила с большими цензурными трудностями.

Полностью «Демон» по уже названной авторитетной копии А. И. Философова был напечатан им в 1856г. в Карлсруэ ограниченным тиражом (28 экз.), чтобы раздать экземпляры «высоким особам» и добиться отмены цензурного запрещения. В том же году «Демон» был напечатан в Берлине, а в 1857г. снова в Карлсруэ. Однако оба эти издания в текстологическом отношении значительно уступали первой философской публикации.

В России «Демон» (в последней редакции) полностью напечатан в 1860г. (собрание сочинений Лермонтова под ред. Дудышкина, т.1, с.7—50; с некоторыми неточностями).

Лермонтов начал писать поэму в четырна-

дцатилетнем возрасте и возвращался к ней на протяжении всей жизни. Несмотря на многочисленные переделки, первая строка — «Печальный Демон, дух изгнанья», возникшая в 1829г., сохранилась и в окончательном варианте.

Первый набросок 1829 г. содержал всего 92 стиха и краткое прозаическое изложение содержания (см. с.437), передающее сюжет всех ранних редакций. К началу 1830г. относится II редакция, заключающая уже законченный очерк «Демона». В последующих III (1831г.) и V редакциях (1832—1833 гг.) Лермонтов постепенно разворачивает образ Демона и монахини, несколько расширяет описательные элементы, совершенствует стих. По сути дела все эти три законченных юношеских редакции являются вариантами одной. Однако между переходами от редакции к редакции у Лермонтова возникали иные замыслы, связанные с тем же героем. Так, незадолго до создания III редакции он сделал запись: «Метод: написать длинную сатирическую поэму: приключения демона» (1831г.).

В том же году Лермонтов набрасывает

семь строф так называемой IV редакции, написанной другим размером.

К 1832 г. относится запись сюжета, не осуществленного Лермонтовым: «Демон. Сюжет. Во время пленения евреев в Вавилоне (из Библии). Еврейка; отец слепой; он в первый раз видит ее спящую. Потом она поет отцу про старину и про близость ангела; и проч. как прежде. Евреи возвращаются на родину — ее могила остается на чужбине» (см. наст. изд., т.4).

Работа над ранними редакциями была в основном завершена в начале 1833г.

В 1834 г. были сделаны некоторые сокращения в тексте V редакции (1833—1834), отраженные в авторизованной копии, выполненной рукою друга Лермонтова А. П. Шан-Гирея. Кроме того, в одном из списков (В. Р. Зотова) содержится интересное дополнение, начинающееся словами «Обломки старых поколений» (см. с.486).

В ранних редакциях Лермонтову не удалось добиться художественной целостности и убедительности. Поэма носила отвлеченно-философский характер, действие развер-

тывалось в условной обстановке, образы героев, в особенности монахини, не были индивидуализированы, центральный образ был сознательно соотнесен с лирическим героем («Как демон мой, я зла избранник»).

Принципиально новым этапом в работе над поэмой становятся редакции, созданные поэтом после возвращения с Кавказа.

Зрелые редакции «Демона» отличаются большей идейной глубиной, символической многоплановостью, конкретностью изображения, психологической разработкой образов главных героев, недостижимой высотой в изображении картин природы. От редакции к редакции усиливается объективная манера повествования, превратившая «Демона» в «восточную повесть», насыщенную фольклорными мотивами, изображением грузинского феодального быта.

Происходит и существенное изменение в сюжете. В период между ранними и поздними редакциями Лермонтов создал «Маскарад», где демонический герой также пытался вырваться из мира зла через любовь. Убийство Нины было одновременно проявлением

злой воли Арбенина и результатом сцепления обстоятельств, отражающих несправедливый миропорядок. В этом смысле и следует понимать слова Арбенина «Не я ее убийца». Смерть Тамары в поздних редакциях поэмы происходит не по вине главного героя, а в результате закона мироздания, установленного богом: соприкосновение с Демоном приносит гибель.

Впервые действие поэмы связывается с людьми и природой Кавказа в так называемой ереванской редакции, написанной Лермонтовым вскоре после возвращения из Грузии в первой половине 1838г. Это первоначальный вариант VI, «лопухинской», редакции, единственной из поздних редакций «Демона», сохранившийся в авторизованной копии с датой 8 сентября 1838г. Рукопись эта была подарена В. А. Лопухиной и сопровождается посвящением («Я кончил — и в груди невольное сомненье!»). Здесь появились знаменитые стихи «На воздушном океане» (в «ереванском» списке этот монолог был написан другим размером: «Взгляни на свод небес широкий»). В остальном тексты названных

редакций весьма близки.

VI редакция получила известность во множестве списков. Собираясь опубликовать поэму, Лермонтов продолжал совершенствовать текст и одновременно учитывал сложность прохождения такого рода произведения через цензуру. Он сохранил без изменений образ Демона, но сочинил новый конец поэмы, в котором ангел спасает душу Тамары. Самый ее образ, описание Тамары в гробу подверглись изменениям. Однако двойное поражение Демона лишь усилило пафос отрицания и тему отчаяния, не изменив общего философского замысла поэмы. Так возникла VII редакция поэмы от 4 декабря 1838г.

В начале 1839 г. поэма привлекла внимание высших кругов общества, близких к императорскому двору. Ею заинтересовалась императрица. Ко двору был представлен исправленный и каллиграфически переписанный текст, в который поэт внес новые поправки и исключил диалог о боге («Зачем мне знать твои печали?»).

8—9 февраля этот текст был прочитан императрице и возвращен автору. VIII редакция

поэмы, после которой текст уже не переделывался, легла в основу карлсруйского издания 1856г.

Переработка поэмы в 1838—1839 гг. представляет сложный творческий процесс; его нельзя свести к приспособлению поэмы к цензурным условиям. Устраняя некоторые строки, недопустимые с точки зрения цензуры, Лермонтов вместе с тем изменял сюжет, отдельные части текста, обогатил характеристики и описания, отшлифовал произведение в целом. При переделке поэмы возникли новые монологи Демона, ставшие выдающимися достижениями русской поэзии. Поэтому возвратиться к VI редакции «Демона», отвергнув позднейшие, как это предлагали некоторые исследователи, невозможно.

Вместе с тем VI редакция представляет значительный интерес для понимания идейного замысла поэмы. Она печатается полностью в приложении к основному тексту. Там же печатаются отрывки из первой кавказской редакции «Демона», известные по ереванскому списку Х. И. Кучук-Ованесяна и по списку Олимпиады Лермонтовой (ксероко-

пии в ИРЛИ и ГПБ). В этих списках тексту поэмы предпослано посвящение «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...», напечатанное впервые как отдельное стихотворение (в сборнике «Молодик», 1844г.) и помещенное в академическом собрании сочинений Лермонтова (т.2. М.—Л., 1954, с.233) под №1 рядом с начинающимся одинаковым четверостишием стихотворением «Тебе, Кавказ, суровый царь земли», обозначенным №2 (там же, с.234). Теперь выяснено, что стихотворение №2 было написано вне связи с «Демоном». Автограф этого стихотворения, находящийся в частном собрании, расположен на двойном листе с рисунком и подписью под ним рукою Лермонтова «21 мая после прогулки на мельницу Волобуева». Недавно найден еще один похожий рисунок Лермонтова, также сделанный под Ставрополем с подписью поэта «1837г. 13 мая. Волобуева мельница» (См. Наука и жизнь, 1972, №1, с.18—20). Следовательно, стихотворение «Тебе, Кавказ, суровый царь земли», обозначенное в академическом издании №2, создано в мае 1837г., когда кавказской редакции «Демона» еще не существовало. Эта дата

позволяет уточнить вопрос о соотношении двух текстов и внести коррективы в существующие комментарии (см. с.538, 621 т.1 наст. изд.). Текстурально, тематически и по поэтическим особенностям стихотворение «Тебе, Кавказ, суровый царь земли» связано с посвящением к «Аулу Бастунджи» и в редакции 1837г. мыслилось, по-видимому, как самостоятельное стихотворение, посвященное предстоящей встрече поэта с горами Кавказа. Редакция 1837г. — черновая, не подвергшаяся окончательной отделке. В 1838г. она полностью перерабатывается, и на ее основе возникает последняя редакция «Тебе, Кавказ, суровый царь земли» (№1); она создана уже на севере (ср. строки: «На севере — в стране тебе чужой Я всюду твой — всегда и всюду твой») и предпослана «Демону» в виде посвящения. В настоящем издании именно эта редакция печатается в т.1 (с.510) как окончательная; предшествующую редакцию 1837г. см. в настоящем томе на с.486—487.

Поэма Лермонтова основана на библейском мифе о падшем ангеле, восставшем против бога. К этому образу, олицетворяющему

«дух отрицания», обращались многие европейские поэты (Сатана в «Потерянном рае» Мильтона, Люцифер в байроновском «Каине», Мефистофель в «Фаусте» Гете, Падший дух в поэме «Элоа» Виньи и др.), а также Пушкин в стихотворениях «Демон» и «Ангел». Однако Лермонтов в разработке сюжета и трактовке главного образа вполне оригинален, он не идет прямо за кем-либо из своих предшественников. Своеобразие лермонтовского «Демона» в том, что он необычайно возвышен и внутренне трагичен. В конечном счете, сквозь символично-философскую форму в поэме проступают черты лермонтовского современника с его идейными и нравственными исканиями.

Если в «Фаусте» Гете жизненная диалектика раскрывалась в соотношении образов Фауста и Мефистофеля, то Лермонтов как бы совместил эти образы, сосредоточив тем самым внимание на внутренних противоречиях и судьбе личности.

В. Г. Белинский обращался к образу Демона, чтобы определить общий характер поэзии Лермонтова: «Демон не пугал Лермонтова; он

был его певцом» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т.7. М., 1955, с.37). Тема Демона связывалась Белинским с пафосом борьбы и отрицания, которыми насыщена лермонтовская мысль: «исполинский взмах, демонский полет — с небом гордая вражда» — такими словами определял критик основную особенность поэзии Лермонтова (там же, т.12. М., 1956, с.84). Он был солидарен со своим корреспондентом В. П. Боткиным, который видел в «Демоне» «отрицание духа и мирозерцания, выработанного средними веками, или, еще другими словами — пребывающего общественного устройства» (письмо В. П. Боткина к В. Г. Белинскому от 31 марта 1842 — в кн.: Белинский. Письма. Ред. и примеч. Е. А. Ляцкого, т.II. СПб., 1914, с.419).

Позднее, в письме к В. П. Боткину от 17 марта 1842г., Белинский, называя поэму «детским, незрелым» и в то же время «колоссальным созданием», писал взволнованно: «„Демон“ сделался фактом моей жизни, я твержу его другим, твержу себе, в нем для меня — миры истин, чувств, красот» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т.12. М., 1956, с.85 и 86).

[^^^]

Столпообразные раины — пирамидальные то-
ПОЛИ.

[^^^]

Покрывало. (Прим. Лермонтова.)

[^^^]

Вроде волынки. (Прим. Лермонтова.)

[^^^]

Верхняя одежда с откидными рукавами.
(Прим. Лермонтова.)

[^^^]

Стремена у грузин вроде башмаков из звонкого металла. (Прим. Лермонтова.)

[^^^]

Шапка, вроді ериванки. (Прим. Лермонтова.)

[^^^]

Зовут к молитве муэцины. — Муэцины (муэдзины, муэззины) — служители религиозного культа у мусульман, призывающие с минарета к молитве.

[^^^]

То горный дух Прикованный в пещере стонет.
— Здесь Лермонтов отразил народные грузинские и осетинские легенды о горном духе Амирани, подобно Прометею принесшем огонь с неба.

[^^^]

Чингар — род гитары. (Прим. Лермонтова.)

[^^^]

По месту копирования стоит «Года во», в основном тексте в источнике сверки — «Когда во». Последнее, очевидно, опечатка, которую Составитель исправляет, исходя из подробных текстологических примечаний в конце книги, послужившей источником сверки

[^^^]

Возможно, имеется в виду великий князь Михаил Павлович, шеф юнкерской школы в тот период.

[^^^]

Шлиппенбах Константин Антонович (1796-1859), генерал-майор, начальник школы юнкеров.

[^^^]

Воспитатель в школе юнкеров.

[^^^]

Клерон Иван Степанович, ротмистр лейб-гвардии Уланского полка, прикомандированный к школе юнкеров; француз по происхождению; к юнкерам относился товарищески.

[^^^]

Воспитатель в школе юнкеров.

[^^^]